

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

11

Санкт-Петербург
«Росток»
2023

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5
Т30

Издание осуществлено попечением Дениса Норенко

Редакционный совет альманаха «Текст и традиция»

Евгений Водолазкин (*Санкт-Петербург*) — главный редактор

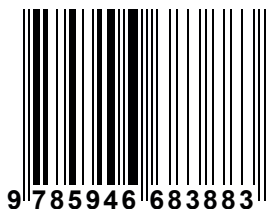
Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*) • Павел Басинский (*Москва*) •
Алексей Варламов (*Москва*) • Игорь Волгин (*Москва*) •
Андрей Дмитриев (*Санкт-Петербург*) • Оливер Реди (*Оксфорд*) •
Татьяна Руди (*Санкт-Петербург*) • Владимир Толстой (*Ясная Поляна* —
Москва) • Роберт Ходель (*Гамбург*) • Елена Шубина (*Москва*) •
Леонид Юзефович (*Санкт-Петербург*)

Т30 Текст и традиция: альманах, 11 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)
Рос. Акад. наук, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». —
Санкт-Петербург: Росток, 2023. — 360 с.
ISBN 978-594668-388-3
DOI 10.31860/978-5-94668-388-3

Альманах «Текст и традиция» издается Пушкинским Домом и Ясной Поляной, двумя известнейшими «литературными домами» России. Одной из важных его задач является рассмотрение современной русской литературы в контексте литературной традиции — классической и древней. В определенном смысле альманах соединяет в себе черты научного и литературного («толстого») журналов: в соответствующих разделах публикуются исследования академического типа и литературные эссе. Особое место в издании занимают диалоги участников литературного процесса на историко-культурные темы, а также публикация архивных материалов.

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5

ISBN 978-5-94668-388-3

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023
- © Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2023
- © Е. Г. Водолазкин, концепция, составление и редактирование, 2023
- © Коллектив авторов, 2023
- © ООО «Издательство “Росток”», 2023

Содержание

ACADEMIA

<i>Владимир Иванов (Берлин)</i> Антропологические интуиции Василия Татищева	7
<i>Ольга Фетисенко (Санкт-Петербург)</i> «Светлым русским взглядом оглянуться вокруг»: Кохановская (Н. С. Соханская) и ее «галерея портретов» (К 200-летию со дня рождения)	43
<i>Игорь Волгин (Москва)</i> Достоевский как интурист Открытие Европы, или жаркое лето 1862 года	60
<i>Сергей Кибальник (Санкт-Петербург)</i> Тайна князя Мышкина: О романе Достоевского «Идиот»	98
<i>Елена Гушанская (Санкт-Петербург)</i> «Пять вечеров» Александра Володина: Опыт аналитического чтения	107
<i>Андрей Ранчин (Москва)</i> Сфинкс, Эринии, царь Митридат: Античность в поэме Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»	145
<i>Анатолий Кулагин (Коломна)</i> «Есть у нас еще один роман...»: Пушкинская биография в поэтическом прочтении Александра Кушнера	158

VOX SCRIPTORIS

<i>Павел Нерлер (Москва)</i> «Меморандумы» Осипа Мандельштама: Поэт в тоге государственного мужа?	175
---	-----

<i>Владимир Березин (Москва)</i> Экспорт романтики	203
---	-----

ИСТОРИЯ КНИГИ. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>Мариам Петросян (Ереван)</i> «Дом, в котором...»	213
--	-----

<i>Шамиль Идиатуллин (Москва)</i> История до февраля	225
---	-----

<i>Михаил Визель (Москва)</i> И снова Мюнхаузен Заметки переводчика	231
---	-----

АРХИВ

«Самый счастливый день в моей жизни»: Путешествие русской паломницы на Святую Землю в 1860 году <i>Вступительная статья, публикация и комментарии</i> <i>Ивана Полякова (Санкт-Петербург)</i>	243
--	-----

«Высший подвиг в терпении, любви и мольбе»: Евгения Шеншина в ее письмах к Аксаковым <i>Вступительная статья, публикация и комментарии</i> <i>Андрея Дмитриева (Санкт-Петербург)</i>	267
---	-----

«Искренне Вас любящие Лихачевы»: Письма Лихачевых Томашевским 1942—1972 гг. <i>Вступительная заметка, публикация и комментарии</i> <i>Елены Бронниковой (Москва)</i>	316
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	353
----------------------------------	-----

ACADEMIA

Антропологические интуиции Василия Татищева

1. Подготовка «нового сознания» в историографии XVIII века

Вплоть до времени горячих споров между западниками и славянофилами в московских салонах 30-х годов XIX века проблема метафизического подхода к «русской идее»¹ лишь имплицитно присутствовала в общественном сознании, не говоря уже о том, что и сама отечественная история — за редкими исключениями — оставалась за горизонтом, начертанным тогдашними умственными интересами. Ранние попытки разобраться в ее особенностях были уделом исследователей, зачастую лишь на свой страх и риск обратившихся к изучению и систематизации летописных источников, чтобы не потеряться в нагромождении имен и событий полузабытых эпох, но не обременявших себя вопросом об их метафизической интерпретации. В отличие от своих иностранных коллег, трудившихся на русской службе и также озабоченных внесением методического порядка в историографический хаос, они в собственном экзистенциальном опыте нередко мучительно переживали грань, отделявшую их от православного Средневековья.

«Связь времен» тогда еще окончательно не распалась, но сознание, пронизанное в результате Петровских реформ идеями секулярно окрашенного рационализма, с трудом могло достичь понимания внутренней жизни носителей

¹ Н. Бердяев различал эмпирический подход к русской истории и метафизический, благодаря которому постигается «умопостижимый образ русского народа, его идея» (*Бердяев Н. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 13*).

средневековой культуры, еще способных — в той или иной степени — восходить от образа к Первообразу и признавать духовных существ «небесной иерархии» как действенных строителей земной жизни,² что особенно затрудняло изучение церковного прошлого, пронизанного чувством реального общения с божественным миром. «В исторических трудах Татищева, Щербатова и Болтина, помимо готового фактического материала, было высказано немало и общих взглядов на церковно-исторические события. Правда, рационалистический дух времени так резко сказался на этих воззрениях, что в большинстве случаев они могли сыграть разве роль антитезы для будущих исследователей истории отечественной церкви».³

Первый из них, типичный «птенец гнезда Петрова», В. Н. Татищев (1686—1750), занимался исторической наукой, деятельно разделяя при этом все перипетии переломной эпохи. Князь М. М. Щербатов (1733—1790) принадлежал уже к другому, более спокойному времени и работал над «Историей Российской от древнейших времен» в атмосфере екатерининского века, сочетавшего увлечение рационалистическими идеями западноевропейского Просвещения с освоением масонской традиции, избегая по возможности открытых конфликтов с православной Церковью. У современников Щербатов имел репутацию «приверженца энциклопедистов» и принадлежал к масонской ложе Урании. Она — в отличие от розенкрейцеровских — «давала у себя приют многим поклонникам рационалистической философии».⁴ Весь ритуал подобных лож «приспособлен был к понятиям рационалистической религии, основанной на морали».⁵

Еще более, чем Татищев, князь Михаил Щербатов был далек от понимания основ, на которых зиждилась средневековая духовная жизнь, и обдумывал утопические идеи о построении нового общества и рели-

² В Священном Писании говорится об Ангелах как о вождях, приставленных к народам Господом: «Каждому народу поставил Он вождя, а Израиль есть удел Господа» (Сир. 17: 14—15). Св. Дионисий Ареопагит в своей книге «О небесной Иерархии» писал о «священноначальствующих над каждым народом ангелах», а преп. Максим Исповедник в толковании этого текста отметил: «И поскольку и у других народов единое начало — Божье, значит, и они священноначальствуемы через собственных ангелов» (*Дионисий Ареопагит. Сочинения; Максим Исповедник. Толкования.* СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Абышко, 2002. С. 141).

³ *Карташев А. В.* Очерки по истории русской Церкви. М.: Терра, 1993. Т. 1. С. 12.

⁴ *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 1999. С. 151.

⁵ Там же. С. 152.

гии, нашедшие свое законченное выражение в его книге «Путешествие в землю Офирскую» (1784). В этом проекте «религия, полиция, суд и санитария совершенно переплетаются между собою: всё основано на доводах рассудка, чувству и откровению нет доступа к духовным делам Офирской земли». ⁶ Щербатов отвергал необходимость церковных таинств в «земле Офирской», тем самым разрывая наиболее действенную связь человеческого сознания с духовным миром. Взамен церковной традиции он проектировал создание чисто рационалистической религии. К православному духовенству Щербатов относился с аристократическим высокомерием и считал его существование фактором, тормозящим просвещение в Российском государстве. С позиций просветительского рационализма рассматривал Михаил Щербатов и средневековую историю. Он написал, на основании изучения летописных источников, «Историю Российскую от древнейших времен», доведя ее до 1610 года и не принимая во внимание чисто духовных аспектов рассматриваемых событий.

Большое влияние на него оказал Герхард Фридрих Миллер (1705—1783), в 1747 году назначенный «историографом Российского государства» и, по свидетельству самого Щербатова, давший ему совет также заняться изучением древнерусской истории. Дело не ограничилось только добрыми советами, и обоим историкам пришлось вместе потрудиться над изданием материалов, обнаруженных ими в архивах. Не обошлось без влияния на Щербатова и разработанной немецким историком норманской теории. Несомненно влияние на него и другого ученого, Августа Людвига Шлёцера (1735—1809), долгое время трудившегося на русской службе.

Со временем, однако, мировоззрение Щербатова претерпело некоторую эволюцию. Оставаясь деистом в теории, — как отметил П. Н. Миллюков, — на практике он всё больше и больше стал подчеркивать «свою приверженность к традиционной вере *в противоположность* безверию и вольтерьянству Екатерины». ⁷ В такой мировоззренческой эволюции можно было бы усмотреть влияние мистически ориентированного масонства. Перемены коснулись не только князя Михаила Щербатова. Менялся дух времени, что влекло за собой и определенные модификации антропологических моделей. «К 1780-м годам сентиментализм постепенно овладевает душой русского масона, занимая место рационализма», ⁸ классическим примером чему служит жизнь и творчество Н. М. Карамзина.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс — Культура, 1995. Т. 3. С. 427.

⁸ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 161.

Современник князя Михаила Щербатова, подобно ему увлеченно потрудившийся над реконструкцией хода древнерусской истории, генерал-майор И. Н. Болтин (1735–1792) также являл собой тип «нового человека», государственная и научная деятельность которого точно укладывается в рамки екатерининской эпохи, затронутой влиянием масонства и вольнодумными идеями французских просветителей. В отличие от Щербатова, с которым Болтин полемизировал, он был склонен считаться с национальными особенностями русской истории и полагал, что «старинное народное умоначертание», складывавшееся веками, являлось «непосредственным продуктом психофизиологических явлений, обусловленных почвой и климатом». ⁹ Еще ранее него Михаил Ломоносов вступал в полемику со Шлёцером, подчеркивавшим негативные явления в русской истории. ¹⁰ Болтин считал, опираясь на авторитет Екатерины Второй, что измена сложившимся нравам, «введение иностранных обычаев» оказывается «не только чем-то дурным и безнравственным, а прямо физически вредным». ¹¹ Такие взгляды не мешали Болтину принимать участие в деятельности масонских лож, достигнуть там высоких ступеней посвящения, одновременно читать сочинения Вольтера и Руссо, быть хорошо знакомым с трудами западноевропейских историков. В нем можно усмотреть одного из отдаленных предшественников славянофильства и создателей концепции органического развития России. Теория Болтина, как отметил П. Н. Милюков, «объясняла национальное в истории, не давая прямых поводов для националистического отношения к этому национальному». ¹²

Этот ряд исследователей, трудившихся над восстановлением «связи времен» в свете нового, неведомого Средневековью, индивидуализированного сознания, замыкает Н. М. Карамзин (1766–1826). Если историографические труды Татищева и Щербатова поначалу не привлекли к себе особого внимания современников, то, напротив, карамзинская «История государства Российского» вызвала настоящую сенсацию. Появление в 1818 году первых ее восьми томов «наделало много шума и произвело сильное впечатление». ¹³ Весь трехтысячный тираж — по

⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 429.

¹⁰ Императрица Елизавета побудила Ломоносова заняться древнерусской историей для опровержения норманской теории Миллера и Шлёцера. Написанная им книга «Древняя Российская история» была опубликована в Санкт-Петербурге в 1766 году, через год после кончины Ломоносова.

¹¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 429.

¹² Там же. С. 430.

¹³ Пушкин А. С. Карамзин // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 7. С. 238.

тем временам неслыханный — разошелся за месяц. «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, *дотоле им неизвестную* (курсив мой. — В. И.). Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». ¹⁴ Однако возникшие в обществе смутительно противоречивые «толки» о творении Карамзина «были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. «Ничего не могу вообразить, — писал Пушкин, — глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова “Истории” Карамзина». ¹⁵ Судя по сохранившемуся отрывку из «Записок» Пушкина, ¹⁶ первоначально возбужденный интерес стал ослабевать или даже сменяться критическим отношением из-за отсутствия у большинства тогдашних читателей интеллектуальной подготовки, необходимой для восприятия и адекватной интерпретации хода русской истории. «У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина», ¹⁷ — признавал Пушкин, отмечая, помимо прочего, неспособность большинства своих современников с благодарностью оценить научные достоинства карамзинской «Истории». Некоторые читатели находили, что ее изложение недостаточно литературно, и требовали «романа в истории». ¹⁸ Для Пушкина же Карамзин был не только историком, обладавшим «обширной ученостью», но и великим писателем. ¹⁹

Не всем была понятна и многослойная духовная жизнь Карамзина, скрытая от поверхностных современников, чему в немалой степени способствовала причастность историка к масонству. Он был знаком с видным масоном екатерининского времени Н. И. Новиковым и «близко прошел в своем развитии около розенкрейцеровского мистицизма». ²⁰ Карамзин причислял своего наставника к мартинистам, «которые *были (или суть)* не что иное, как *христианские мистики*: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.;

¹⁴ Там же. С. 239.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Этот фрагмент воспоминаний о Карамзине Пушкин «напечатал в 1827 г. среди анонимных “Отрывков из писем, мыслей и замечаний”, с пометой: “Извлечено из неизданных записок”» (Цявловская Т. Г. Примечания // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 360).

¹⁷ Пушкин А. С. Карамзин. С. 238.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 161.

но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих». ²¹ Наряду с глубокими познаниями в области герметизма, Николай Карамзин мог почерпнуть у Новикова, издававшего в течении ряда лет «Древнюю российскую вивлиофику», немало ценных материалов для своих собственных историографических изысканий.

2. Полузабытые имена

В трудах первых отечественных исследователей, предпринявших попытку на основе изучения источников реконструировать ход древнерусской истории, можно обнаружить зачатки нового типа сознания, для которого становилось всё более и более чуждым средневековое мышление, еще способное воспринимать — в той или иной степени — духовные основы культуры и жизни. Татищев, Щербатов, Ломоносов, Болтин, как отметил о. Василий Зеньковский, «строили “новое сознание” секуляризованного человека XVIII века». ²² Уже В. Н. Татищев «представил первую в России принципиальную защиту “светского жития”». ²³ Проблема заключалась в том, что одновременно «он совсем не отвергал и “жития духовного”, по крайней мере открыто». ²⁴ Внимательно изучая летописи, Татищев не мог не ощутить радикальные перемены в психической структуре людей Петровской эпохи, отличавшейся секуляризованной экстравертированностью от душевного уклада, господствовавшего в средневековый период. Однако Татищев не был еще ему настолько чужд, чтобы не задаваться вопросом о возможности антропологической модели, включающей признание независимого от телесности чисто духовно-душевного начала, без учета которого история человечества превращается в бессмысленный набор чисто внешних событий. Вся историографическая мысль XVIII века в России прошла далее в лабиринтных поисках антропологии, разъясняющей особенности древнерусской культуры.

Путь, проделанный русской мыслью от Татищева до Карамзина, может быть воспринят теперь и в экзистенциальном измерении, если пережить исторический процесс как часть индивидуальной человеческой судьбы. Ее «настоящее осмысливание и заключается в том, — отметил

²¹ Карамзин Н. М. Записка о Н. И. Новикове // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 232.

²² Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. С. 84.

²³ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 213.

²⁴ Там же.

Николай Бердяев, — чтобы понять всё происшедшее с миром как происшедшее со мной». ²⁵ Особое значение тогда приобретает знакомство с исходной точкой пробудившейся в Петровскую эпоху исторической мысли и ее антропологическими предпосылками, содействующее сознательно-му восстановлению утраченной «культурно-исторической преемственности» ²⁶ с полузабытыми пращурами отечественной интеллигенции.

3. «Птенец гнезда Петрова»

В. Н. Татищев был «новым человеком», типичным деятелем Петровской эпохи. Он во всей полноте изведал радость заслуженных успехов и горечь несправедливых гонений. К мысли заняться изучением русской истории привела его служебная необходимость составления географии России. Проницательный ум Татищева быстро уловил органическую связь между предстоящим ему «землемерием всего государства» и историей России, но долго заниматься географией ему не пришлось, поскольку в 1720 году он был направлен «в Сибирь для устройства заводов горных». ²⁷ Это назначение было не последним в жизни Татищева, однако, несмотря на все сложные и небезопасные для его жизни служебные перемещения, он до самой кончины в 1750 году не оставлял работу над «Историей Российской», доведя свои исследования до эпохи Ивана Грозного.

Заботу о публикации незаконченной книги Татищева, вышедшей в свет по частям с 1768 по 1784 год под заглавием «История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым», взял на себя Герхард Фридрих Миллер. Полное издание работы Татищева, включая подготовительные материалы по истории XVII века, состоялось только в 1962—1968 годах. Монументальное исследование было долгое время известно сравнительно небольшому кругу специалистов, но и по сей день не утратило своего значения в качестве свидетельства о начальной фазе пробуждения исторического сознания в русском обществе. ²⁸

²⁵ Бердяев Н. А. Самопознание // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. С. 252.

²⁶ Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 140.

²⁷ Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 89.

²⁸ В 2022 году издательство «Академический проект» выпустило в свет «Историю Российскую» в семи томах. В проспекте отмечено, что «в издании сохранены принципы академического издания 1962—1968 гг.».

Сам Татищев стремился своим трудом содействовать преодолению распространенного на Руси мнения о «бесполезности истории», о котором ему «не без прискорбности разсуждения слыхать случалось»,²⁹ например, когда в 1734 году Св. Синод высказался неодобрительно о намерении Российской Академии позаботиться об издании хронографов. В синодальном определении «рассуждаемо было, что в академии затевают истории печатать, в чем бумагу и кошт терять будут напрасно, понеже в оных писаны лжи явственные...».³⁰ Синодом, помимо прочего, было высказано опасение, что издание хронографов не найдет себе читателей, и «того ради небезопасно, дабы не принеслось казенному капиталу убытка»,³¹ затраченного на дорогостоящую и никем не востребованную книгу.

В духе Петровских реформ Татищев подчеркивал практическую пользу изучения истории для всех сфер человеческой деятельности. Без знания истории, писал он, человек «совершен, мудр и полезен быть не может».³² Изучение истории имеет и нравственный смысл: она «учит о добре прилежать, а зла остерегаться».³³ Татищев чуждался примитивного морализаторства и, скорее, полагался на благотворное воздействие установленных наукой фактов, предоставляя читателю «Истории Российской» самому извлекать из них моральное назидание. Его подход можно обозначить как первую попытку научного рассмотрения древнерусской истории — со стремлением избегать при этом нравоучительных выводов. Само изучение отечественной истории не сужает исследовательский горизонт ее границами, ибо «без знания иностранных своя не будет ясна и достаточна».³⁴ В то же время, по мнению Татищева, изучение истории не должно чуждаться художественного элемента: «Равномерно все читаемые нами гистории так дела древние иногда так чувствительно нам воображаются, как бы мы собственно то видели и осмущали» (здесь и далее сохранена авторская орфография. — *В. И.*).³⁵ При известных условиях развитие способности «чувствительного вооб-

²⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 79.

³⁰ Цит. по: *Карташев А. В.* Очерки по истории русской Церкви. Т. 1. С. 12. В свою очередь, Карташев привел фрагмент текста определения Синода из книги П. П. Пекарского «История Императорской академии наук в Петербурге» (СПб., 1870. Т. 1, предисловие).

³¹ *Карташев А. В.* Очерки по истории русской Церкви. Т. 1. С. 13.

³² *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 80.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ Там же. С. 80.

ражения» может привести историка к восприятию имажинативного аспекта изучаемых им событий, а равно и к попыткам уловить их метафизический смысл.

Первые шаги, предпринятые Татищевым для выработки научно обоснованного исторического сознания, были во многом инспирированы Петром Первым, в атмосфере эпохи которого, насыщенной продуктивными и нередко рискованными интуициями, сформировался характер и проходила многообразная деятельность историографа, чему благоприятствовали его собственные душевные и умственные задатки. Татищев с благодарностью признавал, что причиной «к начатию» своего труда по восстановлению древнерусской истории он обязан великому императору, придававшему большое значение изучению прошлого. «Сей государь, — писал Татищев, — был премудрый, а при том великое желание к знанию древностей имел, для которого неколико древних иностранных историй перевесть повелел и часто с охотою читал»;³⁶ в то же время «отечества древности гораздо приятнее ему быть могли, нежели египетские, греческие и римские».³⁷

Своим трудом Татищев надеялся восполнить недостаточность в связанной картине древнерусской истории, построенной на внимательном изучении архивных и летописных источников. В этом отношении были неопределимы по своему значению советы, которые давал ему выдающийся сподвижник Петра Великого граф Яков Брюс (James Daniel Bruce, 1669–1735), инициатор научной работы по изучению российской истории. Он предоставил в пользование Татищева Несторову летопись, взяв ее из Императорской библиотеки. Будучи послан в начале 1720 года в Сибирь, Татищев обнаружил там еще одну рукопись Несторовой летописи и был поражен многими разночтениями, побудившими его «искать других таких манускриптов и сводить вместо».³⁸ Работа по неустанному поиску летописных источников и сравнению их между собой настолько увлекла исследователя, что он «оставя географию совсем, стал наиболее о собрании сея Истории прилежать».³⁹

4. Фауст Петровской эпохи

Выработке научного мышления у Татищева способствовал граф Яков Брюс. Историк характеризовал своего наставника и покровителя, оте-

³⁶ Там же. С. 87.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 89.

³⁹ Там же.

чески заботившегося о талантливом ученике, как человека «высокого ума, острого рассуждения и твердой памяти»,⁴⁰ обладавшего высоко моральным строем души, довольно редко встречавшимся среди деятелей того бурного и жестокого времени. Брюс, «будучи же у государя в великой милости, никого ни малейшим чим преобидел, но всякому искал любовь и благодеяние изъявить и о страждущих великой был представитель и помосчник».⁴¹ Свидетельство Татищева тем более ценно, что дано было много лет спустя после кончины фельдмаршала и не является хвалебной данью подчиненного своему начальнику при его жизни.

Из этой характеристики явствует, что граф Брюс оказал на Татищева большое влияние не только своими энциклопедическими познаниями и научными инициативами, в частности, заботой о создании «обстоятельной русской географии»,⁴² но и, в неменьшей степени, своими душевными качествами, в которых можно усмотреть следы работы над своим внутренним миром согласно масонским предписаниям. Проблема, связанная с проникновением масонства в Россию при Петре Первом, во многом опирается на полумифические предания, не подтверждаемые однозначно достоверными источниками, которые, однако, с большой правдоподобностью отмечают причастность Брюса к масонству. В известном смысле мифы нередко более симптоматически точно отражают сокровенные процессы в «коллективном подсознательном» людей Петровской эпохи, чем архивные документы, для этого и не предназначенные. Следует признать, что, наряду с историей Петра Первого, изученной по дням и часам, есть мифология Медного Всадника, в состав которой неотъемлемой частью входит и предание о масонстве императора.

Сам Петр Первый, согласно одной из легенд, принял посвящение от мастера лондонской ложи, оксфордского профессора математики и гениального архитектора Кристофера Рена (Christopher Wren), в 1698 году,⁴³ а по другой версии — от самого Якова Брюса. Однако, судя по осторожным намекам, масонская ложа существовала в Москве еще до Великого Посольства (1697–1698) и входили в нее в основном иностранцы, находившиеся на службе у Петра Первого. В их число, наряду с Лефортом и Гордоном, входил и Яков Брюс. «Граф Брюс, — согласно одному из источников, — был один из высокопосвященных (hoher Ein-

⁴⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 88.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Мирюлюбова Г. А., Уханова И. Н. «Тогда масоны были все» // Премудрость Астреи: Памятники масонства XVIII — первой трети XIX века в собрании Эрмитажа: Каталог выставки / Ред. Л. Е. Немчинова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 11.

geweihter) масонов, и глубоко и плодотворно проник в тайны масонского ордена». ⁴⁴ Но и помимо этого, не лишённого загадочности, предания очевидно большое влияние, которое оказывал Брюс на Петра Первого — не только своими герметическими познаниями, но и энциклопедической эрудицией в области точных наук. Брюс, писал Татищев, «будучи с молодых лет при его императорском величестве Петре Великом, многие нужные к знанию и пользе государя и государства книги с аглинского и немецкого на российский язык перевел и собственно для употребления его величества геометрию с ызрядными украшениями сочинил». ⁴⁵ Подобно Кристоферу Рену, Яков Брюс импонировал царю своими познаниями в области математики, теоретической механики и техники. Он также был собирателем коллекций «древних медалей, манет, руд и других природных и хитросочиненных диковинок мафематических, а наипаче острономических инструментов и в немалом числе книг библиотеку». ⁴⁶

Брюсовское собрание инструментов и астрономических приборов позволяет провести определенные параллели между ними и масонской символикой, что оставляет простор для догадок о пересечении у Петра Первого и Якова Брюса герметических и научных интересов; ⁴⁷ это само по себе в ту переломную эпоху не было чем-то исключительным и входило в круг тем, занимавших многих ученых XVII—XVIII веков. К числу приверженцев герметической мудрости принадлежал гениальный архитектор Кристофер Рен, строитель собора святого Павла в Лондоне, а также Исаак Ньютон, ⁴⁸ встретиться с которым царь желал во время своего посещения Англии в 1697 году. «Прямых свидетельств, подтверждающих встречу двух великих людей современности — ученого и государ-

⁴⁴ К истории масонства в России (<Записка о масонстве Карла Л-ра>) / Пер. с немецкой неизданной рукописи Н. С. Иваниной, рожденной Шпилевской // Русская старина. 1882. Т. 35, сент. С. 534 (цит. по: *Вернадский Н. В.* История масонства в царствование Екатерины II. С. 31).

⁴⁵ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 88.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ряд исследователей считает, что многие инструменты и приборы в коллекциях Петра Первого и Якова Брюса «можно рассматривать как масонские аллегории, но прежде всего они отражают бурное развитие кораблестроения и мореплавания, астрономии и математики, столь характерное для эпохи Петра» (*Матвеев В. Ю.* Было ли то, чего не было? // Премудрость Астреи: Памятники масонства XVIII — первой трети XIX века в собрании Эрмитажа. С. 49).

⁴⁸ Исаак Ньютон собрал большую библиотеку алхимических и натурфилософских книг, в состав которой входили и сочинения Парацельса.

ственного деятеля, источники не сохранили, но историки считают такую встречу вполне вероятной».⁴⁹

Кроме Ньютона интерес к розенкрейцерству проявлял и ряд других выдающихся философов и ученых XVII века: Декарт, Лейбниц, Френсис Бекон и Ян Коменский.⁵⁰ Известно о попытках родоначальника ново-европейской философии Рене Декарта вступить в общение с братством розенкрейцеров.⁵¹ Но в большинстве случаев эти попытки не приводили к существенным результатам и находили свое продолжение лишь в замкнутых масонских кругах, к которым, по всей видимости, не принадлежал ни граф Яков Брюс, ни, тем более, Василий Татищев. Сам Петр Первый терпимо относился к алхимии, ожидая, «что, изыскивая чрезвычайное, внезапно изобретают многие побочные полезные вещи».⁵² «Я нимало не хулю алхимиста, — говорил он, — ищущего <способ> превращать металлы в золото <...>. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, как то многие противное сему чинят, называя такие упражнения бреднями».⁵³

Сохранился при императорском дворе, наряду с алхимией, также практический интерес к астрологии и составляемым на ее основе гороскопам царственных персон. Еще при дворе Алексея Михайловича «иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Дмитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались <...> астрологическими наблюдениями и предсказаниями».⁵⁴ Симеон Полоцкий «по явившейся близ Марса пресветлой звезде ясно видел и как бы в книге читал» еще до рождения Петра о том, «что в славе с ним никто из современников срав-

⁴⁹ Павленко Н. И. Петр I. М.: «Аванта+», 2010. С. 56. Встреча Петра Первого с Ньютоном вполне возможна еще и потому, что знаменитый ученый был в эти годы управляющим Монетным двором, который часто посещал тогда русский царь для знакомства с техникой чеканки монет, рассчитывая «использовать изобретение англичан у себя дома» (Там же).

⁵⁰ См.: Edighoffer Roland. Die Rosenkreuzer. München: C. H. Beck Verlag, 1995. S. 112.

⁵¹ Кротов А. А. Декарт и розенрейцеры // Сократ: Журнал современной философии. 2011. № 3. С. 66–69.

⁵² Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом / [Обраб. и доп. А. А. Нартов; Ред., вступ. ст. и примеч. Л. Н. Майкова]. СПб., 1891 (§ 144); цит. по изд.: Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2003. С. 43.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Пушкин А. С. История Петра I // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1977. Т. 8. С. 16.

ниться не может». ⁵⁵ Должность придворного астролога, которую занимал крупный ученый, академик Георг Вольфганг Крафт (1701—1754), сохранялась еще при Анне Иоанновне. ⁵⁶ В просвещенную екатерининскую эпоху выдающийся математик и астроном, член Петербургской академии наук Лексель (1740—1784) «исследовал, было ли во время рождения Петра или за 9 месяцев до него какое-нибудь небесное необыкновенное явление», и нашел, что «планет течение было весьма благополучным предзнаменованием». ⁵⁷

4. Просвещение ума

Неясно, в какой степени Брюс познакомил Татищева со своими масонскими познаниями, но в любом случае остается вне сомнения, что он существенно повлиял на основы его мировоззрения, связанного с убеждением в необходимости *умопросвещения*. Следуя своему наставнику, Татищев различал природный *ум* как естественную силу души — и *разум*, пробуждающийся в человеке как результат просвещения ума. ⁵⁸ Он допускал также существование «мысленных очей», ⁵⁹ о которых немало свидетельств в византийской аскетической письменности, богословии и литургических текстах, но сам процесс их открытия и последующего просветления носил для него природный и естественный характер, отличающийся от «божественного и чрезъестественного просвещения ума, которые в письме святом нам объявлены», ⁶⁰ и быть в этом смысле просвещаемым значит — «исполняться божественного света, будучи возводимыми к способности видеть и силе во всенепорочных очах ума». ⁶¹ Под просвещением (*photismos*) византийцы разумели вторую ступень в процессе духовного развития. Ему предшествовало очищение (*katar-*

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 92.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии // *Дионисий Ареопагит.* Сочинения. С. 75. Три ступени восхождения души к Богу, от катарсиса до боговидения, подробно охарактеризованы в творении свят. Григория Нисского «Жизнь Моисея». См. также: *Мейендорф Иоанн, прот.* Введение в святоотеческое богословие: Конспекты лекций / Пер. с англ. Л. Волохонской. Нью-Йорк: R. V. R., 1982. С. 194—195.

sis). На завершающей, третьей, ступени достигалось боготворное совершенство (teleiosis).⁶²

Татищев полагал, что имеется три надежных способа, приводящих к «всемирному умопросвещению». Два из них носят чисто светский характер. Первый связан с «обретением букв, чрез которые возымели способ вечно написанное в память сохранить и далеко отлучным наше мнение изъяснить».⁶³ Письменность, по мнению Татищева, является «величайшим» средством, ведущим к просвещению ума. Второй способ связан с пришествием Христа Спасителя на землю, «которым совершенно открылось познание Творца».⁶⁴ И, наконец, третий способ связан с изобретением книгопечатания («обретением тиснения книг»)⁶⁵ и, что представлялось Татищеву наиболее важным, с возможностью «вольного их употребления», благодаря чему «науки вольные возрасли».⁶⁶ Такая установка была непредставима до Петровских реформ и отражает новый подход к проблеме просвещения, всемерно способствующий созданию секулярной культуры. Величайшими средствами «умопросвещения» для Татищева являлись письменность и хранящее ее достижения книгопечатание, которое ранее в Московской Руси встречалось с большим подозрением, тогда как упоминание о пришествии Христа можно считать благочестивой данью православной Церкви, с которой не желал порывать и сам Петр Первый, в то же время стремившийся преобразовать ее канонический строй по протестантскому образцу.

Сам Татищев стоял в стороне от этих реформ, усердно служа на административно-хозяйственном поприще, и не оставлял до своей кончины работу над «Историей Российской». Было бы ошибочным истолковывать просветительские и научные интересы Татищева в чисто секулярном рационалистическом духе, поскольку для него «наука главная есть, чтоб человек мог себя познать».⁶⁷ Нельзя довольствоваться знанием, приобретенным органами внешних чувств. Необходимо достичь «внутреннего знания»,⁶⁸ способного воспринимать чисто духовно-душевные

⁶² *Дионисий Ареопагит*. О небесной иерархии. С. 75.

⁶³ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 92.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ / С предисл. и указателями Нила Попова. М.: Унив. тип., 1887. С. 2. (Так озаглавлена книга на титуле. Сам текст начинается с точного названия: «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ».)

⁶⁸ Там же. С. 3.

процессы в сознании. От прямого ответа на вопрос «Что есть внутреннее знание?» Татищев уклонялся, не желая отягощать профанов «знанием свойства и состояния человека, что он состоит из вечного и временного». ⁶⁹ Даже обычное знание и разум «без научения и способность без привычки или искусства приобретена быть не может». ⁷⁰

Мысль Татищева была вполне созвучна стремлению Петра Первого насадить в России систему светского образования, «внутреннее же знание», как можно предполагать, достигалось на путях, которыми следовал граф Брюс, в немалой степени порождавший своими математическими познаниями суеверное мнение о нем как о «чернокнижнике». ⁷¹ В своей повести «Арап Петра Великого» среди приближенных императора, наряду с «великолепным князем Меншиковым», «крутым советником Петра» князем Яковом Долгоруким, Пушкин упомянул и «ученого Брюса, прославившего в народе русским Фаустом». ⁷²

5. Антропологические модели «первого историографа»

5. 1. Отрицатели бессмертия

Работая над «Разговором двух приятелей о пользе наук и училищ», Татищев во многом черпал свою эрудицию из «Философского лексикона», автором которого являлся немецкий протестантский теолог Иоанн Генрих Вальх (1693–1775). «Как показано историками (Н. Попов, Милуков), — отметил Г. Г. Шпет, — сколько-нибудь общие, философские взгляды Татищева — прямо заимствованы (преимущественно по *Философскому Лексикону* эклектика вольфианского направления Вальха)». ⁷³ Это относится и к его сведениям об истории философии начиная с античности. Василий Татищев внимательно прослеживал развитие представ-

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 1.

⁷¹ «Черная книга = название арифметики в XVIII столетии <...>. Арифметика называлась тогда у нас “счетной мудростью”, простой же народ именовал ее “черной книгой”, откуда — чернокнижие, чернокнижник» (*Дьяченко Григорий, свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Моск. патриархат; Посад, 1993 (репринт. изд.: М.: Тип. Вильде, 1900). Т. 2. С. 816). Чернокнижие также отождествляется с черной магией, в занятиях которой суеверный народ подозревал и Брюса.

⁷² Пушкин А. Арап Петра Великого // Пушкин А. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы, повести. М.: Художественная литература, 1977. С. 384.

⁷³ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 67–68.

лений о природе человеческой души на протяжении столетий и полагал, что реальное, далекое от мечтательности самопознание предполагает волевой выбор между четырьмя антропологическими теориями.

Первая носит материалистический характер,⁷⁴ усматривая в человеке «едино тело, а душа токмо приключение и едино пустое звание, ничего не знающее».⁷⁵ Такое воззрение Татищев, ссылаясь на «Тускуланские беседы» Цицерона, приписывал Дикеарху, древнегреческому философу IV в. до Р. Х. (ок. 370/350 — после 323 г. до Р. Х.), ученику Аристотеля, по роду своих занятий близкому Татищеву с его научными интересами к истории и географии. Ему же, как ранее полагали, принадлежало первенство в области картографии. Судя по ряду мест в труде Диогена Лаэртского, Дикеарх был хорошо знаком с жизнеописаниями и учениями древнегреческих философов, но даже пифагореизм не отвратил его от пессимистических взглядов на проблему бессмертия.

В «Тускуланских беседах» Цицерон ссылается на Дикеарха в первой книге своего сочинения, посвященного вопросу о состоянии человеческой души после смерти. Дикеарх рассматривал эту проблему в двух произведениях — «Лесбосских диалогах» и «Коринфских диалогах», объединенных впоследствии под общим заглавием «О душе». В «Коринфских диалогах» сторонником негативной антропологии выступает некий Ферекрат Фтиотийский, принадлежавший якобы к роду потомков Девкалиона,⁷⁶ который вместе со своей женой Пиррой уцелел от всемирного потопа, уничтожившего людей «медного века». Новое человечество, по совету Зевса, возникло путем бросания камней через плечо Девкалионом. Таким образом можно уловить связь между отрицанием бессмертия души Ферекратом и его мифическим предком.

В первой части «Коринфских диалогов» Дикеарх «выводит множество спорящих ученых с их речами», тогда как остальные две части посвящены рассуждениям отрицателя бессмертия, утверждавшего, «что душа — это вообще ничто, лишь пустое имя, что “одушевленные существа” называются так безосновательно, что ни в человеке, ни в животном нет никакой души и никакого духа».⁷⁷ Такое не лишённое примитивности мнение можно было списать не столько на ученика Аристотеля, разра-

⁷⁴ Отрицание бессмертия человеческой души не всегда было связано с материализмом. В древней Греции долгое время бессмертие приписывалось только богам и божественным героям; также в Ветхом Завете имеется ряд мест, говорящих в пользу учения о смертности души (Пс. 6: 6, Пс. 29: 10, Пс. 38: 18, Еккл. 3: 19).

⁷⁵ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 6.

⁷⁶ Цицерон. Тускуланские беседы // Цицерон. О природе богов: Трактаты / Пер. с лат. С. И. Блажеевского, М. Л. Гаспарова. СПб.: Азбука, 2015. С. 209.

⁷⁷ Там же.

ботавшего сложное учение о человеческой душе, сколько на потомка Девкалиона, творившего людей из «костей праматери Земли», бросая камни через плечо. Однако, судя по другому произведению Дикеарха, «Лесбосским диалогам», он проповедовал это учение «со страстью», стараясь «доказать смертность души». ⁷⁸

Упоминание Татищевым Дикеарха свидетельствует о его желании рассматривать свою антропологию в историческом контексте и тем самым увязать ее с античной традицией — даже в тех случаях, когда идет речь об учениях, противоречащих его собственному. Античность становится для него точкой отсчета, с которой возможно говорить об истории и находить ее связь с современностью. Татищев прочерчивает прямую линию от Дикеарха до Гоббса (1588—1679), принадлежащего, наряду с Пуфендорфом и Гроцием, к «официозным идеологам Петровской эпохи». ⁷⁹ Татищев приписывает ему мнение о том, что душа «едино пустое звание, ничего не знающее». ⁸⁰ Однако взгляд Гоббса на эту проблему был более дифференцированным, поскольку он рассматривал ее в библейском контексте: «Вечная жизнь не была присуща человеческой жизни, но являлась результатом действия древа жизни». ⁸¹ Соответственно, после грехопадения человек лишился вечной жизни. В соответствии с буквальным пониманием ряда тестов Св. Писания (Еккл. 3: 19), «нет естественного бессмертия души, но это нисколько не противоречит той вечной жизни, которой избранные должны наслаждаться в силу милости Бога». ⁸²

Возможно, что Татищеву это положение Гоббса представлялось простой отговоркой из опасений быть обвиненным в атеизме. Сам он, находясь в сходной ситуации, «вдохновлялся больше всего Гоббсом и его учением о государстве», ⁸³ но нет оснований предполагать, что историк полностью разделял его взгляды. По внутреннему опыту и экзистенциальному мироощущению и Гоббс, и Татищев, очевидно, имели повод усомниться в бессмертии, но в то же время у них еще не до конца порвалась связь с библейской традицией. Поэтому было бы необоснованным подозрением усматривать в Гоббсе законченного атеиста.

⁷⁸ Там же. С. 231.

⁷⁹ Флоровский Георгий, *прот.* Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1983. С. 87.

⁸⁰ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 6.

⁸¹ Гоббс Томас. Левиафан / Пер. с. англ. А. Гутермана. СПб.: Азбука, 2020. С. 602.

⁸² Там же. С. 611.

⁸³ Зеньковский В. В. История русской философии. С. 82.

5. 2. Античный генерационизм

Негативной антропологии противостоит воззрение пифагорейцев, платоников и стоиков, которые признавали «едину душу за существо настоящее человека, а тело, яко нагалище или тюрьму и узилище ея называли».⁸⁴ Татищев подчеркивал, что представители этих учений между собой «согласовали».⁸⁵ Однако таким согласием еще не решается вопрос ни о происхождении души, ни, тем более, о ее судьбе после смерти. В этом отношении, если между пифагореизмом и платонизмом — действительно — есть сходство, то о стоицизме этого нельзя сказать. Пифагор, как и впоследствии Платон, учил о трехчастности души, в которой только ум (*noys*), в отличие от рассудочной части (*phren*) и страстной (*thymos*), обладал бессмертием. «Разумное бессмертно, — учил Пифагор, — а остальное смертно».⁸⁶

Стоики же, как это отмечено в «Тускуланских беседах», в отличие от пифагорейцев и платоников, «согласны, что души долговечны, но не согласны, что души бессмертны».⁸⁷ Такое воззрение напоминает более Дикеарха, чем Платона. Стоики признавали, что душа телесна и после смерти «подвержена разрушению», однако остается неразрушимой «только душа целого, частицами которой являются души живых существ».⁸⁸ Знаменитый Панетий (ок. 185 г. — 110/109 г. до Р. Х.), в отличие от многих других стоиков, высоко почитал Платона, называя его «божественным, мудрейшим, святейшим, даже Гомером среди философов»,⁸⁹ тем не менее, отвергал платоновское учение о бессмертии души.⁹⁰ Панетий считал человеческую душу смертной, поскольку «всё рожденное гибнет; а душа, по его мнению, рождается, и доказательство этому — сходство отцов и детей».⁹¹ Это близкое к антропологическому материализму учение нашло себе впоследствии приверженцев и среди православных богословов, сторонников генерационизма, согласно ко-

⁸⁴ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 6.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с др.-греч. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. С. 340.

⁸⁷ Цицерон. Тускуланские беседы. С. 231.

⁸⁸ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 316.

⁸⁹ Цицерон. Тускуланские беседы. С. 232.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

торому «души рождаются от родителей».⁹² Генерационисты полагали, что это учение делает понятным передачу наследственного греха, тогда как креационистская мысль о творении душ Богом в каждом акте зачатия, по их мнению, разрывает единство человеческого рода.⁹³ Но на практике такое воззрение непреднамеренно подготовило триумф материализма и, преувеличив значение наследственности, приводило к помрачению представления о духовном происхождении человеческой души.

5. 3. Приверженцы трихотомизма

Следующая антропологическая модель, согласно классификации Татищева, может быть названа, в отличие от двух предшествующих, трихотомической. Ее представители — это «разумеющие три существа в человеке, т. е. душа, дух и тело».⁹⁴ Татищев полагал, что это идеалистическое учение, восходящее к Платону, было со временем забыто и возобновлено Теофрастом Парацельсом (1493—1541), которому «многие помешанные головы, яко бемисты и вейгелиане, последовали», но не подкрепляли свое мнение Священным Писанием, «обаче не оставили они в довод письмо святое натягать».⁹⁵

Если ни Дикеарх, ни стоики не побуждали Татищева к остро критическим характеристикам, то, говоря о трихотомизме, он не смог сдержать негативного отношения к нему даже вопреки очевидности. Защитники трихотомизма могли бы указать ему ряд библейских текстов, подтверждающих эту антропологическую модель. В Первом послании к Фессалоникийцам апостол Павел писал: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух, и душа, и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес. 5: 23). Таким образом, целостность человеческого существа немыслима без духа как его составной части. Подсчитано, что в лексике апостола Павла слово «дух» встречается гораздо чаще, чем «душа». Первое употреблено 146 раз, тогда как второе — лишь 13 раз, «плоть» же — 91 раз.⁹⁶ Иссле-

⁹² Булгаков Сергей, прот. Купина Неопалимая: Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж: YMCA Press, 1927. С. 94. Согласно преп. Макарию Великому, «земные родители рожают из собственной природы детей, и тела их, и души» (Слово 30, 8).

⁹³ Там же. С. 96.

⁹⁴ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 6.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. С. 74.

дователи неоднократно свидетельствовали о гибкости и многозначности этих антропологических понятий в лексике апостола Павла. В его Посланиях «Дух» встречается в таких сопоставлениях и противоположениях и охватывает собою столько сторон внутренней жизни человека, что найти ему точное и удовлетворяющее нашу мысль определение просто невозможно». ⁹⁷ То же следует сказать и о «душе», воззрение на которую как в античной, так и в библейской антропологии отличалось особой сложностью. Это привело к тому, что в византийской традиции мыслители избегали догматически закреплять какую-либо одну антропологическую модель и, хотя в большинстве случаев признавалась дихотомия, трихотомические представления не подвергались осуждению. Напротив, в католической Церкви, в особенности после Четвертого Константинопольского собора, признаваемого Восьмым Вселенским (869–870) и отвергаемого в этом качестве Православием, стало господствовать представление о дихотомическом составе человека, а дух, отождествляемый с интеллектом, признавался в качестве высшей части души. «В человеке, — писал выдающийся представитель католической схоластики Фома Аквинский, — субстанционально существует только одна душа, которая является разумной, чувственной и растительной», ⁹⁸ тогда как в православном богословии осталось — в скромных пределах — место для трихотомического теологумена, хотя вся система духовного образования в русской Церкви, начиная со второй половины XVII века, стояла под знаком «господства латино-протестантской схоластики», ⁹⁹ поэтому из нее заимствовалась и католическая антропология.

Пробуждение интереса к трихотомизму на Западе Татищев связывал с трудами Теофраста Парацельса, который разработал сложную антропологию на основе своих эзотерических и натурфилософских познаний. Она выходила далеко за пределы традиционного трихотомизма, представляя человека состоящим «из семи модификаций одной первоначальной сущности», низшим слоем которой является физическое (элементарное) тело, потом следуют *Archaeus* (жизненная сила), «звездное тело» (астральное), животная душа, разумная душа, духовная душа и дух, именуемый Парацельсом «человеком Нового Олимпа». ¹⁰⁰ Человек во всей полноте свой многочленной природы является микрокосмом, «потому всякое изменение, совершающееся в Макрокосме, может быть

⁹⁷ *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. С. 79.

⁹⁸ *Фома Аквинский.* Учение о душе / Пер. с лат. К. Бандуровского, М. Гейде. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 69.

⁹⁹ *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. С. 104.

¹⁰⁰ *Гартман Франц.* Жизнь Парацельса и сущность его учения / Пер. с англ. М.: Алетея, 2001. С. 103.

уловлено эфирной эссенцией, окружающей его дух, и быть постигнуто и осознано человеком».¹⁰¹

Не исключено, что Татищев мог быть знаком с натурфилософскими сочинениями немецкого врача и алхимика (или, по меньшей мере, с основными принципами парацельсовской антропологии) и осведомлен о влиянии, оказанном Парацельсом на его последователей Якоба Бёме и Валентина Вейгеля, хотя такая эрудированность достаточно удивительна для «птенца гнезда Петрова», обремененного административными и хозяйственными проблемами «горного дела».

5. 4. Мистический мечтатель

Можно предположить, что в обозначении Василием Татищевым — при всей его начитанности, терпимости и широте взглядов — последователей Якоба Бёме («бемистов») как «помешанных» усматривается отзвук дела Квирина Кульмана (1651—1689), находившегося под сильным влиянием теософии Якоба Бёме и попытавшегося распространить его учение в Московском царстве. Сам Кульман, охваченный эсхатологическими предчувствиями, был убежден, «что греховный В а в и л о н Западной Европы падет, и наступит И е з у и т с к о е Царство. В слухах о возрождении “северного народа” московитов Кульман увидел зарю начинающейся *новой жизни*».¹⁰² Возможных союзников в деле осуществления своего эсхатологического проекта Кульман усмотрел в Петре Первом, его брате Иване Пятом и их регентше Софье, которым он захотел направить свое Послание. Поскольку ему не удалось передать его через своего знакомого художника Отто Генина, отец которого проживал в Немецкой слободе, «бемист» отправился в Москву сам. Прибыв туда в 1689 году, он нашел в ней кружок последователей теософии Якоба Бёме, группировавшийся вокруг купца Кондратия (Конрада) Нордемана. По словам Н. С. Тихонравова,¹⁰³ Кульман, «этот “одинокий фанатик”, “отчаянный еретик”, “помешанный мистик”¹⁰⁴ (курсив мой. — В. И.) “замутил” многих обитателей Немецкой слободы».¹⁰⁵

¹⁰¹ Там же. С. 103. Гартман привел эту цитату из сочинения Парацельса «De Natura Regum».

¹⁰² Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 29.

¹⁰³ Тихонравов Н. С. Квирин Кульман // Русский вестник. 1867. Т. 72. Кн. XI. С. 183—222; Кн. XII. С. 560—594.

¹⁰⁴ Примечательно, что Тихонравов воспользовался определением «бемистов» как «помешанных».

¹⁰⁵ Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья» (1651—1689) // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 331.

Такая уничижительная характеристика Кульмана, данная Тихонравовым, во многом продиктована конфессиональной предвзятостью исследователя, который, как отметил Дмитрий Чижевский, «не имел <...> понятия о том, что руководило Кульманом и его друзьями». ¹⁰⁶ Также и А. М. Панченко заметил: «Н. С. Тихонравов тщательно изложил факты биографии Кульмана. <...> И все-таки цели этой поездки так и остались невыясненными», ¹⁰⁷ но предполагал, что они связаны не столько с теософией Бёме, сколько с общиной «чешских братьев» и «пророчествами» ее идеологов Яна Амоса Коменского, Коттера, Понятовской и Драбика. ¹⁰⁸ «Именно при помощи “пророчеств” этих представителей братской церкви Кульман хотел повлиять на московское правительство, убедить его согласовать внешнеполитические планы России с собственной программой». ¹⁰⁹

Появление Кульмана в Немецкой слободе и его эсхатологические проекты в сочетании с распространением им «бемизма» побудили протестантского пастора И. Майнике обратиться к патриарху Иоакиму с просьбой расследовать деятельность и воззрения опасного «еретика». Кульман был арестован, подвергся допросу с применением пыток. Следствие, проводимое Посольским приказом, запросило мнение других лютеранских пасторов, а также католических священников — иезуитов, осудивших еретические воззрения Кульмана. Мечтательного теософа приговорили к варварской по своей жестокости смертной казни через сожжение вместе с К. Нордеманом.

Вероятно, Татищев был осведомлен об этих трагических событиях в заведомо тенденциозной интерпретации, представлявшей последователей Бёме как «помешанных», а главное — как опасных государственных преступников, и поэтому понятно его стремление избежать сходных нареканий. Но, несмотря на гонения, устранившие на время сторонников Бёме, рецепция взглядов немецкого мистика имела свое продолжение. «Влияние Кульмана не ограничилось Немецкой Слободой. После его смерти начали распространяться славяно-русские переводы сочинений “иже во святых отца нашего Иакова Бемена”». ¹¹⁰ Особое почитание немецкого мистика было характерно для масонов

¹⁰⁶ Цит. по: Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья» (1651–1689). С. 331.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 333.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 30.

екатерининского времени. Сочинения Якоба Бёме рекомендовались сразу после Священного Писания, а для их чтения «переведен был особый “экстракт”, или сборник, под названием “Серафимский Цветник”». ¹¹¹ Был переведен и издан ряд книг Бёме: «В начале XIX века Бёме пользовался огромным авторитетом», как отметил Николай Бердяев, проследивший экзистенциальную диалектику в развитии «русской идеи». ¹¹² «Я. Бёме проник и в народный слой, охваченный духовными исканиями». ¹¹³

Влияние теософии Бёме постепенно ослабевало, и интерес к нему — в достаточно узких кругах — пробудился только в начале XX века. Николай Бердяев считал Якоба Бёме одним из своих учителей, находил в его творчестве много черт, сходных с Достоевским, и, конечно, не стал бы называть «бемистов» «помешанными». Резкость же суждения Татищева следует отнести прежде всего за счет смуты, порожденной делом Квирина Кульмана, и опасений быть причисленным к числу приверженцев «бемизма», тем более что главное обвинение против этого теософа носило прежде всего политический характер, а его мечтания, действительно, были не лишены элементов, свидетельствующих о его болезненно возбужденной психике. В эсхатологически окрашенную политическую программу Кульмана входило создание союза, главную роль в котором должны были играть «великие государи московские». Тогда они «будут в соединении с турки, и с татары в миру, а поляков с шведы разорят, а римские веры людей искоренят, и аглинскому королю во Лондоне и нигде житья не будет». ¹¹⁴ Татищеву могли показаться опасными политические фантазии Кульмана. Его более удовлетворяло трезвое мировоззрение графа Якова Брюса, чем экстатически болезненные мечтания «бемистов». Его мало затрагивали и антропологические взгляды Бёме, связанные с натурфилософской мистикой Парацельса, «от которого он перенял тройное деление человека, на (1) состоящее из элементов тело, (2) происходящий от звезд дух и на (3) вдохновенную Богом душу». ¹¹⁵

¹¹¹ Там же. С. 178.

¹¹² Бердяев Николай. Русская идея. С. 29.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Показание Нордемана при втором допросе в Посольском приказе; цит. по: Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья» (1651–1689). С. 332.

¹¹⁵ Фокин И. Л. *Philosophus Teutonicus* Якоб Бёме: возвешение и путь немецкого идеализма. СПб.: Умозрение, 2019. С. 276.

6. Антропологический лабиринт

Было бы странным и не соответствующим бурно-практической эпохе Петровских реформ представить Татищева изучающим учение Якоба Бёме о «звездном рождении»,¹¹⁶ но, тем не менее, он не мог избежать — хотя и на других путях — вопроса о происхождении и природе человеческой души. Сам вопрос о «душе, ее свойстве, состоянии, месте пребывания и как она в тело приходит <...> не только пространного толкования требует, но паче можно положить за недоведомый или непостижимый». ¹¹⁷ Свое мнение о непостижимости подлинной природы человеческой души Татищев подкрепил ссылкой на авторитеты Ньютона и Лейбница, что соответствовало научным интересам и вкусам Петра Первого, который высоко ценил обоих ученых, искал их знакомства и был осведомлен об их трудах. Сами эти гениальные люди плохо ладили друг с другом, поскольку каждый из них приписывал себе первенство в открытии дифференциального исчисления. Спор этот был основан на недоразумении, поскольку каждый из них трудился над математическими проблемами вполне самостоятельно.

Ожесточенная дискуссия великих ученых не пошатнула их авторитета в глазах Петра Первого. Особо тесные и плодотворные отношения сложились у него с Лейбницем, с которым он неоднократно встречался начиная с 1697 года и вплоть до кончины философа в 1716 году. Лейбниц, вначале скептически относившийся к деятельности русского царя, после личного знакомства и бесед с ним «был, по собственному выражению в письме одному приятелю, удивлен не только гуманностью такого могущественного государя, но и обширными его сведениями и быстрым соображением». ¹¹⁸ В отличие от Татищева, считавшего преждевременным создание в Санкт-Петербурге Академии наук, Лейбниц активно поддерживал петровский проект. Хотя Россия, по его мнению, представляла собой «белый лист бумаги», он усматривал в этом ее определенные преимущества, поскольку «заводя всё вновь, можно избежать недостатков и ошибок, какие наделала Европа, потому что при возведении нового здания скорее можно достигнуть совершенства, чем при исправлении и перестройке старого». ¹¹⁹

¹¹⁶ *Бёме Якоб*. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Пер. с нем. А. Петровского. М.: Гуманус; Политиздат, 1990 (репринт. изд.: М.: Мусaget, 1914). С. 296.

¹¹⁷ *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С. 6–7.

¹¹⁸ *Грот Я. К.* Петр Великий как просветитель России // Петр Великий: pro et contra. С. 275.

¹¹⁹ *Ключевский В. О.* Петр Великий среди своих сотрудников // Петр Великий: pro et contra. С. 379.

Таким образом, Лейбниц даже более оптимистично, чем Татищев, смотрел на перспективы развития науки и просвещения в России. В антропологии первый русский историограф приписывал немецкому философу мнение о непостижимости природы человеческой души. Всё же Татищев не мог уйти от этого вопроса — как по соображениям внутренним, так и внешним, не желая своими философскими интуициями навлечь на себя обвинения в ереси. Поэтому и на просьбу собеседника изъяснить ему «о душе, ея свойстве»¹²⁰ он отвечал с большой осторожностью, предпочитая представить проблему в историческом аспекте. Будучи хорошо знаком с материалистическими воззрениями, наблюдая за ростом «мирских» настроений у деятелей Петровской эпохи, мало совместимых с верой в бессмертие человеческой души, и в собственной административной деятельности не всегда придерживаясь евангельских заповедей, Татищев, тем не менее, обладал антропологическими интуициями, убеждавшими его в реальности духовного элемента.

«Свойство души есть дух»,¹²¹ — говорил он своему воображаемому собеседнику. Историограф затруднялся однозначно объяснить происхождение этого «свойства». Не лишена определенной двусмысленности и его ссылка на мнения древних философов. Они и «другие многие» (Татищев не поясняет, однако, кого он имеет в виду из более современных мыслителей, мистиков и натурфилософов) разумели душу «частью божества и от Бога произшедшею».¹²² Однако такая гипотеза, по его мнению, трудно согласуется с церковным учением о будущем воздаянии, «а паче с мучением».¹²³ Эта оговорка существенна, но для носителя «нового сознания», каковым являлся во многих отношениях сам Татищев, она вряд ли являлась достаточным аргументом, способным опровергнуть древних философов, однако и признать полностью их правоту он не решался — не столько по теологическим, сколько по своим научным убеждениям. Им осталось также не принятым во внимание, что в патристике имелось достаточно свидетельств о душе, как «от Бога произошедшей», и не принятым во внимание лишь только в силу господствовавшего тогда «школьного богословия», подменявшего изучение святоотеческих текстов учебниками по «латинским» образцам, тогда как для святителя Григория Богослова, одного из самых выдающихся представителей патристики, «душа есть Божие дыхание, и будучи *небес-*

¹²⁰ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 6.

¹²¹ Там же. С. 7.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

ной (курсив мой. — В. И.), она терпит смешение с перстным». ¹²⁴ Божественное Слово «безсмертными руками» создало человеческий образ и «послало в него дух, который есть *струя невидимого Божества*» (курсив мой. — В. И.). ¹²⁵

Эта тема о связи между божественным Первообразом и *образом Божиим в человеке*, замалчиваемая в «школьном» богословии, получила свое развитие только в русской религиозной философии Серебряного века. «*Образ Божий в человеке*, — писал Сергей Булгаков, — надо понимать реалистически, как некоторое *повторение*, которое ни в каком случае не есть тождество с Первообразом, напротив, непреходимо от него отличается, но в то же время *существенно ему причастно* (курсив мой. — В. И.). Реальность этой связи между образом и Первообразом отмечена той чертой библейского повествования, что Бог *вдунул* душу в человека, следовательно, при этом произошло некоторое нисхождение Божества, род творческой эманации». ¹²⁶

Для Николая Бердяева, поскольку человек является «образом и подобием Творца», в его природе обнаруживается вневременное духовное начало. «Душа, — писал философ, опираясь на свой экзистенциальный опыт, — предвечно и предмирно сотворена Богом-Творцом, и первоосновы души божественны и независимы от мирового процесса и его времени». ¹²⁷ Такие воззрения в Петровскую эпоху были совершенно непредставимы, поскольку «школьное богословие», вопреки библейским свидетельствам, поставило заслон поискам божественной основы человеческой души и тем самым способствовало развитию материалистической антропологии. Татищев уже не мог принять без оговорок «школьно-богословские» представления о душе, но и не желал полностью от них отказаться. Он признавал бессмертие души, но затруднялся объяснить способ ее функционирования в теле, ссылаясь на «великое несогласие» ¹²⁸ между философами, пытавшимися дать вразумительный ответ на этот вопрос. Ближе ему казалось учение Лейбница о предуспа-

¹²⁴ Григорий Богослов, *свят.* Песнопения таинственные. Слово 7, о душе // Григорий Богослов, *свят.* Собрание творений: В 2 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994 (репринт. изд.: СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1912). Т. 2. С. 31.

¹²⁵ Там же. С. 33.

¹²⁶ Булгаков Сергей. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 246.

¹²⁷ Бердяев Николай. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Париж: ИМКА-Пресс, 1985. С. 162.

¹²⁸ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 7.

новленной гармонии между душой и телом, и он осторожно полагал его «не безвероятным».¹²⁹

Согласно творцу монадологии, «душа следует своим собственным законам — тело также своим». Казалось бы, это должно привести к непримиримому дуализму или даже к половинчатому материализму, однако Лейбниц не был атеистом и верил, что благодаря Богу, создателю мира монад, душа и тело «сообразуются в силу гармонии, предустановленной между всеми субстанциями, так как они все суть выражения одного и того же универсума».¹³⁰

Еще больше трудностей возникало для Татищева в связи с вопросом о соединении души с телом при рождении. Как и во многих других случаях, он не решался высказать свое окончательное суждение и довольствовался перечислением мнений других философов и ученых. Тем не менее, ответ на этот вопрос не только зависит от уровня эрудиции и носит чисто теоретический характер, но связан с глубокими пластами человеческой психики, коренясь в сфере, где она соприкасается с миром творящих архетипов. Татищев, поставленный перед рядом антропологических моделей и не способный к волевому выбору между ними, находился у замутненных истоков формирования «нового сознания», приведшего к многочисленным кризисам в истории русской интеллигенции. Дуализм автономных и независимых друг от друга души и тела оставался примиренным только в монадологии Лейбница, на практике же вел к ослаблению чувства метафизического единства Универсума, и тем самым — к отторжению человека от сознания своего духовного происхождения. В отличие от носителей средневековой культуры, Татищев колебался между богословскими, философскими и естественно-научными взглядами на способы соединения души с телом, и наиболее честным решением проблемы было для него откровенное признание ее «непостижимости» — со всеми вытекающими экзистенциальными последствиями.

7. Число сотворенных душ

Упомянутые Татищевым антропологические модели делятся на две большие группы, за рамки которых не выходят православные и католи-

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Лейбниц Г.-В. Монадология // Лейбниц Г.-В. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 90. См. также: *Leibniz Gottfried Wilhelm. Monadologie // Leibniz G.-W. Monadologie und andere metaphysische Schriften. Französisch — Deutsch. Hamburg, 2014. S. 144—145.* «Монадология» была написана Лейбницем на французском в 1714 г. и была переведена на немецкий Кёлером (Köhler) в 1720 г.

ческие теологи и по сей день. Обе традиции согласны в том, что человеческие души творятся Богом, но относительно времени их создания и последующего соединения с телом существуют непреодоленные разногласия, влияющие на стиль и формы религиозной жизни. Татищев принял во внимание и другие теории: от мистических до научных. В начале он кратко упоминает наиболее мистический взгляд на проблему происхождения душ: «Души Бог все обще с душою Адамлею сотворил, и в небе пребывают, а при зачатии младенца посылает». ¹³¹ Этим предполагается, что человечество создано как духовное целое, а не умножается или сокращается в историческом процессе. Соответственно, правомерен вопрос: «Конечно или бесконечно число душ?», ¹³² относимый к числу проблем, «которые должны были бы интересовать нас в высшей степени». ¹³³ Он с неизбежностью возникает в самые различные исторические эпохи, когда начинают задумываться о происхождении человеческих душ.

Ориген полагал, что «Бог сотворил такое число разумных, или духовных, тварей, <...> сколько, по Его предвидению, могло быть достаточно. Несомненно, что Бог сотворил их, наперед определивши у Себя некоторое число их». ¹³⁴ Во многом близкий Оригену в своих богословских воззрениях, вплоть до сочувствия спорной идее апокатастасиса, святитель Григорий Нисский, ¹³⁵ однако, отзывался об учении о предсуществующем числе душ с иронией, приписывая александрийскому богослову утверждение о том, «что души предсуществуют наподобие какого-то народа в своем собственном государстве, и там же предлежат образцы порока и добродетели». ¹³⁶ В то же время он считал, что Бог предопределил число человеческих душ, ограниченное концом нашего эона, «так, чтобы продолжительности времени хватило для рождения определенного числа душ, и текучее движение времени остановилось

¹³¹ Лейбниц Г.-В. Монадология. Т. 1. С. 90.

¹³² Бодлер Шарль. Мое обнаженное сердце // Бодлер Шарль. Проза. Харьков: Фолио, 2001. С. 481.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Ориген. О началах / Пер. с лат. СПб.: Амфора, 2000. С. 155.

¹³⁵ «К Оригену же восходит и его (свят. Григория Нисского. — В. И.) учение об окончательном восстановлении всего в божественной любви, апокатастасисе» (Мейендорф Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие. С. 199).

¹³⁶ Григорий Нисский, свят. Об устройении человека / Пер. с др.-греч. В. М. Лурье. СПб.: Аxioma, 1995. С. 89.

бы тогда, когда оно уже бы не рождало из себя ничего человеческого. А когда кончится рождение людей, тогда же получит конец и время». ¹³⁷

Для эрудита Татищева вопрос о числе душ не имел большого значения, и упомянул он о нем, лишь желая без предвзятости и с научной добросовестностью классифицировать имеющиеся антропологические теории и гипотезы. Подлинный интерес к этой теме возродился только в русской религиозной философии Серебряного века. Речь шла не об эмпирическом человечестве, а о его предсуществующем в Боге идеальном Пробразе. Отголоски этого учения о. Павел Флоренский находил в «Пастыре» Ерма и у Климента Александрийского, писавшего о том, что «мы существовали уже прежде создания сего мира, потому что сотворение нас решено было Богом гораздо ранее сотворения нас, и, следовательно, уже ранее сотворения мы существовали в мысли Божией». ¹³⁸

Наряду с мистическим представлением о человечестве, находящемся в духовном мире изначала творения, Татищев упоминает и о католическом креационизме, согласно которому «Бог творит души при зачатии младенца». ¹³⁹ Оба этих воззрения «с наследием первородного греха не согласуются». ¹⁴⁰ Если миф о небесном человечестве, в ряде своих вариантов соединенный с представлением о реинкарнации, может объяснить греховную пораженность заново воплощающейся души, то католическое учение о том, что «души при рождении людей творятся Богом всякий раз особым творческим актом», ¹⁴¹ способно пробудить подозрение в том, что Бог умышленно отягощает каждую творимую Им душу тяжким наследием. Действительно, креационисты считают, что при каждом акте творения души «наперед уже лишаются чрезвычайной освящающей благодати *justitiae originalis*. В силу этого они рождаются чадами гнева, отягченными первородным грехом». ¹⁴² Не меньшие трудности возникают при традиционистском учении, согласно которому «душа младенца от души родителей происходит» и, следовательно, таким путем приобщается к наследию первородного греха. В этой теории Татищев находил «то неудобство, что душа будет материальна, следственно,

¹³⁷ Там же. С. 71.

¹³⁸ Флоренский Павел, *свящ.* Столп и утверждение Истины. М.: Путь, 1914. С. 329.

¹³⁹ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 8.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Булгаков Сергей, *прот.* Купина Неопалимая (фотографированное изд.: Париж: YMCA-Press, 1927). Вильнюс: Алка, 1990.

¹⁴² Там же.

не дух, и в бессмертности нанесет сомнение». ¹⁴³ Вопреки распространенности в православном богословии традиционистской антропологии, он интуитивно почувствовал имплицитно содержащуюся в ней материалистическую тенденцию, что в условиях Петровского времени, с его повышенным секуляризованным активизмом, помрачило сознание бессмертия.

На смену имагинативному постижению человеческой души пришли естественно-научные методы, не способные уловить духовные процессы, лежащие в основе психосоматического организма. Старший современник Татищева нидерландский ученый Левенгук (1632—1723) способствовал далеко идущим переменам в антропологии. Благодаря изобретенному им микроскопу он получил возможность исследовать природу на микробиологическом уровне. Произведенные Левенгуком открытия были вначале встречены скептически, но затем нашли признание в ученом мире. Наряду с исследованием дотоле неведомых бактерий, он создал совершенно новые предпосылки для раскрытия тайны зарождения человеческого эмбриона. С непредставимым для средневекового человека греховным интересом к ранее окутанной мраком тайне зачатия Татищев писал о Левенгуке, который «через весьма хитро сочиненный микроскопиум, или увеличительное стекло, усмотрел во излипании мужеском животных, которые подобны новорожденным лягушкам, или головашком, широкие кругло продолговатые тела с хвостами, и оных в одной капле многое число находится. Сии поставляют за сущие семена живые, которое, достигше яйца женскаго и обретши во оном себе корм, начнет тело возвращать». ¹⁴⁴ В свете этой гипотезы зачатие человека предстает как вполне описуемый природный процесс.

Татищеву была известна и еще одна естественно-научная гипотеза, согласно которой «якобы младенец по 40 днях оживотворяется», ¹⁴⁵ но историограф находил ее несостоятельной — не столько с теологической, сколько с эмпирической точки зрения, отмечая, что «младенцы во утробе матерней и прежде 40 дней умирают, и по смерти ея, хотя недолго живут», из чего он делал вывод о том, что младенцы «при зачатии одушевляются», ¹⁴⁶ но остерегался определять сам способ одушевления, т. е. соединения бессмертной души с телесным организмом.

¹⁴³ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С. 8.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

8. Свойства бессмертной души

Рассматривая антропологические теории и гипотезы, Татищев пришел к выводу, что для решения вопроса о происхождении души необходимо прибегнуть к методам духовного исследования — «метафизики и пнеуматики», — к чему он не чувствовал себя способным, и более того: «Зане нам о том рассуждать здесь нужды нет, но довольно к познанию себя познать силы и можности души». ¹⁴⁷ Возникла — обусловленная переходом от средневековой имагинативной ментальности к научному понятийному мышлению — необходимость в самопознании, подкрепленном эмпирическими данными, полученными в результате наблюдения над человеческой психикой. Однако по условиям того времени Татищев не хотел войти в противоречие с православной догматикой, и сам до известной степени чувствовал себя укорененным в этой богословской традиции. Поскольку и в ее рамках тогда не было достаточно ясных критериев для различения души от духовного начала, то и для Татищева представлялось возможным считать дух только «свойством души», ¹⁴⁸ а не самостоятельной и важнейшей частью человеческого существа.

Другая трудность заключалась в определении души как «простой», т. е. нераздельной и не имеющей частей. ¹⁴⁹ Нераздельность души являлась для него важнейшим аргументом для признания ее бессмертия: «она нераздельна, следственно, и безсмертна есть», ¹⁵⁰ тогда как многочастность тела предопределяет его распад после смерти. В то же время «простота» души не исключает ее внутренней структурированности и присущих ей бестелесных сил и свойств. Для византийских богословов душа представлялась трехчастной и созерцаемой «в трех силах: мыслительной, раздражительной и желательной». ¹⁵¹ В антропологии Татищева им соответствуют: ум, воля или хотение, но он наделяет их качествами, свидетельствующими о понимании, уже затронутом влиянием западноевропейской рационалистической философии XVII — начала XVIII века. Сама способность Татищева испытывать такое влияние отражает процесс формирования принципиального нового — в сравнении

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. С. 7.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ *Григорий Палама, св.* Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания // *Добротолюбие: В 5 т. / В русском переводе, дополненное. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992 (репринт. изд.: М., 1900).* Т. 5. С. 264.

со средневековым — интеллектуализированного сознания, утратившего способность к чисто духовным созерцаниям мира Первообразов. В святоотеческой традиции, основанной на конкретном духовном опыте, ум понимался как орган духовного восприятия. «Как глаз в теле, так ум в душе», — свидетельствовал защитник иконопочитания св. Иоанн Дамаскин.¹⁵²

Для Татищева ум — душевная сила, в элементарной форме присущая не только людям «глупейшим по природе», но даже и животным.¹⁵³ Ум, тесно связанный с телесным организмом, предстает как вполне естественная сила, годная только для практической ориентации в мире, открытом для внешних чувств. Однако существует возможность «исправления» природного ума, который «чрез употребление и поощрение его качеств исправленный, которое от науки приписуется»,¹⁵⁴ независимо от степени духовного совершенствования, становится разумом. Гоббс называл такой разум «благоприобретенным» «путем метода и обучения <...> таковым является лишь разум (reason), имеющий своей основой правильное употребление речи и *созидающий науку* (курсив мой. — В. И.)». ¹⁵⁵

От природы ум наделен четырьмя силами, «яко: поятность, память, догадка, или смысл, и суждение»,¹⁵⁶ которые и подлежат исправлению посредством науки. «Поятность» означает силу воображения (на греческом — *phantasia*, на латинском — *imaginatio*),¹⁵⁷ проявляющую себя трояким образом. Во-первых, она сохраняет в памяти выработанные мыслью представления. Они могут уплотниться до такой степени, что человек теряет ощущение их имагинативности, и тогда «мы подлинно за присутственные почитаем, как то сновидения нас уверяют». ¹⁵⁸ Во-вторых, воображение способно создавать образы, не отражающие впечатления, полученные благодаря восприятию внешнего мира, переживаемого как действительный. Примером чему могут послужить как сказки, так и технические изобретения — в той степени, в какой они яв-

¹⁵² *Иоанн Дамаскин, св.* Точное изложение православной веры / С греч. перевел А. Бронзов. М.: Лодья, 1998 (репринт. изд.: СПб.: Изд. И. Л. Тузова, 1894). С. 81.

¹⁵³ *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С. 9.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ *Гоббс Томас.* Левиафан. С. 71.

¹⁵⁶ *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С. 10.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

ляются также порождением фантазии. И, наконец, в-третьих, когда представления образуются в полном согласии с реальностью и предоставляют ценный материал для оценки истинности и моральности наших суждений.

Такая тройственная характеристика воображения показывает в нем способность создавать как представления, адекватные нашим внешним восприятиям, так и фантастические образы, выводящие сознание за эмпирические пределы, но при всем том Татищев не принимает во внимание возможности достичь познания духовного мира посредством духовных имагинаций и ограничивает способность воображения границами, очерченными результатами рационалистического самопознания. Само понятие имагинации он полностью отождествляет с субъективной фантазией, тогда как в натурфилософии XVI—XVII веков имагинация («воображение»), в отличие от фантазии (хотя они лексически тождественны), рассматривалась как «воплощение идеи в образе» и «явление ее в природе». (Бог творит мир в «воображении», являя вовне свою волю.) «Imaginatio, — пишет Парацельс, — подтверждается и свершается чрез веру <...>, из него следует, что Imaginatio порождает, делает и дает Spiritum <...>. Фантазия не есть Imaginatio, но краеугольный камень глупцов».¹⁵⁹ Для Татищева имагинация и фантазия являлись равнозначными определениями «воображения».

В дальнейшем были еще более четко очерчены границы человеческой фантазии. Кант определял воображение как «способность представлять предмет также и *без его присутствия* в созерцании».¹⁶⁰ Оно имеет трансцендентальное измерение, совершенно не зависящее от эмпирической действительности, но одновременно замкнутое в априорные границы «чистого разума». Способность воображения Кант считал «слепой, хотя и необходимой, функцией души; без этой функции мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко осознаем ее».¹⁶¹ В свою очередь, Шеллинг отличал способность воображения от фантазии, возвращая ей объективное духовное содержание. «Способность воображения в ее отношении к фантазии» он определял «как то, в чем продукты искусства зачинаются и формируются, а фантазию — как то, что созерцает их извне, что их как бы извлекает из себя, а тем самым и изобра-

¹⁵⁹ Лагутина И. Н. Комментарии // Белый Андрей. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Сост., подгот. текста, коммент. и послесловие И. Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. С. 549.

¹⁶⁰ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. С. 110.

¹⁶¹ Там же. С. 85.

жает». ¹⁶² В отличие от Канта, Шеллинг усматривал в деятельности воображения творческую способность отражать «принцип божественной имажинации», благодаря которому «жизнь и разнообразие или вообще особенное без ограничения безусловно единого возможно изначально». ¹⁶³ «Отражаясь в человеческом воображении, универсум воссоздается как мир фантазии, общий закон которого — абсолютность в ограничении». ¹⁶⁴ Нетрудно уловить в таком понимании «божественной имажинации» влияние традиции, идущей от Парацельса и Якоба Бёме, которая помогала преодолеть ограниченность эмпирического сознания и сохранялась в мистическом «градусе» русского масонства XVIII века, но перед Татищевым стояла иная задача: содействовать секуляризации культуры в полном согласии с духом Петровских реформ.

Такая же тенденция просматривается и в его интерпретации второй способности ума — памяти, что представляло особое значение для Татищева как русского историографа. Как при характеристике воображения он не принимал во внимание «божественные имажинации», доступные для переживания человеком, раскрывшим в себе органы духовного познания, так и память замкнута для него пределами, поставленными эмпирическому сознанию, поэтому при всей своей разносторонней эрудиции и начитанности в философской литературе он не посчитал нужным даже упомянуть учение Платона об анамнезисе, позволяющем вспомнить о предсуществовании, пребывании души в духовном мире и ее реинкарнациях. Соответственно, не могло быть и речи об имажинативном постижении метафизических основ исторических процессов и восхождении к архетипам, действительно формировавшим средневековую культуру. Татищев уподоблял память казначею, который хранит представления и понятия, уже выработанные умом.

На первом месте он поставил способность памяти удерживать в себе богословские и философские истины, важнейшими среди которых историограф признавал догмат единобожия. На втором месте Татищев поставил проблему самосознания: «Я человек есмь». ¹⁶⁵ Эта истина о человеке как носителе самосознающего Я связана с объективным развитием в нем индивидуального начала и неизбежного в таком случае отхода от подчинения сверхличным иератическим и иерархическим ценностям, конфликт с которыми уже наметился в Московском царстве во второй половине XVII века, что само по себе вовсе не влечет за собой утрату

¹⁶² Шеллинг Ф. *Философия искусства* / Пер. с нем. П. С. Попова. М.: Мысль, 1966. С. 95.

¹⁶³ Там же. С. 92.

¹⁶⁴ Там же. С. 93.

¹⁶⁵ *Татищев В. Н.* *Разговор о пользе наук и училищ*. С. 11.

интереса к духовной жизни и впадение в плоский атеизм — и, наоборот, может стимулировать усилия, чтобы обрести утраченное равновесие, но если из памяти исчезнут религиозные истины, то опустошенная душа обрекает себя на внутреннее умирание.

Помимо прочего, память имеет и чисто практическое значение как для науки, так и для повседневной жизни. Она способна сохранять результаты человеческого опыта и выработанные на этой основе представления «в том самом состоянии, каковы тогда в память прияли». ¹⁶⁶ Также память способна, хотя и не без усилий, восстанавливать по частям забытое. Татищев признавал, что «некоторые токмо первые два почитают, а сие отвергают». ¹⁶⁷ В расширенном смысле такое скептическое отношение может быть вызвано опасением «вспомнить» реальности, выходящие за пределы физического мира. Такие «воспоминания» были, однако, не совсем чужды Татищеву, хотя охарактеризованные им свойства памяти строго очерчены границами эмпирического сознания.

Определенные пределы Татищев ставил и третьей «силе, или действу ума», обозначенной им латинским словом *ingenium*, признаваясь в затруднении дать адекватный перевод на тогдашний русский язык, учитывая текучую многозначность этого термина, который «и латинисты <...> трояко разумеют». ¹⁶⁸ При этом Татищев не преминул критически отозваться о «неученных и хвастунах», которые злоупотребляют иностранными терминами, «через что силы слов тех ни сами, ни другой кто разсудить может, разве догадкою познает». ¹⁶⁹ После долгих раздумий он предпочел перевести *ингениум* как *смысл*, определяя его как способность ума вырабатывать понятия или «умовоображения», предуготовляющие путь к образованию научных суждений. Эта способность обнаружения смысла, согласно Татищеву, проявляется себя в искусстве, технике, ремеслах и даже в остроумии — качестве, высоко ценимом Петром Первым. Люди, наделенные этим качеством, «способны на стихотворство и шутки, <...> в разговорах приятны и на догадки или острые отповеди способны». ¹⁷⁰

Ингениум делает осмысленным человеческую деятельность и напрямую связан с четвертым свойством (или силой) ума: способностью к рассуждению. Татищев, как и в ряде подобных случаев, когда речь шла о создании новой антропологической модели, соответствующей эпохе

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. С. 12.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же. С. 13.

Петровских реформ, четко разделял суждение как природную способность, доступную даже «глупейшему человеку»,¹⁷¹ и — выработанную научным мышлением. В этом качестве она является важнейшей и первенствующей среди остальных трех сил ума, «того ради наиболее о исправлении и приведении в доброй порядок суждений прилежать человеку нужно».¹⁷² На такой основе Татищев создал новую антропологическую модель, в которой отразились не только его индивидуальные интуиции, но и фундаментальные процессы, происходившие тогда в глубинах «коллективного подсознания» носителей русской культуры.

¹⁷¹ *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С. 14.

¹⁷² Там же.

«Светлым русским взглядом оглянуться вокруг»:

*Кохановская (Н. С. Соханская) и ее «галерея
портретов» (К 200-летию со дня рождения)*

Н а 2 марта 2023 года пришелся 200-летний юбилей Надежды Степановны Соханской (1823–1884), писавшей под литературным псевдонимом «Кохановская».¹ Впервые этот «говорящий» — от украинского «коханья», любовь,² — псевдоним без инициалов появился в 1856 году (так подписана повесть «Гайка»), до этого, уже с 1844 года, в печати изредка появлялись произведения Соханской под другими разнообразными

¹ См. о ней: *Платонова Н. Н.* Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биографический очерк. СПб.: Сенатская тип., 1909; *Фетисенко О. Л.* Кохановская: «степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. СПб.: Пушкинский Домф, 2021; *Викторович В. А.* Уроки одной судьбы // Коломенский альманах. 2018. Вып. 22. С. 235–240 (впервые: Литературная учеба. 1989. № 3. С. 110–112); *Кунильский Д. А.* Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 68–73; *Бирюкова М. А., Стрижев А. Н.* Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2018. № 45. С. 200–281. В юбилейный год начат выпуск академического издания: *Кохановская (Соханская Н. С.)*. Полное собрание сочинений и писем: В 7 т. / Под ред. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2023 (изд. продолжается). В нем уже завершена серия художественных произведений (т. 1–3). Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

² На самом деле псевдоним не был искусственным. Он образован от родовой (не девичьей, а именно родовой) фамилии матери. Род Кохановских, идущий от «коханца» князя Константина Острожского, породнившегося с ним, разделился впоследствии на несколько ветвей. Одна из них — Кохановские-Лохвицкие или просто Лохвицкие.

подписями и никогда — под собственной фамилией. Известность к ней пришла именно с обретением постоянного литературного имени, после появления в «Русском вестнике» повестей «После обеда в гостях» (1858) и «Из провинциальной галереи портретов» (1859). «Ваше имя известно каждому грамотному в России», — уверял ее в 1863 году И. С. Аксаков,³ и это не было преувеличением. В те годы Кохановская общепризнанно воспринималась как писатель первого ряда. На появление центральных для ее творчества повестей рецензиями или отзывами откликнулись в частной переписке литературные критики всех тогдашних направлений и почти все именитые писатели. Чуть позже фрагменты ее произведений включались в гимназические хрестоматии, но к концу века писательница стала казаться устаревшей и ненужной. Второе открытие Кохановской (в 1896—1898 годах), которое стало возможным благодаря многочисленным публикациям в журнале «Русское обозрение», не принесло больших плодов. В советское время эта писательница из-за своего «христианского направления» была и вовсе не ко двору, да и теперь, увы, слова о «каждом грамотном», знающем пусть не всё творчество, но хотя бы одну ее повесть, нельзя отнести даже к филологам, специалистам по литературе XIX века, так что название статьи почти полутора-вековой давности — «Забывтая писательница»⁴ — можно было бы без перемен использовать и сейчас.

Выдающаяся писательница украинско-польско-русского происхождения, первая в России женщина-фольклорист,⁵ выпускница с золотым шифром Харьковского института благородных девиц прожила трудную, одинокую, праведно — в служении Богу и помощи ближним — пройденную жизнь.⁶ Она почти не покидала бедный степной хутор Ма-

³ Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858—1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 215 (далее сокращенно: Семья Аксаковых и Кохановская). В 1863 году Аксаков выпустил два тома «Повестей Кохановской» (в каждом по три) и в дальнейшем продолжал помещать ее произведения в издаваемых им газетах «День», «Москва», «Русь». В написанном им некрологе публицист отмечал «мужественность» и «энергию» таланта Кохановской, «не преходящее достоинство» и «внутреннюю силу» ее сочинений (см.: Там же. С. 356).

⁴ А. Э. <Эртель А. И.? Энгельгардт А. Н.?.>. Забывтая писательница: Литературный очерк // Вестник Европы. 1899. Т. 1, февр. С. 754—776.

⁵ Об этом см.: Иванова Т. Г. Кохановская (Соханская) Надежда Степановна // Русские фольклористы: Библиографический словарь: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2. С. 753—755.

⁶ Недавно обнаруженные мемуарные свидетельства открывают Кохановскую как подлинную христианскую подвижницу. См. воспоминания ее помощницы А. П. Котельниковой: 1, 499—506.

Кохановская (Н. С. Соханская). Фото В. Я. Лауферта (1862).
Музей-заповедник «Усадьба Мураново имени Ф. И. Тютчева»

каровка⁷ в Изюмском уезде, куда ее мать переехала из Корочанского уезда Курской губернии,⁸ но состояла в переписке со множеством лучших людей своего времени. Во время ее первого путешествия в две столицы (1862) она была представлена царской семье и получила предложение преподавать русскую словесность младшим великим князьям, но не приняла его и вернулась к себе в степь. Образцовой, если так можно выразиться, была кончина Соханской (3 декабря 1884 года), мужественно перенесшей тяжелое онкологическое заболевание. Она успела всем распорядиться, несколько раз соборовалась и причащалась, а до этого сама заказала в Харькове крест — единый для себя и для прежде почивших матери и тетушки. За месяц до смерти Надежда Степановна продиктовала последнее письмо к А. Ф. Аксаковой: «Порадуйтесь за меня! Я верую, что Господь примет меня как свою овцу, никогда не оставлявшую Его спасительного стада».⁹

Кохановская оставила сравнительно немного произведений, непохожих друг на друга по форме и предмету изображения, но объединенных светлым, сердечно-любящим и в то же время христиански трезвым взглядом на мир, вместе составивших особое направление в русской литературе, родственное тому, что было начато С. Т. Аксаковым. Она была не только прозаиком, но и ярким публицистом. «Настоящий, невыдуманный» «пафос» Кохановской отметил в свое время Ф. М. Достоевский,¹⁰ а Аксаков считал ее незаменимой сотрудницей всех своих изданий. Ей была свойственна огромная человеческая притягательность. Долгое время (до личного знакомства в том же 1862 году) знавший Надежду Степановну только по переписке П. А. Плетнев однажды сказал: «...она является таким неподражаемо милым существом, что не рас-

⁷ Одна из ее статей даже помечена: «Степь. Хуторок Макаровка» (Русская беседа. 1859. Кн. VI. Отд. III. С. 152), словно степь — это отдельная страна.

⁸ Ныне этот район относится к Белгородской области, и это, пожалуй, единственное место, где имя Кохановской что-то говорит большему числу людей. Ее имя носит центральная библиотека в г. Короча; обратились к изучению наследия землячки и в Белгородском литературном музее. Название хутора (тоже, как и Макаровка, уже не существующего), где родилась Надежда Степановна, звучало приветливо: Веселый, или Веселое. Так, в духе эпохи сентиментализма, переименовал его дед писательницы из «приземленного» Хвощеватого.

⁹ Семья Аксаковых и Кохановская. С. 355.

¹⁰ Тимофеева В. В. (Починковская О.). Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 146.

статься бы с нею!»¹¹ В том же духе высказался в конце XIX века и живший в Конотопе библиограф С. И. Пономарев, посвятивший несколько лет жизни разбору архива писательницы,¹² впоследствии, по вине наследников, утраченного: «Кажется, свет Божий просветлеет, если раздается ее задушевное слово: такая в нем свежесть и спокойная ясность души».¹³

Всё наследие Соханской — ее художественная проза, публицистика, литературно-критические статьи и, конечно, письма¹⁴ — помимо большой эстетической ценности (тут мы можем вполне довериться вкусу П. А. Плетнева, семьи Аксаковых, Ф. И. Тютчева, М. П. Погодина, К. Н. Леонтьева и многих других, ставивших Кохановскую очень высоко)¹⁵ обладает какой-то необыкновенной «питательностью» для ума и сердца. Кохановская без навязчивого дидактизма, без открыто преподносимых читателям благочестивых нравочений умела передать свою горячую, неколебимую веру в Бога, преданность Церкви,¹⁶ жела-

¹¹ Плетнев П. А. Сочинения и переписка: В 3 т. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1885. Т. 3. С. 642 (письмо к В. А. Жуковскому от 4 марта 1850 г.).

¹² См.: Пономарев Ст. <И.> 1) П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская): (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // Русское обозрение. 1896. Т. 39, июнь. С. 469—479; 2) Рукописи Н. С. Соханской (Кохановской) и письма к ней // Там же. 1897. Т. 43, февр. С. 561—568; 3) Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Там же. 1898. Т. 49, янв. С. 277—312.

¹³ Цит. по: Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности. С. 292.

¹⁴ С. И. Пономарев предлагал в свое время Синоду издать подборку из ее писем — именно как подлинно «христианское чтение». В неопубликованном предисловии к задуманному им сборнику писем Кохановской он писал: «Нельзя не проникнуться глубоким уважением, когда замечаешь, что при всей грустной обстановке Кохановской (ее одиночестве, бедности, болезнях) вера ее была всегда благоговейна и несокрушима до самой смерти. <...> В ней была сила и высота нравственного чувства, неразрывно связанная с крайней простотой ее проявлений» (цит. по: Там же. С. 41—42).

¹⁵ Иногда, правда, случалось, что ценители первых крупных произведений Кохановской (такие как Тургенев, Толстой или Ап. Григорьев) в дальнейшем переменяли свое мнение. Григорьев, к примеру, считал, что Кохановская погубила свой талант, подчинив его славянофилам. На самом деле никакого подчинения не было. Кохановская, напротив, позволяла себе порой резко критиковать московский кружок. См. об этом: Фетисенко О. Л. «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 году // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 232—252.

¹⁶ Эта преданность не мешала ей видеть болезни Церкви земной. См. об этом: Фетисенко О. Л. «Больные места» русской церковной жизни XIX ве-

ние помогать людям словом и делом, умение видеть знаки Божественного провидения — руку Божию, ведущую нас среди «странствия земного». В ее случае не нужно выискивать «с лупой» христианские мотивы в творчестве: здесь ими всё пронизано.

Главными секретами читательского притяжения к автору повестей «Гайка» и «После обеда в гостях» были увлекательность рассказа (даже порицавшие ее критики признавали: начав читать, не оторвешься), музыкальная («песенная» или «песнивая», как выразился читавший Кохановскую А. Ф. Вельтман)¹⁷ и образная речь, неповторимый колорит которой придавало обильное привнесение южнорусизмов и архаизмов, оживающих, искрящихся в новом контексте, а также оригинальный синтаксис и особая «сжатость» слога.

Ее лексика («крыжовник и смородина цветут во весь разворт», «мне не в сутерп»; «перевесный бой» и т. п.) могла бы значительно дополнить солженицынский «Словарь языкового расширения», а некогда сам В. И. Даль почерпнул из ее повестей ряд слов для своего словаря («ирица», «мреть»)¹⁸. Повести Кохановской в языковом отношении представляют собой настоящий клад и для писателей, и для филологов. При этом здесь нет лесковской «густоты» и искусственности «мелкоскопов» и «кувырколлегий».

Вот лишь один из типов словотворчества Кохановской: примеры характерных для нее словообразований с приставкой *без-*, взятые из ранних повестей и автобиографии: «веселое безгорье», «подарите меня полным беззвучием», «тяжелое беззвучие»; «в <...> неестественном безощущении»; «безузорная сказка» и «безузорный воротничок», «дорога чистая, безуборная» (в значении «без убранства, украшений»), «безобаятельная», «безрасчетную доброту» и «с безотвязчивым расчетом», «безгорестной груди», «безвыкупная пленница»; «я осталась безъяременою» (т. е. без всяких обязательств). Встретился даже забавный глагол: «обезушить» (т. е. обкорнать уши).

Для прозы Кохановской 1840–1850-х годов характерны диминутивы (часты эпитеты «маленький», «легенький» — и то и другое не о вещах, а, например, об улыбке). Но филологи подмечали эту черту и у ранних христиан, которые редко говорили «книга», а чаще «книжечка», «кни-

ка в осмыслении Кохановской (Н. С. Соханской) // XXXII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. С. 81–83.

¹⁷ См.: Семья Аксаковых и Кохановская. С. 485. Помимо самого строя речи и характера метафор «песенность» усиливалась и прямым включением в повествование множества фольклорных текстов, записанных самим автором.

¹⁸ См.: Там же. С. 129, 429.

жица». При этом, поскольку рядом используется и совершенно другая лексика, не создается впечатления слащавости или сентиментальности.

Живой отклик в читателях нашло «просвечивающее во всём рассказе без воли автора его мудрое, кроткое и любовное воззрение на жизнь». ¹⁹ Немудрено поэтому, что имя Кохановской оказалось связанным с так называемым «положительным направлением» в русской литературе (иначе: «положительным воззрением»), которое должно было противостоять господствующему «отрицательному направлению» (натуральной школе) и осуществить художественное примирение «высших начал жизни с формами народной действительности» (таково свойство положительного направления по Н. П. Гилярову-Платонову). ²⁰ «Отчего наша полуторастолетняя литература не произвела ни одного положительного типа, не создала ни одного прямо-русского идеала? Отчего вся она “отрицательная”?» — задавался в 1864 году справедливым вопросом

¹⁹ Б. А. <Алмазов Б. Н.>. Взгляд на русскую литературу в 1858 году // Утро: Литературный сборник. М.: Тип. Барфкнехта и К°, 1859. С. 83. Приведу также поэтическое высказывание Ап. Григорьева: «Чем хороши немногие и необъемистые произведения г-жи Кохановской? Глубокою мыслью? Современностью вопросов? Многосторонним и верным изображением какой-нибудь жизни, какой-нибудь эпохи? Ничто подобное заметно не выступает в этих повестях. Они не решают ни наших вопросов, ничего не сравнивают и не противопоставляют, ни против чего не протестуют. Они похожи на музыку, на песню. <...> они преимущественно дороги нам тем, что в них веет свежий воздух, что они производят на нас действие бодрящее и освежающее. Они исполнены поэзии, то есть того света, который неожиданно озаряет давно знакомые предметы и открывает нам кроющуюся в них глубокую жизнь. Но кроме того эта поэзия имеет для нас еще какую-то особенную привлекательность и понятность. Этот свет как будто имеет особенный оттенок, необыкновенно приятный для нас, озаряющий мир теплее и чище всякого другого света» (<Григорьев Ал.> Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести // Время. 1861. Т. V. № 9. Отд. II. С. 27–28).

²⁰ Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Сост. и коммент. Ю. В. Климакова. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 547. Об этом направлении, а также о творчестве Кохановской в связи с этой проблематикой см.: Анненкова Е. И. Славянофилы и Гоголь: концепция личности и общества // Анненкова Е. И. Гоголь и русское общество. СПб.: Росток, 2012. С. 299–352; Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2013; Егоров Б. Ф. А. М. Иванцов-Платонов — ученый, публицист, литературный критик // Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана: История русской литературы и культуры. М.: Юрайт, 2018. С. 120–128; Фетисенко О. Л. У истоков «положительного направления» в русской литературе: Кохановская (Н. С. Соханская) и С. Т. Аксаков // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 21–29.

критик-славянофил Н. М. Павлов.²¹ О том же говорил К. Н. Леонтьев, сожалея, что «мы разучились хвалить».²² «Спокойнее и любовнее» смотреть на жизнь призывал в рецензии на «Дворянское гнездо» воронежский критик М. Ф. Де-Пуле.²³ Литературными манифестами «положительного направления» стали помещенные в журнале «Русская беседа» статьи Н. П. Гилярова-Платонова (о «Семейной хронике» и «Воспоминаниях» С. Т. Аксакова и о повести Кохановской «Из провинциальной галереи портретов»; 1856 и 1859 гг. соответственно) и священника (впоследствии протоиерея) А. М. Иванцова-Платонова («О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе», 1859), но еще до их появления идея вынашивалась в семье Аксаковых.

Е. И. Анненкова в своей книге «Аксаковы» привела большие цитаты из писем В. С. Аксаковой к ее петербургской кузине М. Г. Карташевской, поводом к которым послужили повести графини Е. В. Салиас де Турнемир.²⁴ Воспользуемся прозвучавшими здесь доводами, чтобы лучше понять, что в славянофильском кругу стояло за термином «положительное воззрение». В современной беллетристике, замечает Вера Аксакова, идеалом является «счастливый человек» и его земное «благодействие» (тут, конечно, на ум приходят более поздние леонтьевские обличения «эвдемонизма» и «среднего человека»),²⁵ а «истинно высокое значение» жизни не понимается или даже вовсе не признается. «Вечные законы» существуют как бы отдельно от человека. Рассудительная Вера Сергеевна наставляет подругу:

«По-твоему, вечные законы нравственности и истины сами по себе, а жизнь сама по себе, да разве это не одно и то же. Мой милый друг, ты, конечно, не взвесила сама слов, которые произносила, смысл их ужасен, и если ты могла произнести их, то вот тебе самое лучшее доказательство того впечатления, кото-

²¹ Н. Б. <Павлов Н. М.>. Письма к Редактору *Дня* по поводу последней повести г-жи Кохановской // *День*. 1864. 6 июня. № 23. С. 16.

²² *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. <19 кн.> / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 7, кн. 1. С. 539.

²³ *Де-Пуле М. Ф.* *Дворянское гнездо* И. С. Тургенева // *Русское слово*. 1859. № 11. Отд. II. С. 2.

²⁴ *Анненкова Е. И.* *Аксаковы*. СПб.: Наука, 1998. С. 191–194.

²⁵ Этой теме посвящены его «Афонские письма» (1872, 1884), статьи о Достоевском и Толстом, вошедшие в брошюру «Наши новые христиане» (1882), незавершенная книга «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872–1889). См., например: *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 7, кн. 1. С. 150–153.

рое оставляет это ложное направление гр. Салиас и вообще этих повестей; вот самое ясное доказательство той скрытой безнравственности, о которой я тебе писала. Эта безнравственность в самих писателях, в их взгляде на жизнь, который они очень искусно и очень сознательно умеют провести в рассказах, иногда вовсе не заключающих даже никаких безнравственных происшествий». ²⁶

Далее автор письма говорит, что вовсе не требует «от всех писателей особенного духовного или, так сказать, религиозного направления, решения исключительно религиозных задач»: «это было бы смешно и нелепо». Требуется другое:

«...если б писатель носил в душе, в понятиях вечные законы нравственности и истины <...> то всё, об чем бы он ни говорил, не напоминая прямо об этих законах, не могло бы не уловливаться ими же, не могло бы стоять в противоречии с ними. <...> Если признать эти законы, что нет такого уголка в жизни, в котором бы мы могли обойтись без них». ²⁷

Образчик подобного подхода В. С. Аксакова находила в английских романах: там «при чтении даже безнравственных явлений выносятся самый нравственный идеал». ²⁸ Теперь понятно, почему в семье Аксаковых так полюбили Кохановскую (в переписке Веры Аксаковой и Марии Карташевской ее имя тоже будет появляться часто). ²⁹ В ее творчестве именно не было «такого уголка», который бы не освещался и не освящался Божиим присутствием. Иван Аксаков по поводу одной из повестей Кохановской скажет: «Все действующие лица <...> действуют и стоят как бы пред лицом Божиим, и Лицо Божье как бы смотрит на них и светит им». ³⁰ И — повторю то, что сказала выше, — всё это развернуто не в жанре «назидательно-нравоучительном».

Славянофилы верно «расслышали» в Кохановской близкую душу. Еще до начала эпистолярного знакомства (оно произойдет в конце 1858 года) и сближения с ними, в 1856 году, Кохановская высказывала совер-

²⁶ Анненкова Е. И. Аксаковы. С. 192.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 193.

²⁹ Примеры см.: Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности. С. 65—66, 330.

³⁰ Семья Аксаковых и Кохановская. С. 218 (из письма к Кохановской от 1 февраля 1864 г.).

шенно славянофильский взгляд на вещи в письме к петербургскому журналисту А. В. Старчевскому:

«Помните это время, когда бедный Москвитянин все добивался *нового слова* и ему казалось, что г. Островский сказал это слово, и Писемский его выговорил, и еще, кажется, другие.³¹ Я хорошо смекала в глуши своей Макаровки, что — пустяки! Даже такое прекрасное произведение, как “Свои люди — сочтемся”, не есть новое слово, потому что оно ничего нового не говорит нам. Это тот же Гоголь в страшном пафосе его отрицания, смеющегося до слез. Новое слово должно родиться от нового духа. А новый дух не должен ли, именно, состоять в том, что, наконец, довольно! Полно нам подставлять наши могучие плечи под бичеванье этой беспощадной, грязной, мелкой и нелепой сатиры, одетой в ее жалкую, нагую действительность. Пора стать перед нею высокою грудью и нашим светлым русским взглядом оглянуться вокруг. Что найдем, всё наше; а на такой ли широте, на этом ли чудном просторе, дышащем мировой силой — не найти нам чего-нибудь помогучее и пошире сердцем тех бледных, дряблых и истерзанных чувств и загрязненных представлений, которые, как кошмары, давят нас?»³²

Задачей писателя Кохановская считала долг «знакомить человека с лучшею частью его самого».³³ Другое программное высказывание находим в ее письме к М. Ф. Де-Пуле: «И только ропот! и всё ропот! Когда же наши ропчущие сердца скажут высокое слово мира и благословения! И знаете ли, Михаил Федорович, мне сдается, что они тогда скажут это слово, когда перестанут искать спасения своему Израилю в ком-либо другом, и поищут и <...> найдут его в себе самих. “Се бо царствие Божие внутри вас есть”,³⁴ сказано высокое благовестовательное слово...».³⁵

³¹ Речь идет о статьях Ап. Григорьева в журнале «Москвитянин».

³² Цит. по: *Старчевский А. В.* Из воспоминаний старого журналиста // *Новости и Биржевая газета.* 1884. 16 дек. № 347. С. 3.

³³ Ср. с приведенной С. И. Пономаревым ее записью: «Открывать истину, давать нравственное и благородное направление страстям человеческим, *знакомить человека с лучшею частью его самого* — таково было всегда назначение настоящего писателя, достойного носить это имя. Да, да, да!» (*Пономарев Ст.* Рукописи Н. С. Соханской (Кохановской) и письма к ней. С. 564).

³⁴ Лк. 17: 20.

³⁵ «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...»: Письма Кохановской (Н. С. Соханской) к М. Ф. Де-Пуле (1860–1866 гг.) / Вступ. ст.,

Слова «галерея портретов», давшие название этой статье, отсылают к заглавию одной из лучших повестей Кохановской — «Из провинциальной галереи портретов» (2, 202—303).³⁶ Там разглядывание старинных портретов в доме предводителя дворянства служит завязкой сюжета. Остановившись на одной из картин, на которой изображена благоуханная старушка с «котиком» на коленях, повествовательница рассказывает всю историю жизни этой женщины, некогда красавицы и замечательной хозяйки, а вместе с ней целено воссоздает весь обиход Екатерининской эпохи в южнорусской провинции. Современники обратили внимание главным образом не на женский образ, а на фигуру отца главной героини. Судя же по статье «Ответ г-ну Г<иляро>ву» (1859), Анна Гавриловна для самого автора была важнее: Кохановской хотелось через этот персонаж раскрыть древнерусское воззрение на женщину.³⁷

О повести «Из провинциальной галереи портретов» Кохановская свидетельствует в записи для себя, что она основана «не на фактах, а на жизненном духе, выработанном этими фактами».³⁸ В двух других повестях («Рой-Феодосий Саввич на спокойе», 1864, и «Словесная кроха хлеба», 1874), а также в более ранней хронике «Старина» (1855—1861) были использованы семейные предания и местные легенды, а исторические «декорации» настолько проработаны, что труд писательницы поистине сопоставим с работой археолога. (Еще раньше за чрезмерное увлечение подобной «археологией» ее журил М. Ф. Де-Пуле.³⁹)

Весь ряд созданных писательницей образов русских людей XVIII — начала XIX века можно рассмотреть как единую, со вниманием подобранную *галерею портретов*. Здесь гениальный певец — купянский подсудок по прозвищу Черный, странница Авдотьюшка, купцы, небогатые («малодушные», как их в шутку тогда называли) и богатые помещики, мещане, приказные, офицеры, гордая «пани-воеводша» и целая галерея

подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Росток, 2020. С. 236—237.

³⁶ Русский вестник. 1859. Т. 20, № 5. Март, кн. 1. С. 61—157.

³⁷ См. об этом в центральной части статьи: Кохановская <Соханская Н. С.>. Ответ г-ну Г<иляро>ву на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов» // Русская беседа. 1859. Кн. VI. Отд. III. С. 130—147.

³⁸ Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской). С. 282. Ср. в статье «Ответ г-ну Г<иляро>ву»: «Не на грубых фактах, выброшенных из жизни, а на самом жизненном духе, выявляемом этими фактами, полагается основа того, что мы называем произведением духа» (Русская беседа. 1859. Кн. VI. Отд. III. С. 150).

³⁹ Ответ писательницы на этот упрек см.: «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...». С. 236.

русских девушек; «чудо-богатыри» Гаврило Михайлович и Марко Петрович, Феодосий Саввич Пущин по прозвищу Рой и его мать боярыня Пущина, секунд-майор Ситников-Прус и его верный денщик Птаха, предки писательницы (в хронике «Старина») и ее старшие современники — прототипы героев рассказа «Давняя встреча» и «Летописного сказания» к незавершенному роману «Степная барышня сороковых годов».

В галерею входят и портреты-топосы: образы русской земли, *степи*⁴⁰ и вековой дубравы, лесной «гущи и пущи», где можно встретить и разбойника, и отшельника (а иногда это одно и то же лицо — покаявшийся разбойник), *реки* — могучего «батюшки-Дона» (3, 91), мрачно шумящего Северского Донца и речки, что веселой ниточкой тянется по степной балке; *монастыря*⁴¹ с тысячами паломников и сельского храма, маленького городка с его типическими обитателями всех слоев общества, богатейшей помещицкой усадьбы, казачьей станицы и однодворческого хутора. В нескольких произведениях большую роль играют мельница и особенно пасака — тоже важные приметы «русского мира».

Расхожее представление о писательнице связывает ее с описаниями мелкопоместного и мещанского быта, глухими провинциальными уголками юга России, картинами незатейливой семейной жизни. Однако это не совсем так. Действие ряда повестей Кохановской («После обеда в гостях», «Гайка», отчасти «Кирила Петров и Настасья Дмитрова», 1861) происходит, пожалуй, и правда вне истории и какого-либо исторического фона, т. е. могло совершиться в любую эпоху. В них как будто значимы только психологические коллизии (хотя внимательный читатель

⁴⁰ «Ваше описание прелести степей я могу сравнить только с тем, что об этом же предмете слышал некогда из уст Пушкина». Эти слова из процитированного С. И. Пономаревым и впоследствии утраченного письма Плетнева к Соханской (см.: Пономарев Ст. П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская). С. 472) были вызваны, вероятно, следующим фрагментом в ее автобиографии: «Казалось бы, всё одно степи, — но пусть мне завяжут глаза и приведут незнамо на какую степь, я отличу степь украинскую от степи новороссийской. Те будто пустынное, дичее, всё полней и полней сливаются с небом, и, для понявшего тайную жизнь степей, они будто безжизненны; по ним заметнее веет юг: воронец <...> цветет там на воле ярко-малиновый и даже розовый; встречается пахучий тюльпан; но зато — в изобилии мелких цветов, в густоте и ярких переливах травы степь новороссийская уступит красавице украинской. Ковыль по ней белеет, точно густая борода в нарощем инее, и, что главное всего и представляет любопытную странность, — степи новороссийские не расстилаются гладким ковром, как милые степи нашей Украины...» (1, 160).

⁴¹ См.: Фетисенко О. Л. Четыре Лавры: монастырская тема в художественном, публицистическом и эпистолярном наследии Кохановской (Н. С. Соханской) // Два века русской классики. 2019. № 2. С. 94–109.

найдет приметы времени и там, так что время действия можно будет легко определить). Однако чаще повествование всё же оказывается вписанным в «большую историю», и исторические детали в нем очень важны. Так, в нескольких произведениях критически упоминаются «компанейцы»: наделенные поместьями и крепостными и не лучшим образом показавшие себя в этом новом качестве «лейб-кумпанцы» Преображенского полка, возведшие на престол Елизавету Петровну.

Есть в творчестве Кохановской образы имперского Петербурга (например, екатерининский Эрмитаж и два столичных храма в повести «Словесная кроха хлеба»), священной земли Крыма, величаво-горестный образ Севастополя как «русской Голгофы». ⁴² В «Летописном сказании» к незавершенному роману «Степная барышня сороковых годов» внимание приковывает фрагмент, посвященный Медному всаднику, звучащий как «претекст» некоторых фрагментов «Петербурга» Андрея Белого:

«Я гляжу и вижу не во сне и не наяву, а в том вещем пробуждении мысли, когда теряются время и пространство, — вижу: мало-помалу затуманилась между гранитными берегами величавая полноводная река. По сторонам ее теснятся громады зданий; египетские сфинксы стоят над нею задумчивым иероглифом; а там, плотник и работник на троне, по ту сторону, на гранитной скале, закаленный царь взнесся высоко на своем медном, вставшем на дыбы коне. С плечей могучего царя и вниз по хребту изваянной меди коня стекают дождливые бури и снежная непогода Севера, — стекают они годы и годы, и заструилась от коня и всадника позеленелая чудная полоса. Видели вы ее? Она течет в море; но не в то море, куда плещется своими волнами и вливается многоводным устьем Нева» (3, 389–390).

Галерею портретов дополняют «жанровые сценки» (Тургенев однажды упрекнул в целом ему понравившуюся повесть «После обеда в гостях» за то, что там «пахнет Квиткой», ⁴³ т. е. жанром украинских рассказов бытописателя Г. Ф. Квитко-Основьяненко; но всё же уместнее было бы сказать: «хутором близ Диканьки»). Здесь нужно выделить близкую Гоголю по тематике и стилистике повесть «Соседи» (1850)

⁴² О последнем подробнее см.: *Фетисенко О. Л.* Кохановская: «степной цветок» русской словесности. С. 247–252.

⁴³ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 3. С. 341 (письмо к А. В. Дружинину от 10 октября 1858 г.).

и вставные эпизоды в хронике «Старина» (например, о похождениях глупого корочанского воеводы Акимы Петрова).

Для создания портретной галереи русского мира Кохановской важна была область женского рукоделия. Костюм — и женский, и мужской, и крестьянский, и городской, и вельможный, — как и все виды редчайших старинных тканей, писательница знала до тонкостей. До мельчайших, поражающих современников, деталей известны ей были особенности ремесел,⁴⁴ приметы и поговорки охотников. Вот, к примеру, описание устройства фигурной изразцовой печи («грубы»): «Они складывались совершенно пустым и сквозным коробом безо всяких основ и нынешних сводов и оборотов внутри. Изразцы скреплялись продетой проволокой и по местам обыкновенно медной пуговицею, которая прихватывала и сдерживала на проволоке углы соединяющихся изразцов. И эти тонкие красивые изразцы, проволока и медные пуговицы быстро раскалялись, но так же быстро и остывали, и потому с осени и до весны боярские грубы топились из сеней неугасимо» (3, 259).

Кроме того, мир ее повестей наполнен играми, обрядами, песнями, танцами (например, здесь можно встретить разные виды «танкóв»). Этой теме посвящено диссертационное исследование,⁴⁵ основанное, впрочем, только на двух повестях и нескольких статьях Кохановской. Странно, как могло быть пропущено ее крупнейшее художественное произведение — «Рой-Феодосий Саввич на спокое»?

В текстах Кохановской содержатся разнообразные этнопсихологические наблюдения, вроде следующего: о том, что «полнота духовной сущности русского народа» возможна лишь во «взаимном действии душевных сил северного русака и южного малоросса».⁴⁶ Описывая милых ее сердцу малороссов, писательница выделяет такие свойственные им черты, как достоинство, свободолюбие, насмешливость (при общей мягкости характера), музыкальность. Говоря о людях XVIII века, Кохановская показывает, что их европеизм был лишь данью моде, а души людей оставались верными «старине» и народной культуре, венцом и главным выражением которой была песня.⁴⁷

⁴⁴ См., например, описание починки мельничного колеса: 3, 42.

⁴⁵ *Лебедева С. Н.* Фольклорно-этнографическая основа творчества Н. С. Кохановской: Дисс. ... канд. филол. наук / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2006.

⁴⁶ *Кохановская <Соханская Н. С.>*. О русской песне: Письмо к Ив. С. Аксакову // Гражданин. 1872. Кн. 1. С. 2—3.

⁴⁷ См. лирическое отступление в повести «Из провинциальной галереи портретов»: 2, 226.

Повести Кохановской воссоздают еще и речевой «портрет» русской старины во всевозможных вариациях. Фольклорная образность, внутренние рифмы, аллитерации и ассонансы, свойственные и песням, и поговоркам, церковнославянское слово Священного Писания,⁴⁸ язык грамот XVII века — всё вместе создает сочный, «переливный» (одно из любимых слов Кохановской) язык. «Песенный» речевой строй в сочетании с реальными, осуществленными ею с голоса матери и тетушки записями песен (в том числе первооткрытых ею древнейших «боярских») — это прежде всего и есть та самая художественная «археология» Кохановской, которую она числила в ряду своих основных писательских задач.

Конечно, «портрет» русского мира создавался еще и в раскрытии, формулировании его идеалов. А это, разумеется, был идеал христианский. За строками повестей видится проповедь неколебимой преданности воле Божией, непрестанной работы над собой («труда души»), терпения, смирения,⁴⁹ любящей заботы о мире и человеке и борьбы с тем, что св. Феофан Затворник называл «самоценом». «Если смотреть на жизнь не как на случайное сцепление тех или других происшествий, а над всеми ими видеть написанным: *есть Бог*, то поразительно, какие судьбы правды Божией объявятся иногда перед нами!» (2, 514), — писала Кохановская в хронике «Старина». Более прямая христианская проповедь неперемenna в ее письмах к подругам, к внучатой племяннице. Вот один из фрагментов такого рода: «Ничего нет хуже деланных, измышленных положений души. Простота и прямота, т. е. истина в нравственном строе движений и выражений сердца, есть та красота души, которая дарована ей Богом».⁵⁰

⁴⁸ К ней, как, пожалуй, ни к кому другому из наших писателей, применимы слова преп. Серафима Саровского о том, что ум должен «плавать» в Писании: «Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою» (цит. по: Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. Муром, 1893. Изд. 4-е. С. 291). Кохановская буквально «дышит» библейским словом и богослужебными текстами.

⁴⁹ Интересно, что в эпоху «великих реформ» один из критиков счел проповедь смирения у Кохановской прямо «опасной». См.: <Дудышкин С. С.>. Мотивы современной литературы: Г-жа Кохановская (Повести Кохановской, два тома. Москва. 1863) // Отечественные записки. 1863. № 7. Отд. III. С. 34.

⁵⁰ Уроки верующего сердца о перенесении горя (Отрывки из писем известной писательницы) / Сообщ. С. И. Пономарев // Черниговские епархиальные известия. Часть неофициальная. 1905. № 11. 1 июня. С. 350. Ряд фрагментов неизданных писем Кохановской приведен в статье: Фетисен-

Писательницей создана своя галерея праведников. Это и реальное лицо, введенное в повесть «Рой-Феодосий Саввич на спокойе», — святой Иоасаф Белгородский, тогда еще не канонизированный, но всеобщее чтимый, особенно на юге России, и вымышленные персонажи: сам Феодосий Саввич, добродетельность которого показалась Достоевскому избыточной,⁵¹ скромный Алексей Затолока в «Гайке» (своего рода «анти-Штольц», поскольку тоже представлен как гений предпринимательства), величавый в долготерпении сударь-Прус в «Словесной крохе хлеба», оступившиеся и восставшие праведники — Кирила и Настасья, а также промелькнувший лишь в эпизоде персонаж — странник, принявший на дороге исповедь Кирилы. Отдельного рассмотрения заслуживала бы «иконичность» повести «Рой-Феодосий Саввич» с ее тремя сюжетными планами: историями построения храма, рождения семьи как малой Церкви и покаяния разбойника.

Следует отметить, что Кохановская — не только первая у нас женщина-фольклорист (собирательница, издательница и истолковательница редких песен и народных быличек), но еще и родоначальница христианского прочтения творчества А. С. Пушкина и вообще, думается, христиански ориентированного литературоведения в нашей стране. Эта часть ее творчества представлена в трех больших статьях: «Степной цветок на могилу Пушкина» (1856, опубликована в 1859 г.), «Ответ г-ну Г<иляро>ву» (1859) и «Письмо к гр. Л. Н. Толстому по поводу его “Исповеди”» (развернутое письмо к Толстому 1883 года, опубликованное автором в 1884-м, после годовичного ожидания ответа).

Перед нами писательница, значение которой удачно определила еще в 1861 году одна из ее поклонниц, В. Н. Меликова: «Счастлив, кто может среди искушения тоски, горя, одиночества хранить всецело Божий дар! И это счастье — ваше!»⁵² Призвание писательницы было воплощено ею во всей полноте и, хочется верить, ее «миротворное»⁵³ слово может быть действительно-целительно и сейчас. В трудные времена людям бывает свойственно искать какого-то отвлечения, забвения. Лучше (точнее: спасительнее) искать, напротив, не отвлечения и развращения, а твердой опоры, которую, прежде всего, дают три так называемые «богословские добродетели» — вера, надежда, любовь. Во имя св. Надежды

ко О. Л. Письма Н. С. Соханской (Кохановской) как опыт «духовной автобиографии» // Два века русской классики. 2021. № 4. С. 164–181.

⁵¹ См. подробнее: Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности. С. 162–164.

⁵² Г-жа Вера Меликова к Н. С. Соханской / Сообщ. С. Пономарев // Русское обозрение. 1897. Т. 45, июнь. С. 905.

⁵³ Ср.: «Вас живит дух миротворный...» (Там же. С. 906).

была названа та, о ком шла речь в этой статье. Она придавала большое значение смыслу своего имени: «Пусть, чтобы ни случилось, мы подыдем свой верный парусок Терпения, и наша плоскодонная лодочка, как и ваш трехмачтовый корабль, полетит к своей пристани, к одной пристани всем нам. Там у берега брошен якорь высокой надежды; я сама Надежда, и ему не изменить мне!»⁵⁴

————— ⁵⁴ Письмо к П. А. Плетневу от 14 декабря 1848 г.; цит. по: *Фетисенко О.* Зачем читать Кохановскую и чему поучиться у Надежды Соханской? // Звонница. 2022. № 2. С. 176–177.

Достоевский как интурист

*Открытие Европы,
или жаркое лето 1862 года*

«Восторг и ужас»: встреча с первой любовью

В декабрьском номере «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский вдруг вспоминает о «мечтах и фантазиях», которые бродили некогда в головах его юных сверстников. В том числе, и о дерзких прожектах «бежать в Венецию». «Я знал одного такого», — несколько туманно добавляет он в скобках.

Разумеется, он его знал. В возрасте пятнадцати лет, покидая Москву и направляясь в Петербург, он усердно сочиняет (правда, пока в уме) «роман из венецианской жизни».

«Венеция» — собирательный образ романтического и благословенного Запада, «страны святых чудес». К ним, этим чудесам, он был приуготован с ранних своих дней. Можно сказать, он возрос под обаянием этого победительного чувства. «За границей, — сказано в «Зимних заметках о летних впечатлениях», — я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф, от которых я потом бредил во сне в лихорадке. Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже всё осмотреть, непременно всё, несмотря на срок».¹

«Восторг и ужас» — вот первое восприятие Достоевским западного культурного мифа. Но «ужас» здесь — скорее, фи-

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 46.

гура речи: подразумевается, конечно, «ужас восторга». Вряд ли, однако, именно с подобным чувством въезжал он в Европу, когда судьба даровала ему эту чаемую с детства возможность. «Как это вот я увижу наконец Европу, я, который бесплодно мечтал о ней почти сорок лет, я, который еще с шестнадцати лет, и пресерьезно, как Белопяткин у Некрасова,

Бежать хотел в Швейцарию, —

но не бежал, и вот теперь и я въезжаю наконец в “страну святых чудес”, в страну таких долгих томлений и ожиданий моих, таких упорных моих верований».²

Бежать, оказывается, хотелось также и в Швейцарию, причем «с шестнадцати лет». То есть уже не из благополучного московского семейства, а, судя по всему, из Петербурга, прямо из военно-учебного заведения — Инженерного училища, иными словами — из воздвигнутого по западным «масонским» лекалам Михайловского замка, где вполне домашним способом был умерщвлен несчастный император.

Он покидает Петербург 7 июня (по ст. стилю) 1862 года³ в восемь часов утра. Поездка по железной дороге до Берлина занимала 46 часов 15 минут.⁴

Спрашивается: как могли его — недавнего каторжника, всего лишь два года с небольшим как вернувшегося в столицу, обретшего вновь дворянство, но отнюдь не прощенного (ибо никакой официальной реабилитации не последовало), — как могли его выпустить за границу? (Формальное разрешение было получено сравнительно быстро.) Не потому ли, что мотив у намеревающегося отъехать литератора был довольно стандартный, не вызывающий подозрений? А именно — поправление здоровья.⁵

² Там же. С. 51.

³ Даты, связанные с Россией, даются по старому стилю, а с пребыванием Достоевского за границей — преимущественно по новому.

⁴ *Брусовани М. И., Гальперина Р. Г.* Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского в 1862 и 1863 гг. // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 272–292. В этой работе прослежена хронология всех передвижений Достоевского за границей в указанный период.

⁵ Хотя во время майских петербургских пожаров 1862 года (речь о которых впереди) в здании Министерства внутренних дел сгорели документы, относящиеся к первой заграничной поездке Достоевского (см.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 1286, оп. 24: 1862, д. 127, л. 6; *Литературное наследство.* М.: Наука, 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 596; *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т.* СПб.: Академический проект, 1993.

Не мог же он толковать *им*, что просто желает «проехаться по Европе»: применительно *к нему* такого рода аргументы могли и не возыметь желаемых последствий.

Между тем за более чем двухмесячное пребывание за границей собственнно на лечение не было, кажется, потрачено ни одного дня (что не исключает разовых консультаций, например, у каких-то парижских врачей). Он ехал туда совсем не за этим.

Отправляясь в Европу, Достоевский достигает крайне западной точки своего физического присутствия в мире. Передвижение его в пространстве ограничивается строгой системой координат: Омск — Лондон. Ни восточнее этих «конечных» пунктов, ни западнее он никогда более не двинется.

Он въезжает в «страну долгих томлений» восемь лет спустя после выхода «из мрачных пропастей земли». «Записки из Мертвого дома» еще печатаются во «Времени». И хотя он уже вполне освоился в Петербурге, контраст между недавним сибирским прошлым и открывающимся в своих пока еще неведомых подробностях европейским настоящим — этот контраст не мог не волновать ум. В обоих случаях он оказывался за пределами привычной ему среды: этой асимметрией как бы замыкалось его жизненное поле.

У русской путевой прозы был к тому времени немалый задел. Вряд ли, приступая к своим «Зимним заметкам...», Достоевский держал в памяти «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, но «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина он не мог не знать. Правда, автор «Писем...» «сделал вид», что означенные эпистолы сочинялись и отсылались им по мере его продвижения по европейским просторам, хотя писались они преимущественно по возвращении путешественника в Москву. Достоевский не стал прибегать к этим творческим хитростям. Он твердо обозначил дистанцию между самим путешествием и возникшим впоследствии текстом. В самом названии «Зимних заметок о летних впечатлениях» можно усмотреть весьма ироничный оттенок: намек на

Т. 1: 1821—1864. С. 363), есть основания полагать, что начальству было представлено медицинское свидетельство от проф. Боссарта (см.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. Т. 1. С. 350). Обсуждалась также возможность предоставления такого от профессора С. П. Боткина. Для получения заграничного паспорта медицинское свидетельство Боссарта было удостоверено во врачебной управе. Не исключено, что получению разрешения на выезд споспешествовал генерал-губернатор Петербурга А. А. Суворов («гуманный внук воинственного деда», по слову Ф. Тютчева), сочувствовавший Достоевскому. Автор «Бедных людей» оказался одним из первых петрашевцев, выпущенных за границу. Кроме него этой милости удостоился лишь А. И. Европеус, сопровождавший в Европу свою большую жену.

то, что указанный временной промежуток мог охладить (и одновременно — укрупнить) впечатления *интуриста*.

Но заголовок еще и задает *тон*. Всё повествование (в первую очередь, «немецкие» и «французские» главы) проникнуто сдержанной авторской усмешкой. Или, иначе говоря, внутренний сюжет «Зимних заметок...» развертывается под саркастическим писательским прищуром.

Почему Достоевский избрал именно такую художественную оптику, именно такой — подчеркнуто игровой — угол зрения? Не рассчитывался ли он подобным образом со своим прошлым — с юношеским упоением и ослеплением Западом? «Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?»⁶

Но вот что интересно. Во всём многомерном тексте «Зимних заметок...» почти нет *развернутых* характеристик тех или иных явлений европейской культуры. Столь любимые в молодости Расин, Корнель, Шекспир, Гёте, Шиллер и др. как бы остаются в подтексте повествования. Культура — в ее классическом виде — присутствует, подразумевается, но отнюдь не она определяет нынешний облик Запада. Из обязательных для «среднестатистического» туриста достопримечательностей упомянут вскользь (причем в довольно двусмысленной огласовке) разве что Кёльнский собор — и, пожалуй, еще парижский Пантеон (да и то лишь как место, где безмолвный посетитель обязан вкушать плоды французского красноречия). Причем эти авторские (туристические) небрежности подаются как сознательно избранная точка зрения. «Ведь говорят же вот, что быть в Риме и не видеть собора Петра невозможно. Ну так посудите же: я был в Лондоне, а ведь не видал же Павла. Право, не видал. Собора св. Павла не видал. Оно конечно, между Петром и Павлом есть разница, но все-таки как-то неприлично для путешественника».⁷

Достоевский говорит, что не видел Павла потому, что торопился в Пентонвиль. Почему именно туда? Он полагается на осведомленность читателей: Пентонвиль — это лондонская тюрьма.

Если «Зимние заметки...» являют собой очерковую прозу, то последняя претерпевает под пером очеркиста неожиданные метаморфозы. Можно сказать, что взгляд автора не столько сфокусирован на описа-

⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. С. 51.

⁷ Там же. С. 49.

нии предмета, сколько пытается проникнуть в его субстанциональную глубину, постигнуть его внутренний смысл.⁸

Перечислив города, в которых за неполные два месяца он побывал, — Берлин, Дрезден, Висбаден, Баден-Баден, Кёльн, Париж, Лондон, Люцерн, Женеву, Геную, Флоренцию, Милан, Венецию, Вену («да еще в иных местах по два раза»), Достоевский признается, что «в Риме, например, так и не был».

Однако не только Рим, но и большинство названных городов в «Зимних заметках...» практически не упоминаются. Авторское внимание почти целиком сосредоточено на двух мировых столицах — Лондоне и Париже. Это — два несокрушимых оплота Запада, два центра, где в наибольшей степени воплотились образы современной Европы. Очевидно, поэтому «Зимние заметки...» — сугубо *выборочный* текст: читатель лишен возможности сопутствовать автору в его остальных зарубежных скитаниях.

Правда, мимоходом сообщается, что, например, Берлин, где путешественник пробыл всего один день, произвел на него «самое кислое впечатление», поскольку указанный город «до невероятности похож на Петербург».⁹ И что «ничего нет противнее типа дрезденских женщин». Заодно вызывает сомнения и Кёльнский собор: он аттестован «галантерейной вещицей». Однако все эти уничижительные определения тут же дезавуируются: оказывается, они вызваны не чем иным, как дорожной усталостью и больной печенью повествователя. Поэтому, скажем, у Кёльнского собора, чей образ Достоевский «с благоговением чертил <...> еще в юности, когда учился архитектуре», автор даже готов просить прощения на коленях. Да и перед дрезденскими немками он согласен повиниться, хотя замечает, что «к немцу надо особенно привыкать и что с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах».¹⁰

Всё это, разумеется, входит в правила игры, в ту игровую условность, которая предложена автором.

Вообще-то у внимательного читателя может создаться впечатление, что Запад — это только предлог для того, чтобы потолковать о России. Недаром автор называет одну из важнейших составляющих текста «Глава III и совершенно лишняя»: она полностью посвящена русскому восемнадцатому столетию, Д. И. Фонвизину, его комедии «Бригадир» и проч. «Да, конечно, тогда нам легко давалась Европа, физически, ра-

⁸ Спор о жанре «Зимних заметок...» бессмыслен: жанр этот настолько же индивидуально-«достоевский», насколько личностен и неповторим, скажем, «Дневник писателя».

⁹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. С. 47.

¹⁰ Там же.

зумеется. Нравственно-то, конечно, обходилось не без плетей. Напяливали шелковые чулки, парики, привешивали шпажонки — вот и европеец». ¹¹ Достоевский постоянно «держит в уме» Россию: именно она — *idée fixe* его путевых заметок.

Въехав во Францию и посвятив несколько страниц первым, сугубо *полицейским* впечатлениям от начавшейся поездки (об этом еще будет сказано ниже), Достоевский, наконец, достигает Парижа. «Но не думайте, однако, — спешит он разочаровать читателя, — что я вам много расскажу собственно о городе Париже. Я думаю, вы столько уже перечитали о нем по-русски, что, наконец, уж и надоело читать». ¹² Он старается подобрать к столице Франции исчерпывающий эпитет и торжественно возглашает (само собой, всё в той же игровой тональности), что Париж — «самый нравственный и самый добродетельный город на всём земном шаре». ¹³ Он с жаром отвергает возможность обвинения в том, что его скепсис — «это всё желчная патриотическая клевета». «Но, друзья мои, — говорит он, — ведь предупредил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно навру. Ну и не мешайте мне. Вы знаете тоже наверно, что если я и навру, то навру, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу». ¹⁴ И, сделав подобное признание, автор — неожиданно для читателей — оставляет Париж и направляется в Лондон.

Доколе, Господи: английский след

Никаких штампов и печатей в его заграничном паспорте (как это было при посещении им других стран) в данном случае не понадобилось. Англия — свободная страна.

Достоевский пробыл в Лондоне восемь дней. Глава, посвященная этому городу, называется кратко: «Ваал».

«Даже наружно, — говорит Достоевский, — какая разница с Парижем. Этот день и ночь суetyщийся и необъятный, как море, город, визг и вой машин, эти чугунки, проложенные поверх домов (а вскоре и под домами), эта смелость предприимчивости, этот кажущийся беспорядок, который в сущности есть буржуазный порядок в высочайшей степени, эта отравленная Темза, этот воздух, пропитанный каменным углем, эти

¹¹ Там же. С. 56–57.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

великолепные скверы и парки, эти страшные углы города, как Вайтчапел, с его полуголым, диким и голодным населением. Сити с своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка...».¹⁵

(Не этими ли, в частности, картинами вдохновлялся М. Горький, когда писал свой «Город Желтого Дьявола»?)

Если Берлин напоминает Петербург, если Париж, пусть иронически, поименован эталоном добродетели, то британская столица — это нечто для русского сознания трудновообразимое. Это иной мир, страшный прообраз неотдаленного и всеобщего будущего. В первую очередь — Хрустальный дворец, где в 1851 году была открыта «Великая Промышленная Выставка Всех Наций». Достоевский в эти подробности не входит, надеясь, очевидно, на осведомленность читателей. И хотя к моменту, когда в это чудо света (уже не относящееся к тем *святым* чудесам) ступила его нога, прошел добрый десяток лет, Хрустальный дворец продолжает поражать воображение современников. В 1859 году его посетил Н. Г. Чернышевский, тайно приехавший в Лондон для переговоров с Герценом (Достоевский об этом пока ничего не знает). Увиденное сооружение столь поразило автора «Что делать?», что оно — в несколько облагороженном виде — возникло в четвертом сне Веры Павловны: правда, банальные железо и чугун находчиво заменены там стоящим пока дороже золота алюминием.

Взгляд Достоевского, некогда прельщаемый фаланстерами Фурье, ныне совсем иной. Он видит здесь финал мировой истории, ее завершающий, торжествующий акт. Но вместо ожидаемого ликования «вам отчего-то становится страшно».¹⁶ Достоевский не скрывает причины этого *несообразного* чувства («болезненный вздор, нервы, преувеличение»): «Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут? не это ли уж, и в самом деле, “едино стадо”. Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? Всё это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить. <...> Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся».¹⁷

¹⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. С. 69.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 69—70. Впрочем, русский читатель 1863 года, избалованный постоянным умножением журнальной путевой прозы, не обратил особого внимания на обнародованный в февральском и мартовском выпусках «Времени» текст. Практически не отозвалась и критика, еще совсем недавно живо откликнувшаяся на «Записки из Мертвого дома». Достоевский,

Пройдет два года — и цитадель прогресса явится в словах главного героя «Записок из подполья»: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить».¹⁸ Но пока в «Зимних заметках...» Достоевский замечает другую оппозицию Хрустальному дворцу. Он говорит, что «при такой колоссальности, при такой исполненной гордости владычествующего духа» голодная душа смиряется и ищет спасения в разврате и в джине. Полмиллиона работников и работниц, окруженных бегающими и ползающими между ними детьми, напиваются «как скоты» раз в неделю, в субботнюю ночь. И тогда «пивные лавки разубраны как дворцы» (курсив наш. — И. В.): не отрицательные ли это аналоги Хрустального дворца?

Однажды, во втором часу ночи, он заблудился в подобной толпе и «долго таскался по улицам», не зная языка и знаками выпрашивая дорогу. Впечатление этой ночи глубоко врезалось в сердце. «И вы чувствуете, глядя на всех этих париев общества, что еще долго не сбудется для них пророчество, что еще долго не дадут им пальмовых ветвей и белых одежд и что долго еще будут они взывать к престолу всевышнего: “Доколе, Господи”».¹⁹

Другой (а, может быть, той же) ночью Достоевский посещает Гай-Маркет, где «в некоторых улицах тысячами толпятся публичные женщины».²⁰ Он заходит в казино: там гремит музыка, танцуют пары и вообще толчется «бездна народу». Он наблюдает сцену, казалось бы, ничем не примечательную. Однако он *домысливает* ее — с поразительной художественной силой:

«Наверху, в галерее, я увидел одну девушку и остановился просто изумленный: ничего подобного такой идеальной красоте я еще не встречал никогда. Она сидела за столиком вместе с молодым человеком, кажется, богатым джентльменом и, по всему видно, непривычным посетителем казино. Он, может быть, отыскивал ее, и наконец они свиделись или условились видеться здесь».²¹

однако, включил «Зимние заметки...» в Собрание сочинений 1865 года, наряду с чисто художественными произведениями.

¹⁸ Там же. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 71.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 72.

Итак, Достоевского прежде всего поражает *красота*. (Заметим, что английских женщин — в отличие, вспомним, от немецких — он ценит чрезвычайно высоко: «Во всём мире нет такого красивого типа женщин, как англичанки».²² Что нравилось ему в них: строгая чистота, благородство черт, скрытая за внешней холодностью страсть?) Взглянув на молодого человека, спутника девушки, он предполагает, что тот весьма состоятелен. При случае подобные наблюдения мог бы сделать любой из присутствовавших в казино. Но дальше под пером наблюдателя возникает *коллизия*.

«Он мало говорил с нею и всё как-то отрывисто, как будто не о том, о чем они хотели бы говорить. Разговор часто прерывался долгим молчанием. Она тоже была очень грустна. Черты лица ее были нежны, тонки, что-то затаенное и грустное было в ее прекрасном и немного гордом взгляде, что-то мыслящее и тоскующее. Мне кажется, у ней была чахотка».²³

Здесь уже просматривается некоторая интрига, предлагается некая психологическая догадка. Наблюдатель словно бы допускает наличие драмы, начавшейся ранее, но ныне совершающейся у него на глазах. Возможно, эта встреча для них роковая. Предполагаемая у девушки чахотка лишь подчеркивает трагизм ситуации. Тем более, что развязка сцены далека от хеппи-энда.

Прекрасная незнакомка, по мнению автора, «не могла не быть выше всей этой толпы несчастных женщин своим развитием: иначе что же значит лицо человеческое? А между тем она тут же пила джин, за который заплатил молодой человек. Наконец он встал, пожал ей руку, и они расстались. Он ушел из казино, а она с румянцем, разгоревшимся от водки густыми пятнами на ее бледных щеках, пошла и затерялась в толпе промышляющих женщин».²⁴

Собственно, это уже сюжет для небольшого рассказа (а может быть, и романа). В случайном «проходном» эпизоде автор «Белых ночей» различает глубокий жизненный смысл. При этом мы, нынешние, можем расценить эпизод как своеобразную творческую заявку: на создание художественного произведения — в стихах, в прозе или на экране. Достоевский словно дарит этот сюжет будущим подвижникам культуры.

Не уместно ли предположить, что Англия (и «английское») служит в этом случае испытательным полигоном для будущих романских сюжетов? Не проступает ли в чертах таинственной посетительницы казино

²² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. С. 71.

²³ Там же. С. 72.

²⁴ Там же.

гордый лик Настасьи Филипповны? Впрочем, можно указать еще на одного героя Достоевского чисто английского происхождения. Это — мистер Астлей, персонаж будущего «Игрока». Если он и не вполне «положительно прекрасный человек», то, во всяком случае, человек чести, истинный джентльмен, помогающий другим персонажам словом и делом. В отличие от князя Мышкина, он деятелен и целеустремлен, он старается умерить чужие — низкие — страсти и в критический момент буквально спасает Полину. Английская невозмутимость и внутреннее благородство поставлены здесь на службу добра.

На этом «английский след» не заканчивается.

Сразу же после сцены в казино следует рассказ о ребенке, встреченном Достоевским в том же Гай-Маркете, — не исключено, в ту же самую ночь: «Помню раз, в толпе народа, на улице, я увидел одну девочку, лет шести, не более, всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую: просвечивавшее сквозь лохмотья тело ее было в синяках. Она шла, как бы не помня себя, не торопясь никуда, бог знает зачем шатаясь в толпе; может быть, она была голодна. На нее никто не обращал внимания».²⁵

«Дети — странный народ, они снятся и мерещатся»,²⁶ — скажет он много лет спустя в «Мальчике у Христа на елке». Обездоленный герой этого рассказа насмерть замерзает в питерской подворотне — «за дровами». Между тем, у маленького обитателя петербургских трущоб есть неведомая ему лондонская сестра. Она встает в один ряд с другими «обиженными девочками» Достоевского: напоенной каким-то негодяем барышней на бульваре, которую пытается выручить Раскольников; малолетней Матрешей, грозящей «кулачонками» своему соблазнителю; с бедной Нелли (полуангличанкой!) из «Униженных и оскорбленных»...

«Слезинка ребенка» не имеет национальности.

«Но что более всего меня поразило — она шла с видом такого горя, такого безвыходного отчаяния на лице, что видеть это маленькое создание, уже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно. Она всё качала своей всклоченной головой из стороны в сторону, точно рассуждая о чем-то, раздвигала врозь свои маленькие руки, жестикулируя ими, и потом вдруг сплескивала их вместе и прижимала к своей голенькой груди».

Да: русская слеза не горше английской.

Однако пора задаться вопросом: только ли для приобретения местных впечатлений Достоевский пересек Ла-Манш? Не было ли у него еще одной, может быть, главной, цели?

²⁵ Там же.

²⁶ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 13.

«В знак глубочайшего уважения...»

В Лондоне уже много лет проживает русский изгнанник. Он выпускает «Колокол», «Полярную звезду» и другие издания, которые нелегально ввозятся в Россию. Имя его, в России печатно не упоминаемое, обладает, тем не менее, магической силой.

Трудно сказать, планировал ли Достоевский встречу с Герценом, выезжая из Петербурга. Но, приехав в Лондон, он не мог не посетить автора «Былого и дум».

Первый вольный русский печатный станок заработал в 1853 году: Достоевский еще изывал последний год сибирской каторги. Но даже после смерти императора Николая в семипалатинскую глушь вряд ли доходили подробные сведения из туманного Альбиона (хотя о *новой* деятельности Герцена Достоевский мог знать). Конечно, вернувшись в Петербург, автор «Бедных людей» мог быть вполне осведомлен о деятельности «Вольтера XIX века», как поименуют впоследствии Искандера на его погребальном венке. Тем более, что в «Полярной звезде», как будет сказано ниже, затрагивалась тема петрашевцев.

Издания Герцена проникали повсюду.

«Весной 1857 г. во время заседания Государственного совета граф С. Г. Строганов оторвал клочок бумаги и написал сидевшему рядом шефу жандармов князю В. А. Долгорукову: “Не хотите ли, князь, я уступлю Вам «Полярную звезду» за 5 р. серебром, за что сам купил?” Долгоруков также на клочке отвечал ему: “Лучше скажите мне, откуда достаете Вы так дешево эту книгу?”».²⁷

Такие рискованные шутки шутят высшие сановники империи. В вопрошении шефа жандармов различимо не одно лишь удивление «дешевизной» запрещенного издания (на самом деле цена вовсе не малая), но и намек — надо полагать, также не без *подковырки* — о желательности узнать источник столь счастливых приобретений.

«Отчего мы молчим? — писал Герцен (Искандер) в первом же своем воззвании «Братьям на Руси». — Неужели нам нечего сказать? Или неужели мы молчим оттого, что мы не смеем говорить? Дома нет места свободной русской речи, она может раздаваться инде, если только ее время пришло».²⁸

Достоевский, как сказано, третий год пребывает на омской каторге. Ему есть что сказать.

²⁷ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966. С. 17.

²⁸ Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне: Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким. Лондон: Вольная русская типография, 1863. С. 3.

«Присылайте, что хотите, — продолжает Искандер свое обращение к соотечественникам, — всё писанное в духе свободы будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений. Мы готовы даже печатать безденежно. Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.»²⁹ Имя Белинского здесь не названо. Но первый же выпуск «Полярной звезды» (1855) открывается его перепиской с Гоголем — тем самым текстом, за публичное произнесение которого Достоевский схлопотал свои четыре каторжные года (если не считать *первоначальную* смертную казнь).

Но тут скрывается еще один поворот сюжета.

Не посещала ли Достоевского мысль, что Герцен в конце концов осуществил его давний замысел? Ведь именно он, автор «Двойника», был деятельным участником спешневской семерки и пытался внушить одному из своих товарищей идею первой в России подпольной типографии.

В 1885 году Аполлон Николаевич Майков признался (и это было засвидетельствовано письменно), что незадолго до ареста к нему заходил Достоевский с предложением примкнуть к группе настоящих заговорщиков, задумавших завести в Петербурге тайное печатание. «Петрашевский, мол, дурак, актер и болтун, у него не выйдет ничего путного, а что люди подельнее из его посетителей задумали дело, которое Петрашевскому неизвестно, и его туда не примут».³⁰ На вопрос Майкова, с какой целью замышляется «особое тайное общество с тайной типографией для печатания разных книг и даже журналов», Достоевский отвечивал: «Конечно, с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок, его заказывали по частям в разных местах (очевидно, с целью конспирации. — *И. В.*), по рисункам Мордвинова; всё готово».³¹ Оставшийся ночевать у Майкова Достоевский, восседая, как умирающий Сократ перед друзьями, в ночной рубашке с незастегнутым воротом, напрягал всё свое красноречие, дабы убедить собеседника в святости этого дела. Речь шла не более и не менее как «о нашем долге спасти отечество и пр.»... Аполлон Майков, невзирая на то, что он истинный поэт, решительно отказался. «Итак — нет?» — заключил Достоевский. —

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. Кн. 1. С. 268.

³¹ Рассказ А. Н. Майкова о Ф. М. Достоевском и петрашевцах // Исторический архив. 1956. № 3. С. 224.

“Нет, нет и нет”. Утром, уходя после чая, ночной гость предостерег: “Не нужно говорить об этом — ни слова”. — “Само собой”». ³²

Безумный замысел почти удался. На квартире Спешнева был собран типографический станок. Уж не письмо ли Белинского Гоголю намеревались предать тиснению незадачливые типографы?

Этот сюжет по ряду причин был замят следствием и практически изъят из дела. Недаром Достоевский позднее заметит: «Целый заговор пропал». ³³

Подобный «заговор» через четыре года фактически осуществил Искандер — правда, в свободном «от их всевидящего глаза» Лондоне. Он мог встретиться с Достоевским не только как писатель с писателем, но и — как типограф с типографом.

Достоевский является к Герцену 4 (16) июля 1862 года.

До их лондонской встречи они виделись только единожды — 5 октября 1846 года. «Не могу сказать, что впечатление было особенно приятно», ³⁴ — заметил тогда Герцен. В свою очередь, Достоевский писал брату Михаилу: «Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. <...> Их ужасно хвалят. Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда». ³⁵

Теперь, в 1862 году, они давно не соперники: у них разные поприща. Но, принадлежа к одному, не столь широкому в России, интеллектуальному кругу, они не могут не помнить друг о друге.

Планировалась ли поездка в Лондон заранее — или мысль о ней явилась, так сказать, по ходу дела? Еще 8 июля (нов. стиля) в письме к Н. Н. Страхову (другие письма Достоевского из-за границы до нас не дошли) из Парижа он сообщает, что собирается оттуда отбыть не ранее 15 (27) июля. Подразумевается, что всё это время он будет оставаться в Париже. В обозначенном им дальнейшем европейском маршруте Лондон также не упомянут.

Около 12 июля (т. е. через 4 дня после письма Страхову) Достоевский выезжает в столицу Британии. Он пробудет там 8 дней — до 20 июля.

³² Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Кн. 1. С. 268.

³³ Подробнее об этом и о других обстоятельствах дела петрашевцев см. в кн.: *Волгин И. Л.* Пропавший заговор. Достоевский: дорога на эшафот. М.: Академический проект, 2017.

³⁴ *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 22. С. 259.

³⁵ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 120.

Кстати: кто дал Достоевскому адрес (Герцен в это время проживал в Паддингтоне)? Не зная ни слова по-английски, он, разумеется, должен был озаботиться этим заранее. С другой стороны, адрес не являлся секретом. «Приезжий в Лондон, — пишет В. И. Кельсиев, — обыкновенно изъявлял Трюбнеру (издатель герценовских сочинений. — *И. В.*) желание удостоиться счастья познакомиться с Герценом. Трюбнер давал адрес и приглашал написать записку. В ответ на эту записку Герцен назначал свидание или у себя, или у приезжего, если последнему почему-нибудь не хотелось, чтобы его видели в доме Герцена».³⁶

Трудно сказать, подвергся ли Достоевский этой процедуре. Но вряд ли он явился в дом лондонского изгнанника без предварительного оповещения.

«Такие случаи бывали очень часто, — продолжает Кельсиев. — Лица очень высокопоставленные никогда не входили в дом Герцена... Собственные имена в доме Герцена никогда не произносились или произносились очень редко».³⁷

Сознавал ли Достоевский степень риска? Бывший политический преступник, недавний каторжанин, впервые по высочайшему разрешению выпущенный за границу, он не мог не понимать, что любой контакт с издателем «Колокола» может негативно сказаться на его политической репутации и, может быть, — на его литературной судьбе.

«Серьезные свидания, — говорит Кельсиев, — составляли, как я сказал, тайну Герцена и Огарева. Свидания и приемы несерьезные делались раз в неделю (впоследствии два раза) в назначенный день, обыкновенно в воскресенье, с пяти часов вечера».³⁸

16 июля 1862 года не было выходным. Это была среда. Свидание, скорее всего, состоялось без посторонних глаз.

Достоевскому не надо было рекомендоваться: он как бы возобновлял давнее знакомство. (В пользу заранее посланной записки говорит то обстоятельство, что Достоевский посещает Герцена лишь на четвертый-пятый день после прибытия в Лондон.) Но у Герцена были еще и дополнительные причины желать этой встречи.

Во «Времени» из месяца в месяц печатаются «Записки из Мертвого дома». «Где найти мне Достоевского, воспоминания о каторге», — спрашивает Герцен Тургенева 19 мая (за месяц до визита автора). И через

³⁶ Кельсиев В. И. Исповедь // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 41—42. С. 273—275. Кельсиев — человек, близкий к Герцену, сотрудник его изданий, позднее раскаявшийся в своей зарубежной деятельности, вернувшийся в Россию и прощенный властью.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

два дня просит того же корреспондента прислать ему на адрес Трюбнера всё те же «Записки...». ³⁹ Неизвестно, отозвался ли Тургенев, но еще через две недели, при посещении Герцена А. Н. Островским и И. Ф. Горбуновым, речь снова заходит о том же предмете. ⁴⁰ И наконец лично явившийся автор дарит хозяину дома переплетенные главы «Записок...», напечатанные во «Времени» (отдельного издания еще нет). И если главы из журнала Достоевский переплетает еще в Петербурге и берет их с собой, не означает ли это, что он намеревался кому-то *конкретно* их подарить? И, следовательно, поездка через Ла-Манш не была столь уж внезапной.

Даритель «Записок...» делает лаконичную надпись: «Александр Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора». ⁴¹ Это не просто ритуальный акт вежливости — скорее, констатация реального положения дел. Конечно, Достоевский в первую очередь свидетельствует свое уважение к *литературе*. Однако он не может не помнить, что указанное лицо — самый убежденный политический противник *режима*. Правда, были серьезные основания верить, что эта журнальная *улика* никогда не дойдет до властей.

Между тем русские писатели — не столь редкие гости в доме Герцена. Иные из них с ним переписывались. В первую очередь, И. С. Тургенев — давний приятель и усердный поставщик новостей. О посещении А. Н. Островского уже говорилось выше. 19 июня 1862 года к Герцену заявляется А. Ф. Писемский. «Были сильные и сильно неприятные объяснения», ⁴² — записывает посещаемый. Возможно, гости при этом дарили свои труды.

Л. Н. Толстой знакомится с хозяином дома в роковые минуты. Это — первые числа марта 1861 года: лихорадочное ожидание уже подписанного Александром II, но еще не обнародованного манифеста об освобождении крестьян. «Эти дни — не жизнь, а судорожное пережигание себя», — пишет Герцен Тургеневу. «Духу не достало!» — так назовет он свою статью в «Колоколе», ⁴³ сетуя на «пансионские затеи» правитель-

³⁹ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 27. Кн. 1. С. 221–222.

⁴⁰ Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М.: Искусство, 1980. Т. 12. С. 520; см. также: «Дневник» Горбунова // Сочинения И. Ф. Горбунова. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. Т. 3. Ч. 4. С. 410–411).

⁴¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1990. Т. 30. Кн. 2. С. 58.

⁴² Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. Кн. 1. С. 241.

⁴³ Колокол. 1862. № 94. Л. 94.

ства, опасавшегося волнений и страшившегося возвестить о народной свободе ранее наступления Великого поста.

Лев Толстой пробыл в Лондоне неделю и виделся с Герценом «почти каждый день». ⁴⁴ Герцен понравился автору «Севастопольских рассказов»: «Живой, отзывчивый, умный... Я ни у кого уже потом не встречал такого редкого соединения глубины и блеска мыслей», — скажет позднее Толстой. ⁴⁵ И подтвердит еще раз: «...были разговоры всякие и интересные». ⁴⁶

Надо полагать, не менее интересные разговоры были и с Достоевским: правда, их содержание до нас не дошло.

«Вчера был Достоевский, — пишет Герцен Огареву 17 июля, — он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом (так! — *И. В.*) в русский народ». ⁴⁷ Определение совсем иное, нежели аттестация 1846 года. «Наивный» — то есть, очевидно, идеологически не столь искушенный, как сам Герцен, слишком доверчивый и т. д. Казалось бы, говорить о наивности такого писателя, как Достоевский, довольно странно. Однако вспомним признания Анны Григорьевны Достоевской — о порой ребяческом простодушии ее мужа. «Не совсем ясный» — тоже можно понять: Герцену нелегко постигнуть конечную суть убеждений гостя (он и о Толстом писал Тургеневу: «упорен, говорит чушь, но простодушный и хороший человек»). О Достоевском сказано: «очень милый». Очевидно, *человеческое* — главное для Герцена. И то, что гость с энтузиазмом «верит в русский народ», несомненно, должно сближать его с хозяином дома.

Не лишено оснований предположение, что на следующий день, 17 июля, они снова сошлись. В донесении агента III Отделения отчетливо сказано, что, будучи в Лондоне, Достоевский «свел там дружбу с изгнанником Герценом и с Бакуниным». ⁴⁸ Из материалов III Отделения следует, что шефом жандармов В. А. Долгоруковым Достоевский был отнесен не просто к числу случайных посетителей Герцена, а к катего-

⁴⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 75. С. 71.

⁴⁵ Сергеенко П. А. Толстой и его современники. М.: Изд. В. М. Саблина, 1911. С. 13.

⁴⁶ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 75. С. 71.

⁴⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. Кн. 1. С. 247.

⁴⁸ ГАРФ, ф. III Отд., 1 эксп., д. 230: «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний», ч. 82: «О литераторе Федоре Достоевском». См. также: Литературное наследство. Т. 86. С. 596.

рии лиц, которые участвовали «более или менее в преступных его намерениях».⁴⁹

Нам ничего не известно о контактах Достоевского с главным русским анархистом. Но 17 июля «между 4 ½ и 5 ½ часами»⁵⁰ Бакунин предполагал быть у Герцена.

На следующий день, 18 июля, Герцен посещает русский отдел Всемирной выставки, то есть Хрустальный дворец. Как лондонский *aborigen* не пригласил ли он российского гостя ему сопутствовать? Или — что еще вероятнее — не попросил ли Герцена сам Достоевский быть его *vade mesum*?⁵¹

19 июля они встречаются вновь. Герцен дарит Достоевскому свою фотографию (работы С. Л. Левицкого) с надписью: «В знак глубочайшей симпатии от А. Герцена».⁵² Это, очевидно, симметричный ответ на «глубочайшее уважение». Впрочем, фамилия одаряемого в тексте отсутствует. Может быть, даритель опасается, что по возвращении в Россию у владельца фотографии могут возникнуть неприятности.

Достоевский не остается в долгу. На следующий день, отъезжая в Париж, он, в свою очередь, презентует отзывчивому хозяину собственное изображение: «Александру Ивановичу Герцену в память нашего свидания в Лондоне от Ф. Достоевского. 8 (20) июля 1862 года».⁵³ Обмен вещественными знаками невещественных отношений (как выразился бы писатель Гончаров) навсегда останется в памяти века.

Итак, позволительно сделать вывод, что с момента первой встречи с Герценом 16 июля и до отъезда Достоевского из Лондона июля 20-го они общались практически каждый день. Конечно, если еще не предполагать (это было бы слишком!), что Герцен сопровождал Достоевского во время его ночных скитаний в Гай-Маркете.

Разумеется, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» о встречах с издателем «Колокола» не будет сказано ни слова. При этом ни с кем во время первой заграничной поездки Достоевский не общался столь тесно. Кроме, пожалуй, Н. Н. Страхова, когда они вместе проводили время в Швейцарии и Италии, и который, кстати, тоже не упомянут в «Зимних заметках...». Как сказано выше, это очень выборочный текст.

⁴⁹ Литературное наследство. Т. 86. С. 596.

⁵⁰ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву / С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева: Украинская тип., 1896. С. 82—83.

⁵¹ С лат. — «иди со мной». В «Божественной комедии» эти слова Вергилий адресует Данте и приглашает последнего в путешествие по Аду.

⁵² Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. Кн. 1. С. 543.

⁵³ Литературная газета. 1992. 8 апреля. № 15. С. 6.

И еще одна любопытная подробность, не привлекавшая доселе внимания исследователей. 19 июля Герцен пишет в Париж С. А. Левицкому, чью авторскую фотографию со своим изображением он только что подарил российскому гостю: «К тебе приедет наш знаменитый Достоевский. Он хочет Ольгин портрет — если есть, дай». ⁵⁴

Почему вдруг Достоевский заинтересовался 11-летней дочерью Искандера? А, скажем, не другими детьми Герцена — например, той же Лизой, о самоубийстве которой он напишет через много лет в «Дневнике писателя»? (Четырехлетняя Лиза присутствовала при визите Л. Толстого. В подтверждение своих слов о нем, как о хорошем человеке, Герцен сообщает Тургеневу: «...даже Лиза Огарева его полюбила и называет “Левостой”». ⁵⁵)

Объясняется это просто: Лиза вместе со своей матерью Н. А. Тучковой-Огаревой находилась в это время в Коусе — поселке на севере острова Уайт у моря. Ольга же оставалась с отцом в Лондоне. В десятых числах июля она заболела ветрянкой. Однако вскоре девочка пошла на поправку. И 17 июля, как удовлетворенно отмечает Герцен, «первый раз вышла в сад». ⁵⁶ Скорее всего, именно в этот день Ольгу мог видеть Достоевский (что лишний раз подтверждает его повторное — после 16 июля — присутствие в доме). Он, всё еще бездетный, запомнил ребенка — как запомнил, хотя и по другим основаниям, несчастную нищенку в Гай-Маркете. Оля ему, очевидно, понравилась: возможно, они даже немного потолковали (даром, что девочка не говорила по-русски). Достоевский просит ее фотографию: это должно быть приятно отцу.

Ольга Герцен родилась 25 ноября 1850 года — в разгар романа «железного жаворонка», немецкого поэта Георга Гервега, с Натальей Александровной Герцен — и теоретически могла быть его дочерью. Существует одно свидетельство, что Герцен выказывал подобное подозрение. ⁵⁷ Разумеется, об этих *тонкостях* Достоевский не догадывался.

Герцена и двух его дочерей — Наталью и Ольгу — Достоевский, путешествующий вместе с А. П. Сусловой, встретит через год, 13 октября 1863 года: на пароходе, следующем из Неаполя в Ливорно. В Ливорно

⁵⁴ Записки Отдела рукописей Государственной Ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Книга, 1976. С. 217.

⁵⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. Кн. 1. С. 139.

⁵⁶ Там же. С. 247.

⁵⁷ См.: Житомирская С. В. Судьба архива Герцена и Огарева // Литературное наследство. М.: Наука, 1985. Т. 63. С. 68. См. также: Паперно И. Введение в самосочинение: autofiction. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850—1990-е годы) / Авториз. пер. с англ. М. Долбилова // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 41—66.

они вместе отобедают. «Вторую же дочь Герцена, самоубийцу (на самом деле не Лизу, а Ольгу. — И. В.), я [запомнил] видел лишь однажды, — говорит Достоевский в черновиках к октябрьскому выпуску «Дневника писателя» 1876 года, — и именно в [этом] это же путешествие и [потом] на другой день у них за обедом, в Генуе (на самом деле — в Ливорно. — И. В.). Ей было тогда лет одиннадцать или двенадцать, но я резко ее запомнил. (Полагаю, что это была она, то есть самоубийца, потому что у Герцена, сколько запомню, было только две дочери и сын.) Это был [чрезвычайно] довольно грациозный ребенок, за столом она несколько конфузилась, помню, за ней очень ухаживали, после обеда она пошла и легла на кровать, под предлогом, что у ней разболелась голова, но, однако же, простилась со мной смеясь и пожелав еще раз непременно со мной увидеться».⁵⁸

Достоевский запомнил, что эту девочку он впервые видел годом раньше, в 1862-м, и даже хотел иметь ее фотографию. Дал ли ему Левицкий этот дагерротип?

Когда в 1876 году он будет писать о самоубийстве Лизы Герцен, то — с подачи К. П. Победоносцева — спутает ее с Ольгой. Может быть, еще этим объясняется горечь его размышлений.

Ольга Александровна Герцен вышла замуж за французского историка Габриэля Моно. Она дожила до 103 лет и скончалась уже в «наше время», в 1953 году (когда автору этих строк, как и ей тогда, было 11 лет). Вспоминала ли она *милого* русского, посетившего ее отца летом 1862 года (что это ее отец, она узнала гораздо позже), с которым она «простилась, смеясь», пожелав ему встретиться с ней еще раз?

«Однажды, разговаривая с покойным Герценом, — замечает Достоевский во вступлении к «Дневнику писателя» 1873 года, — я очень хвалил ему одно его сочинение — “С того берега”».⁵⁹ Это случилось как раз во время их итальянской встречи. Но Достоевский не уточняет время и место. Так же, как никогда не упомянет он о своем лондонском *визите*.

Что происходит в Северной Пальмире

Не пора ли, однако, остановиться на историческом или, если угодно, событийном подтексте «Зимних заметок...»? Вернее, на том, что происходило в Петербурге накануне и во время заграничного путешествия их автора. Эти *летние впечатления*, хотя и оставшиеся за пределами «Зим-

⁵⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 324.

⁵⁹ Там же. Т. 21. С. 8.

них заметок...», оказались далеко не безразличными ни для российской истории, ни для самого Достоевского.

Как помним, 7 (19) июня, ровно за месяц до встречи с Герценом, он выезжает из Петербурга. Прошла всего неделя после прекращения грандиозных майских пожаров, охвативших северную столицу: сгорели Толкучий рынок, Шукин двор, Министерство внутренних дел, десятки домов на Лиговском проспекте, в Солдатской слободе, на Малой и Большой Охте... Император Александр II, явившийся на пожар и прошедший пешком от Чернышева моста до Садовой улицы, возможно, повторял про себя строки из «Медного всадника», вложенные Пушкиным в уста его дяди, императора Александра I: «С Божией стихией Царям не совладать». Молва, правда, не очень-то верила в слепую стихию. Ходили упорные слухи, что поджигают нигилисты (только недавно вышли «Отцы и дети»), студенты и, возможно, поляки. Власть, понятно, с опровержениями не спешила.

В эти дни, в конце мая, Достоевский неожиданно посещает Н. Г. Чернышевского. Он предъявляет ему найденную на ручке своей двери прокламацию «Молодая Россия» (вспоминая это, Достоевский ошибочно именуется ее «К молодому поколению»: последняя была написана Шелгуновым ранее, осенью 1861 г.). Позже в «Дневнике писателя» он засвидетельствует, что просил тогда Николая Гавриловича воздействовать на безумных авторов этой возмутительной бумаги. Сам же Чернышевский говорит, что Достоевский горячо просил его остановить бедствие: «Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того, что сделано ими».⁶⁰

Следует, однако, согласиться с хорошо аргументированным мнением, что речь Достоевский вел исключительно о прокламации, а вовсе не призывал Чернышевского остановить пожары, к которым его собеседник не имел ни малейшего касательства. Спустя много лет автор «Что делать?» просто контаминировал эти сюжеты.⁶¹ Едва ли не в день визита Достоевского к Чернышевскому (30 или 31 мая) гостем была написана для «Времени» статья «Пожары».⁶² В ней автор самым категорическим образом отвергает подозрения в адрес «наших бедных студентов».

⁶⁰ *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 187. Этот сюжет рассмотрен также в содержательной книге В. К. Кантора «Срубленное дерево жизни»: Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 (см. с. 263–265 и др.).

⁶¹ *Розенблюм Н. Г.* Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский: (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время») // Литературное наследство. Т. 86. С. 11.

⁶² Аргументы в пользу авторства Ф. М. Достоевского см. там же.

«Там, где делается самый страшный упрек русскому юношеству, посвятившему себя науке, на которое справедливо возлагаются надежды всей мыслящей России, нельзя молчать». ⁶³ Более того, Достоевский высказывает дерзкое предположение, что подобные толки не могли возникнуть в народе сами собой, «а очень может быть, они перешли в него извне». Это почти прямой намек на возможность спланированной (не исключено, с участием правительства) провокации. Недаром император, прочитавший статью в гранках (об этом речь впереди), отчеркнул эти слова карандашом на полях.

Во всей периодике того времени мы не встретим столь откровенной и страстной защиты студенческого сословия. О самой же прокламации «Молодая Россия» Достоевский говорит, что, скорее всего, ее сочинители — «три золотушных школьника, из которых старшему уже, наверное, не более тринадцати лет». ⁶⁴ Он не столь сильно ошибался. Сочинителем, призывавшим к большой крови, беспощадному террору и истреблению династии, оказался 20-летний П. Заичневский, студент физико-математического факультета Московского университета. Написавший свою *пламенную* бумагу («революция, революция, кровавая и неумолимая») в дни полицейской отсидки, он изрядно напугал Петербург и одновременно споспешествовал явному повороту общественного мнения в пользу существующей власти. Иными словами, добился результата, прямо противоположного ожидаемому. ⁶⁵

Толков относительно поджогов было не счесть, но в том, что это именно поджоги, были уверены практически все. Причем обсуждались версии самые невероятные.

«Говорят тоже, что в заговоре Петрашевский; была программа пожаров, и что эта программа сбывается», — пишет М. Г. Карташевская В. С. Аксаковой 26—27 мая 1862 года. И много позже, в примечаниях к письмам Ф. И. Тютчева жене, многознающий П. И. Бартенев отметит: «Поджоги велись по тому самому плану, который был составлен еще в 1849 г. Петрашевским с братиею. Слышал от И. П. Липранди». ⁶⁶

⁶³ Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский: (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время»). С. 35.

⁶⁴ По поводу этих строк М. М. Достоевский 8 июня (на следующий день после отъезда брата) был вызван в Следственную комиссию — с требованием назвать имена «трех золотушных школьников». Михаилу Михайловичу пришлось оправдываться, что указанный пассаж — не более чем литературное выражение.

⁶⁵ См.: Козьмин Б. П. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932.

⁶⁶ Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский: (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время»). С. 26.

Знал ли Достоевский об этих слухах? Среди «братии» мог, естественно, находиться и он сам. Но неужели Липранди, досконально знавший дело петрашевцев, был распространителем этих пиротехнических баек? Петрашевскому, доживавшему свои дни в сибирской глуши (в том числе, некоторое время в «ленинском» Шушенском!), возможно, польстили бы эти наветы. Но Достоевскому они вряд ли понравились бы. М. Г. Карташевская пишет о петербургских событиях: «Разбойники!.. Тут, конечно, не без герценовского участия»⁶⁷ (мнение отнюдь не исключительное: так, в Берлине появились изображения Герцена, поджигающего северную столицу). Итак, Герцен, Петрашевский и — потенциально — Достоевский оказываются в одной компании.

«Что пожары в связи с прокламациями, — пишет 6 августа 1862 года К. Д. Кавелин Герцену (Герцену!), — в этом теперь нет никакого сомнения».⁶⁸ То есть транслирует точку зрения *большинства*. «Аресты меня не удивляют, — замечает тот же корреспондент, — и, признаюсь тебе, не кажутся мне возмутительными».⁶⁹

Кстати, отдавая должное прошлым заслугам Герцена, радикальнейший автор «Молодой России» упрекает его в идейной отсталости, утрате «революционного задора» и т. д. Наверное, эти материи мало волновали Достоевского. Но можно ли сомневаться в том, что тема пожаров и «Молодой России» затрагивалась во время лондонской встречи?

Еще до отъезда Достоевского М. Н. Катков в легальной печати (впрочем, не называя запрещенного имени) напишет о «свободном артисте», который «уже серьезно воображает себя представителем русского народа, решителем его судеб» и который «вербует себе приверженцев во всех уголках Русского царства, и сам, сидя в безопасности за спиной лондонского полисмена, для своего развлечения высылает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью...».⁷⁰

Фактически Катков обвинял лондонского изгнанника в идейной провокации и подстрекательстве тех самых студентов, в защиту которых выступил Достоевский.

В день, предшествующий отбытию автора «Записок из Мертвого дома» в Европу, в «Современной летописи» появляется новая статья Каткова «Наши заграничные refugies⁷¹...»: «Недавно случилось нам упомя-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / С объяснит. примеч. М. Драгоманова. Женева: Украинская тип., 1892. С. 82.

⁶⁹ Там же. Кавелин надеется найти в старом приятеле сочувствие и понимание.

⁷⁰ Современная летопись. 1862. 16 мая. № 20. С. 11—13.

⁷¹ Беженцы (фр.).

нуть о русских агитаторах, проживающих комфортабельно за морями: разве то, что они делают, не те же поджоги? Или они так невинны, что не понимают, к чему клонятся их манифесты?»⁷²

Статья была доложена царю и им одобрена. Это означало, что отныне с лондонскими изгнанниками не возбрана диалог.

Очевидно, поэтому — на сей раз в «Русском вестнике» — публикуется катковская «Заметка для издателей “Колокола”», где имя Герцена обозначено гласно. Катков дает здесь полную волю своему, по уверению В. В. Розанова, золотому перу. «Он, — говорится о Герцене, — остался всё тот же — недоносок на всех поприщах, — кипящий раздражением пленной мысли, бесспорно утвердивший за собой только одно качество, — качество бойкого остряка и кривляки...».⁷³

Затрагивается в катковской статье и «Молодая Россия», в связи с которой Достоевский недавно решил побеспокоить Чернышевского. И тут Герцену навязывается та роль, от которой Достоевский хотел бы предостеречь главного сотрудника «Современника»: «Бездушный фразер, не видит, в чем уголовщина. Ему ничего, — пусть прольется кровь этих “юношей-фанатиков”! Он в стороне, — пусть она прольется».⁷⁴

На сокрушительную статью Каткова Герцен ответил не менее сокрушительно — в «Колоколе» от 15 июля. То есть буквально накануне (за день) до своей встречи с Достоевским. Упоминается в этой статье и дошедшая наконец до Лондона «Молодая Россия». «Мы прочли его (текст прокламации. — *И. В.*), — пишет Герцен, — раз, два, три раза... со многим очень не согласны <...> но, по совести, признаемся, не понимаем ни белую горячку правительства, ни хныканье добросовестных журналов, ни душесмятения <...> платонических любовников прогресса».⁷⁵

Но еще ранее, 22 июня, в день, когда Достоевский перемещался между Берлином и Дрезденом, в «Колоколе» появилась статья Искандера (И—Р) «Дурные оружия» (Достоевский мог видеть этот номер «Колокола» по дороге в Лондон или у Трюбнера), где автор жестко отвечал на инсинуации «Современной летописи»: «Но что нас удивило — это отсутствие того такта, того декорума, того нравственного чутья, по которому человек никогда не берет за некоторые оружия. Как могли они под влиянием раздраженного самолюбия наклониться до полицейской лужи и с ее dna брать камня для своего праща <...>?»⁷⁶

⁷² Современная летопись. 1862. 6 июня. № 23.

⁷³ Русский вестник. 1862. № 6. С. 837.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Колокол. 15 июля 1862 г. Л. 139.

⁷⁶ Колокол. 22 июня 1862 г. Л. 137.

(Эти *разборки* стали первым сигналом близкого общественного поворота: от Герцена — к «закону и порядку». Поворота, который довершен был польским восстанием 1863 года.)

Не приходится сомневаться, что в дни лондонского общения указанные темы так или иначе затрагивались собеседниками. Не об английской же погоде было им толковать.

Странные сближенья

Вспоминая в «Былом и думах» пик своей популярности (1857—1863), Герцен писал: «Кого и кого мы ни видали тогда!.. Как многие дорого заплатили бы теперь (1867 г. — И. В.), чтоб стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, *мы были в моде*». ⁷⁷

Герцен вспоминает эти *тайны лондонского двора* не без некоторого ностальгического чувства. «“Колокол” — власть, — говорил мне в Лондоне, *horribile dictu*,⁷⁸ Катков и прибавил, что он у Ростовцева лежит на столе для справок по крестьянскому вопросу... И прежде его повторяли то же и Т<ургенев>, и А<ксаков>, и С<амарин>, и К<авелин>, генералы из либералов, либералы из статских советников, придворные дамы с жаждой прогресса и флигель-адъютанты с литературой...». ⁷⁹

С Михаилом Никифоровичем Катковым Достоевский близко сойдется позже: в «Русском вестнике» будут напечатаны четыре романа из «великого пятикнижия». Но отношения с издателем будут далеко не безоблачными. ⁸⁰

Но вернемся к другой, петербургской встрече — за несколько дней до отбытия одного из ее участников в Европу. Чернышевский объясняет внезапный визит к нему Достоевского тем, что писатель «имеет нервы, расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству». И все-таки, зная об этом, посещаемый не полагал, что болезнь гостя «достигла такого развития». ⁸¹ Всё это заявляется через много лет,

⁷⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. С. 297.

⁷⁸ Страшно вымолвить (*лат.*).

⁷⁹ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. С. 301.

⁸⁰ См. об этом подробнее: Волгин И. Л. 1) Последний год Достоевского. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017; 2) Чудо в Женеве: А. Г. Достоевская и роман «Идиот» // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2020. Т. 8. С. 56—95.

⁸¹ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. С. 777.

задним числом. В этой ретроспекции аккумулированы позднейшие толки о покойном писателе, воспроизведен привычный миф, утвердившийся в массовом сознании. Герцен, беседовавший с Достоевским несколько недель спустя, не усматривает в его поведении никаких отклонений. Разве что «не вполне ясный». Это, однако, не диагноз.

Между тем причин для беспокойства у Достоевского было более чем достаточно. Хотя он пока ничего о них не ведал.

Речь идет о судьбе его любимого детища — журнала «Время».

Цензурное разрешение на выход шестого номера «Времени» (откуда была изъята статья «Пожары») — 8 июня 1862 года; накануне, 7-го, Достоевский отбыл из Петербурга. Едва ли он мог предположить, что гранки запрещенной статьи лягут на стол к императору.

«Кем написана?» — строго спросит Александр II: его карандашные пометы остались (о чем уже говорилось выше) на цензурном экземпляре. Неясно, получил ли царь исчерпывающий ответ: потенциальным автором мог считаться и официальный издатель «Времени» М. М. Достоевский. Кстати, помимо политических акцентов высочайшего читателя, может быть, еще покоробил *стиль*?

«Залп хохоту должен был встретить глупый листок, — говорит Достоевский о «Молодой России». — <...> Но несколько хилых старцев в подагре и хирагре с старобабьим умом, переменявшие по прочтении глупого листка свое белье и даже тут не догадавшиеся о настоящем употреблении этого листка, — эти старцы почувствовали страшный, паралитический страх. Всё это принялось с кашлем и удушьем проповедовать гибель». ⁸² Намек на «хилых старцев со старобабьим умом», обвинявших в поджогах представителей молодого поколения, мог быть понят очень расширительно.

Интересно, что в своей статье в «Колоколе» Искандер прибегает к стилистике и семантике, весьма схожим с той, которая имеет место в запрещенной статье из «Времени». «Как мало надобно нашим женским нервам, чтоб испугаться, бежать назад, схватиться за фалду квартального...». ⁸³ «Старобабий ум» у одного и «женские нервы» у другого взяты из одного образного ряда. ⁸⁴

Через неделю после отъезда Достоевского, 15 июня, согласно недавно утвержденным «Временным правилам о печати», на восемь месяцев был приостановлен «Современник». На такой же срок приостанавливалось и «Русское слово».

⁸² Литературное наследство. Т. 86. С. 51.

⁸³ Колокол. 15 июля 1862 г. Л. 139.

⁸⁴ На это обстоятельство указывает также в своей статье Н. Г. Розенблюм. См.: *Розенблюм Н. Г.* Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский: (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время»). С. 37.

Достоевский не предполагал, что подобная участь может грозить и «Времени».

10 июня А. Ф. Голицын, председатель Следственной комиссии, специально созданной в связи с событиями в Петербурге (в 1849 году он руководил Особой комиссией по разбору бумаг арестованных петрашевцев), в своем всеподданнейшем докладе предлагает применить ко «Времени» указанную выше санкцию. «Согласен», — налагает резолюцию государь.⁸⁵

Удивительно: правительственная репрессия предлагается не за общедоступный, а за остановленный, не дошедший до публикации текст. В истории отечественной журналистики трудно найти подобный прецедент.

12 (24) июня Достоевский играет в Висбадене на рулетке: надо полагать, впервые в жизни.⁸⁶ Иными словами, играет с судьбой.

В этот день министр народного просвещения А. В. Головин возвращает министру внутренних дел П. А. Валуеву отношение князя А. Ф. Голицына — о судьбе журнала братьев Достоевских. «Я, — пишет министр, — просмотрел несколько книжек журнала “Время” и не нашел в них вредного направления, которое могло бы оправдать какие-либо строгие меры против этого издания».⁸⁷ Валуев, в свою очередь, доводит это спасительное резюме до высочайшего воззрения. В итоге: «Государь император изволил разрешить не прекращать издание журнала “Время” ныне, но с тем, чтобы за ним имелось наблюдение. Царское село, 22 июня 1862 г.»⁸⁸

Правительственная кара была отсрочена. «Время» запретят — и уже навсегда — ровно через год, но уже совершенно по иным основаниям.

Однако цепь *странных сближений*, сопутствующих лондонской встрече двух знаменитых русских писателей, на этом не заканчивается.

2 (14) июля — за два дня до свидания в Лондоне — в Петербурге арестовывают Д. И. Писарева. Публицист «Русского слова» вознамерился напечатать (разумеется, в подпольной типографии) статью в защиту Герцена. Статья была направлена против изданной в Берлине на фран-

⁸⁵ Там же. С. 34.

⁸⁶ Очевидно, он проигрался. «Ради Бога, не играй больше, — пишет брату М. М. Достоевский. — Где уж с нашим счастьем играть» (Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 534).

⁸⁷ *Розенблюм Н. Г.* Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский: (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время»). С. 34.

⁸⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 69, л. 7—9. См. также: *Розенблюм Н. Г.* Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский: (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время»). С. 35.

цузском языке брошюры Шедо-Ферроти (барона Фиркса: как полагают, агента русского правительства). Лондонский изгнанник подвергнулся в упомянутой брошюре тотальному поношению. Произведение Шедо-Ферроти с поощрения власти свободно ввозилось в Россию и, естественно, хорошо продавалось. Не упоминаемый (до выступления Каткова) «на языке родных осин» Герцен отозвался не без издевки: «перестать быть намеком, крепким словом, которого в печати не употребляют, равняется победе».⁸⁹

Дмитрий Писарев в своей статье-прокламации не просто попытается защитить Герцена и уничтожить «плоскую посредственность» Шедо-Ферроти. Он закончит ее призывом, за которым последуют четыре года отсидки в Петропавловской крепости: «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».⁹⁰

Достоевский никогда не увидит этого листка, написанного, правда, гораздо талантливее, нежели «Молодая Россия» (но в конечных выводах не менее радикального). Зато он вполне мог быть знаком с брошюрой Шедо-Ферроти. И если так, то это сочинение отнюдь не отвратило его от поездки ко всячески поносимому в нем лицу. И сочинение Шедо-Ферроти тоже могло быть упомянуто в их зарубежных беседах.

Собеседники пока ничего не знают о том, что в эти дни происходит на родине.

Достоевский выбрал не лучшее время для своего европейского турне. 19 июля — в часы, когда он собирается покинуть Лондон и Герцен дарит ему свою фотографию, — в Петербурге приходят за Чернышевским. Первоначально один из редакторов «Современника» был взят по подозрению в противозаконных сношениях с «лондонскими пропагандистами». Сношения заключались в том, что отъезжавший из Лондона приятель Кельсиева П. А. Ветошников вызвался передать Н. А. Серно-Соловьевичу (последний был арестован в один день с Чернышевским) письмо Огарева. Герцен сделал к нему маленькую приписку — о готовности издавать за свой счет «Современник» (приостановленный, как помним, на восемь месяцев) «здесь с Чернышевским или в Женеве».⁹¹ Агент III Отделения Г. Г. Перетц, скромно расположившийся среди гер-

⁸⁹ Колокол. 8 апреля 1862 г. Л. 128.

⁹⁰ Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: В 6 т. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1907. Дополнительный к шести томам выпуск. С. 130.

⁹¹ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. Кн. 2. С. 707.

ценовских гостей, донес, и 1 июня (19 мая) Ветошников был взят на границе. Герцен никогда не мог простить себе этой конспиративной небрежности.

Наряду с письмом Огарева захватили известный дагерротип Левицкого — тот самый герценовский портрет, который будет вручен Достоевскому несколько недель спустя.

Знаменательно, что обвинение, которое привело к аресту Чернышевского, в окончательном приговоре отсутствует. Следственная комиссия и Правительствующий Сенат пришли к заключению, что «нет основания полагать Чернышевского виновным в участии с Герценом в его стремлениях пропагандою ниспровергнуть существующий в России образ правления, а посему по обвинению этому <...> его следует признать недоказанным».⁹²

Всезнающая власть не подозревала, что Чернышевский и Герцен имели удовольствие быть лично знакомыми.

В июне 1859 года Чернышевский приезжает в Лондон: необходимо объясниться. В «Колоколе» вышла статья «Very dangerous», где Герцен неожиданно (и не очень ловко) задел «Современник», а заодно — сатирическое к нему приложение «Свисток». Этот реприманд (а если применить к данной размолвке позднейшее определение Достоевского, — «раскол в нигилистах») изумил их потенциальную аудиторию. Вознегодовал Некрасов (заметивший, что Герцен, дружески ехавший рядом, огрел его арапником), взволновался в дневнике Добролюбов. Поэт отправиться в Лондон не мог: они с Герценом пребывали в ссоре из-за пресловутого «огаревского наследства».⁹³ Прямолинейный и резкий Добролюбов был лишен дипломатических талантов: существовала вероятность, что он лишь усугубит ситуацию. Выбор пал на самого «деликатного» сотрудника «Современника».

Чернышевский, как и Достоевский, не знал ни слова по-английски. Чтобы добраться по адресу, он писал его на бумажке, каковую предъявлял случайным прохожим. К Герцену он явился 9 июля 1859 года.

Визит Чернышевского сохранялся в глубокой тайне. Ни Герцен, ни его посетитель не обмолвились об этом ни словом. Правду знало всего несколько человек.

Тем не менее остался документ: «Эстетические отношения искусства к действительности» (СПб., 1855) с дарственной надписью «Александр Ивановичу Герцену с благоговением подносит автор».⁹⁴ (Достоевский

⁹² Колокол. 1 января 1865 г. Л. 193.

⁹³ См.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М., Л.: Academia, 1933.

⁹⁴ Хранится в музее А. И. Герцена в Москве.

дарил свои «Записки из Мертвого дома», как помним, «с глубочайшим уважением».) Трудно предположить, что знаменитая диссертация, которую Тургенев в сердцах именовал «поганая мертвечина», произвела на автора «Былого и дум» благоприятное впечатление.

Знал ли Достоевский об этом сверхсекретном визите? Никто не задавался этим вопросом. Но на него — косвенно — ответил сам Достоевский.

В статье с характерным названием «Нечто личное», напечатанной в журнале «Гражданин» в 1873 году, Достоевский как бы вскользь замечает: «Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерой. Мне наружность и манера Чернышевского нравились».⁹⁵

Когда и где делился Герцен подобными наблюдениями?

В 1862 году, толкуя в Лондоне, среди прочего, и о «Молодой России», собеседник Герцена не мог не поведать ему о своем разговоре на ту же тему с будущим автором «Что делать?». В свою очередь, Герцен, возможно, решил поделиться своими личными — трехлетней давности — впечатлениями. Так Достоевский был допущен в круг *посвященных*.

Достоевский в «Гражданине» не упоминает о своей давней поездке. Конечно, слова Герцена о Чернышевском могли быть сказаны им и позже — при их встречах в Италии или в Швейцарии. Но те свидания были случайны и непродолжительны: одно в 1863 году — в присутствии А. П. Сусловой (о чем уже говорилось выше), другое в 1867 году — когда в Женеве они сказали несколько фраз друг другу в «враждебно-вежливом тоне».⁹⁶ В 1863 году Чернышевский уже больше года находился в Петропавловской крепости, и маловероятно, что в этих обстоятельствах Герцен стал бы характеризовать его в подобных выражениях. Так что, скорее всего, речь о тайном госте заходила в Лондоне.

Но вернемся к событиям в Петербурге. Нельзя не обратить внимания, что они теснейшим образом связаны с *типографической* темой. Той самой, у истоков которой стоял молодой Достоевский.

⁹⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. С. 25. Со своей стороны, Чернышевский незадолго до смерти заметил: «Я ломаю каждого, кому вздумаю помять ребра; я медведь. Я ломал людей, ломавших всё и всех, до чего и до кого дотронутся; я ломал Герцена (я ездил к нему дать ему выговор за нападение на Добролюбова: и — он вертелся передо мной, как школьник» (*Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 15. С. 790).

⁹⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Кн. 2. С. 282.

Опасный след

«Заводите типографии! Заводите типографии! — отчаянно воззвал Герцен в 105-м листе «Колокола» (15 августа 1861 г.). — Теперь самое время».

Призыв был услышан: «Великорусс», «К молодому поколению», «Молодая Россия» вышли в свет. 15 июня (по ст. стилю) 1862 года полиция нагрянула в «Карманную типографию» П. Д. Баллода: там обнаружилась готовая к печати писаревская статья.

Что касается арестованного через несколько дней Чернышевского, окончательный приговор по его делу тоже был связан с типографским станком. Воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», приписанное ведущему сотруднику «Современника», предназначалось для подпольной печати (Чернышевский был «пойман» на том, что якобы вносил исправления в текст, так и не достигший печатного станка). На сей раз «типографический след» не был замят: обвиняемый получил по полной.

В 1849-м участники «типографической семерки» были почти у цели. Герцен довел дело *до конца*. Знал ли он, что у него имелись *предшественники*?

17 августа 1849 года упомянутый выше И. П. Липранди пишет в Следственную комиссию: «Впоследствии, как я слышал, открыто комиссию, что была заготовлена и тайная типография, долженствовавшая скоро начать работу и действовать конечно для удобства распространения идей, а может быть, уже и для печатания воззваний».⁹⁷ Речь идет о том же, затеянном Достоевским с сотоварищами, деле. «Полярная звезда» на 1862 год вышла в свет до *приезда Достоевского в Лондон*. Затрагивалась ли эта *деликатная* тема в их беседах с Герценом?

Чернышевский, отвергая причастность к типографии, вряд ли подозревал, что он «встраивается» в некую историческую парадигму. Не подозревал об этом и Достоевский. «Никогда, — скажет он в 1873 году, — ничего не мог я узнать об этом деле; не знаю до сих пор».⁹⁸ Наверное, он сильно бы удивился, узнай о тайной переключке сюжетов. Но еще более поразил бы его другой факт, также ему неизвестный.

⁹⁷ Отрывок из мнения Действительного статского советника Липранди. В высочайше утвержденную комиссию о злоумышленниках под председательством генерал-адъютанта Набокова // Полярная звезда. 1862. Кн. 7. Вып. 1. С. 39. Этот выпуск «Полярной звезды», где опубликованы и другие материалы о петрашевцах (с упоминанием Достоевского), вышел осенью 1861 года, и более чем вероятно, что Достоевский был знаком с его содержанием.

⁹⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. С. 26.

18–19 (6–7) июля 1862 года — в дни, когда он мирно общался с Герценом, — в Ясной Поляне прошел полицейский обыск. Искали, разумеется, типографию.

Л. Н. Толстой пребывал «на кумысе», в башкирских степях. Внезапный приезд жандармов напугал его домашних. Обыск оказался следствием ложных доносов: ничего *криминального* не нашли. Хотя при этом перевернули толстовский кабинет, рылись в письмах и интимных дневниках многопишущего хозяина. Пока длился обыск, подвизавшиеся при яснополянской школе студенты изловчились вынести и перепрятать подаренный Толстому герценовский портрет: очевидно, всё тот же.

Вернувшийся из Самары Толстой был в ярости. У него даже возникло желание покинуть возлюбленное отечество. (Но: «К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе».⁹⁹) Он пишет письмо императору Александру II: при соблюдении эпистолярных приличий и норм в нем прорывается с трудом скрываемая обида.

Странная вещь, непонятная вещь! — как выразился бы поэт. В июле 1862 года «типографическая идея» незримо связывает нескольких не самых заурядных русских литераторов — Достоевского, Герцена, Чернышевского, Писарева, Толстого. Они никогда не осознают этой общей зависимости. (Хотя, кто знает, не поделился ли Достоевский с Герценом своей давней тайной.) В этой ситуации сокрыт не только реальный, но и глубокий исторический смысл. Тяга русского слова к публичности, к бесцензурности, а говоря проще — к свободе материализуется в настоятельных попытках «завести типографию». Но лондонская печатня остается единственным вполне удавшимся проектом. Иные пока факультативны.

Если в 1859 году визит Чернышевского к Герцену остался неизвестен властям, то через три года они стали куда пронизательнее. В конце июля агент III Отделения (выполнявший в данном случае функции внешней разведки) сообщает в Петербург имена тех, кто посещал лондонского изгнанника.

15 августа сверхинформированный Герцен (ссылаясь на верный польский источник) помещает в 141-м листе «Колокола» «Список лиц, которых правительство распорядилось арестовать по возвращении из-за границы». Последним в указанном списке значится Достоевский.¹⁰⁰

⁹⁹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 60. С. 435 и др.

¹⁰⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 15. С. 381–383. Некоторые из этих лиц (Н. Г. Рубинштейн, С. П. и А. А. Боткины, Г. Г. Перетц (агент III Отделения!) и др.) были подвергнуты обыску, но у них «ничего подозрительного» обнаружено не было. Как свидетельствует Г. Ф. Коган, на основании поступивших в III Отделение донесений Достоевский был от-

Успел ли Достоевский увидеть это предостережение? Он возвращается в Россию 4 сентября (23 августа по ст. стилю) 1862 года. В его заграничном паспорте значится: «Вержболово. Предъявлен при приезде».¹⁰¹ Потребовали ли от него предъявить что-либо еще?

До последнего времени на эти вопросы не существовало однозначных ответов. Но вновь найденные документы позволяют прояснить дело.

24 августа 1862 года Вержболовская таможня (принадлежащая Министерству финансов) «имеет честь донести» в III Отделение, «что вечером вчерашнего числа возвратился из-за границы отставной Подпоручик Федор Михайлович Достоевский, и по строжайшем осмотре его, не найдено ни при нем самом, ни в багаже его ничего подозрительного, кроме книг, поименованных в прилагаемом при сем реестре, и писем жены и брата <за> его же печатью».¹⁰² Теперь не остается сомнений, что Достоевский внял герценовскому сигналу. Разумеется, ни «фотографической улики», ни каких-либо запрещенных изданий в личных вещах законопослушного путешественника обнаружено не было. (Не был ли передан герценовский портрет находящемуся вне подозрений Н. Н. Страхову?) Восемь частей «Отверженных» («Les Misérables») В. Гюго на французском языке и еще две французские книжки (одна из которых — «Отец Горио» Бальзака) не могли похвастаться чем-то сомнительным. Равно как и безобидные русские издания — «Афины и Константинополь»¹⁰³ и «Небывалые люди».¹⁰⁴ И — вместо потенциально возможных «Ко-

несен шефом жандармов В. А. Долгоруковым к категории тех лиц, которые посещали Герцена не из простого любопытства, а участвовали «более или менее в преступных его намерениях» (Коган Г. Ф. Достоевский в документах III Отделения // Литературное наследство. Т. 86. С. 596). Интересно, что конкретно имели в виду те, кто поставлял начальству эту *криминальную* информацию?

¹⁰¹ Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. С. 287.

¹⁰² ГАРФ, ф. III Отд., 1 эксп., д. 230, ч. 82. Выражаем искреннюю признательность В. Н. Захарову, указавшему этот источник.

¹⁰³ Скорее всего, имеется в виду одноименная книга А. Милюкова (СПб., 1859).

¹⁰⁴ Удалось выяснить, что это не что иное, как рецензия З-н (Е. Ф. Зарин) на журнальную публикацию во «Времени» «Униженных и оскорбленных». Статья Зарина с указанным названием, весьма недоброжелательная по отношению к Достоевскому и направленная в основном против статьи Добролюбова «Забитые люди» («Современник». 1861. № 9), была напечатана в «Библиотеке для чтения» (1862. № 1—2). Очевидно, у Достоевского был оттиск этой статьи. Не вполне ясно, зачем ему понадобилось везти в Европу этот далеко не выдающийся текст.

локола» или «Полярной звезды» — два номера благонадежнейшей «Северной пчелы». Всё это не представляло никакого *специфического* интереса. Тем не менее означенные книги были препровождены в Санкт-Петербургский комитет цензуры иностранной.

Но на этом дело не кончилось. 31 августа генерал-майор Свиты Его Императорского Величества А. Л. Потапов (исполняющий обязанности начальника III Отделения) представляет на заседании Следственной комиссии указанное отношение Вержболовской таможни «с приложением оказавшихся у проезжавшего из-за границы в С. Петербург отставного По<дпо>ручника Федора Достоевского писем, которые он запечатал своею печатью, изъявив желание, чтобы оные вскрыты в его присутствии». Очевидно, Достоевский сумел настоять на том, чтобы изъятая у него корреспонденция во время ее передвижения по инстанциям оставалась недоступной для чужих глаз. Собственно, его и пригласили в Комиссию для свидетельствования писем в присутствии их владельца. Эта сугубо частная переписка, содержащая сведения семейного, порой интимного характера (заметим, что письма Марьи Дмитриевны, первой жены, до нас не дошли), была исследована членами Комиссии с невольного согласия адресата. «Для этого Достоевский был приглашен в Комиссию, и по вскрытии, при его бытности, доставленного пакета с письмами в сих последних ничего предосудительного не найдено. *Положено*: письма сии возвратить Достоевскому, что исполнено в присутствии Комиссии».

Этот документ, поименованный как «Выписка из журнала Высочайше учрежденной в С. Петербурге Следственной Комиссии», имеет гриф «*Секретно*». А само дело, находящееся в фондах III Отделения, озаглавлено так: «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний». Это делопроизводство той самой Следственной комиссии, которая не только занималась петербургскими пожарами, но и отслеживала все действия в отношении Чернышевского, Писарева и других «политических преступников». «Часть 82. О литераторе Федоре Достоевском. 1862 г.» — именно здесь содержатся приведенные нами документы.¹⁰⁵

Итак, будущий автор «Зимних заметок...» был реабилитирован в глазах правительства, хотя подвергся при этом довольно унижительным процедурам.

Пора, однако, вернуться в Париж.

¹⁰⁵ ГАРФ, ф. III Отд., 1 эксп., ч. 82. О полицейском надзоре над писателем см. также: Волгин И. Л. 1) Последний год Достоевского. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 165–183 и др.; 2) Ничей современник: Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 188–204.

«Отойди от меня, Сатана»

Следует признать, Достоевский пробуждал любопытство не только у тружеников отечественного сыска. Оказывается, он мог быть интересен и полиции других стран.

Еще ранее, при пересечении французской границы (он въезжал в пределы Второй империи через Бельгию), в вагон к путешественнику подсаживается четверка странных попутчиков. У них нет «ни узелка, ни даже платья, которые бы хоть сколько-нибудь напоминали человека дорожного». Они были «в каких-то легоньких сюртучках» и в несвежем белье (что автор «Зимних заметок...», всегда носивший, по свидетельству современников, белье исключительно чистое, не мог не отметить). «Небрежно посвистывая», они «равнодушно, но упорно поглядывали в окна кареты»,¹⁰⁶ как бы подчеркнуто не обращая внимания на своих спутников. Когда, проехав одну станцию, они дружно выскочили из вагона, некий швейцарец, ехавший вместе с Достоевским, объяснил наивному россиянину, что это — не кто иные, как полицейские агенты, шпионы, в чью непрременную обязанность входит запоминание примет всех иностранцев, прибывающих в пределы Второй империи. «Швейцарец не обманул меня, — говорит Достоевский. — В отеле, в котором я остановился, немедленно описали все малейшие приметы мои и сообщили их, куда следует. По точности и мелочности, с которой рассматривают вас при описании примет, можно заключить, что и вся дальнейшая ваша жизнь в отеле, так сказать, все ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются».¹⁰⁷

У правительства Франции могли быть свои резоны. 14 января 1858 года четыре итальянца во главе с Феличе Орсини, недовольные политической императором в отношении их раздираемой уособицами родины, метнули под карету Наполеона III несколько бомб: 8 убитых и 142 раненых остались на месте. (В России до применения такого рода оружия дойдут нескоро: Зимний дворец будет взорван лишь 5 (17) февраля 1880 года.) Но в целом после борений и смут Второй республики Франция слыла довольно спокойной, *благоустроенной* страной. Историки называют эпоху Наполеона III золотым веком провокации, царством тайных агентов, доносчиков и соглядатаев. Не простаивали и добровольные помощники. Достоевский столкнулся с ними при заселении в очередной отель — причем весьма патриархального толка. Его владельцы, пожилые супруги («очень хорошие люди и чрезвычайно деликатны»), озаботились не только вопросом относительно общественного положения

¹⁰⁶ Очевидно, описка Достоевского, поскольку речь везде идет о *вагоне*.

¹⁰⁷ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 66.

гостя (в конце концов предложили ему записать свое звание в наиболее приемлемом качестве — «собственник»), но и его особыми приметам, как то: ростом, цветом волос и т. д. Результаты осмотра были занесены хозяйкой гостиницы в особую книгу.

«— Позвольте, мсье, — продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мне с самым любезным видом, — вот сюда, два шага, к окну. Надо разглядеть цвет ваших глаз. Гм, светлые...

И она опять посоветовалась глазами с мужем. Они, видимо, чрезвычайно любили друг друга.

— Более серого оттенка, — заметил муж с особенно деловым, даже озабоченным видом. — *Voilà*, — мигнул он жене, указывая что-то над своею бровью, но я очень хорошо понял, на что он указывал. У меня маленький шрам на лбу, и ему хотелось, чтобы жена заметила и эту особую приметку.

— Позвольте ж теперь спросить, — сказал я хозяйке, когда кончился весь экзамен, — неужели с вас требуют такой отчетности?

— О мсье, это необ-хо-димо!..

— Мсье! — поддакнул муж с каким-то особенно внушительным видом». ¹⁰⁸

Первоначальные («летние!») впечатления вскоре подтвердились.

Париж под пером Достоевского предстает вместилищем лицемерия, ханжества и изощренной лжи. «Опыт о буржуа» — так называется глава четвертая «Зимних заметок...». Столь беспощадной нравственной анатомии еще не подвергался этот мировой тип — ни в русской, ни, пожалуй, и в европейской литературе. Неслучайно будущий герой «Игрока», Алексей Иванович, станет утверждать, что фантазия современного француза «слагается из заранее принятых и давно уже опошлившихся форм. Натуральный же француз состоит из самой мещанской, мелкой, обыденной положительности, — одним словом, скучнейшее существо в мире». ¹⁰⁹

В характеристике, данной Алексеем Ивановичем «французику Де-Грие», угадываются те же мотивы, что присутствуют в «Опыте о буржуа»: «Де-Грие был, как все французы, то есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселым и любезным переставала необходимость. Француз редко натурально любезен; он любезен всегда как бы по приказу, из расчета». ¹¹⁰

Соблюдение внешней формы, главная цель которой — прикрыть содержание, — вот методология не только авантюриста Де-Грие, но и других героев Достоевского. Лужин в «Преступлении и наказании», Ганечка

¹⁰⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. С. 67.

¹⁰⁹ Там же. С. 239—240.

¹¹⁰ Там же. С. 239.

Иволгин в «Идиоте», Кармазинов в «Бесах» — у всех у них внутренняя суть завуалирована приличным жестом, видимостью благородства.

На этой видимости держится вся социальная жизнь Парижа.

«Чего же более для совершенного счастья? Вот почему заглавия романов, как, например, “Жена, муж и любовник”, уже невозможны при теперешних обстоятельствах, потому что любовников нет и не может быть. И будь их в Париже так же много, как песку морского (а их там, может, и больше), все-таки их там нет и не может быть, потому что так решено и подписано, потому что всё блестит добродетелями. Так надо, чтоб всё блестело добродетелями».¹¹¹

«Потребность добродетели в Париже неугасима!» — продолжает Достоевский. И эта потребность прекрасно уживается с истинной страстью парижанина. А именно — с тем, что мы сейчас обозначили бы как главенствующую черту общества потребления: «Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид».¹¹²

В этом *вещественном* контексте понятие благородства утрачивает изначальный смысл и превращается в свою нравственную противоположность. «Странный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство. Все французы имеют удивительно благородный вид. <...> Без неизъяснимого благородства он и спать не может спокойно».¹¹³

Между тем, говорит Достоевский, западный человек толкует о братстве. Но, оказывается, «сделать братство нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится». И здесь автор «вдруг» называет обстоятельства, которые трудно отнести к ходу французской и вообще европейской жизни. Чтоб было братство, надо прежде всего любить: «Надо, чтоб самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласие, и тянуло, несмотря на все вековые страдания нации, несмотря на варварскую грубость и невежество, укоренившиеся в нации, несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников, — одним словом, чтоб потребность братской общины была в натуре человека, чтоб он с тем и родился или усвоил себе такую привычку искони веков».¹¹⁴ Все эти исторические реалии имеют касательство скорее к России. Именно ее образ, как уже говорилось, неизменно возникает в глубинах пове-

¹¹¹ Там же. С. 75.

¹¹² Там же. С. 76.

¹¹³ Там же. С. 76, 77.

¹¹⁴ Там же. С. 80.

ствования. Не отсюда ли начинается цепь умозаключений, ведущих к Пушкинской речи? К «речи-завещанию», где потребность братства провозглашена как основополагающее стремление русского человека, «всечеловека», дающее надежду на духовный подвиг и искупление.

Но пока, в координатах западного мира, благороднейшие идеалы — вроде тех, что были провозглашены Великой французской революцией, — утрачивают первоначальный смысл и превращаются в социальную пародию. «Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно».¹¹⁵

Собственно, здесь действует та же авторская оптика: «благородный жест» на самом деле прикрывает реальную несвободу; настоящая свобода — в ее материальном эквиваленте — зависит от толщины кошелька.

Не отсюда ли, пожалуй, проистекает традиционная антибуржуазность российской поэзии и прозы? Иначе — сугубое недоверие к тем, чей «обрюзгший жир» вытекает по человеку «в чистый переулочек»:

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных шей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

1 марта 1918 года Александр Блок записывает в дневнике: «Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкасаться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, внятно мне, отойди, Сатана».¹¹⁶ А за месяц до этого — другая запись: «Сидеть у печки и читать Достоевского».¹¹⁷

Но вот вопрос: отправляясь в свой первый зарубежный вояж, был ли Достоевский приготован к тому или иному восприятию Запада? То есть, сложился ли у него образ современной ему Европы еще до того, как его нога переступила границу России? Или же в «Зимних заметках...» отложились только те впечатления, которые были приобретены за время летнего турне?

Не будем повторять, что горячую любовь к «стране святых чудес», к ее истории и культуре он пронес через всю свою жизнь. Тем не менее,

¹¹⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. С. 78.

¹¹⁶ Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 7. С. 328.

¹¹⁷ Там же. С. 324.

маловероятно, что в 1862 году Достоевский питал какие-то иллюзии относительно еще не виденного им Запада. И поездка только укрепила его в тягостных предчувствиях. Но при этом была выработана некая «формула», некая концепция Запада, которая практически не менялась до конца его дней. Ироническое отношение к «современному» немцу, легкое презрение к «современному» французу, брезгливость к буржуа вообще — всё это сохранится, пожалуй, навсегда. Позднейшие зарубежные поездки только укрепят его в этих чувствах. И тем драматичнее будет осознаваться пропасть между великим европейским прошлым и неприглядным настоящим.

«Я хочу в Европу съездить, Алеша, — говорит младшему брату Иван Карамазов, — отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что всё это давно уже кладбище и никак не более».¹¹⁸

Строго говоря, это *повтор*. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» сокрыты многие мировоззренческие истоки позднего Достоевского. Личное знакомство с Западом стало для него горьким и вместе с тем обнадеживающим уроком. Ибо в тексте просматривается альтернатива этому миру, там явлен намек на то, что возможен иной исход. Это чувство будет сопровождать Достоевского до могилы.

Он говорит: «Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности».¹¹⁹

Можно сказать, что Достоевский «на себе» исполнил этот завет. Он исполнил его в «высшем смысле», ибо всё его творчество было жертвой, принесенной во искупление наших общих грехов. Недаром Герцен признал: «Верит с энтузиазмом в русский народ». И, может быть, долгожданное путешествие в западное *загробье* убедило его, что «святые чудеса» возможны и на его родине и что наивный шиллеровский призыв «Обнимитесь, миллионы!» прежде всего может найти отзвук в страдающем русском сердце.

¹¹⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 210.

¹¹⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. С. 79.

Тайна князя Мышкина: О романе Достоевского «Идиот»*

1. Загадочный или расплывчатый Мышкин?

Князь Лев Николаевич Мышкин с самого начала является перед нами в ореоле загадочности. Начиная с того, почему он князь и почему его имя-отчество полностью совпадает с именем-отчеством Толстого...

Загадочным Достоевский сделал Мышкина, как известно, намеренно.¹ Это, конечно, не означает, что Мышкин в романе какой-то расплывчатый. Однако, увы, именно таким, расплывчатым, князь предстает во многих литературоведческих истолкованиях. И даже в большинстве художественных рецензий этого образа: от пастернаковского доктора Живаго до некоторых героев кинофильмов Андрея Тарковского.

Каков же он — этот Мышкин: «положительно прекрасный человек», сеющий вокруг себя добро? Или фразер, благими намерениями которого выложена дорога в ад?..

Немаловажное значение для ответа на этот вопрос имеет вопрос о прототипах данного героя. Их видели в графе Г. А. Кушелеве-Безбородко, князе В. Ф. Одоевском (ДЗ5, 9;

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-512-23008 «Криптопоэтика русской литературы Нового времени».

¹ В подготовительных материалах к роману сказано: «Князя Сфинксом. Сфинксом. Сам открывается. Без объяснений от автора, кроме разве первой главы» (*Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. СПб.: Наука, 2020. Т. 9. С. 536—259*). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с пометой «ДЗ5», а также с указанием номера тома и страницы в скобках.

536–537), поэтах Н. П. Огареве² и А. А. Григорьеве.³ Однако во всех этих случаях имеется в виду — отнюдь небезосновательно — их сходство с Мышкиным всё же по достаточно частным признакам.

2. За счет чего совершилось «чудо в Женеве»?

Как известно, в конце 1867 года Достоевскому пришлось срочно придумывать план нового романа, а его первую, по первоначальному делению, часть написать за рекордные три недели. Сам писатель объяснял это своего рода «чудо в Женеве»⁴ в письме к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867-го (12 января 1868-го) года тем, что в момент кризиса он обратился к своему давнишнему замыслу — «изобразить вполне прекрасного человека».⁵

Само по себе такое решение выручить Достоевского не могло. Тем более что он сам хорошо сознавал: «Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно» (28 (2), 241). Однако Достоевский полагал, что «на свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос» (28 (2), 246).⁶ Именно в связи с этим весной 1868 года в подготовительных материалах к роману и появляется неоднократно повторенная помета: «Князь Христос» (Д35, 9; 246, 259).

Само по себе решение изобразить новое воплощение Христа⁷ — героя, очевидно вступающего на путь «подражания Христу»,⁸ заповедан-

² См.: *Борисова В. В.* Н. П. Огарев как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. науч. трудов. М.; Иркутск: Восточно-Сибирская гос. академия образования, 2009. Вып. 21. С. 85–90.

³ См.: *Кибальник С. А.* Аполлон Григорьев и Достоевский: (Художественные воплощения, трансформация и переоценка русского почвенничества) // *Неизвестный Достоевский*. 2022. № 4. С. 159–170.

⁴ Выражение И. Л. Волгина. См.: *Волгин И. Л.* Чудо в Женеве // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2020. Т. 8. С. 56–95.

⁵ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. СПб.: Наука, 1985. Т. 28 (2). С. 241. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы в скобках.

⁶ Такое уточнение Достоевский сделал уже на следующий день после написания процитированного выше письма А. Н. Майкову — в письме С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 года.

⁷ Вопрос о результатах такого воплощения Христа в Мышкине ранее затрагивал А. Б. Галкин, отмечая, что, с одной стороны, «в каком-то смысле он сам оказывается поверженным Мессией», а с другой — «брошенное

ного Фомой Кемпийским, Франциском Ассизским и др., — конечно же, проясняло в будущем романе многое. А вкупе с одновременно принятым решением «переписать» в нем популярный в то время сюжет о влюбленной куртизанке⁹ намечало четкую фабулу. Теперь Достоевский мог создавать «Жизнь» своего современного «Иисуса», не просто стилизуя его под героя ренановского жизнеописания, а еще и как бы вписывая его в историю современной Магдалины, влюбленной в современного Христа.

Вполне логичным оказывался в этом плане и один из центральных поворотов нового сюжета. В соответствии с убеждением Достоевского в том, что «сострадание — всё христианство» (Д35, 9; 250), Мышкин в романе не может оставить Настасью Филипповну даже ради собственного счастья с Аглаей.¹⁰

Для того чтобы вдохнуть жизнь в эти достаточно общие схемы, Достоевскому всё же нужно было еще и множество каких-то сильных внешних впечатлений. А по большей части уединенная жизнь четы Достоевских за границей их не давала.

Отчасти писатель выходил из положения так: он писал свои образы с тех, кто был перед его глазами. Так, образ Веры Лебедевой («лебедя-

князем Мышкиным нравственное зерно прорастает в душах сестер Епанчиных и особенно в светлой душе Коли Иволгина» (*Галкин А. Б.* Образ Христа и концепция человека в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 322). Впрочем, первое и так очевидно, а о втором самим Достоевским четко сказано в подготовительных материалах к роману: «Но где только он ни прикоснулся, — везде он оставил неисследимую черту» (Д35, 9; 251). Однако и Христос ведь не столько спасал, сколько показал пример всепрощения и самоотверженности. При этом, как и Мышкин, он безвременно погиб.

⁸ О Мышкине как о хриstopодобном образе ранее специально писала Ирина Кириллова. Почти никак не мотивируя это, она почему-то находит в нем «срыв в трагическую пародию» (*Кириллова И.* Образ Христа в творчестве Достоевского: Размышления. М.: Центр книги Всерос. гос. б-ки иностр. лит-ры им. М. И. Рудомино, 2010. С. 82—90).

⁹ См.: *Кибальник С. А.* Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности // *Кибальник С. А.* Чехов и русская классика: проблемы интертекста: Статьи, очерки, заметки. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. С. 115—331.

¹⁰ Впрочем, первоначально Достоевский, может быть, и не собирался изображать влюбившегося в Аглаю (то есть способного на любовь к женщине) Мышкина. Недаром в подготовительных материалах к роману он всячески подчеркивал свою установку именно на иное изображение Мышкина: князь «невинен!» (Д35, 9; 245).

девы», которую, в отличие от пушкинского «князя Гвидона», князь Мышкин ни от чего не спасает, и в результате она так и не становится его женой), а также непорочной Мадонны с младенцем, стилизованной под излюбленные писателем живописные полотна с изображением Девы Марии, Достоевский отчасти списывает со своей жены.¹¹

Она, конечно, не непорочная дева, но с февраля по май 1868 года (до смерти первенца Достоевских, дочери Софьи) Анна Григорьевна на глазах у писателя — точно так же, как Вера Лебедева на глазах у Мышкина — по большей части была с младенцем на руках.

Когда внешних впечатлений мало, писателю приходят на помощь воспоминания. После смерти в 1864 году первой жены писателя Марьи Дмитриевны Достоевский высказывал в своих рабочих тетрадях такую мысль: по-настоящему осуществить свое высшее предназначение человек может, только отрешившись от эгоизма и личного стремления к счастью. Именно это было присуще Христу.

А «*женитьба и посягновение на женщину*», по Достоевскому, «*есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма*». Ведь получается «*совершенное обособление пары от всех*» (20; 173). То есть для осуществления своего высшего предназначения человек должен, как Христос, чуждаться половой любви и не создавать семью.

Запись эта не раз комментировалась, но не рассматривалась до сих пор в связи с собственной биографией Достоевского. Между тем, по всей видимости, разочарованный в своем первом браке и потрясенный смертью жены, Достоевский сам подумывал тогда о том, чтобы больше не вступать в брак. То есть примеривал «подражание Христу» на себя самого.

Может быть, образ князя Мышкина, созданный уже женатым писателем, воплощает некоторые жизненные идеалы, которые он сам исповедовал незадолго до этого? Кстати, возможно, в середине 1860-х годов Достоевский делал это не только в данном смысле. Достаточно вспомнить, как легко, по первой просьбе, он готов был выручить подчас отнюдь не самых близких знакомых деньгами.

В подготовительных материалах к роману также всячески подчеркивается: «Князь невинен!» (Д35, 9; 245). Сполна наделен этим качеством Мышкин и в самом романе. Достоевский как бы ставит в нем художественный эксперимент: что, если его «Князь-Христос» будет «невинен», как Иисус? Сможет ли он сделать счастливой не какую-то одну женщину, а всех людей — хотя бы только окружающих? И совместимы ли «невинность» и такая способность к состраданию с личным счастьем человека?

¹¹ См. об этом: Кибальник С. «Пески́нская Мадонна»: (Образ жены писателя на страницах романа «Идиот») // Текст и традиция: Альманах / Гл. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Росток, 2022. Т. 10. С. 25–46.

3. Черты Достоевского в Мышкине

Если приглядеться, то можно заметить в Мышкине некоторые черты Достоевского, присущие ему не только в недавнем прошлом, но и в настоящем. Ведь некоторые черты писателя в князе отмечала еще его жена Анна Григорьевна. А затем еще немало таких черт обнаружили исследователи.

Может быть, имя-отчество Льва Толстого и титул «князя» не в последнюю очередь и нужны в романе именно для того, чтобы читатель пошел по ложному следу? И не распознал в его главном герое самого автора?¹²

Ведь от Достоевского в Мышкине очень много. Он даже внешне похож на молодого Достоевского: «очень белокур <...> с легонькою, востренькою, почти совершенно белую бородкой» (Д35, 8; 6). Напомню: в начале романа Мышкин — «молодой человек» «лет двадцати шести или двадцати семи» (Д35, 8; 6). А Достоевский в молодости, по единодушному свидетельству современников, также был блондином. Причем, волосы у него «были более чем светлые, почти беловатые».¹³

Писатель наделяет Мышкина своим собственным недугом — эпилепсией. Причем о своих ощущениях во время припадков герой рассказывает в весьма сходных с автором выражениях (см.: Д35, 8; 535).

У Мышкина необыкновенные способности к каллиграфии, которые, вне всякого сомнения, были свойственны и самому Достоевскому: стоит только взглянуть на его творческие рукописи.

Князь отдает свои последние деньги первому, кто у него их спросит. Именно так нередко поступал и сам Достоевский.

После получения наследства князь удовлетворяет кредиторов «по документам спорным, ничтожным», а то «так и вовсе без документов» (Д35, 8; 169). Именно так действовал и Достоевский в отношении истинных и мнимых кредиторов своего покойного брата. Впрочем, он делал так и раньше — особенно в молодости.

Мышкин неоднократно характеризуется в романе как «христианин» и «демократ какой-то непозволительный» (Д35, 8; 466, 351). Во многом это, разумеется, верно и применительно к личности Достоевского.

¹² Это соображение, разумеется, несколько не противоречит тому обстоятельству, что в высказываниях и поступках князя Мышкина, судя по всему, есть отдельные частные реминисценции из сочинений Толстого. См.: Новикова Е. Г. «Nous serons avec le Christ»: Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016. С. 186—190.

¹³ Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 231.

В князе всё время подчеркиваются его наивность и доверчивость. И в то же время редкая пронизательность, которой в нем восхищаются и Лебедев, и Келлер, и едва ли не все другие герои романа. Таким же было впечатление от общения с Достоевским у многих его знакомых. И уж, конечно, впечатление многих его читателей.

Возможно, с пребыванием самого Достоевского в Женеве отчасти связано «применение» к Мышкину Аглаей пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» в редакции «Сцен из рыцарских времен». Ведь в полной его редакции, которая, возможно, также была известна Достоевскому, есть строка: «Путешествуя в Женеву...» (27; 44), которую сам писатель впоследствии приведет в рабочей тетради 1880—1881 годов.¹⁴

Как известно, передан Мышкину и ряд других черт Достоевского... Здесь нет возможности перечислить их все, но важно подчеркнуть, что их множество и что стоит учитывать их все в совокупности.

4. Судьба Мышкина как альтернативная биография Достоевского

Отразились в сюжете романа — разумеется, в преломленном виде — и некоторые моменты судьбы писателя.

Так, князь лечился в Швейцарии, в которой в момент создания первой части романа жил сам Достоевский. Причем, боясь сойти с ума из-за участвовавших приступов эпилепсии, писатель говорил Анне Григорьевне, что ему «не миновать сумасшедшего дома, и просил, если бы с ним случилось это несчастье, то не оставить его за границей, а перевезти в Россию».¹⁵ Можно представить себе, насколько будущий главный герой «Идиота» был реализацией самых мрачных опасений Достоевского относительно внешних контуров его судьбы.

Как известно, в период создания романа Достоевский, будучи женатым человеком, испытывал платоническое увлечение своей племянницей Софьей Ивановой, которой и посвящен роман «Идиот». Так что парадоксальное намерение Мышкина «любить» сразу двух женщин — если воспользоваться формулировкой Евгения Павловича Радомско-

¹⁴ Соломина-Минихен Н. О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот». СПб.: Скифия, 2016. С. 82.

¹⁵ Запись от 6 <сентября> / 25 <августа> (Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. С. 238). Между тем первая запись подготовительных материалов к роману (ПМ 1) датирована 14 сентября 1867 года (Д35, 9; 109).

го¹⁶ — вполне соответствовало внутренней жизни писателя в период создания романа.¹⁷

В запутанной истории сложных отношений Мышкина с Настасьей Филипповной исследователи давно заметили преломление любовного романа Достоевского с Аполлинарией Суловой. Причем эта сюжетная линия романа находит некоторое соответствие в том несколько отвлеченно-сострадательном, сентиментально-гуманистическом понимании христианства, которое и раньше было присуще писателю — от «Бедных людей» (1845) до «Униженных и оскорбленных» (1861).¹⁸

Между тем история помолвки, а затем разрыва писателя с Анной Корвин-Круковской явно отразилась в отношениях Мышкина с Аглаей Епанчиной. Более того, в изображении всего семейства Епанчиных: трех сестер, их матери Лизаветы Прокофьевны и даже генерала Епанчина — явно сказались черты семейства Корвин-Круковских.

Отец Анны Васильевны, как и Епанчин, был генералом. Мать ее так походила характером на мать Аглаи, что Достоевский лишь немного изменил ее имя-отчество: *Елизавету Федоровну* он сделал в своем романе *Лизаветой Прокофьевной*.

Наконец, сестер у Аглаи две, а не одна, как у Анны Корвин-Круковской. Зато одна из них — Аделаида — в подготовительных материалах к роману питает к Мышкину «немую любовь» (Д35, 9; 267). Именно такую любовь к Достоевскому испытывала младшая сестра Анны Корвин-Круковской Софья — в будущем знаменитый математик Софья Ковалевская.¹⁹ Очень многое, даже эпизод из четвертой части романа, в котором Мышкин на вечере у Епанчиных разбивает китайскую вазу,

¹⁶ « — Как же? Стало быть, обеих хотите любить?
— О, да, да!
— Помилуйте, князь, что вы говорите, опомнитесь!» (Д35, 8; 534).

¹⁷ См. подробнее об этом: *Степанян К. А.* «Идиот» — роман-загадка // *Степанян К. А.* «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. С. 123—126.

¹⁸ Достоевский был преисполнен беспримерного сочувствия к своим героям. При этом вплоть до «Записок из подполья» (1863) он немного забывал об их собственной ответственности за свою судьбу. И верил в возможность всеобщего примирения их — пусть даже и противоположных — интересов. Так, в «Униженных и оскорбленных» Наташа Ихменева, хотя и любит, но без борьбы и ревности уступает Алешу Валковского Кате Филимоновой. В «Идиоте» аналогичное «обожание» Аглаи Епанчиной Настасьей Барашковой продолжается только до момента их первой встречи друг с другом...

¹⁹ *Ковалевская С. В.* Из «Воспоминаний детства» // *Ф. М. Достоевский* в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 19—40.

содержит прямые параллели с ее мемуарным рассказом о прощальном вечере в доме Корвин-Круковских перед их отъездом из Петербурга весной 1865 года (см. подробнее: Д35, 9; 537–539).²⁰

Так что в романе «Идиот» изображено, что было бы с Достоевским, если бы он не имел творческого дара, если бы эпилепсия сначала привела его к безумию, а потом, после ряда лет просветления, снова ввергла в бессознательное состояние. И если бы на смену его бурным увлечениям Суловой и Корвин-Круковской не пришли бы куда более ровные отношения с его будущей женой.

В отличие от Достоевского, Мышкин, увы, до самого конца так и не осознает, что ему нужна не Настасья Филипповна и даже не Аглая. По-настоящему счастлив он мог быть только с такой женщиной, как Вера Лебедева...

Итак, в судьбе князя можно видеть своего рода альтернативную биографию Достоевского. Как бы реализацию самых мрачных вариантов его судьбы, которых самому писателю, к счастью, удалось избежать. И одновременно — своего рода восхождение на остававшуюся в полной мере недостижимой для него в реальной жизни высоту внутреннего преображения.

Тайна князя Мышкина заключается, по-видимому, в том, что во многом это — сам Достоевский, изображенный им самим на пределе своих духовных устремлений...

5. Удалось ли самому Достоевскому «подражание Христу»?

Удалось ли «подражание Христу» самому писателю?

Мемуаристы отмечали, что из-за границы Достоевский вернулся другим человеком. Некоторые из них объясняли это тем, что «в нем совершилось особенное раскрытие того христианского духа, который всегда жил в нем». ²¹ Однако дело, по-видимому, было в другом. За границей Достоевский сжился с женой. И произошло это не в последнюю очередь через переживание ими общей утраты.

В мае 1868 года, когда работа над романом «Идиот» была еще в самом разгаре, супруги Достоевские потеряли своего первенца — дочь Соню. Она умерла, будучи лишь нескольких месяцев от роду. По свидетельству жены писателя, на него эта смерть произвела сильнейшее впечатление. Достоевский долго не мог примириться с ней.

²⁰ Там же. С. 29–32.

²¹ *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 496.

Под влиянием этих переживаний писатель, по всей видимости, всё больше осознает: человеку в первую очередь нужны любовь, семья, дети. А от него самого требуется посвященность им. Вовсе не «человечеству вообще»...

Недаром один из главных — и наиболее автобиографических — героев «Братьев Карамазовых», старец Зосима, будет неустанно говорить о значении «опыта деятельной любви». Впрочем, и в других романах Достоевского 1870-х годов — в «Бесах» и «Подростке» — мы уже не находим такого идеально-жертвенного героя, как Мышкин. На смену ему приходят герои, вначале пренебрегающие ответственностью за своих близких, но постепенно осознающие ее.

Именно таковы Степан Трофимович Верховенский, Андрей Петрович Версилов, Дмитрий Федорович Карамазов...

«Пять вечеров» Александра Володина: Опыт аналитического чтения

История создания пьесы

Уже первая пьеса А. М. Володина «Фабричная девчонка» принесла успех, и успех этот был очень важен для автора — он обозначил правильность избранного пути. Признание было необходимо Володину не для самоутверждения, а для уверенности в своих возможностях, в своем праве на творчество в конце концов.

Успех «Фабричной девчонки», — а это был шумный успех, с аншлагами, ликованием артистов, разгромными статьями и гневными «письмами зрителей», — показал Володину, что проза с ее размытостью формальных границ, с ее необходимостью держать авторскую интонацию ему не очень-то и нужна, что ему проще один на один с персонажами, с их голосами, которыми он владел как нельзя лучше и мог выразить ими всё; достаточно действенного сюжета, пространных «настроенческих» ремарок, что ему удобнее в заданном сценическом формате... Главное — писать о том, что волнует «во-первых, а не во-вторых и не в-пятых».

Пьеса «Пять вечеров» «вышла» из рассказа «Пятнадцать лет жизни», опубликованного в его сборнике «Рассказы» (1954). Володин вернулся к своему старому сюжету — своеобразной исповеди о годах, прожитых после войны. Пуант рассказа — фронтовое ранение героя и мысль, пронзившая тогда самого автора — Шуру Лифшица: что бы он сделал, «если бы ему разрешили прожить еще один год». Это потрясение стало структурообразующим не только для рассказа «Пятнадцать лет жизни» и пьесы «Пять вечеров», оно при-

существует в «Записках нетрезвого человека»¹ и даже превратилось в стихотворение «На фронте была далеко идущая мечта...» (1946), опубликованное в 1967 году, а его строчка «стыдно быть несчастливым» стала своеобразным мемом художественного мира Володина.

Герой *рассказа* Володина — некий Саша Ильин (фамилия героя и псевдоним автора произведены от мужских имен по одной модели, а зовут их одинаково — Александром, Сашей), человек лет тридцати пяти; самому Володину на тот момент тридцать пять. Сюжет — история жизни Саши Ильина, особенно последних лет десяти, проведенных мусорно и «безалаберно». Когда-то он работал учителем в сельской школе, потом ушел на фронт, после войны учился на химика в Технологическом институте, откуда был отчислен по причине несданной сессии. Была сокурсница Мара, в которую он был влюблен, профессорская дочка, красавица и бездельница, обожавшая театр и тяготевшая к богеме со всеми ее дурными привычками: преувеличенной экспрессивностью, нарочитым кокетством и угарным пьянством. Эта Мара потом найдет свое идеально полное воплощение в Варваре из «Осеннего марафона».

В результате герой оказался проводником в поездах дальнего следования, потом завербовался на Север и, в конце концов, обосновался в Ленинграде, дворником при том самом Технологическом институте, где когда-то учился. Здесь он встречается с сокурсником по фамилии Тимофеев, уже солидным доцентом, и с грузной немолодой женщиной, в которую превратилась Мара. В рассказе появляется и еще один персонаж из прошлого — бывшая ученица Ильина Надя (не то реальная, не то — призрак-воспоминание), готовая вернуть героя к жизни...

Этого пропащего Ильина автор наделяет своей собственной плотью-кровью (осколок в легком остался у самого автора навсегда) и своей собственной судьбой: жизнь в начале 1950-х казалось ему полностью проигранной.

Ключевые сцены рассказа и пьесы совпадают почти полностью.

В рассказе «Пятнадцать лет жизни»:

«Осколок мины попал ему в бок, прошел между ребер, не повредив их, и завяз в легком. Раненых везли в крытом кузове буксовавшей машины медсанбата. Ильин сидел в неестественном положении, отклонясь назад. Он представлял себе сосудом, наполненным до краев кровью: стоит изменить наклон, и кровь хлынет горлом. Дышать он мог мучительно крохотными порциями: чуть-чуть вверх — вдох, столько же вниз — выдох. Ни на миллиметр больше. А так человек долго дышать не может. Значит, это конец. Он думал: если бы ему разрешили прожить

¹ Володин А. М. Записки нетрезвого человека: Проза. СПб.: Симпозиум, 2020. Далее ссылки в тексте на это издание: ЗНЧ-20 (с указанием страницы).

еще год... Только один год. Огромный год, состоящий из десятков тысяч вот таких бесконечных минут. Что бы он сделал за этот год!.. Он бы работал в лаборатории по шестнадцать, по двадцать часов в сутки. И, может быть, он сумел бы сделать какое-нибудь открытие в химии...».²

В пьесе «Пять вечеров»:

«Помню, ранили меня — трясусь в медсанбатской машине, прижался к борту. Осколок попал в легкое. Чувствую: чуть наклонишься — и кровь хлынет горлом. Так, думаю, долго не проживешь, гроб. И только одна мысль была в голове: если бы мне разрешили прожить еще один год. Огромный год. Миллион вот таких бесконечных минут. Что бы я успел сделать за этот год! Я бы работал где-нибудь в лаборатории по шестнадцать, по двадцать часов в сутки. Черт его знает, может быть, я сумел бы сделать что-нибудь стоящее!..».³

В этом условном наклонении глагола («если бы мне разрешили...») — квинтэссенция мироощущения послевоенного советского человека.

Размышления героя (и рассказа, и пьесы, и многочисленных интервью самого автора) конгениальны истории, поведенной князем Мышкиным, — о чувствах человека, приговоренного к казни (по личному опыту Ф. М. Достоевского): «...ему всё хотелось представить себе, как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже *ничто*, <...> ничего не было для него в это время тяжеле, как непрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, уж ничего бы даром не истратил!”».⁴

И вместе с тем между пьесой и рассказом есть существенное различие. В рассказе речь шла о собственноручно загубленной героем жизни, а в пьесе — о трагедии, постигшей поколение победителей.

Жизнь Ильина в рассказе еще не имела внутренней драматургии: она была составлена из самых разнообразных и не очень-то сочетающихся «картинок». По описанию это был простецкий парень («Он стеснялся своего широкого, добродушного вздернутого носа, светлых глаз, казавшихся ему невыразительными, и вообще своего лица, которое не умело скрыть ни обиды, ни смущения»), а по внутреннему содержанию обладал чертами самого автора — мучительной способностью погружаться в мир своих страданий, психологической зажатостью и жаждой иной жизни.

² Володин А. М. Рассказы. Л.: Советский писатель, 1954. С. 134–135. Далее рассказ цитируется по этому изданию.

³ Володин А. М. Пять вечеров // Театр. 1959. № 7. С. 28–29. Далее пьеса цитируется по этому изданию.

⁴ Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. С. 52–53.

Жизнь героя рассказа была отдана разгильдяйству и шалопайству, в сущности, по собственной воле — никакие более существенные причины не были в ней задействованы. Он слишком многое перепробовал, слишком легко его кидало от заведования госпитальной каптеркой к работе проводником, от должности снабженца — к учительству, от учителя — к грузчику... У этого героя еще не было внутреннего наполнения, кроме одного всепоглощающего чувства одиночества, неприкаянности, внезапно открывшейся бесповоротной скоротечности жизни. Человек, который после странствий вернулся к нелюбимой и опустившейся женщине, сочувствия в общем-то не вызывал. Да и обаяния особого в нем не чувствовалось. Судя по охоте к перемене мест и склонности к метаморфозам, ему должна была быть свойственна легкость, а легкости как раз и не было. И среди учителей, и среди грузчиков, и среди проводников дальнего следования он не был своим. Когда Ильин, больной, лежал в случайной квартире и страдал от вида розового коврика и пупса-негритенка, вспоминая Надю (свою бывшую ученицу), — всё было органично, но срываться с места, мотаться по свету, шабашить, колымить этот персонаж никак не мог.

Персонаж по фамилии Тимофеев (в рассказе — Вася Тимофеев, в пьесе — Михаил (Миха) Тимофеев), несмотря на свою доцентскую должность, мало чем отличался от грузчиков, среди которых обретался Ильин. Единственная его функция в рассказе — подтвердить, что в прошлом главный герой действительно был способным и целеустремленным юношей: «Ведь это он (Саша Ильин. — Е. Г.) пристрастил к химии Васю Тимофеева, потянул его за собой в Технологический институт...».

Есть в рассказе и юные герои, но, в отличие от колоритных фигур Славы и Кати в пьесе, это служебные фоновые персонажи, неприметные мальчики и девочки, ученики сельской школы, где некогда преподавал Ильин; они лишь напоминают о том служении людям, от которого отказался герой.

Иначе сформированы персонажи пьесы «Пять вечеров».

Саша Ильин из «Пяти вечеров» не шатался по свету без дела и пользы, гонимый собственной легковесностью. Он оказался в местах не столь отдаленных не по своей воле и возвращался человеком с трагическим внутренним багажом.

Зинаида Шарко, первая исполнительница роли Тамары в спектакле БДТ, вспоминает: «Первый критик города Ленинграда, Раиса Моисеевна Беньяш, позвонила Товстоногову и сказала: “Георгий Александрович, вот как-то у Володиного размыто и общо написано, где Ильин был семнадцать лет”. (А в спектакле явно прочитывалось, что Ильин просто-напросто сидел...) “Понимаете, надо это как-то определенно выразить”, — говорит Раиса Моисеевна Товстоногову. Георгий Александров

вич отвечает ей: “Раиса Моисеевна, а, по-вашему, где он был семнадцать лет?” — “Ну, это не телефонный разговор”... И тут Товстоногов взорвался: “Вы даже по телефону боитесь мне сказать, где он был, а требуете, чтобы Володин своими словами всё это сказал?”⁵

Существенные изменения произойдут в пьесе и с Тимофеевым, ставшим теперь главным инженером огромного химического комбината. В рассказе он — пример того, что, и будучи доцентом, можно оставаться ничтожным человеком. В пьесе он — олицетворение несостоявшейся судьбы героя, тот, кем герой должен был бы стать при другом повороте событий.

Но главное — в пьесе появилась героиня. Настоящая героиня.

В «Оптимистических записках» упомянута удивительная девушка, с которой автор, тогда Шура Лифшиц, солдатом-призывником случайно познакомился накануне войны. Она произвела на него неизгладимое впечатление: «...на другой скамье сидела компания девушек. Они о чем-то уговаривались, хихикая, потом одна пересекла дорожку и села рядом со мной. Что я начну к ней приставать — это было им ясно. <...> Я решил не унижаться... <...> Независимо посидев так достаточное время, я решил посмотреть, кого я поставил на место. Это была школьница. Такой я не встречал в своей жизни и едва ли когда-нибудь встречу. Она была красивая, серьезная, умная, всё могла понять. Когда я потом рассказал о ней в отделении, Сурудин так ее назвал: “Звезда”. (Одно из первоначальных названий «Пяти вечеров» — «Звезда». — Е. Г.) <...> Мы разговорились, подруги прошли мимо, позвали ее, но она махнула им рукой. А я говорил и говорил, я торопился, потому что до этого, мне казалось, я молчал всю жизнь. Она обещала прийти к казарме в воскресенье, но не пришла».⁶

Память об этой девушке Володин пронес через всю войну: «Белый город стал красно-черной развалиной. Женщины с тяжелыми мешками, спотыкаясь, шли по городу. Я представил себе, как, согнувшись под мешком и спотыкаясь, по кирпичам бредет та девушка, Звезда. А ей пристало ходить только прямо, пощелкивая каблучками и высоко держа голову» («Оптимистические записки». ЗНЧ-20. С. 39).

«Пять вечеров» — это пьеса-исповедь, ознаменовавшая собой коренной перелом в творчестве Володина, зародившаяся в момент изменения

⁵ Шарко З. М. Я жила в эпоху Володина // О Володине. Первые воспоминания: В 2 кн. СПб.: Изд-во Петербургского театрального журнала, 2006. Кн. 2. С. 22. Первый том этого издания: О Володине. Первые воспоминания: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Петербургского театрального журнала, 2004. Далее в тексте: Восп-1 и Восп-2.

⁶ Володин А. «Оптимистические записки» // Володин А. Записки нетрезвого человека: Проза. СПб.: Симпозиум, 2020. С. 38. Далее ссылки на это издание в тексте (ЗНЧ-20).

представления о себе самом и о творчестве как таковом. Прежде автор, как он сам признавался, считал, что «...важно и интересно только то, что происходит с другими, хорошо бы не похожими на тебя людьми, и хорошо бы — где-нибудь далеко. А то, что происходило в моей собственной жизни, — не важно и не интересно. Но потом мне показалось, что кое-что можно упомянуть и личное. В последующих пьесах было всё больше личного, и я понял, что это не страшно, а иной раз и напротив: чем больше ты черпнешь из своей души, тем, может быть, больше заденешь другие, чем откровенней о себе — тем точнее о других» («Оптимистические записки». ЗНЧ-20. С. 47–48).

Володин прочувствовал и проанализировал постоянную щемящую в душе ноту и стал писать о себе. Это была долгая душевная работа, счастливо разрешившийся душевный нарыв, его первый победный финиш на долгом, тогда уже почти пятилетнем, творческом марафоне. И никогда не прорывались у Володина слова о том, что за «Пять вечеров» ему «стыдно». За «Пять вечеров» стыдно не могло быть при самом лютом самоуничижении.

Володин писал пьесу-исповедь — и лично свою, и поколения в целом: не было ничего важнее в жизни володинского поколения (кроме, конечно, самой войны), чем вот эта пропасть, которая разверзлась между войной и послевоенной жизнью... Ему казалось, что он разбирается с этой проблемой, а точнее — трагедией, в индивидуальном порядке, применительно к своей жизни, но, оказалось, — применительно к жизни целого поколения, к жизни всего народа.

В силу дара и понимания сути вещей автор написал не только о себе, но и о своем поколении, прошедшем войну: «“Пять вечеров” в этом смысле были какими-то чрезвычайно задевающими людей. Что называется, “про самую что ни на есть жизнь”...».⁷

Как и «Фабричная девчонка», пьеса «Пять вечеров» открывается развернутыми ремарками. Но они здесь не для художника-оформителя. Здесь ремарки — материализация авторского голоса, авторской концепции происходящего. В отличие от вкусных бытовых ремарок «Фабричной девчонки», ремарки «Пяти вечеров» — стихотворения в прозе; они, конечно, говорят и об обстановке действия, но не о внешней, а о внутренней, об эмоциональной составляющей происходящего:

«Эта история произошла в Ленинграде, на одной из улиц, в одном из домов. Началась она задолго до этих пяти вечеров и кончится еще не скоро. Зима, по вечерам валит снег. Он волнует сердце воспоминаниями о школьных каникулах, о встречах в парадном, о прошлых зимах...» — этой ремаркой открывается пьеса. Или: «Вы замечали, сколько солнеч-

⁷ Табаков О. П. Моя настоящая жизнь: Автобиографическая проза. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. С. 180.

ного света может вместить ледяная сосулька? Одна за другой с нее падают капли, а она всё сверкает!»

Именно ремарки стали камертоном товстоноговского спектакля БДТ, где их, как голос автора, озвучивал своим неповторимым баритоном сам режиссер, а уж он-то знал, что в пьесах — главное.

Пьеса, задуманная автором как лирическое откровение, оказалась эпическим полотном. В «Пяти вечерах» автор обнаружил умение писать трагедию жизни в целом. Писать именно так, что, когда «люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» (Чехов).

Произошло так, как однажды произошло в «Вишневом саде»: люди тосковали, мечтали, суетились, считали деньги, сватали, ссорились, мирились, — а в это время рушилась их жизнь, и не только их самих — милых, нелепых, горьких... Просто век уходил. В чеховской пьесе это было представлено наглядно и физически ощутимо: убыстрялось, сворачивалось время и съеживалось, скукоживалось пространство. Время и пространство изживали своих героев.

В пьесе Володина, кажется, единственный раз в советской драматургии, произошло нечто подобное. Люди встретились после долгой разлуки, а на сцене клубилось *то*, что их разлучило, *то*, что сделало «звезду» Тамару мастером на калошной фабрике, а талантливого студента-химика Сашу Ильина — шофером там, где «резина ломается как картон»... На сцене, словно стук топора вишневого сада, материализовался исторический каток, прошедший по людям. Вот в чем было художественное открытие.

На репетициях Товстоногов объяснял, что будет ставить спектакль «с волшебством». Сам Володин потом объяснял это «волшебство» словом «сочувствие», то есть вниманием к тем и к тому, «о чем тогда не принято было говорить со сцены». А между тем волшебство присутствовало и в самой пьесе: это была особая поэтика, которая одухотворяла быт и одновременно раскрывала социально-исторические пласты общенародной трагедии.

Чай пили или вино, ссорились или мирились, накрывали на стол или сбрасывали посуду со стола, ставили цветы в банки или выбрасывали цветы из банок... — История разворачивалась на наших глазах. У Чехова трагедию «работали» время и пространство. Здесь трагедию «работало» прошлое — т. е. воспоминания, простая человеческая память, которая формирует культуру и социум и делает человека человеком, ибо «время, столкнувшись с памятью, узнает о своей бесправии» (И. Бродский).

Действие в «Пяти вечерах» структурировано воспоминаниями, построено на противопоставлении прежнего, вечного (настоящего по сути) — и нынешнего — сиюминутного, наносного, случайного. Мир

прошлого романтичен, он явлен космическими величинами («ночь», «звезды», «небо», «зима»), а мир настоящего — бытовыми реалиями заурядной действительности («план», «дисциплина», «график учета комсомольских взносов»).

Диалог Ильина и Тamarы весь соткан из воспоминаний. Буквально каждый жест, если он имеет истинный смысл, подкреплен авторитетом прошлого: «Когда на столе белая скатерть и цветы — неловко быть мелочным, грубым и злым. Скатерть должна быть со складками от утюга, *они пробуждают воспоминания*» (курсив мой. — Е. Г.). Да и выбор химического факультета для Славика — дань прошлому.

Кульминация пьесы — двойное параллельное воспоминание Ильина и Тamarы об отправке новобранцев на фронт.

Конфликт здесь — не между Сашей Ильиным и Тamarой, а между тем, какими были эти люди, и тем, что с ними сделала война / время... И в этом смысле «Пять вечеров» — лирико-эпическое полотно. В пьесе был воздух времени, было то, что сформировало судьбы героев и будет формировать их впредь, разрушая их легкость, улыбочность, открытость и обаяние, но было и то, как эти улыбочность и открытость будут сохраняться, пока их обладатели будут матереть, грубеть и ожесточаться. Прошлое — непоименованный герой этой пьесы, «сам третьей» этой истории. На протяжении всей пьесы герой пробуждает героиню к жизни — воспоминаниями. Суть личности Ильина — не мужское обаяние (это-то зависит от харизмы исполнителя), но память — верность себе и верность прошлому.

«Сюжет “Пяти вечеров” — история о том, как в людях пробуждается способность чувствовать». Это — самая распространенная формулировка всех рецензентов, писавших о разных постановках этой пьесы. Однако мало кто при этом задумывался, насколько в словесной ткани «Пяти вечеров» по-настоящему реализуется этот процесс восстановления душевного здоровья и эмоциональной чувствительности. На протяжении пьесы героиня постепенно, пошагово освобождается от ледяной корки.

Удивительно деликатно и пластически точно Товстоногов подчеркивал внутренний холод, объявший его героев, и сам процесс «оттаивания», происходивший на наших глазах. Персонажи спектакля были одеты так тепло (знаменитая меховая душегрейка Копеляна-Ильина), словно дело происходило не в городской квартире, а где-то на зимовье, на заимке. Это отметил и по-своему интерпретировал один из самых чутких зрителей товстоноговской постановки Н. Я. Берковский (см. об этом ниже).

Ситуация личного безвременья как в капле воды отразила общую послевоенную ситуацию, когда вернувшиеся победители оказались проигравшими, но в жизни почти каждого, вопреки всему, было «много

счастья»... Неслучайно уже после первого действия «зрители, не поднимаясь, аплодировали, еще и еще, потом ходили по круглым коридорам театра с красными пятнами на щеках, ошеломленные и счастливые как в праздник»,⁸ — так о послевоенной судьбе человека со сцены еще никто не говорил. Это было сокровенное признание победы человека, вернувшегося с фронта, — не салютами и парадами, а признанием женщины, победой ее любви, верности, терпения, стойкости и нежности. Победы человеческого тепла над сквозняком истории.

«Пять вечеров» были воплощением права на личное страдание без расшаркивания перед государством, перед его установкой «жила бы страна родная, и нету других забот». В «Пяти вечерах» «не было начальства, из рук которого люди принимали бы наказания и поощрения», — так определил пьесу сам автор в одном из интервью.

Володин завершает пьесу коротеньким монологом Тамары о будущей (и такой невозможной!) их с Ильиным счастливой жизни словами, в которых материализуется лейт-тема пьесы и жизни всего их поколения: «Только бы войны не было». Именно это делает «Пять вечеров» историческим полотном, наполняет его онтологическим страданием: для России XX века не было темы важнее. Отечественная война — единственное стержне- и структурообразующее событие нашей истории, сформировавшее советскую нацию.

Постановка пьесы в БДТ

История спектакля «Пять вечеров» в БДТ заслуживает особого внимания. Это была лучшая постановка пьесы, смело можно сказать, повернувшая ход театральной жизни 1960-х годов. Здесь сформировались и с отчетливостью проявились творческие принципы Товстоногова, и она чрезвычайно важна для опыта театрального освоения Володина.⁹

«Проморгав» «Фабричную девчонку», Дина Морисовна Шварц, молодой завлит только начинающего набирать силу БДТ, решила ни в коем случае не упустить следующую пьесу автора. По преданию, она пришла к Володину сразу после зубного врача, маленькая, измученная, несчастная.

⁸ Володин А. М. Наброски (ОРК ГТБ, ф. 18, л. 60—61). В БДТ коридоры опоясывают зрительный зал по контуру, поэтому они — «круглые».

⁹ «Володинская драматургия жутко обманчива и очень часто бывает сладкой в сценическом изложении. <...> тем, кто не видел старых постановок, таких, как «Пять вечеров» в БДТ, трудно представить себе, что такое Володин» (Г. Н. Яновская. Восп-1. С. 104).

«...пьесу “Пять вечеров” наша завлит Дина Морисовна Шварц выцарапывала когтями, щипцами, потому что он считал, что пьеса очень плохая и самому Товстоногову давать такую несовершенную пьесу нельзя. Но и Дина была умна. <...> она несколько раз звонила Володину, приезжала к нему домой, но каждый раз натыкалась на категорический отказ; однажды Дина воспользовалась случаем: она вырвала зуб и пришла к нему домой с раздутой, перевязанной щекой — на жалость бить! И на Сашу это подействовало. <...>

Пьеса появилась в театре, и его пригласили читать. Это был отдельный спектакль. Собралась труппа, естественно, во главе с Георгием Александровичем. И вот наш великий драматург-классик открывает пьесу и начинает читать. Через несколько фраз он говорит: “Извините, там очень бездарно написано. Я вот это исправлю и это исправлю”. Читает, читает дальше — через несколько страниц: “Ой, как это плохо! Я... я даю слово, что я это исправлю!” Вот так он прочел всю пьесу, извиняясь за то, что она плохо написана» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 17–18).

В театре пьеса понравилась, и договор был заключен.

«Договор

от 10 марта 1958 года

1) Автор обязуется предоставить театру многоактную пьесу под условным названием “Звезды в облаках”.

2) Законченное произведение в окончательной редакции должно быть сдано АВТОРОМ ТЕАТРУ под расписку не позднее 1 апреля 1958 года в 3-х перепечатанных на пишущей машинке экземплярах.

Адрес: Восстания, д. 22, кв. 2».¹⁰

Договор зафиксировал и одно из первоначальных названий пьесы, и подлинный адрес автора.

Предварительные прогоны состоялись уже в декабре 1958 года. Официальная премьера — в январе 1959 года.

«Когда состоялась премьера, успех был невероятный! Событие в городе. Тогда были приняты общественные просмотры, и актеры, друзья, товарищи из других театров рассказывали мне потом, что на следующий день ни в одном театре города не могли репетировать, потому что все обсуждали и вспоминали вчерашний спектакль» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 20). Ей вторит и московская исполнительница роли Тамары Лилия Толмачева: «В Ленинграде Товстоногов выпустил спектакль

¹⁰ О написании драматургом А. М. Володиным пьесы под условным названием «Звезды в облаках» для БДТ им. Горького. Договор с драматургом от 10/03-58 (ЦГАЛИ, ф. Р-268, оп. 3, д. 113, л. 19–21).

“Пять вечеров”. Город потрясен. Спектакль — чудо! Там всё гениально!» (Л. Толмачева. Восп-2. С. 44).

Несмотря на зрительский успех, старейшины театра пьесу не приняли. На заседании худсовета БДТ 6 марта 1959 года к ней был предъявлен целый набор идеологически правильных претензий:

«Корн Николай Павлович: Талантливый Володин жизненно и правдиво нарисовал своих героев, и это подкупает. Но мне хотелось бы пьесу советскую на другую тему, иного ритма, иного дыхания. Меня эта судьба не волнует, мне это неинтересно. <...> возьмем основной образ пьесы — Ильин. Не понимаю такого человека. Он надерган педагогическими лекциями, болтается, извините меня за выражение, по бабам, в то время, как за его окном, — как и вне дома Бульчева — идет громадная жизнь. Меня интересует “Трасса” (премьера пьесы И. Дворецкого состоялась практически одновременно с «Пятью вечерами», 27 января 1959 года. — Е. Г.) — вижу дыхание большого коллективного организма, а Ильин пусть проводит время, он неинтересный человек, и гоняться за ним, как это делает героиня пьесы, по-моему, не к чему. Что собственно произошло, почему он страдает? Ну, война виновата, но ведь многие прошли через войну. Война его искалечила, но не это основное в его судьбе. <...> Борись, строй жизнь — вот и всё.

Полицеймако <Виталий Павлович>: Мы видели вчера хороший спектакль, но люди, которых играли артисты, недостойны внимания, которое им уделяется.

Возьмите главного героя Ильина. Его поведение после войны нельзя оправдать. И на Север он погнался за длинным рублем. Таких “тузов”, приезжающих с Севера, мы видели. Вот женщина, которую играет Шарко, чем она интересна? Рассказ о простой женщине, но неинтересный».

При этом завершает свое обличение Виталий Павлович Полицеймако замечательным виражом, достойным настоящего актера: «Спектакль великолепный. Дочь смотрела в диком восторге».¹¹

Надо отдать должное Г. А. Товстоногову, он умел твердо пресекать шатания в коллективе: «Коль скоро мы пьесу взяли, то нужно иметь мужество стоять за нее до конца. А коль скоро пьеса взята — должны проявиться такие качества, как коллегиальность и патриотизм театра. Пьеса проникнута настоящим гуманизмом, и к этой теме могут быть разные пути, вот об этих разных путях и нужно дискутировать» (Там же).

И верная Дина Шварц всегда находила убедительные аргументы: «В пьесе ничего страшного нет, и написано произведение оригинально. Пьеса глубоко советская. Действительная (действенная? — Е. Г.) ткань произведения жизненная, достоверная. <...> Актеры других театров

¹¹ Протоколы заседания художественного совета ЛГ БДТ им. М. Горького. Протокол № 19 от 6 марта 1959 г. (ЦГАЛИ, ф. Р-268, оп. 3, д. 121).

признали этот спектакль. Необычайно взволнован Акимов.¹² <...> Рядом с “Далями неоглядными” и “Трассой” — вполне правомерно существование такого спектакля, как “Пять вечеров”» (Там же).

Но Зинаида Шарко все-таки не простила Полицеймако этого выступления до конца своих дней: «Виталий Павлович Полицеймако, замечательный, выдающийся артист, выступил на худсовете и сказал: “Почему я должен копать в грязном белье этих ничтожных людей”» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 21).

Отзывы в прессе не дают представления о спектакле. Однако один отзыв, отзыв Н. Я. Берковского, не рассчитанный на публикацию и обнародованный тридцать пять лет спустя, это представление дает с удивительной прозорливостью и глубиной: «Володин — <...> умен, находчив и от начала до конца вполне хозяин собственной пьесы. <...> Превосходен диалог — у автора ухо к тому, как говорят вокруг. Все эти люди — жестко ограбленные в отношении языка, и эта ограбленность передана так, что хочется караул кричать. Но это не всё о диалоге. В нем есть и второй слой: люди умнее, богаче собственных речей. Диалог скрывает лица, унифицирует, но время от времени лица, и достаточно индивидуальные, приоткрываются. Одни говорят безликой этой речью, всерьез веря в нее — так говорит героиня, и это главная ее характеристика. Героиня — человек убитый, ей больно от касательства к живым вещам, она ищет дистанции, она кутается в официальность и разные аскетизмы. Общезык, которому она предалась, это тоже для нее защита, ограда. Сквозь все ее слова и кончика собственного ее носа не видно. У других — Ильин, Слава — все реплики идут в кавычках, они говорят от себя и как бы цитируя — иронически — кого-то третьего, а этот третий — без носу, без глаз, без словаря, без синтаксиса, очень мертвая и очень страшная фигура. Изобретенье Володина — пустить героев говорить кавычками, то сокращая, то увеличивая расстояния между героем и его репликой. Самое дальнее расстояние у Славы, самое короткое у тети Томи, в первом акте в особенности.

Собственно, если говорить о драматурге как таковом, то вслушиванием в диалог можно и ограничиться. Ведь от себя драматург действует только диалогом, остальное приносят режиссер и актеры. <...> Очень умно сделаны костюмы. <...> Здесь все костюмы — характеры. Героиня одета всегда изящно — очень милое и тонкое разоблачение: столь суровая и деловитая, столь несуетная и столь общественная, втайне она — эстет. меховые шапки с ушами, полукафтаны с мехом, меховые кацавейки, толстые фуфайки на мужчинах, это, конечно, — время года,

¹² В [Набросках] Володин упомянул, что «Н. Акимов описал этот спектакль своего недруга (т. е. Г. А. Товстоногова. — Е. Г.) как высшее счастье и торжество искусства» (ОРК ГТБ, ф. 18, л. 60–61).

но в четырех стенах, в комнатах всё это говорит об улице и о слабом развитии домашней жизни, — вопреки чему домашняя жизнь, вероятно, и становится главной темой спектакля. Еще об этих мехах — они придают восточно-азиатский колорит этим жителям европейского Ленинграда. <...> У нее (Шарко. — Е. Г.) высокий лоб, аккуратным окладом вокруг лица волосы, нос очень прямой без переносицы, толстоватый — это профиль педанта. Героиня — педант, но далеко не последовательный и от того страдающий. Завязка пьесы на ее педантизме — ей мужем нужен “Менделеев”, светило химии, “главный инженер” или что-либо равное. Остальные актеры нисколько не хуже». ¹³

Ничего даже близко подобного по уровню размышлений Н. Я. Берковского не было в печатной критике. Дружелюбно настроенные рецензенты и хвалебные рецензии не создавали представления о происшедшем на сцене. Желание обезопасить от идеологических претензий воздушную и неповторимую ткань спектакля нередко приводило к полной аннигиляции его смыслов. Критики, принявшие товстоноговскую постановку, разрывались между радостью от увиденного и необходимостью дать ей *правильную* оценку. ¹⁴

А те, кто не принимал спектакль, пьесу и автора, писали то, что видят, и, надо признать, видели всё довольно точно и непредвзято, — предвзято оценивали.

Так, Юрий Андреев, в зрелые свои годы доктор филологических наук, главный редактор «Библиотеки поэта», а по совместительству — куратор объединений молодых неформальных писателей и народный целитель, в 1980-х годах проповедовавший голодание и уринотерапию, писал о «Пяти вечерах»: «Присмотримся к Тамариной фразеологии: “За всё отвечать приходится... Я и агитатор по всем вопросам... Ну, конечно, я член партии. Коммунисту можно больше потребовать от партбюро”. <...> ...почти все слова Тамары в пьесе — это трескотня... <...> это для нее

¹³ Берковский Н. Я. Заметки о театре / Вступ. ст. Л. А. Виролайнен // Всемирное слово. 1995. № 8. С. 76 (письмо Наталье Крымовой от 21 июня 1959 года по поводу «Пяти вечеров» в БДТ).

¹⁴ Дистанция между происшедшим на сцене и его *описанием* более всего наглядна в коротеньком авторском анонсе «Пяти вечеров»: «Я пишу комедию, по мере сил поэтическую. О поэтическом в нашей жизни, о труде, о молодости советских людей, об их богатой духовной жизни. Действие пьесы происходит в Ленинграде в наше время <...> Хочется овладеть новыми театральными средствами выражения эмоциональной духовной жизни человека. Верность жизни, поэзия и юмор — вот те три измерения, в которых, на мой взгляд, должна быть воплощена действительность на сцене. Этим пытаюсь руководствоваться в своей работе» (Володин А. [Анонс «Пяти вечеров»] // Советская культура. 1959. № 46. 11 апр. С. 1. Рубрика «Герои семилетки — герои культуры»).

внутренне чуждо, жизнь ее как раз очень неполна — сера и несчастна, что все эти “великие слова” для нее только лишь слова, только лишь эрзац, подпорки для несчастной, замена того, что могло бы составить подлинное счастье ее жизни». ¹⁵ Буквально это же, только с другим пониманием происходящего, отмечал и Н. Я. Берковский.

И далее Андреев объясняет, в чем главная ошибка драматурга: «...по окончании первого вечера ведущий оповещает: “Второй вечер. Мы сразу перейдем к нему, потому что за день ничего существенного не произошло”. Ничего существенного, всего лишь работа, партийные обязанности; существенное совершается, <...> когда люди отрешаются ото всех этих нудных чуждых им поступков и отдаются главному — борьбе за личное счастье. <...> Не только для женщин, но и для Ильина главным оказывается “простое” счастье, которое и составляет неподдельную, безобманную правду жизни» (Там же).

Лучше сформулировать, чего требовала идеология от человека, невозможно: она требовала считать, что все самое главное и важное в его жизни происходит на производстве и партсобрании, а не дома, в семье, не на кухне и не в спальне. Она требовала считать всё это мелкобуржуазным, недостойным и отвлекающим от великой цели — служения государству.

И вывод критика был безапелляционен: «Что же, в конце концов, получается: Володин ненавидит демагогов, ибо единственная цель их разглагольствований и поступков — личное благо, но ведь и у его героев, хотя они не демагоги, главной целью и смыслом жизни является... то же самое!.. Но если автор не борется за подлинную высокую идейность нового человека, весь этот красивый абстрактный перечень немедленно превращается в свою противоположность. Ибо, выводя главную тенденцию времени за скобки, он тем самым противопоставляет ей все эти перечисленные качества» (Там же).

На такой эквилибристике и строилась официозная критика: да, герой имеет право на счастье (равно как и на несчастье), только основополагающим в его жизни должно быть государство и его благо, человек должен считать себя придатком государства и гордиться этим. В противном случае его счастье или несчастье — проявление мешанства, и он, недостойный этой прекрасной советской жизни, — отщепенец.

Всего-то требовалось признать приоритет государства над мелкобуржуазными интересами — не так уж много на фоне всех катаклизмов XX века. Но некоторые — не признавали... Володин нарушил конвенцию — и смертельно обидел государство — тем, что не замечал его

¹⁵ Андреев Ю. А. Любовь и ненависть писателя // Москва. 1960. № 2. С. 204–209.

роли и не навязывал этого своим героям, вел себя по отношению к государству как независимый человек — не трепетал.

Основные претензии к пьесам Володина не отличались разнообразием, их весьма точно охарактеризовал К. Л. Рудницкий: «...критики сразу же разнервничались. “Мещанская драма”, “мелкие идеи” — страдал один. Другого повергало в уныние “отсутствие дыхания коллективов, где работают или учатся герои”. Третьего огорчали “ущербинки в характерах”. Весь этот переполох произошел потому, что Володин впервые вывел на сцену людей, которых драматургия в те времена замечать не хотела, в лучшем случае отводила им проходные роли где-нибудь на обочине сюжета. <...> эпизодические. ...затертые в массовках персонажи вместе с их житейскими невзгодами и неустроенными судьбами очутились теперь на первом плане».¹⁶

Но все-таки несколько подлинных свидетельств, позволяющих ощутить, что происходило на сцене, сохранилось в воспоминаниях о спектакле.

Сам Володин оставил описание поразившей его психологической разработки текста, проделанной Товстоноговым, который придавал каждой мизансцене, каждому эпизоду глубину и точность: «Помнится мне репетиция сцены, где Тамара разрешает своему бывшему возлюбленному Ильину остаться переночевать. Она говорит: “Время позднее, так что спокойной ночи”».

— Подождите, Зина, — остановил ее Товстоногов. — Фима (Ефим Копелян — исполнитель роли Ильина. — Е. Г.), вы подойдите к ней, потом, Зина, вы скажите.

Копелян подошел, и Шарко сказала: “Время позднее, так что спокойной ночи”.

— Нет, сначала, Фима, придвиньте к ней стул и садитесь напротив нее.

Копелян придвинул стул и сел.

“Время позднее, так что спокойной ночи”.

— Постойте, Зина. Пускай он возьмет вас за руки.

Копелян сделал это.

“Время позднее...”.

— Нет. Теперь, Зина, вы отнимите руки и встаньте, а потом уж скажите. Зина отняла руки, встала и сказала: “Время позднее, так что ложитесь спать”.

На сцене стало понятно всё: раз она разрешила остаться на ночь, Ильин решил, что он прощен и всё теперь будет по-прежнему, и перед

¹⁶ Рудницкий К. Л. Секреты и уроки Г. А. Товстоногова // Товстоногов Г. А. Беседы с коллегами: (Попытка осмысления режиссерского опыта). М.: СТД РСФСР, 1988. С. 10—13.

ним уже не надменная высохшая ханжа, а нечто совсем другое, и разговор теперь пойдет уже другой. Потому и подошел к ней, и присел, и взял за руки. Но ей это оскорбительно, о прежних отношениях и речи быть не может, и она дает ему это понять. Отняла руки, встала и отправила спать в другую комнату: “Время позднее, так что, спокойной ночи”...». ¹⁷

Именно эта психологическая насыщенность и тонкая нюансировка сценической жизни, это внимание к артикулированным, а главное — к не артикулированным, душевным движениям формировала первый (и самый впечатляющий) пласт спектакля и самое режиссерскую манеру Товстоногова. Но это было еще не всё.

Сергею Юрскому, тогда молодому актеру театра, незанятому в спектакле, посчастливилось увидеть *весь процесс* работы над пьесой:

«Мне повезло, я увидел пьесу сразу в двух вариантах: в камерном и в варианте большого пространства, однако и там, и там Володин оказался пронзительным драматургом. <...> Я присутствовал на репетициях и был очевидцем первого комнатного этапа репетиций, проведенного Розой Сиротой. Этап интимный, который по-своему был силен и пронзителен, чувствителен и чувственен. И совершенно на него не похожий — товстоноговский — уже на сцене — мощный, в котором сентиментальная нота была не то что изъята, но притушена, приглушена» (С. Юрский. Восп-1. С. 29).

Приведу еще одно воспоминание актера: «В комнатном прогоне вырисовывался тонкий камерный спектакль. Таков был результат актерского поиска. Но это еще не было истиной. Товстоногов, вступив в работу, сумел придать спектаклю крупность, значительность, не нарушая интимности. Вместе с художником С. Манделем ¹⁸ он открыл, театрализовал знакомо захламленные комнаты коммунальных квартир. Он почти сломал, раздавил сделанное З. Шарко в роли героини пьесы Тамары, но он же сумел увлечь актрису, дал силы на то, чтобы восстановить сломанное. И из этой работы, из этой борьбы Зинаида Шарко вышла обновленной — она обрела самообладание в роли, из нее была вынута актерская слезливая чувствительность. Она играла пронзительно и строго.

Г. А. Товстоногов создал для этого спектакля большую сферу, гораздо большую, чем коммунальные квартиры, изображенные декорациями. И интимная пьеса приобрела большое дыхание. Актеры играли спокойно, “без подачи”, но умели чувствовать при этом весь большой зал

¹⁷ О том, как Товстоногов репетировал «Пять вечеров», есть в ЗНЧ, но самый полный вариант этого текста — в володинских [«Набросках»] (ОРК ГТБ, ф. 18, л. 60, 61).

¹⁸ Художником спектакля был В. Степанов, а С. Мандель работал над спектаклем «Трасса» по пьесе И. Дворецкого в постановке А. И. Кацмана.

и весь город. Спектакль стал истинным явлением нового социального среза и новой театральной правды. Так кисло пахивало газом, пощелкивали счетчики в передней, так знакомы и удивительно понятны были эти люди. И невозможно было оторваться от них ни взглядом, ни сердцем. Зал смотрел жадно, впитывая эту новую правду театра, — узнавая знакомое, но в крупности и озарении искусства. Потолки с паутинкой по углам, кухни со слеповатыми сорокасвечовками... Но не было их. Не было на сцене. Как не было запаха газа и шелканья счетчиков. Была сфера, большое организованное пространство, которое через актеров порождало эти образы, ощущения. А в чем же были опорные точки этой сферы? Вся «коммунальность» жизни была выражена через тихое мурлыкающее «соседское радио». Шел спектакль, а радио тихонько говорило, пело, играло, жило невнятной для нас жизнью. И именно оно — радио за стеной — и строило в воображении зрителей ту самую стену, которой на сцене не было. И город, не преувеличиваю, целый наш город, ощущался за стенами квартиры. Город не проспектов, улиц, вокзалов и аэропортов, а другой, но тоже наш, я бы сказал, совсем наш — город людей, входящих в свои комнаты, обнимающих женщин, людей, живущих повседневностью и думающих о целой жизни, обретающих друзей и остающихся в одиночестве... <...> И на этом фоне ослепительно сверкала такая естественная, такая нескучная человеческая чистота. И когда гас свет после картины, в зале стояла тишина. А по радио вступал голос Товстоногова, читавшего текст от автора. И в спокойной его повествовательности, в полном отсутствии так называемых чувствительных ноток был еще один контраст и еще одна опорная точка сферы».¹⁹

И, наконец, развернутое и театроведчески концептуальное описание, сделанное К. Л. Рудницким по горячим следам спектакля, но опубликованное позднее:

«В «Пяти вечерах», — отмечал К. Л. Рудницкий, — Товстоногов применил простой, но выразительный прием: он читал авторские ремарки, и его интимно-доверительный голос приглашал зрителей сочувственно и серьезно взглянуть <...> в будничные перипетии будничной драмы. <...> Стандартная мебель, скудный, до боли знакомый антураж: покрытый клеенкой стол, выдавший виды шкаф, кушетка, застланная темным одеялом, корыто, которое висит возле двери... <...> Всё, как в миллионах точно таких же комнатухек, таких же коммунальных квартир <...> если бы художник В. Степанов прорезал в стенах окна <...> тогда, конечно, интерьеры выглядели бы поэтичнее, романтичнее. Но режиссер не этого хотел. У него была совсем иная цель, достижимая только актерскими усилиями.

¹⁹ Юрский С. Ю. Кто держит паузу. Л.: Искусство, 1977. С. 53–54.

Самые трудные задачи решали Е. Копелян и З. Шарко. Сложность состояла в том, что в *театральных ролях* Ильина и Тамары сквозь всю пьесу шла полемика против *социальных ролей*, ранее, в молодости, ими себе назначенных. <...> То есть оба в юношеских мечтах видели себя “большими людьми”, такими, каких показывают в кино и в театре. <...> И вся драма возникает из-за того, что нынешние свои социальные роли Ильин и Тамара воспринимают по-разному.

Ильин успел узнать, почему фунт военного лиха, да и после войны многое претерпел, но сегодняшней своей участью сполен удовлетворен. <...> Тамара же втайне страдает, что мечты не сбылись, поэтому внушает себе: “Живу полной жизнью, не жалуясь...”. <...>

Нет, Зинаида Шарко не понуждала Тамару ни лицемерить, ни фальшивить. Худенькая большеглазая женщина в наглухо застегнутом коричневом халате, в теплых домашних тапочках, застигнутая Ильиным врасплох — с нелепыми бумажными папильотками в волосах — держалась независимо, гордо. Слабость жизненной позиции выдавала себя только и единственно заученностью оптимистических интонаций, которыми Шарко как бы нечаянно, слегка, чуть-чуть оттеняла газетную фразеологию, то и дело проскальзывавшую в Тамариных речах. <...> Стертые, казенные слова произносились как свои. И даже внезапное смятение чувств выказывало себя тем же нищенски-бодряческим лексиконом. Чутьочку смешная Тамара вызывала щемящую жалость. <...>

Ефим Копелян начинал свою роль умышленно тускло, скучливо. Ведь в первый из пяти вечеров мы знакомимся с Ильиным не у Тамары, а у Зои. В тогдашнем театральном контексте эта сценка производила шоковый эффект: пьеса завязывалась в комнате женщины легкого поведения. <...> Товстоногов же, попирая все приличия, позаботился о том, чтобы ситуация выглядела недвусмысленно ясной. <...>

В дуэтах с Шарко Е. Копеляну предстояла сложная и затейливая игра: характер своенравный, независимый, крутой, как бы даже начальственный, а повадки самые простецкие — походка чуть вразвалку, разговор фамильярный, ухмылка широкая. Большие начальники не так улыбаются, не так разговаривают. <...> В их (героев) отношениях медленно и верно изживала себя парадоксальная, вывернутая наизнанку коллизия. Старая любовь, заново разгораясь, постепенно освобождала Тамару из-под гнета насильно себе навязанного социального амплуа. <...> Тамара менялась, становилась совсем другой, не такой, какой мы застали ее в начале пьесы — веселее, моложе, краше. К ней возвращалось — это Шарко особенно хорошо выразила — чувство юмора, которое раньше было начисто вытравлено. <...>

Бенефисный пыл, с которым в “Пяти вечерах” играли Копелян и Шарко, провоцировало азартное желание режиссера доказать, что

Ильин и Тамара далеко не так просты, как кажутся. Что будничность их бытия и видимая малость их жизненной цели обманчивы. Взгляд Товстоногова на володинских персонажей, сочувственный и сердечный, ординарное сделал экстраординарным, заурядное — из ряда вон выходящим».²⁰

Однако описание спектакля лишь приоткрывают творческую историю пьесы.

Текстологический комментарий

Обращаясь к истории допечатной подготовки текста и публикации «Пяти вечеров», сразу оговоримся, что речь пойдет только о тех изменениях, которые были зафиксированы автором в процессе работы над первой постановкой и включены в окончательный текст.

На сегодняшний день известно *восемь* прижизненных текстов «Пяти вечеров».

Шесть из них опубликованы:

1. «Пять вечеров» — Театр. 1959. № 7. С. 12—36 (Т-59);
2. «Пять вечеров» — М.: ВУОАП, 1962 (М-62);
3. «Пять вечеров» — *Володин А. М.* Для театра и кино. М.: Искусство, 1967. С. 3—52 (М-67);
4. «Пять вечеров» — *Володин А. М.* Осенний марафон: Пьесы. Л.: Советский писатель, 1985. С. 43—82 (ОМ-85);
5. «Пять вечеров» — *Володин А. М.* Избранное: В 2 кн. СПб.: Петрополь, 1995. Кн. 1: Пять вечеров. С. 165—198. Серия: «Библиотека альманаха «Петрополь»» (Избр-95);
6. «Пять вечеров» — *Володин А. М.* Пьесы. Сценарии. Рассказы. Записки. Стихи. Екатеринбург: У-Фактория, 1999. С. 51—105 (У-Фактория).

Кроме того, сохранились две машинописи, предшествовавшие первому опубликованному тексту (Т-59). Одна — режиссерский экземпляр Розы Сироты,²¹ другая — машинопись пьесы, перебеленная уже с учетом изменений, внесенных во время репетиций, и также хранящаяся в ОРК ГТБ.²² Важно также отметить, что второй по времени публикации текст

²⁰ *Рудницкий К. Л.* Секреты и уроки Г. А. Товстоногова. С. 10—13.

²¹ «Пять вечеров». Режиссерский экземпляр пьесы А. М. Володина, поставленной в БДТ им. М. Горького. (Постановка Г. А. Товстоногова. Режиссер Р. А. Сирота, премьера 6 марта 1959 г.). — ОРК ГТБ, ф. 49, оп. 2, ед. хр. 9 (Фонд Р. А. Сироты).

²² *Володин А. М.* «Пять вечеров»: Пьеса в 10 картинах (Б/Д) (машинопись БДТ). На обложке: «Пьеса отредактирована и направлена для распространения Ленинградским государственным Большим драматическим театром им. М. Горького. Ответственный редактор — ГТБ ОРК».

(М-62), несмотря на указание, что пьеса, публикуется в редакции БДТ, соответствует тексту журнальной публикации (Т-59), а не тексту машинописи, сформированной по окончании репетиций.

Текст «Пяти вечеров», представленный автором театру, был абсолютно полным текстом пьесы с небольшим избытком реплик и отдельных эпизодов, изъятых или отредактированных по ходу репетиций. Их немного, но направление работы отчетливо. Прежде всего речь идет об изъятии реплик, придававших пьесе бытовую узнаваемость и некую модную тогда театральную условность или нарочитость, которую создавали крошечные скетчи перед началом действия, — пьеса открывалась коллажем из наиболее характерных реплик каждого героя:

«Т а м а р а. Да я из принципа. Я из принципа! А ты? Ничего для тебя нет святого. (*В зал*). Я ему всю молодость отдала, ничего не осталось!..

И л ь и н. Мы с ней до войны познакомились, она красавица была, теперь таких нет. Звезда! Ее в цеху так и звали: звезда.

С л а в а (*чертит и насвистывает какую-то песенку*).

К а т я. Я теперь вообще не верю мальчишкам, у них одна цель: считают, что обязательно надо чего-нибудь добиться. Уйдет без поцелуя домой — значит, вечер зря пропал.

Т и м о ф е е в. Я тоже воевал. Только я после фронта жевал пшеничную кашу без жиров, по ночам грузил капусту в гавани и с дубовой башкой сидел на лекциях. А он?

З о я. Нет, безумие, что я так себя веду. Если кто-нибудь меня увидел, он бы не поверил своим глазам. Только не истолкуй мое поведение как вообще легкую доступность...».

Действие начиналась сценой, где Слава сметает осколки вазы, брошенной в него Тamarой, и иронизирует над ее бурным и столь разорительным для их семьи темпераментом. Он предлагает описывать их семейные конфликты в художественных очерках из серии «Наши разногласия» и тем самым пополнять бюджет. Сама же Тамара, чтобы успокоиться, беседует с... туфлями, доставая их из-под кровати: «Дорогой мой туфелек, думаешь, я забыла тебя из-за новых румынок? Что ты!»²³ И лишь потом идет сцена в комнате Зои.

Песенка-пароль «Миленький ты мой...» также появилась только во время репетиций: в режиссерский экземпляр первая строка песни вписана от руки в реплику Ильина после слов Тамары «работаю масте-

²³ «Румынки» — теплые женские ботинки с опушкой и на каблукке — последний писк послевоенной моды; о таких мечтает в этом варианте пьесы и Катя. В других вариантах девушка будет мечтать о «ботиночках» или «туфлях на гвоздиках».

ром...». Эту песню, услышанную им от Светланы Пономаренко,²⁴ «привел» в спектакль сам автор.²⁵

Зинаида Шарко рассказывала: «Мы долго искали песню к спектаклю. Я приносила каждый день по несколько песен Георгию Александровичу — и всё не так... Как-то (по-моему, я пришла к нему в гости) Володин спрашивает: “Слушай, вы нашли песню?” Я говорю: “Да вот ищем”. <...> Он говорит: “Ты знаешь, я был на вечеринке. И вот услышал”. <...> ...и он мне ее спел. И я назавтра же прибежала к Георгию Александровичу, еще у него Шах-Азизов в кабинете сидел. Я спела — он просто зааплодировал: “Откуда?” Я говорю: “Автор, Володин, научил меня”» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 19—20).

Воспоминания Ильина о ранении первоначально всплывали в сцене прощания с Зоей — и только впоследствии были перенесены в сцену четвертого дня, в разговор с Тимофеевым.

В первоначальном тексте не было и сцены Тамары с Зоей в подсобке магазина. И при прощании с Ильиным Зоя была резче, грубее, прямолинейнее: «У мужчин свой интерес, у нас — свой интерес, и нечего друг перед дружкой распускаться. Я сама тебе слов нащелкаю не хуже твоей Тамары! А суть одна, что я, что она. Может, я еще и получше. Ко мне от таких жен бегали, от таких принцесс — и то были довольны».²⁶

После ухода Ильина — Зоя плачет навзрыд.

Целый ряд точечных словесных изменений перенаправляет общий тон с житейски узнаваемого, приземленного, в гораздо более поэтичное и глубокое русло.

Например, из речи Ильина ушла приклатненно искаженная цитата из Николая Островского: «Пойми, Тома! Жизнь дается один раз, надо прожить ее так, чтобы было, что вспомнить. Вот оторвусь, поплыву куда-нибудь на восток».²⁷

²⁴ Светлана Андреевна Пономаренко (1928—2008) — выпускница ВГИКа, редактор Ленфильма, коллега и приятельница Володина. См. ее воспоминания: Восп-2. С. 70—82.

²⁵ Принимал участие в музыкальном оформлении и Петр Тодоровский: «Саша <...> стал таскать [меня] к Товстоногову, я с какой-то актрисой вышел для “Пяти вечеров” какую-то песню аккомпанировать...» (П. Тодоровский. Восп-2. С. 103).

²⁶ Здесь и далее цитируется текст: «“Пять вечеров”. Режиссерский экземпляр пьесы А. М. Володина, поставленной в БДТ им. М. Горького...» (фонд Р. А. Сироты).

²⁷ Ср.: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главно-

Первоначально и сама история Ильина выглядела более обыденно-житейской. Если в окончательном тексте Ильин окутан ореолом значительности, то в первоначальном режиссерском варианте история Ильина изобиловала большими подробностями. Здесь мы узнаём, что Ильин недавно развелся и что его бывшая жена вызывает у Тимофеева едва ли не брезгливость.

В первоначальном варианте Ильин охотнее привирает: предлагая Тамаре отметить встречу, он объясняет повод утверждением «в верхах» своего проекта. Хвастливее он истолковывает и свое желание всё бросить и уехать: «Не понимаешь. Мне надоело *начальствовать* (курсив мой. — Е. Г.), надоело писать бумажки, надоело отчитываться, хватит, с судьбой надо играть по крупной: ты ее или она тебя» (Режиссерский экземпляр).

И сама сцена, предшествующая «бегству» Ильина, перелопачена по ритму и по интенсивности сценического действия.

Скептически и жестче в оценке героя настроен здесь и Тимофеев:

«Т и м о ф е е в. Дорогая моя, такие люди никогда не поднимаются выше посредственности».

Это свое отношение Тимофеев не скрывает и от самого Ильина:

«Т и м о ф е е в. Что ж, тебе больше дано, это верно. Это верно. Может, и недостача (т. е. недостача талантов у самого Тимофеева. — Е. Г.) со стороны видней... Только я, что имею, — всё отдаю, всё, понял? И люди на меня не обижаются. А ты? Чем ты занимаешься в своем Устьомуле — так и не разберусь. Да ты должен три раза в день молиться на эту женщину. Вот тебе мой совет: беги за ней, валяйся в ногах. Ты ж вроде развелся с этой, со своей» (Режиссерский экземпляр).

О северной жизни Ильина рассказывает (с его слов) и Катя; судя по ее возбужденному монологу, он работает «на автобусе, на Полярном круге, температура ниже сорока градусов, и в такой *холодине* он должен ехать по тайге. А за стеной у него бывшая жена. Вот он какой!» (Режиссерский экземпляр; курсивом выделены слова, не вошедшие в окончательный текст. — Е. Г.).

Да и сам Ильин объясняет окружающим свою привязанность к Северу иначе:

«И л ь и н. А если я вздумаю смотаться из своего Устьомуля — катастрофа. У вас тут трое работают — четвертый филолит. У нас каждый на счету от семнадцати до шестидесяти. Попробуй-ка повози дайман²⁸ по тайге» (Режиссерский экземпляр).

Иначе звучат и его слова, обращенные к Тамаре в финале:

му в мире — борьбе за освобождение человечества» (*Островский Н. А. Как закалялась сталь*. Л.: Лениздат, 1976. С. 222).

²⁸ *Дайман* (Даймонд) — американский грузовик-тягач.

«И л ь и н. Свободна вакансия преданной подруги жизни. Устроит такая работа?» (Режиссерский экземпляр).

Кое-что из исправленного в режиссерском варианте (и довольно многое) Володин перенес в перебеленную машинопись ГТБ, кое-что оставил как было.

Некоторые, уже овеянные легендами, поправки в окончательный текст пьесы так и не вошли. Например, З. М. Шарко вспоминала: «В первом акте есть сцена Тамары Васильевны с племянником Славой <...> ...я даю ему книгу и говорю: “На, читай!” Он швыряет ее, я врезаю ему пощечину и со слезами говорю: “Это письма Маркса!” Ну как же можно бросать письма Маркса? Изменили, и я стала говорить: “Это стихи Степана Щипачева...”» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 21). Ни в одном издании «Пяти вечеров» такая правка не зафиксирована, и Степан Щипачев в окончательный текст не вошел.

Машинопись ГТБ была пред-окончательным этапом работы. Тесную связь Режиссерского экземпляра и машинописи ГТБ подтверждается еще и тем, что в обоих экземплярах в последнем своем монологе Тамара говорит, что никогда не бывала «на озере Красавица и на Черной речке», где «тоже красиво». Начиная с первой публикации в журнале «Театр» (Т-59), озеро Красавица (неподалеку от Зеленогорска) осталось, а «Черную речку» автор заменил на «Павловск», потому что в Ленинграде и окрестностях несколько топонимов «Черная речка» (место дуэли Пушкина, многочисленные «Черные речки», впадающие в Финский залив, и т. д.).

Окончательным стал вариант текста, опубликованный в журнале «Театр» (Т-59). Вставки и поправки, отраженные в машинописи ГТБ, были не автоматически, но продуманно перенесены (или оставлены без изменений) в публикацию журнала «Театр» (Т-59). Графическое оформление ремарок в этом издании, как нам представляется, наиболее точно соответствует авторскому замыслу.²⁹

Именно этот текст следует считать каноническим и воспроизводить при последующих переизданиях пьесы.

Пьеса «Пять вечеров» существует в одной-единственной редакции, но в двух вариантах.

²⁹ Сам автор всегда стремился свести графические различия между прозой и драматургией, т. е. между основным текстом и ремарками, к минимуму и давать текст одним шрифтом и кеглем. Издательства же неуклонно стремились соблюдать правила набора драматического текста, предполагающие иерархию шрифтов и кеглей. Борьба эта шла с переменным успехом, который зависел от авторитетности издательства и строгости корректоров. В «Пяти вечерах» (Т-59), при строгом соблюдении всех полиграфических правил, ремарки органично введены в повествование и хорошо смотрятся на полосе.

Первый вариант — пьеса, написанная в 1958 году и опубликованная в изданиях Т-59, М-62, М-67, У-Фактория.

Тексты всех четырех изданий совпадают между собой, хотя всюду, так или иначе, встречаются небольшие словесные расхождения: изменены то отдельные реплики, то их порядок; различается и полиграфическое оформление ремарок, но в целом это практически идентичные тексты.

Второй вариант — создавался для фильма «Пять вечеров» (1978, реж. Н. Михалков)³⁰ и существует в двух форматах: в виде пьесы и в виде сценария.

К написанию сценария Никита Михалков склонил Володина по-рейдерски напористо. Намериваясь поставить несложный и «нетрудоемкий» фильм в перерыве, неожиданно образовавшемся на съемках «Обломова» («Несколько дней из жизни Обломова»), режиссер выбрал «Пять вечеров». Олег Табаков вспоминал, что именно он, игравший Илью Ильича Обломова, подсказал режиссеру эту коротенькую и «несложную» пьесу.

О тогдашней работе над сценарием Володин вспоминал с некоторой оторопью: «Когда как-то в Москве позвонил Никита Михалков и сказал: “Александр Моисеевич, мы будем ставить «Пять вечеров»”. — <...> Говорю: “Никита Сергеевич, не позорьте себя, не позорьте меня. Это нельзя”. Тогда он говорит: “Приезжайте к нам просто отдохнуть” (в какой-то городок научный под Москвой). Я: “Да, как-нибудь, как-нибудь...”, — а перед домом машина уже стоит. <...> Приезжаем, я говорю: “Только чтоб о пьесе не было разговора!” Поднялись наверх, там коньяки, водки, вина, виски, напились сильно, он меня обнял и говорит: “Так, садитесь, работайте”. — “Что работать, что?” — “Выкидывайте, что вам не нравится, вставляйте, что Вам нравится”. И я стал работать, выкидывать и вставлять. И получилось хорошо. И очень мне нравится Любшин. И получилось не стыдно» («Разговор на троих». Восп-2. С. 193—194).

Тексты *второго варианта* опубликованы в изданиях Л-85 и Избр-95.

Второй вариант даже в строго научном понимании термина — именно что «*вариант*»: все сюжетные линии и важные эпизоды сохранены, сокращение коснулось лишь речей персонажей, проходных эпизодов и ремарок, — но *смысл* авторской правки оказался... шокирующим.

Тексты ОМ-85 и Избр-95 по сравнению с первым вариантом пьесы объединяет явственное изменение смысла произведения. Но при этом и сами тексты отличаются друг от друга: в ОМ-85 — пьеса, а в Избр-95 —

³⁰ «Пять вечеров» (1978) — режиссер Н. Михалков, сценарий Н. Михалкова, А. Адабашьяна, А. Володина. В ролях: Л. Гурченко (Тамара), С. Любшин (Ильин) и др. В перечне авторов сценария имя Володина стоит на последнем месте.

проза, более похожая на запись по фильму. Их датировка (текст ОМ-85 датирован «1958», а Избр-95 — «1957») совершенно не соответствует действительности: перед нами тексты, переработанные автором для фильма Н. Михалкова (1978).

На первый взгляд, правка была продиктована спецификой кинематографа, отдающего предпочтение не монологам, а коротким репликам, и необходимостью соразмерить объем пьесы с форматом киноповествования. Однако работа «по сокращению текста» привела к изменениям гораздо более значительным, чем на первый взгляд, и более существенным, а во многом — и оскорбительным для тех, кто аплодировал с красными пятнами на щеках премьере в БДТ.

Во *втором* варианте — два заметных изменения.

Первое — отсутствие последней фразы Тамары «Ой, только бы войны не было!» — при том что в самом фильме фраза сохранена.

Зинаиду Шарко это отсутствие возмутило до глубины души: «Подарил мне последнее издание пьес. Ну, я, конечно, кинулась перечитывать еще раз “Пять вечеров”, которые всю жизнь помню наизусть, и смотрю, — нет финальной фразы: “Только бы войны не было”. И я его встречаю: “Сань, ты что — сошел с ума? Как это так? Опечатка?” — “Да нет, ты понимаешь, мне эти ребята сказали, что это совдеповщина”. Я говорю: “Какие ребята?” — “Никита Михалков и Люся Гурченко сказали”. Я говорю: “Саня! Я тебя перестаю уважать, потому что сколько существует человечество, столько оно будет воевать и столько женщины всех времен, народов, стран, рас будут вопить: “Только бы войны не было!”...» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 23).

Второе — отсутствие песенки «Миленький ты мой, возьми меня с собой...», служившей героям сокровенным паролем. Ее заменил старинный романс «Не для меня придет весна...» (слова Н. Молчанова, музыка Н. П. Девитте) и песенка Ю. Кима «Всё вы, думы, знаете...» — обе в исполнении Ильина (С. Любшин).

Разница в сюжетах песен и их исполнителях говорит сама за себя — акцент перенесен с общих воспоминаний героев на судьбу одного только Ильина, да и обе песни не сокровенно личные, а популярные, «общего пользования», и «жалостные», при этом они совершенно различны по стилю — городской романс времен Первой мировой войны и современная стилизация под фольклор.

Но, если взглянуть пристальнее, изменений было гораздо больше, и сама правка оказалась куда значительнее, чем кажется на первый взгляд. Главное, оказались изменены внутренний настрой пьесы и ее историко-культурная природа.

Товстоноговские актеры, как отмечал Н. Я. Берковский, интонировали текст, как это всегда происходит в жизни, где существует диглоссия,

сосуществуют две речевые стихии: внутренняя, домашняя, исполненная полутонов — и внешняя, гражданская, общегосударственная, официальная, использовать которую в домашней жизни принято лишь «в кавычках». В 1960-х годах это было принципиально важным. В фильме Михалкова эта речевая особенность отсутствует.

Володин писал свою исповедь — и написал исповедь сына века, человека своего времени, что конгениально воплотил Товстоногов на сцене. Товстоногов переплел жизнь обычных людей с историческим процессом, сформировавшим этих людей. Мощное по степени исторического обобщения полотно было исполнено нежности, любви и сострадания. Актеры — Ефим Копелян и Зинаида Шарко — помимо своих сугубо актерских дарований, были личностями, обладали каждый еще и своим собственным незаурядным человеческим потенциалом.

А Михалков снимал кино про «тех людей», про людей, говорящих «без кавычек» и даже не подозревающих о такого рода интонировании, людей, не имеющих володинского бэкграунда, людей вполне заурядных, которым достаточно полупьяного признания в любви и вечеров у крошечного телевизора. Боль драматурга была рассмотрена с любопытством человека, у которого ничего не болит...

У Михалкова, в отличие от Товстоногова, были мировоззренческие разногласия с Володиным. У него были другие взаимоотношения с «тем временем» — для него это время «совка», время несостоявшихся людейшек. Взяв легендарную пьесу, Михалков решил освободить ее от легендарности. Прежняя легендарность его раздражала, ей надо было противопоставить другую — собственную и собственноручно изготовленную.

Кинорежиссер сделал красивый фильм о скромных людях, которые «живут, не жалуется», трогательных именно своей непритязательностью и покорностью, о людях уплощенных и в своей простоте одномерных, не интонирующих, живущих сегодняшним днем, которым исчерпывается для них бытие. Он сделал фильм без того мощного и узнаваемого историко-социального и нравственного бэкграунда, который явственно присутствовал в пьесе и который вывел когда-то на первый план Товстоногов. Михалков превратил пьесу в мелодраму.

Теперь Ильин стал человеком перекаати-поле, шалопаем, любимцем женщин, славным мужиком с извинительной слабостью (алкоголь) и, как и объяснял Тимофеев, сам был повинен в своих злоключениях. Он, никак не тридцатипятилетний, а куда как старше, ассоциировался с совсем другим психологическим типом человека и другим историческим периодом.

И Тамара в исполнении Л. Гурченко, с ее звездным имиджем, с ее культом сильной и всепобеждающей женщины, с ее вечной обидой на своего недостойного мужчину, которого ей приходится волочить по

жизни, имела мало общего с володинской героиней: «Если для Люси и Никиты “Пять вечеров” было ретро, как они утверждали, то ведь когда играли мы, это было не ретро. Мы жили в коммунальной квартире, у нас была соседка Зоя с абсолютно полной судьбой Тамары Васильевны, только она не дождалась своего Ильина. <...> Поэтому, когда я увидела Люсенюку с ее гениальной осиной талией, идущую в платье в горошек и с тюрбаном на голове, меня уже это не могло устроить... Это же работница завода “Красный треугольник”, почему же она как будто только что выскочила от Кардена?» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 23). По словам Я. С. Билинкиса («Разговор на троих». Восп-2), Володина отталкивала в Л. Гурченко ее «мужиковатость».

Существенные изменения произошли и в предметном мире фильма.

В михалковской коммуналке не стало образа города. Михалков демонстрирует на экране респектабельный и вполне обеспеченный быт конца 1950-х годов. Очень обеспеченный. Но в Ленинграде жили трудно — вспомним описание С. Юрского. Весь довоенный антураж (полочки, этажерочки, фотографии в рамках, солидный довоенный диван) — всё это, скорее всего, было сожжено блокадными зимами.

Телевизор — единственный на тот, 1959-й год, — в нашей большой коммунальной квартире на Моховой, все коренные обитатели которой погибли в блокаду, был только в семье знаменитого адвоката, занимавшего целых три комнаты. А жили здесь семейства токаря-рационализатора, нескольких инженеров, врача, школьной учительницы, сутками напролет крутившей бумажные цветы на продажу... На зарплату мастера калошной фабрики и студенческую стипендию можно было лишь дотянуть до следующей полочки, да раз в году «построить» туфли или пальто.

Вся та казенная речевая стихия, которая, по словам Н. Я. Берковско-го, подавалась героями в кавычках, а у Зинаиды Шарко еще и смягчалась ее сумасшедшей женственностью, у Гурченко стала сутью характера, жесткого и ригористичного, неспособного к изменению.

И всему этому способствовал *второй* сценарный вариант, в котором отсутствие последней Тамариной фразы — наглядное, но отнюдь не единственное изменение.

Во втором варианте исподволь, по чуть-чуть, были убраны фразы и эпизоды, рисовавшие Сашу Ильина как человека глубокого, сильного и поэтичного. Новый образ возник в результате целого ряда мелких штрихов-поправок. Здесь герой проще, поверхностнее, он — летун, подверженный превратностям характера и своей известной слабости.

В самом начале текста пропущены слова Ильина, увидевшего окна Тамары, и само воспоминание об этой улице, небе, счастье:

Т-59: «Вот это был наш собственный переулок. Наш персональный кинотеатр. И наше личное небо. Какое небо, а? Зима, ночь, а оно синее, хоть ты разорвись! Нет, опасно возвращаться на те места, где ты был

счастлив в девятнадцать лет! Где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил».

ОМ-85: «А поверишь? Прохожу мимо аптеки — что-то здесь торкнуло».

И, главное, здесь изменены ключевые слова сцены:

Т-59: «Над этой аптекой *моя первая любовь* жила».

ОМ-85: «У вас тут над аптекой *знакомая до войны* жила. Я у них комнату снимал».

Пропущено ностальгическое рассуждение Ильина о доме, о домашнем очаге: «Когда на столе белая скатерть и цветы, неловко быть мелочным и грубым...».

Исчезла сцена «Третьего дня», когда Ильин, стараясь превратить Тамирину жизнь в сказку, показывал фокусы, доставая «из воздуха» (из Славиных карманов) то апельсин, то шоколадку, то косынку.

Вместо слов Ильина: «Жить надо мудро, без суеты» — в ОМ-85 идет откровенно эгоистическая сентенция: «Изнашиваются не люди, и не вещи, а наш способ глядеть на них. Сечешь. Полный покой, невозмутимость. Болезни — от обид. Старость — от зависти. Усваиваешь».

Сокращен пламенный монолог Ильина о величии химии.

В финале сокращены слова сильного, уверенного в себе героя о своей работе на Севере: «Попробуй-ка, поводи студебеккер по тайге. Ты за баранкой, а против — четыре стихии. А если у тебя под началом сто таких мальчиков? Не считая грузовичков, которых не хватает, да ремонтников, которых не дают. Тут уж дилемма: или они будут на тебя молиться, либо завяжут тебя в узел и через месяц отправят тебя отдыхать на материк. И мне всё это нравится, как ни странно» (Т-59).

В сцене приготовления к праздничному застолью есть и одно совершенно немыслимое изменение.

В Т-59 Ильин, столкнувшись с раздражением Тамары, командует: «Продукты — на холод, цветы — на помойку».

В ОМ-85 он поступает так, как *невозможно* в послеблокадном Ленинграде: открывает окно и выбрасывает свертки с едой на улицу. Тут по логике действия Тамара должна была бы спустить его с лестницы, ведь — «Люся в блокаду умерла».

Да и сама сцена праздничного застолья перекомпонована так, что в ней пропало ощущение человеческой значимости Ильина и того, что именно его считают уже главным в семье, постоянно по-детски взывая: «Александр Петрович, скажите ему!»

В сцене прощания с Ильиным сокращено полное радужных надежд предложение Славы о проведении совместного шлюпочного похода будущим летом и изменена сама сцена, следовавшая после бегства Ильина, — теперь Слава просто запирает комнату на ключ, чтобы Тамара не бросилась за ним вдогонку.

В числе прочих была изъята сцена разговора Кати и Славы в начале «Четвертого дня» и сценка на переговорном пункте, где молодые герои выясняли отношения, а также эпизод, когда Катя узнает, где работает Зоя... Изменена зачем-то даже дислокация: Зоя теперь работает не в гастрономе поблизости, а в «гастрономе на Льва Толстого». ³¹ Это совершенно другой район города — Петроградская сторона.

Да и сам перенос действия в Москву (с чего бы это?), замена сияющей ленинградской зимы на среднестатистическую темную московскую осень — один из важных моментов, кардинально отделивших фильм Михалкова от первоисточника.

В Избр-95 вместо прежней ремарки первого действия («Эта история произошла в Ленинграде, на одной из улиц, в одном из домов. Началась она задолго до этих пяти вечеров и кончится еще не скоро. Зима, по вечерам валит снег. Он волнует сердце воспоминаниями о школьных каникулах, встречах в парадном, о прошлых зимах...») идет текст совершенно другого эмоционального накала, написанный человеком со стороны в совсем другую эпоху, текст, подогнанный к изобразительному ряду фильма:

«Давние, давние вечера. Когда мы были уже не так молоды, но многого еще не понимали. Когда в коммунальных квартирах появились первые телевизоры с выпуклыми линзами. Почему вспомнилась эта зима, эти давние вечера?

Проездом в отпуск с севера, Ильин нашел краткосрочное пристанище у случайной знакомой, Зои. Они сидят на тахте. Между ними открытый патефон. Вот мелодия кончилась. Зоя сняла мембрану».

Сравнение текстов «Пяти вечеров» наглядно показывает, насколько хаотична, бестолкова и бесполезна володинская «работа над тестом» в последующих переизданиях. В «Пяти вечерах» ничего не требовало изменения. Первоначальный текст, литой и цельный, противился вмешательству автора.

У пьесы «Пять вечеров» есть и еще один издательский извод. Это — сценарий А. Адабашьяна и Н. Михалкова по пьесе «Пять вечеров» («Киносценарии». 2011. № 1—3). Сама публикация такого рода, возможно, и не противоречит положениям об авторском праве — это «запись по фильму», вот только напечатано это «произведение» без упоминания автора пьесы. Но раз текст существует, приходится упомянуть и о нем.

Перед нами всё та же пьеса «Пять вечеров» и тот же сценарий, опубликованный Володиным, хотя и с некоторыми добавлениями, которые

³¹ В пьесе ясно озвучен адрес: «И л ь и н. Справочная? Телефон гастронома — угол Литейного и Пестеля» (Т-59. С. 23). Это знаменитый на весь район, на всю «Литейную часть» «низочек» — Пестеля, 23/21, наискосок и напротив дома Мурузи. От ул. Восстания пешком — минут пятнадцать.

демонстрируют как знание «сценаристами» раннего рассказа Володина «Пятнадцать лет жизни» (розовый коврик с игрушечным негритенком, фотографии, семейство фарфоровых слоников), так и собственные представления «авторов» о настроении и состоянии героев: *«Ильин сидел на тахте в ее тапочках. Разговаривать не хотелось. Да и слушать не хотелось. И лучше всего было бы уйти сейчас, смотреть куда угодно. Но на улице холодно. Значит, надо слушать и время от времени что-нибудь отвечать»*.

Вместо воспоминаний Ильина о прошлом и о девушке-звезде — здесь совсем другое воспоминание: *«Вон тот — дом восемь? <...> А там во дворе спортивное общество “Пищевик” еще есть?»*

По ходу текста рождается еще несколько уточнений: Тимофеев не просто зашел к Тамаре, но принес линзу, купленную для нее Ильиным. И в последующей общей их с Ильиным сцене в ответ на реплику Ильина: «Что скукожился, главный инженер? Я тебя шокирую?» — Тимофеев произносит загадочную фразу: *«Да, туда летели не гуси и обратно вернулись не лебеди. Пошли»*.

А за последним монологом Тамары следует умилительная сценка:

«В дверь деликатно постучали.

Тамара не ответила.

В темную комнату вошли соседи. Со свету им показалось, что никого нет.

— Митенька, линза! — ахнула женщина.

Они присели к телевизору, включили. В линзе появилось неслыханно крупное изображение.

Шла передача, звучала музыка. Ильин и Тамара слышали ее, но не шевелились, замершие друг подле друга. Слышал эту музыку и Слава, который так никуда и не ушел. Он сидел в коридоре, под вешалкой, и на его плече мирно спала Катя и улыбалась чему-то во сне». Под сценарием дата — «1978 год».

Топонимика

Александр Володин любил Москву, где прошли его детские, юношеские и самые первые послевоенные годы, но местом, абсолютно соприродным его таланту и психофизике, был, конечно, Ленинград — «единственный город, где можно и в горе прожить» (А. Кушнер).

В филологии существует понятие «*петербургский текст*». Весьма приблизительно его можно охарактеризовать как некую эманацию, которая помимо прямых обстоятельств и сюжетных ходов вводит в художественный мир произведения нравственные доминанты, рожденные

образом этого города в русской литературе. Само существование *петербургского текста* русской литературы определяет иерархию нравственных смыслов происходящего внутри отдельного конкретного произведения.

Выдвинувший это понятие В. Н. Топоров, говоря о петербургском тексте, указывал, что это мир Города, где «бесчеловечность» <...> оказывается органически связанной с тем высшим для России и почти религиозным типом человечности, который только и может осознать бесчеловечность, навсегда запомнить ее и на этом знании и памяти строить новый духовный идеал»; где «в сочетании несочетаемого и формировался особый “петербургский” тип человека, о котором и оповестила Россию, а потом и весь мир русская литература»³² (курсив автора. — Е. Г.).

Ленинград оставался городом, в послевоенной истории которого присутствовал поразительный силы нравственный императив — некое почти материализованное воплощение петербургского текста.

«Пять вечеров» — абсолютно ленинградская пьеса. Дух города, его призрачность и гранитная материальность, зябкость и особый городской уют так же составляют поэтику пьесы, как и ее события. Ремарки, интонированные авторским голосом, превращают *обстоятельства действия* в лирическое повествование, где автор — сам третьей — присутствует в качестве некоего экзистенциального действующего лица, и тем самым ремарки превращают драму в лиро-эпическое полотно.

В пьесе очень важны эти *время* и *место*: город и вечер, когда происходит всё главное в жизни героев, возрождающая и очищающая питерская зима, ее вьюжная темень и ее снежное сияние.

Городское пространство зафиксировано в пьесе с документальной точностью. Действие происходит в реальном пространстве — в Ленинграде на улице Восстания,³³ бывшей Знаменской, находившейся в Литейной части города и в конце 1950-х всё еще остававшейся районом старой интеллигенции — творческой и гуманитарной. Дома, о которых идет речь, перестроенные в конце XIX — начале XX века, не только гармоничны по стилистике и хороши своей петербургской статью, но и знаменательны своими обитателями.

Оставляя Тимофееву свой адрес, Тамара называет реальный адрес автора: «Восстания двадцать два, квартира два». Об этом жилье Володин вспоминал в «Записках нетрезвого человека», именно туда к нему приходил Назым Хикмет — сказать теплые слова о его первой книге.

³² Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 5–6.

³³ И всё это, как теперь выражаются, в шаговой доступности, в метрах пятистах-шестистах от жилища автора.

Дом № 22 был возведен архитектором Г. И. Карповым в 1861–1862 годах, а в 1912-м перестроен в неоклассическом стиле и надстроен до пятиэтажного архитектором М. М. Синявером, украсившим его фасад полукруглым фронтоном и лепниной над окнами второго этажа.

В свое время в этом доме жил критик В. В. Стасов (1824–1906). В 1918–1923 годах в квартире № 27, принадлежавшей литератору С. М. Алянскому (1891–1974), располагалось знаменитое издательство «Алконост», а в 1950-х годах здесь жил его племянник, ленинградский писатель Ю. Л. Алянский. Среди обитателей дома — музыковед, профессор Ленинградской консерватории С. Л. Гинзбург, актриса И. С. Миклашевская, профессор-теплотехник Г. Ф. Кнорре, популярный в 1960-е годы артист эстрады Лев Бендиткис, демонстрировавший фокусы и психологические опыты. Его выразительный, несколько демонический облик («длинный язвительный рот») и род занятий перейдут к заглавному герою володинского сценария «Фокусник».

В квартире № 2 до Володина жил знаменитый чукотский писатель Юрий Рытхэу (1930–2008), оставивший по себе недобрую славу у работников ЖЭКа. Передавая ключи, женщина-домоуправ опасливо спрашивала: «Вы костер на полу жечь не будете?» (в комнате стояла круглая печка). «А почему вы спрашиваете?» — «А предыдущий жилец жег?» (С. А. Пономаренко. Восп-2. С. 8).³⁴ И, наконец, после пяти лет ленинградских скитаний эта комната по жилищной квоте Союза писателей досталась Володину.

Ильин увидел Тамарины «окна над аптекой» из комнаты Зои. Единственной аптекой на улице Восстания была так называемая «аптека Либиха», расположенная в высоком бельэтаже дома № 30/7 (угол Митавского переулка), принадлежавшего врачу и провизору Либиху. Это красивое четырехэтажное здание в стиле эклектика, как уверяет справочник,³⁵ постройки 1881 года (архитектор С. А. Баранчеев), с лепными украшениями над окнами, с тремя полукруглыми, словно игрушечными, балкончиками третьего этажа и двумя прямоугольными на четвертом. Аптека (филиал сети «Петербургские аптеки») существует здесь и по сей день.

В 1950–1970-е годы перед домом стояла массивная круглая афишная тумба, упомянутая в пьесе.

В начале и середине XX века в доме проживали профессора филологии Е. Д. Максимов (1858–1920) и его сын профессор В. Е. Максимов (Евгеньев-Максимов) (1883–1955), академик А. А. Шахматов (1864–

³⁴ Скорее всего, это — легенда, навеянная анекдотами про «чукчу-писателя».

³⁵ Бройтман Л., Дубин А. Улица Восстания. СПб.: Центрполиграф, 2005. С. 274–277.

1920), начальник Военно-медицинской академии, профессор Н. А. Вельяминов (1855–1920). Двое последних погибли от голода в годы Гражданской войны.

Комната Зои, из которой видны «окна над аптекой», должна располагаться прямо напротив, в доме № 41/1 по улице Восстания, угол Виленского переулка,³⁶ в величественном семиэтажном здании в духе то ли неоклассицизма, то ли северного модерна, в серой громаде с куполом и аркадой на последнем этаже, надстроенными при перedelке дома в 1914–1915 годах архитектором И. И. Долгиновым. На первом этаже находился кинотеатр «Луч» (прежние названия: «Рампа», потом «Агитатор»), маленький, затрапезный, с глубоким, неудобным залом, где фильмы шли вторым экраном, но свой, домашний для обитателей ближних улиц: «К а т я. Хочешь в “Зарю” на восемь тридцать? У меня там билетерша знакомая».

Теперь в помещении бывшего кинотеатра «Луч» — театр Владимира Малыщицкого.

Дом Зои боковым фасадом выходит на Виленский переулок — удивительно тихое, безлюдное, словно заколдованное пространство. Узкий, образованный пяти-шестиэтажными домами рубежа XIX–XX веков, он начинается от нечетной стороны улицы Восстания и упирается в Парадную улицу, где раньше располагались казармы Волынского полка. Этот переулок упомянут у Михаила Кузмина: «Засмотрелся Господь на Виленский переулок, / Заслушался Волынских труб» («Волынский полк», 1917). Магазинов и учреждений в переулке не было, по его узким тротуарам спешили домой только местные жители, а по булыжной мостовой — редкие автомобили.

В доме № 39, примыкавшем по улице Восстания к помещению кинотеатра, располагалось общежитие какой-то «высшей школы», то ли профсоюзной, то ли партийной, а внизу, на первом этаже, была крошечная мороженица («кафе-мороженое»). Но у героев пьесы нет денег, чтобы проводить там время, и они захаживают на переговорный пункт, где Катя работает телефонисткой.

По межгороду, как правило, звонили с почты³⁷ (почтовое отделение № 14 располагалось в доме № 24 по ул. Восстания), но при этом на Восстания, в доме № 28, соседнем с домом Тамары, был отдельный перего-

³⁶ Небольшой переулок, пересекающий улицу Восстания, топонимически поделен на две части: он называется Митавским переулком до четной стороны Восстания, а начиная с нечетной стороны Восстания и до самого конца — именуется Виленским переулком.

³⁷ Звонить по межгороду можно было и по домашнему телефону, если он был: из отдельной квартиры — «в кредит», из коммунальной — «по талону», который покупали заранее на почте или переговорном пункте.

ворный пункт: в округе проживало много иногородних — обитатели общепита и торговцы с Мальцевского (Некрасовского) рынка, которые снимали углы и койки в окрестных коммуналках, расплачиваясь чаще всего продуктами.

Переговорный пункт был хорош тем, что очередность заказов определялась загруженностью телефонной линии, поэтому там можно было погреться, не привлекая к себе внимания, чем и пользовались парочки. На переговорном пункте стояли, к тому же, и обычные телефоны-автоматы, по одному из которых Ильин звонил Зое; этот их разговор и подслушала Катя.

Реальный комментарий

«Где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил».

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», гл. I, строфа L.

«...подражая телефонному диктору».

Телефонная служба точного времени была запущена в Ленинграде 31 декабря 1931 года: текст читал диктор, произношение которого отличалось особой орфоэпической правильностью и артикуляционной четкостью.

«Что это? — Корыто. — Повесьте его обратно».

Крупногабаритные предметы (корыта, раскладушки, велосипеды, лыжи, детские санки, коляски и пр.) держали обычно в коридоре, рядом со своей комнатой, исхитряясь пристраивать их как можно экономнее и даже развешивать по стенам.

«Работаю мастером на “Красном треугольнике”».

О «Красном треугольнике» упомянуто и в ЗНЧ:

«Усталые женщины, усталые девочки, глохнущие на прядильных фабриках. Усталые девочки, усталые женщины в удушливых цехах “Красного треугольника”... Я постарел. А вы в памяти моей всё не стареете».

Редактором Володин мог бывать на фабриках и заводах, уточняя и согласовывая фактический материал.

«Красный треугольник» — старейшая ленинградская фабрика резиновых изделий (изначально, с 1860 года, — «Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры»); свое название получила по треугольной форме фабричного клейма. Оборудование там не сменялось с дореволюционных времен. Недавно стены заброшенной фабрики рухнули.

Зинаида Шарко, нежно любившая свою героиню, вспоминала:

«Я настолько сроднилась со своей Тамарой Васильевной, что, когда много лет спустя у меня был концерт на “Красном треугольнике” и я пошла к Доске почета, я так заплакала!.. <...> Я ж должна была там висеть, на этой Доске почета. И Саша же Ильин сюда приходил встречать. Совершенно подсознательно на меня вдруг такое нахлынуло!» (З. М. Шарко. Восп-2. С. 24).

«Миленький ты мой, / Возьми меня с собой...».

По свидетельству И. С. Кузьмичева, не имеющего, к сожалению, никаких доказательств, песню привезли в Москву (а именно там ее услышала С. А. Пономаренко) с Колымы. Ее сюжет зеркально рифмуется с сюжетом пьесы и конгениален ему, что мгновенно было схвачено и Товстоноговым, и Володиным.

Мелодика этой песни, по мнению библиографа Музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской филармонии Е. В. Расшивалова, напоминает городские романсы из репертуара Вяльцевой, Паниной и Плевницкой, а музыка может, предположительно, принадлежать Л. Я. Дризо (1880? — 19??). Вполне вероятно, что она из репертуара Вадима Козина. Автор слов неизвестен и, возможно, старался оставаться таковым, потому что желание уехать в далекие края могло быть тогда сочтено нелояльным.

В те годы по радио постоянно транслировалась и разучивалась для хорового исполнения песня «Летят перелетные птицы...» (1948, музыка М. Блантера, слова М. Исаковского, исполнитель В. Бунчиков), о которой С. Я. Маршак в дружеском кругу саркастически заметил, что это песня домашнего гуся.

«Жизнь моя — железная дорога, / Вечное стремление вперед!»

Строки из стихотворения Маргариты Алигер «Железная дорога» (1938).

«...химический комбинат в Подгорске... довольно крупный. Один из крупнейших в Союзе».

Подгорск — название для ленинградского региона вымышленное, некая контаминация реального Подольска, где автор встретил девочку-звезду, с распространенной частью топонимических названий «-горск».

«Иди в Мраморный зал на танцы, там есть страшенькие, специально для тебя».

Многие Дома культуры в Ленинграде располагались в старинных особняках. Однако самой популярной танцплощадкой в 1950-х годах был Мраморный зал Дворца культуры им. С. Кирова (Большой проспект В. О., д. 83), построенный в стиле конструктивизма в 1931—1933 годах архитекторами Н. А. Троцким и С. А. Козаком.

Атмосфера на таких мероприятиях была казенной, а танцевальный репертуар архаичным: массовый танец «ручеек», вальс, вальс-бостон, кадрили, па-де-катр, па-де-патинер (переименованный, по словам А. К. Жолковского, в танец «Конькобежцы») и т. д.

«У нас ее вся квартира не любит, самописку твою».

Катя не без изящества подкалывает однокурсницу Славы. В просторечии «самописками» называли авторучки, которыми тогда пользовались только люди, пишущие по роду службы. В быту и в школе писали обычными перьевыми ручками, по-ленинградски — «вставочками»: деревянной или пластмассовой палочкой со специальным наконечником, куда вставлялось металлическое перо.

«Погремите болтом, дворник откроем».

Парадные и ворота в Ленинграде запирались на ночь. Дворник жил обычно на первом этаже в дворницкой, куда был вход под аркой. В конце 1950-х годов закрытые на ночь подъезды были уже редкостью.

«Карась-идеалист».

Персонаж одноименной сатирической сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина (1884).

«...а письма ее все с собой таскаю. Потом и письма куда-то пропали».

«Переписка с московской знакомой, которая провожала меня в армию, с перерывами длилась всю войну. Ее письма я оборачивал и перевязывал, их становилось всё больше, уже было трудно носить в вещмешке. Пропали они позже в гражданке. Родственники решили, что они старые, не нужны. Я их долго искал» («Оптимистические записки». ЗНЧ-20. С. 41).

«...я семь шкур с тебя спущу и голым в Африку пущу».

Ср.: «Да я семь шкур с него спущу / И голым в Африку пущу».

Басня С. Михалкова «Заяц во хмелю» (1945).

«...правда, она на Земфиру похожа из “Цыган”».

Имеется в виду героиня поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

«...говорят, я на артистку Ларионову похожа. А другие говорят, что я похожа на сестер Федоровых».

Популярные актрисы диаметрально противоположного облика: Алла Ларионова (1931—2000) — киноактриса, народная артистка РСФСР; ослепительная блондинка в ореоле пушистых волос. *Сестры Федоровы* (Екатерина, Анастасия, Нина, Галина) — квартет исполнительниц русских народных песен; темноволосые, гладко причесанные девушки в стилизованных русских сарафанах и кокошниках.

«Только худею что-то. Прошлый год в талии было семьдесят один, а сейчас шестьдесят семь. Совсем дистрофик стала».

Кокетство героини оттенено тревожной ленинградской нотой: слово «дистрофик» — еще знаково в памяти горожан.

«К а т я (обтирая книжную полку, достала книжку, раскрыла ее). Жюль Ренар».

Жюль Ренар (1864—1910) — французский писатель, известный у нас на тот момент лишь одной книгой «Избранное» (М.: Гослитиздат, 1946). Произведения Ж. Ренара, в отличие от «книжки “Скорпион”», — рафинированное чтение. Судьба французского писателя могла зацепить Володина схожестью с его собственной. Детство Ж. Ренара было трудным и одиноким, с ранним сиротством и скитаниями по чужим людям, о чем он рассказал в повести «Рыжик» (М.: Гослитиздат, 1958).

«Зачем ты взял банки, их надо сдать в магазин...».

Стеклянные банки и бутылки сдавали в гастроном или в пункт приема стеклотары за ничтожные, но значимые в бюджете копейки.

«...продукты — на холод, цветы — на помойку».

Холодильников еще не было. В старых домах промежутки между оконными переплетами были широкими, иногда более полуметра. Провизию хранили «между рамами» или «за окном», цепляя авоськи за витую старинную фурнитуру.

«Вот “Мартин Иден” читали?»

Роман Джека Лондона «Мартин Иден» (1909) был воспринят в России и в СССР как трагедия творческого целеустремленного человека.

«Сейчас перегиб в другую сторону».

Газетный штамп, означающий идеологическое отклонение от линии партии: «Перегиб (*перен.*) — вредная крайность, неумеренность, механистичность в применении <...> или формулировке чего-н<ибудь> “ЦК указывал, что практика «левых» перегибов является прямой помощью классовому врагу (История ВКП(б))”» (Словарь Ушакова).

«Что за групповщина. Я осуждаю вас, и все вас осудят за то, что вы пьете индивидуально».

«Групповщина (нов., неодобрит.) — засилье отдельной замкнутой группы в какой-н<ибудь> области общественной жизни. “Ликвидировать групповщину в литературе”» (Словарь Ушакова). Газетный идеологический штамп.

«А вы не пессимист?»

В лексиконе 1950-х «пессимист» — человек упаднических, чуждых советскому обществу настроений.

«Он был монтером Ваней, / Но в духе парижан / Себе присвоил званье /
Электротехник Жан».

Строки из стихотворения В. В. Маяковского «Маруся отравилась» (1927).

«Просто большие глаза, большой величины».

В «Записках нетрезвого человека», говоря о матери своего младшего сына Алеши (Лене — Елене Антониновне Логиновой), Володин употребляет тот же излюбленный оборот: «У нее были глаза большой величины».

«Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла».

Строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» (1838).

«И вот такой камуфлет».

«Камуфлет (от фр.) — неожиданный удар, подвох (фам., разг., шутол.)» (Словарь Ушакова).

«Пора! Пора! Уже нам в лица дует // Воспоминаний слабый ветерок...».

Строки из стихотворения Эдуарда Багрицкого (1895—1934) «Трактор» (1920).

«В одна тысяча восемьсот восьмидесятом году ученый Лукин доказал, что есть витамины».

Лукин Николай Иванович (1853—1937) — доктор медицины, педиатр, первооткрыватель витаминов.

«Откуда ты, прелестное дитя?»

Строка из неоконченной стихотворной драмы А. С. Пушкина «Русалка» (1829—1834).

«Вы не видели научный кинофильм “Это мешает нам жить”?»

Под таким названием в те годы выходило множество агитационных документальных лент о вреде алкоголя.

«Сидим на машинах, женщины кругом ревут, а она смотрит снизу вверх и говорит: “Видишь, какая у тебя будет бесчувственная...” и запнулась. <...> “Что ты сказала, я не понял!” — “Я сказала: видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена...”».

Сцена проводов повторена Володиным в «Оптимистических записках» и «Записках нетрезвого человека».

«...задумчиво, на мотив “Се си бон”».

Песня «Се си бон» (1947, музыка Анри Бетти, слова Андре Хорнеса) в исполнении Ива Монтана, любимца советской публики, приехавшего в Советский Союз в 1956 году, была необычайно популярна.

Сфинкс, Эринии царь Митридат: Античность в поэме Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»

Античные образы в ерофеевской поэме немногочисленны, и все они плотно сконцентрированы ближе к ее финалу, начиная с главы «105-Й КИЛОМЕТР — ПОКРОВ». В этой главе перед Веничкой появляется (или, может быть, лучше сказать, *ему является...*) некто, оказывающийся Сфинксом, — химерическое существо, лишенное нижних конечностей, хвоста и головы, но при этом наносящее герою удары несуществующими частями тела:

«Чуть только я забылся, кто-то ударил меня хвостом по спине. Я вздрогнул и обернулся: передо мною был **н е к т о** без ног, без хвоста и без головы.

— Ты кто? — спросил я его в изумлении.

— Угадай, кто! — и он рассмеялся, по-людоедски рассмеялся...

— Вот еще! Буду я угадывать!..

Я обиженно отвернулся от него, чтобы снова забыться. Но тут меня кто-то с разгона трахнул головой по спине. Я опять обернулся: передо мною был всё тот же **н е к т о**, без ног, без хвоста и без головы...

— Ты зачем меня бьешь? — спросил я его.

— А ты угадай, зачем!.. — ответил тот, всё с тем же людоедским смехом.

На этот раз — я все-таки решил угадать. “А то, если от него отвернешься, он, чего доброго, треснет тебя по спине обеими ногами...”

Я опустил глаза и задумался. Он — ждал, пока я додумаюсь, и в ожидании тихо поводил кулачищем у самых моих ноздрей. Как будто он мне, дураку, соплю вытирал...».¹

¹ Ерофеев В. В. Москва — Петушки / С комментариями Э. Власова. М.: Вагриус, 2001. С. 99–100 (разрядка оригинала).

Гротескное существо, демонстрирующее необъяснимую осведомленность не только в намерениях рассказчика, но и в форме, в которую тот облакает свои мысли,² представляется: «— Так слушай же. Перед тобой — Сфинкс. И он в этот город тебя не пустит» (с. 100).

Сфинкс, в полном соответствии с греческим мифом об Эдипе, задает злополучному путешественнику загадки, но не одну, а целых пять, отличающихся скабрёзным и абсурдным характером.

После отказа нарратора решать загадки фантазмагорический антагонист открывает ему страшную истину — Веничка едет не в Петушки, а в обратном направлении: «Он вытащил меня в тамбур, повернул меня мордой к окошку — и растворился в воздухе... Для чего это ему было надо?»

Я посмотрел в окно. Действительно, прежней черноты за окном уже не было. На запотевшем стекле чьим-то пальцем было написано: “...” — и вот в эти просветы я увидел городские огни, много огней и уплывающую станционную надпись “Покров”.

“Покров! Город Петушинского района! Три остановки, а потом — Петушки! Ты на верном пути, Венедикт Ерофеев”. И вот моя тревога, которая до того со дна души всё подымалась, разом опустилась на дно души и там затихла... Три или четыре мгновения она, притихшая, там и лежала. А потом — потом она не то чтобы стала подыматься со дна души, нет, она со дна души п о д с к о ч и л а, одна мысль, одна чудовищная мысль вобралась в меня так, что даже в коленках у меня ослабло:

Вот — я сейчас отъезжал от станции Покров. Я видел надпись “Покров” и яркие огни. Всё это хорошо — и “Покров”, и яркие огни. Но почему же они оказались справа по ходу поезда?.. Я допускаю: мой рас­судок в некотором затмении, но ведь я не мальчик, я же знаю: если станция Покров оказалась справа, значит — я еду из Петушков в Москву, а не из Москвы в Петушки!.. О, паршивый Сфинкс! Я онемел и за­метался по всему вагону, благо в нем уже не было ни души» (с. 103—104).

Впавший в панику ерофеевский персонаж пытается выяснить истину, проверить страшное открытие и определить направление движения, но ему это не удастся. Отыскиваемые знаки-индексы или обескураживают, противоречат друг другу, или не обнаруживаются: «“Постой, Веничка, не торопись. Глупое сердце, не бейся. Может, просто ты немного перепутал: может, Покров был все-таки слева, а не справа? Ты выйди,

ла). Далее поэма «Москва — Петушки» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи.

² «— Ты едешь в Петушки? В город, где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее?.. Где... <...> Где твоя паскуда валяется в жасмине и виссоне и птички порхают над ней и лобзают ее, куда им вздумается?» (с. 100).

выйди опять в тамбур, посмотри получше, с какой стороны по ходу поезда на стекле написано "...".

Я выскочил в тамбур и посмотрел направо: на запотевшем стекле отчетливо и красиво было написано "...". Я поглядел налево: там так же красиво было написано "...". Боже! Я схватился за голову и вернулся в вагон, и снова онемел и за метался...

"Постой, постой... А ты вспомни, Веничка, весь путь от Москвы ты сидел слева по ходу поезда, и все черноусые, все митричи, все декабристы — все сидели слева по ходу поезда. И значит, если ты едешь правильно, твой чемоданчик должен лежать слева по ходу поезда. Видишь, как просто!.."

Я забежал по всему вагону в поисках чемоданчика — чемоданчика нигде не было, ни слева, ни справа. Где мой чемоданчик?!» (с. 104).

Интерпретаторами поэмы предлагались разные объяснения того, что произошло с персонажем и почему в финале он оказался в московском подьезде, из которого или из похожего на который начал ранним утром свой страдальческий путь. Как пишут Олег Леманов и Михаил Свердлов: «Интерпретаторы поэмы гадают: почему герой, направлявшийся в Петушки, едет в обратную сторону от Петушков — и что это значит? Одни отвечают на эти вопросы, исходя из житейской логики. Другие доводят до предела алкогольно-бредовую мотивировку. Согласно логике третьих, авторская воля, смещающая сюжет в фантастическое, не нуждается в посюстороннем опосредовании».³

Вячеслав Курицын и Евгений Яблоков предположили, что всё путешествие Венички — алкогольный бред, и искать точку, в которой герой поменял направление на обратное, бессмысленно.⁴ Ольга Седакова склонна считать, что путешествие было реальным и катастрофа произошла в Орехове-Зуеве: своеобразный «пир мудрости», устраиваемый Веничкой и его попутчиками в течение десяти перегонов, в целом выглядит, несмотря на некоторые гротескно-абсурдные штрихи, более или менее правдоподобно. Фантасмагория начинается с Орехова-Зуева: «С концом пира кончается "правильное", поступательное движение электрички и повествования; героя выносит на платформу и вносит, по видимому, в другую электричку. Его выносит из худо-бедно "нормаль-

³ Лекманов О., Свердлов М. «Москва — Петушки»: конспект анализа // Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве / Сост.: О. Лекманов, И. Симановский. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 606.

⁴ См.: Курицын В. Мы поедем с тобою на «А» и на «Ю»: «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 296—304; Яблоков Е. А. От вокзала до вокзала, или Московская одиссея Венички Ерофеева // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 7: Анализ одного произведения: «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева: (Сб. научных трудов). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 105.

ного” пространства в область чистого делириума: дальнейшие спутники и собеседники Венички — фигуры бреда (такие, как Митридат, камердинер Петр и т. п., вплоть до четырех убийц финала, населяющих самую глубину этого бреда). Пир в электричке <...> разворачивается на границе двух миров: это крайний рубеж на пути в блаженные Петушки, в “святую землю” <...>. Дальше повествование понесет героя в противоположном направлении, к аду и богооставленности Красной площади». ⁵

Эту характеристику мира, в котором оказывается Веничка после Орехова-Зуева, принимают Олег Лекманов и Михаил Свердлов, однако реальное объяснение, принадлежащее Ольге Седаковой, они как будто бы считают излишним или необязательным: «По нашему мнению, выпав в “область чистого делириума”, Веничка тем самым попадает в другое (“пятое”) измерение, в оборотный мир, где всё совершается по каким-то другим законам. Это законы бездны. Если на этапе от Никольского до Есино бездна еще была метафорой, смысл которой раскрывался в медитациях и поучениях, то теперь всякая самая страшная метафора реализуется, а герой должен оказаться не в мысленной и воображаемой, а в претерпеваемой им бездне, не у края ее, а в самом жерле, в падении на самое ее дно». ⁶

Справедливость исследовательского описания того, что произошло с Веничкой в последних главах, после встречи с контролером Семенычем, несомненна. Однако фактическую, действительную основу как будто бы можно установить — конечно, в пределах кругозора пьяного нарратора: «Краешком сознания, самым-самым краешком, я запомнил, как выходящая в Орехове лавина публики запуталась во мне и вбирала меня, чтобы накопить меня в себе, как паршивую слюну, — и выплюнуть на ореховский перрон. Но плевок всё не получался, потому что входящая в вагон публика затыкала рот выходящей. Я мотался, как говно в проруби. <...> Краешком сознания, всё тем же самым краешком, я еще запомнил, что сумел, наконец, совладать со стихиями и вырваться в пустые пространства вагона и опрокинуться на чью-то лавочку, первую от дверей...» (с. 87).

Реальное объяснение находится и тому обстоятельству, что бредовые фантазмагии лавиной обрушились на неприкаянного пассажира именно после Орехова-Зуева: «А когда я опрокинулся, Господь, я сразу отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты — о нет! Я лгу опять! я снова лгу перед лицом Твоим, Господь! это лгу не я, это лжет моя ослабевшая память! — я не сразу отдался потоку, я нащупал в кармане непо-

⁵ Седакова О. Пир любви на «Шестьдесят пятом километре», или Иерусалим без Афин // Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве. С. 353–354.

⁶ Лекманов О., Свердлов М. «Москва — Петушки»: конспект анализа. С. 606.

чату бутылку кубанской и глотнул из нее раз пять или шесть, — а уж потом, сложа весла, отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты...» (с. 87).

Получается: Веничка столь обильно угостился из бутылки именно в Орехове-Зуеве, что его понес, подхватил поток не только пассажиров, но и алкогольного бреда. Самосознание героя начинает претерпевать причудливые и жуткие метаморфозы: уже на перегоне Воиново — Усад Веничке слышится, что его называют то сопливым мальчишкой-школьником («дома бы лучше сидел и уроки готовил», «от горшка два вершка, а уже рассуждать научился!..»), то «милой странницей», то «товарищем лейтенантом» (с. 95—96).

Еще одно свидетельство, но только косвенное и символическое, что Веничка неожиданно для себя самого оказался в электричке, едущей не из Москвы в Петушки, а из Петушков в Москву, — обескураживающее героя открытие: огни города Покрова оказываются не слева, как должно было быть при движении из Москвы, а справа по ходу электропоезда. Таким образом, получается, что персонаж едет в обратном направлении по сравнению с желанным. Правда, если он действительно не по своей воле оказался в обратном поезде еще в Орехове-Зуеве, увидеть огни Покрова ни слева, ни справа никак не мог бы: станция Покров и одноименный город находятся не ближе к Москве, чем Орехово-Зуево, а дальше от нее. Соответственно, огни Покрова, как и надпись с названием станции, — не реальные, а условно-символические ориентиры в пространстве поэмы: видеть их воочию Веничка не мог, но в символическом плане произведения на смену маршрута они указывают.

Теоретически, конечно, нельзя исключить и иной возможности: до вожделенных Петушков Веничка таки доехал, но уже в совершенно бессознательном состоянии, может быть, заснув. Однако в пользу «орехово-зуевской» версии свидетельствует тот факт, что это большая станция, где садится и выходит много народа. (Соображение, основанное на здравом смысле.) А название станции может заключать в себе символическое указание на нее как на поворотный пункт в путешествии героя: оно единственное, состоящее из двух слов — равноправных и, с точки зрения грамматической, способных поменяться местами: Орехово-Зуево → Зуево-Орехово.

Что же до матерной надписи, то здесь происходит дурное удвоение этого индекса, полностью дезориентирующее персонажа. Отгадками во всех загадках Сфинкса было *ничто*, «нулевой ответ». Последняя из пяти словесных загадок Сфинкса: куда попадут Минин и Пожарский, идущие навстречу друг другу в Петушки, если оба повернут назад; отгадка — на Курский вокзал. Отгадка — своеобразное предсказание Сфинкса Веничке: тот не достигнет Петушков, а тоже окажется на Курском вокзале. Но

последняя загадка, уже не словесная, а визуальная, отгадки на которую Сфинкс не сообщает, — демонстрация огней Покрова и надписей на стеклах тамбура. «Итогом Сфинксовых загадок становится формула бессмысленного бытия из трех букв — и на одной, и на другой двери тамбура, и справа, и слева».⁷ Химерический, лишенный плоти Сфинкс, воплощенное небытие, ничто, сбивает все ориентиры маршрута, запутывая, дезориентируя героя. Языческий «двойник» Херувима, поставленного Богом, чтобы не пустить изгнанных первых людей в утраченный Рай (Быт. 3: 24), он словно закрывает для Венички и его земной петушинский Эдем, и дом за Петушками, где живет сын — «пухлый младенец». За какой грех — герою неясно.

Вскоре вслед за этим мифологическим персонажем появляется целая серия ему подобных. Это богини мести Эринии (Эриннии), преследующие тракториста Евтюшкина: «Двери вагонов защелкали, потом загудели, всё громче и явственнее. И вот — влетел в мой вагон, и пролетел вдоль вагона, с поглубевшим от страха лицом, тракторист Евтюшкин. А спустя десяток мгновений тем же путем ворвались полчища Эриний и устремились следом за ним. Гремели бубны и кимвалы... Волосы мои встали дыбом. Не помня себя, я вскочил, затопал ногами:

“Остановитесь, девушки! Богини мщений, остановитесь! В мире нет виноватых!..” А они всё бежали.

И когда последняя со мной поравнялась, я закипел, я ухватил ее за спиной, она задыхалась от бега.

— Куда вы? Куда вы все бежите?..

— Чего тебе?! Отвяжи-и-сь! Пусти-и-и-и!..

— Куда? И все мы едем — куда??.

— Да тебе-то что за дело, бешена-а-ай!..

И вдруг повернулась ко мне, обхватила мою голову и поцеловала меня в лоб — до того неожиданно, что я засмутился, присел и стал грызть подсолнух.

А покуда я грыз подсолнух, она отбежала немного, взглянула на меня, вернулась — и съездила меня по левой щеке. Съездила, взвилась к потолку и ринулась догонять подруг. Я бросился следом за ней, преступно выгибая шею...» (с. 109—110).

Спустя какое-то время картина меняется на противоположную: «...хор Эриний бежал обратно, со стороны головного вагона прямо на меня, паническим стадом. За ними следом гнался разъяренный Евтюшкин. Вся эта лавина опрокинула меня и погребла под собой...

А кимвалы продолжали бряцать, а бубны гремели. И звезды падали на крыльцо сельсовета. И хохотала Суламифь» (с. 110).

⁷ Лекманов О., Симановский И. «Москва — Петушки»: конспект анализа. С. 606—607.

Эринии, преследующие неверного любовника Евтюшкина, и тракторист (он же комсорг), гонящийся за ними, в травестийном плане воплощают начало мести, представленное как античная, языческая категория, добродетель, противоположная христианскому милосердию. Неслучайно Веничка, в качестве неверного мужа соотнесенный с Евтюшкиным, взывает к мстительницам остановиться. Правда, призыв «В мире нет виноватых!..» заимствован не из Библии, а из незаконченного романа Льва Толстого, который так и называется — «Нет в мире виноватых».⁸ Акцент в этом афоризме Толстым был сделан не на прощении грешников, а на осознании того, что вина конкретного человека обусловлена обстоятельствами, ложным устройством жизни. Как разъяснял сам писатель: «Мне вот именно, если бог приведет, хотелось бы показать в моей работе, что виноватых нет. Как этот председатель суда, который подписывает приговор, как этот палач, который вешает, как они естественно были приведены к этому положению, так же естественно, как мы теперь тут сидим и пьем чай, в то время как многие зябнут и мокнут».⁹

Проецируемая на судьбу Венички, эта формула выглядит как «уход в глухую несознанку», как самооправдание, отрицание собственной виновности — алкоголика, неверного мужа, плохого отца. Но на античном фоне, в соседстве с мстительными Эриниями, она воспринимается именно как (квази)христианская максима.

Еще один античный персонаж, но не мифологический, а исторический, — понтийский царь Митридат, покончивший с собой после поражения, нанесенного римлянами: «А потом, конечно, всё закружилось. Если вы скажете, что то был туман, я, пожалуй, и соглашусь — да, как будто туман. А если вы скажете — нет, то не туман, то пламень и лед — попеременно то лед, то пламень, — я вам на это скажу: пожалуй что и да, лед и пламень, то есть сначала стынет кровь, стынет, а как застынет, тут же начинает кипеть и, вскипев, застывает снова.

“Это лихорадка, — подумал я. — Этот жаркий туман повсюду — от лихорадки, потому что сам я в ознобе, а повсюду жаркий туман”. А из тумана выходит кто-то очень знакомый, Ахиллес не Ахиллес, но очень знакомый. О! теперь узнал: это понтийский царь Митридат. Весь в соплях измазан, а в руках — ножик...

— Митридат, это ты, что ли? — мне было так тяжело, что говорил я почти беззвучно. — Это ты, что ли, Митридат?..

— Я, — ответил понтийский царь Митридат.

— А измазан весь — почему?

⁸ См.: Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 14. С. 443–475.

⁹ Гусев Н. Н. Два года с Толстым. М.: Художественная литература, 1973. С. 152.

— А у меня всегда так. Как полнолуние — так сопли текут...
 — А в другие дни не текут?
 — Бывает, что и текут. Но уж не так, как в полнолуние.
 — И ты что же, совсем их не утираешь? — я перешел почти на шепот. — Не утираешь?

— Да как сказать? случается, что и утираю, только ведь разве в полнолуние их утрешь? не столько утрешь, сколько размажешь. Ведь у каждого свой вкус — один любит распускать сопли, другой утирать, третий размазывать. А в полнолуние...» (с. 110).

Ирина Паперно и Борис Гаспаров обоснованно находят в этих строках булгаковский подтекст: «В повести есть несколько прямых цитат из этого романа: громкоговоритель — голос с неба, упоминаемый в нескольких местах “прокуратор Иудеи Понтий Пилат”, а также “понтийский царь Митридат” (в которого Понтий Пилат обращается в бреду героя), у которого *в полнолуние* “сопли текут” (типичный пример каламбурной игры и пародийного снижения, характерный для стиля повести). Но главное — всё построение сюжета как апокрифического варианта Евангелия, проекция героя на образ Христа <...> вызывают сильнейшие ассоциации с романом Булгакова». ¹⁰

Действительно, очевидна перекличка между титулом царя Митридата и одним из имен Пилата, которое в церковной традиции звучит как «Понтийский». Пример — именование иудейского прокуратора «Понтийским» в Символе веры, который Ерофеев прекрасно знал: «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна...». Упоминание полнолуния, появляющееся в «Москве — Петушках», несколько неожиданно и как будто немотивированно, — аллюзия на «Мастера и Маргариту», где лунарный мотив ассоциируется и с преданием Иешуа на казнь, и с его личностью. ¹¹ *Сопли* — по-видимому, ироническая трансформация мук совести, терзающих булгаковского Пилата: Ерофеев отказывает в истинности трактовке Пилата как раскаявшегося убийцы. *Ножик* ассоциируется, с одной стороны, с виной прокуратора, предавшего на смерть бродячего философа; с другой — с попыткой булгаковского Пилата «умыть руки», отдав приказ зарезать доносчика Иуду. Тот факт, что Митридат посещает Веничку во сне (при всей условности разграничения сна и яви в делириуме героя), тоже отсылает, видимо, к булгаковскому роману: в нем знакомство Берлиоза и Ивана Бездомно-

¹⁰ Паперно И. и Гаспаров Б. «Встань и иди» // Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве. С. 230 (курсив оригинала). Впервые статья была напечатана в 1981 году.

¹¹ Ср. об этом мотиве в романе Булгакова, например: Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 386–390; Эпштейн М. Лунная теология в «Мастере и Маргарите» // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2018. Т. 8. С. 173–177.

го с Понтием Пилатом и Иешуа происходит благодаря своеобразному наваждению, охватывающему литераторов по воле Воланда; позднее Иван Бездомный видит события следующей главы романа, что написал Мастер, во сне.

Ерофеев о романе Булгакова отзывался довольно пренебрежительно. На вопрос интервьюера Ирины Тосунян «*Как вы относитесь к Булгакову?*» автор «*Москвы — Петушков*» признался: «Прохладно. Мне не нравится. Я до сих пор не прочел “Мастера и Маргариту”. Дохожу до 38 страницы и не могу, мне невыразимо скучно. И одержимость остальных я мало понимаю». ¹² Более резкий характер отношения Ерофеева к роману о Понтии Пилате, как и отрицание отмеченной Ириной Паперно и Борисом Гаспаровым параллели, засвидетельствовал ерофеевский друг Владимир Муравьев: «Булгакова на дух не принимал. “Мастера и Маргариту” ненавидел так, что его даже трясло. Многие писали, что у него есть связи с этой книгой, а сам он говорил: “Дурак Гаспаров. Да я не читал ‘Мастера’, я дальше 13-й страницы не мог прочесть!”». ¹³

Недоброжелательная оценка романа Ерофеевым, вероятно, вполне искренняя: создатель поэмы на дух не переносил любых кумиров и создаваемые им культы, а «Мастер и Маргарита» стала именно культовой книгой. Кроме того, «ренановская» трактовка евангельской темы, скорее всего, представлялась Ерофееву плоской и пошлой. Однако никаких оснований доверять признанию автора «*Москвы — Петушков*», что роман Булгакова он не читал, нет. Ерофеев, как известно, мистифицировал многие события своей жизни, ¹⁴ и перед нами один из случаев такого рода. (Показательно, что в двух высказываниях он назвал разные страницы, до которых якобы смог продвинуться в чтении булгаковского произведения.) Скорее всего, в данном случае мистификация объясняется блумовским «страхом влияния» или, точнее, «озабоченностью вли-

¹² «Если меня приговорят к повешению...»: С писателем беседовала И. Тосунян // *Ерофеев В. В. Мой очень жизненный путь / Подгот. авторских текстов В. Муравьева. М.: Вагриус, 2003. С. 513.*

¹³ *Муравьев В. О Вен. Ерофееве // Театр. 1991. № 9. С. 93.*

¹⁴ Ерофеев, например, вспоминая, искажил обстоятельства отчисления из МГУ якобы после конфликта с преподавателем военной кафедры; не менее красноречивы примеры «очернения» родных в воспоминаниях о них или измышления деталей биографии отца и матери; см.: *Сенкевич А. Венедикт Ерофеев: Человек нежданный. М.: Молодая гвардия, 2020. С. 330, 548—549, 558.* Писатель также намеренно искажил дату создания поэмы, указав осень 1969 года, — на самом же деле она была создана в январе — марте 1970 года; см.: *Агапов А., Симановский И. «Вчера было рано, завтра будет поздно»: Когда нам нужно (было) отмечать пятидесятилетие «Москвы — Петушков»? // Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве. С. 506—520.*

янием, беспокойством из-за влияния»¹⁵ — желанием скрыть сильнейшее воздействие «Мастера и Маргариты» на поэтику повествования о Веничкиной поездке. Ведь, как справедливо заметили о «Москве — Петушках» Ирина Паперно и Борис Гаспаров, «следует назвать два романа, отсылки к которым проходят через весь анализируемый текст. Это “Преступление и наказание” Достоевского и “Мастер и Маргарита” Булгакова. Выбор именно этих романов в качестве основы литературного подтекста повести, конечно, не случаен. Оба произведения имеют ряд общих черт, которые в то же время имеют определенное значение для повести Ерофеева: мифологизация повествования, сложное взаимопроникновение и взаимодействие различных пластов реальности и сверхреальности, постоянное перетекание от одного персонажа к другому одних и тех же признаков, повторяющихся в различных сочетаниях, так что все объекты повествования оказываются частичными двойниками по отношению друг к другу; наконец, постоянная ориентация на Евангелие как на высший, наиболее общий смысловой пласт повествуемых событий, и в связи с этим построение текста как апокрифического варианта Евангелия».¹⁶

Но вернемся к Митридатову *ножику*. Упоминание о *ножике* как орудии самоубийцы Митридата придает античности ореол обреченности на гибель, тяготения к смерти и небытию. И наконец, *ножик* — это средство расправы с главным героем — предвестник молота и серпа, которыми Веничку бьют мухинские рабочий и колхозница, и шила, которым страшные и неотвратимые четверо пронзают ему горло в трагическом финале поэмы:

«Я прервал его:

— Красиво ты говоришь, Митридат, только зачем у тебя ножик в руках?..

— Как зачем?.. да резать тебя — вот зачем!.. Спрашивает тоже: зачем?.. Резать, конечно...

И как он переменялся сразу! всё говорил мирно, а тут ощерился, почернел — и куда только сопли девались? — и еще захохотал, сверх всего! Потом опять ощерился, потом опять захохотал!

Озноб забил меня снова: “Что ты, Митридат, что ты! — шептал я или кричал, не знаю. — Убери нож, убери, зачем...?” А он уже ничего не слышал и замахивался, в него словно тысяча почерневших бесов вселилась... “Изувер!” И тут мне пронзило левый бок, и я тихонько застонал, потому что не было во мне силы даже рукою защититься от ножика... “Перестань, Митридат, перестань...”

¹⁵ Ср.: Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания / Пер. с англ., сост., примеч., послесл. С. А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. С. 7—132.

¹⁶ Паперно И. и Гаспаров Б. «Встань и иди». С. 226.

Но тут мне пронзило правый бок, потом опять левый, опять правый, — я успевал только бессильно взвизгивать, — и забился от боли по всему перрону. И проснулся, весь в судорогах. Вокруг — ничего, кроме ветра, тьмы и собачьего холода. “Что со мной и где я? почему это дождь моросит? Боже...”» (с. 111).

Античные образы в «Москве — Петушках» связаны с мотивами насилия и хохота. Сфинкс бьет Веничку хвостом, а потом головой по спине, а после кулаком «в поддых», одна из Эриний наносит пощечину, Митридат колет ножиком то в один, то в другой бок. Смеется Сфинкс, причем необычно, не просто, жутко, и делает это он трижды или четырежды:¹⁷ «Он рассмеялся, по-людоедски рассмеялся» (с. 99), «он опять рассмеялся и ударил меня в поддых» (с. 100), «и Сфинкс рассмеялся» (с. 103); «Что это был за смех у этого подлеца! Я ни разу в жизни не слышал такого живодерского смеха!» (с. 103). Два раза садистски хохочет Митридат, пыряя Веничку ножом: «И как он переменялся сразу! всё говорил мирно, а тут ощерился, почернел — и куда только сопли девались? — и еще захохотал, сверх всего! Потом опять ощерился, потом опять захохотал!» (с. 111).

С этим хохотом разительно контрастирует поведение героя-повествователя: он смеется, но лишь над самим собой: «Женщина, вся в черном с головы до пят, стояла у окна и, безучастно разглядывая мглу за окном, прижимала к губам кружевной платочек. “Ни дать, ни взять — копия с ‘Неутешного горя’, копия с тебя, Ерофеев”, — сразу подумал я про себя и сразу про себя рассмеялся» (с. 105).

Ощущение несовершенства, абсурдности и трагичности бытия лишает ерофеевского героя возможности смеяться: «...один смеется в глаза этому миру, а другой плачет на груди этого мира. Одного уже вытошнило, и ему хорошо, а другого только еще начинает тошнить. А я — что я? я много вкусил, а никакого действия, я даже ни разу как следует не рассмеялся, и меня не стошнило ни разу. Я, вкусивший в этом мире столько, что теряю счет и последовательность, — я трезвее всех в этом мире; на меня просто туго действует...» (с. 113).

В христианской традиции безудержный смех, хохот — признак бесовского мира.¹⁸ Хохот окружает Сфинкса и Митридата, принадлежащих inferнальному или находящимся у его границ. *Лед и пламень*, обставляющие Митридата, — это атрибуты адского пространства, как оно представлено, например, в «Божественной комедии» Данте Алигьери.

¹⁷ О смехе Сфинкса упоминается четыре раза, но два последних случая можно трактовать как обозначение одной длящейся ситуации.

¹⁸ См. об этом, например: Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты в изучении культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148—166.

Сфинкс — третий по счету из «стражей», не пускающих Веничку дальше, а Митридат — четвертый. Первый «страж» — вполне реальный: это контролер Семеныч. Он лишь ведет себя поразительно, под влиянием вполне невинной болтовни «зайца» впадая в эротический экстаз и начиная скидывать с себя одежду. С ним Веничке удается разделаться довольно легко, хотя, вероятно, именно ревизор оказался конечным (но невольным) виновником того, что главный герой не доехал до вождельных Петушков: выпав из вагона в Орехове-Зуеве, он утянул за собой бедного Веничку. Второй «страж» — уже фантазмагорический, инфернальный: это Сатана, искушающий пьяного пассажира «смирить духовный порыв» (с. 97) и призывающий выпрыгнуть из электрички. Перед нами травести евангельского эпизода (ср.: Лк. 4: 1–13). И здесь антагонист терпит фиаско: «И Сатана ушел, посрамленный» (с. 97). Семеныч — всего лишь человек, Сатана — существо понятное, принадлежащее, пусть и с негативным знаком, к христианской картине мира. Сфинкс — абсурдный персонаж, пришедший из античной, языческой мифологии, совладать с которым злосчастному путешественнику не удастся. Среди этих четырех Сфинкс и Митридат — самые вредоносные и худшие. Вся эта жуткая гоп-кампания словно прообразует уже понастоящему страшную четверку преследователей Венички, появляющихся в финале.

Контролер Семеныч, требующий с пассажиров-безбилетников, в том числе с Венички, штраф в виде спиртного, пародийно напоминает лукавых и «свирых духов» из Жития Василия Нового (сюжет мытарств Феодоры), которые испытывают души умерших на мытарствах («станциях»!) во время пути в загробный мир: ангелы, сопровождающие душу, вносят им плату добрыми деяниями покойных и молитвами за них. Сфинкс тоже несколько похож на этих злых духов. Но, в отличие от Семеныча, требует с Венички платы духовной — мудростью, однако предлагает загадки, не имеющие ответов. Испытание оказывается чистым жульничеством. Ангелы оставили Веничку задолго до встречи с Семенычем и Сфинксом, из трудных ситуаций герою приходится выпутываться самому. Хотя личность Венички, как указала Жива Бенчич, напоминает характер героя древнерусской «Повести о бражнике»,¹⁹ события, через которые проходит в конце своего пути ерофеевский персонаж, больше

¹⁹ См.: *Benčić Ž.* Образ Венички Ерофеева // *Russian Literature*. 2002. Vol. LI. P. 255–256. Ср.: *Тюна В. И., Ляхова Е. И.* Эстетическая модальность прозаической поэмы Вен. Ерофеева // *Литературный текст: проблемы и методы исследования*. 7: Анализ одного произведения: «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева. С. 36. Впрочем, это сходство не стоит преувеличивать; см. об этом в моей статье: *Ранчин А.* Библийский код в «Москве — Петушках»: некоторые наблюдения // *Текст и традиция: Альманах*. СПб.: Росток, 2022. Т. 10. С. 122–123.

похожи не на сюжет этой повести (бражник не испытывался злыми духами на пути в Эдем, а благополучно достиг райских врат и без труда преодолел все препоны, чинимые насельниками Рая), а именно на мытарства. Их несчастный Веничка не прошел.

Античное в «Москве — Петушках» трактуется довольно однозначно: как языческое, враждебное, близкое к бесовскому. Оно безлико, неиндивидуализированно: Веничка сначала принимает царя Митридата за Ахиллеса — по-видимому, в сознании повествователя существует некоторое усредненное представление о любом античном герое, опознаваемое по одежде или доспехам и статуарной позе.

Символично, что открытие страшной истины о маршруте электрички посещает Веничку, когда он, как ему кажется, проезжает мимо станции Покров и одноименного города: герой словно лишается покровительства Богородицы, с которым связана символика праздника Покрова,²⁰ и «выпадает» из мира, отмеченного, пусть и очень слабо и амбивалентно, причастностью христианству или памятью о нем. Сфинкс, химерический персонаж античного, языческого мира, словно обращает время, как и электричку, вспять, из постхристианской эпохи в дохристианскую или во времена Христа, преданного на распятие за свое учение. Веничка вообще полутравестийно-полусерьезно соотнесен с фигурой Христа, что неоднократно отмечалось исследователями.²¹ Тринадцатое, несчастливое путешествие, предпринятое в пятницу, проецируется на Страстную пятницу, но воскресения не будет; при этом прямая аллюзия на крестную смерть Христа, лишенная пародического ореола, появляется почти в самом финале поэмы.²² Античные образы и мотивы в «Москве — Петушках» образуют контрастный фон для христологической темы и христианских мотивов.

²⁰ См. о символике Покрова, например: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. С. 23—62.

²¹ Ср., например: *Паперно И. и Гаспаров Б.* «Встань и иди». С. 221—224, 234—235; *Власов Э.* Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»: Спутник писателя // *Ерофеев В. В.* Москва — Петушки / С комментариями Э. Власова. М.: Вагриус, 2001. С. 258 и др.

²² Такая аллюзия (на Мф. 27: 46 и Мк. 15: 34) — слова «Это <...> л а м а с а в а х в а н и, как сказал Спаситель... То есть: “Для чего, Господь, Ты меня оставил?” Для чего же все-таки, Господь, ты меня оставил?» (с. 118). Травестийная отсылка к евангельскому сюжету отречения апостола Петра от Христа — оставление Венички камердинером Петром. Именование героя именем-отчеством «Андрей Михайлович» и выражение ненависти к нему, принадлежащие «княгине», — «Ненавижу я тебя, Андрей Михайлович! Ненави-жу!!» (глава «113-й КИЛОМЕТР — ОМУТИЩЕ» (с. 106)) — также подчеркивают его изгойство, но ассоциируют уже не с Христом, а с князем — беглецом из Руси Андреем Михайловичем Курбским.

«Есть у нас еще один роман...»

Пушкинская биография
в поэтическом прочтении
Александра Кушнера

Тема «Кушнер и Пушкин» уже не раз привлекала внимание исследователей. Поскольку современный поэт, творчество которого вообще очень насыщено историко-литературными мотивами, обращается к классику постоянно, она очень многогранна и включает в себя постоянные переключки с едва ли не всеми крупными пушкинскими произведениями и многочисленными лирическими творениями его.¹ Но пока остается неразработанным вопрос о том, как воспринимает Кушнер-поэт пушкинскую *биографию*, между тем как здесь есть уже немало поэтического материала, позволяющего нам ставить перед собой такую исследовательскую задачу.

Ключ к теме дает одно из сравнительно недавних стихотворений Кушнера — «Есть у нас еще один роман...» (2017),²

¹ Помимо исследований, учтенных нами в одной из работ по данной тематике (см.: Кулагин А. Кушнер и русские классики: Сб. статей. Коломна: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2017. С. 7), назовем еще статьи: Юхнова И. С. «Заячий тулупчик» как мифологема // Успехи современной науки. 2016. Т. 4. № 7. С. 59; Садзиньска Э. Пушкинская традиция в лирике Александра Кушнера // Болдинские чтения. Ниж. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 179–188. В то же время с недоумением констатируем, что в специальной монографии о восприятии Пушкина в русской литературе XX века имя Кушнера названо, и то попутно, лишь однажды; см.: Шеметова Т. Пушкин в русской литературе XX века: От Ахматовой до Бродского. [Б. м.]: Литагент Ридеро, 2018. С. 78.

² Даты произведений указаны по изд.: Александр Кушнер: материалы к библиографии / Сост. А. В. Кулагин. М.: Булат, 2021. Для данного справочника они сообщены самим поэтом.

представляющее собой своеобразный лирический конспект биографии классика:

Есть у нас еще один роман,
Самый увлекательный и грустный.
В нем и степь, и горы, и туман
Черноморский, и молвы стоустой
Шепот, и за письменным столом
Утро, и объятие в прихожей,
В Чудовом монастыре с царем
Разговор, на вымысел похожий.
И любовь, и дружба, и метель,
И сверканье Северной столицы,
И дуэль, конечно? И дуэль.
Никуда мой беглый не годится
Перечень. Нельзя пересказать
Жизнь такую. Как он умудрился
Даже смерть свою нам показать
Так, как будто год над ней трудился?³

Лейтмотив стихотворения — ощущение биографии поэта как *романа*, как *на вымысел похожего* сюжета, представляющего собой плод творческого *труда*.⁴ Попробуем прочесть под этим — «романным», «художественным», «вымышленным» — углом зрения стихи Кушнера о пушкинской биографии.

Серия стихотворений Кушнера о Пушкине отмечена приемом, который исследовательница его (Кушнера) творчества Н. Н. Шаховская называет сюжетным допущением.⁵ Этот, для поэзии Кушнера в самом деле характерный, прием (см. его стихотворения разных лет и разной тематики — как исторической, так и литературной, так и личной: «Был туман. И в тумане...»; «Антон Павлович — вот кого представить...»; «В каком-нибудь Торжке, домишко проезжая...»; «Как я испугаюсь, и как

³ Кушнер А. Над обрывом: Книга новых стихов. М.: Время, 2018. С. 27.

⁴ Отчасти и поневоле это сближается с выдвинутой в свое время Ю. М. Лотманом идеей пушкинского жизнестроительства (см.: *Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя*. Л.: Просвещение, 1981). Правда, в стихах Кушнера нет определяющего для Лотмана тезиса о зависимости жизненного поведения поэта от литературных образов (см.: Там же. С. 114 и др.).

⁵ См.: *Шаховская Н. Н. Сюжетное допущение как когнитивный прием в поэзии Александра Кушнера // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Рус. филология. 2017. № 3. С. 138–144.*

я пойму...»; «А если бы к власти Рылеев пришел...» и др.) применительно к биографии Пушкина предполагает возможность иного, нежели реально-исторический, ее развития. Вариативность судьбы — мотив изначально пушкинский. Напомним, что в шестой главе (1826) романа «Евгений Онегин» автор излагает — не давая однозначного ответа — два возможных варианта судьбы Ленского (хотя Александр Семенович признался нам, что о «слабом поэте» Ленском, сочиняя стихи о Пушкине, не думал). Незадолго до этого, в заметке о «Графе Нулине» (1825), Пушкин рассуждает о возможности иного хода больших исторических событий в зависимости от случайных обстоятельств частного характера. Под знаком потенциальной вариативности («то, что могло бы быть, но чего не было»; или, лучше: «то, чего не было, но что могло бы быть») предстает перед читателем стихов Кушнера и пушкинская биография.

Предметом «сюжетного допущения» становится у Кушнера уже сам факт рождения Пушкина. В стихотворении «Скажи царю Петру спасибо за фонтаны...» (2020), содержащем завуалированную полемику с одним из друзей поэта, «упрекающим» Петра в авторитаризме (в то время как нужно было, дескать, проводить либеральные реформы; см. также более раннее стихотворение Кушнера «Ругай, ругай Петра: за всё в ответе он...»), приведены поэтические «аргументы» в пользу Петра, в том числе и такие:

И все-таки дворцы и шпили Петербурга,
И ночь так хороша весной и невесома...
И есть еще одна великая заслуга,
А стоила она одну бутылку рома!⁶

Финальные строки обыгрывают мотив антибулгаринской «Моей родословной», строки которой взяты Кушнером в качестве эпиграфа к стихотворению: «Решил Фиглярин, сидя дома, / Что черный дед мой Ганнибал / Был куплен за бутылку рома / И в руки шкиперу попал».⁷ Получается, что, если бы не эта «бутылка рома», — в русской культуре не было бы Пушкина. Так Кушнер полушутя меняет поэтический «вес» этой платы — унижительной по Булгарину, демагогической по Пушкину, но поистине бесценной по Кушнеру. Кстати, «биографический» Пушкин появляется и в стихотворении «Я хотел бы стихи написать о Петре...» (2022), где обыгран эпизод первой главы «Онегина» (и пушкинского рисунка, набросанного поэтом для иллюстратора романа А. Нотбека):

⁶ Кушнер А. Звездная карта: Книга новых стихов. М.: Время, 2022. С. 35.

⁷ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2. С. 261.

«...Он о чем-то с Онегиным здесь говорил, / К парапету припав, — о любви, о добре / Или зле? Видишь, как разговор захватил / Их обоих, увлек, — может быть, о Петре?»⁸ Вопросительная форма в очередной раз открывает свободу поэтическому и читательскому домыслу, новому «сюжетному допущению». Предположить, что два «русских европейца» — автор романа и его герой — говорят о «прорубившем окно в Европу» императоре, — очень логично.

Стихотворение «Умереть, не побывав в Париже...» (1972) содержит лирическую рефлексию касательно того, что Пушкину, человеку европейской культуры, не довелось ни разу побывать за границей:

Спутник наш в метелях и вожатый,
Разве он угрюм
Оттого, что вместо луврских статуй
Он увидел Арзрум?⁹

Судьба «невъездного» Пушкина оттеняется литературным опытом нового столетия, советской эпохи, когда возможность увидеть Запад доставалась не тому, кто этого заслуживает и кому это необходимо творчески (как самому Кушнеру, с широчайшим историко-культурным фоном его лирики, но до «перестройки» тоже невъездному; см., например, его стихотворение «В Италию я не поехал так же...», 1976), а тому, кто не может это оценить и чьи стихи политически предвзятые: «Побывав дней пять в чужой столице, // Поглазев на Нотр-Дам, // Кто у нас стихи о загранице // Не писал, с бравадой пополам?»). В таком контексте невозможность для Пушкина увидеть Европу воспринимается как нелепая несправедливость судьбы, компенсиремая разве что полуироническим тоном стихов об этом:

Как при хмурой он хорош погоде,
Фиолетов, рыж!
Или там, где вы теперь живете,
Не проблема — дождик и Париж?¹⁰

⁸ Звезда. 2022. № 6. С. 9.

⁹ Кушнер А. Таврический сад: Избранное. М.: Время, 2008. С. 87.

¹⁰ Ср. со стихотворением поэта-эмигранта Наума Сагаловского «Пушкин» (не позднее 1988), в котором к Пушкину полушутя «примеряется» эмигрантская судьба: «Поселился бы он на двенадцатой брайтонской стрит, / выходил на бульвар и гулял бы со взором печальным, / и сидел бы с друзьями на кухне, курчав и небрит, / и Довлатов Сергей называл бы его гениальным...» (Стихи.ру — <https://stihi.ru/2005/02/15-1886>; дата обращения: 07.07.2022).

Еще одно несостоявшееся пушкинское путешествие (а также известное выражение «как за каменной стеной», звучащее здесь не только в переносном, но и в прямом значении) обыграно Кушнером в стихотворении «Великая Китайская стена» из цикла «Китайская стена» (2015), созданного под впечатлением от поездки в Китай:

И вспомнил я, как лучший наш поэт
В Китай с посольской миссией просился:
Коль не в Париж, так хоть в Китай, но нет,
Нельзя! А как стеной бы восхитился
Он, каменную гладил бы рукой,
Похлопывал и, собственной страной
По горло сыт, провел бы час-другой
Спокойно, как за каменной стеною.¹¹

Пушкин, напомним, обратился 7 января 1830 года к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему «совершить путешествие во Францию или Италию», а если таковое ему не разрешат, то дать «соизволение посетить Китай с отправляющимся туда посольством».¹² Разрешение дано не было, между тем о возможном путешествии «лучший наш поэт» мечтал еще прежде в незавершенном стихотворении «Поедем, я готов...» (1829), которое связывают с неудачным сватовством к Н. Гончаровой:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж...¹³

Еще одно лирическое допущение пушкинского пребывания за рубежом предложено поэтом в сравнительно недавнем стихотворении «Что бы Пушкин делал за границей...» (ок. 2021). Хотя, по мысли автора, Пушкин в чужих краях «повеселел бы, еще как!» — всё же российские приоритеты (в том числе литературные недруги и даже царь), пусть и понимаемые в полушутливом ключе, перевесили бы:

О, как Рим его широкоплечий,
Ватикан пленил бы, Колизей!

 ¹¹ Кушнер А. Над обрывом. С. 38.¹² Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1977. Т. 9. С. 283–284 (оригинал по-французски).¹³ Там же. Т. 2. С. 195.

Или без Булгарина и Греча,
Без царя скучал бы и друзей?¹⁴

Царь и Булгарин с Гречем — тоже Россия; национальное бытие приправлено у Пушкина — и у Кушнера — привкусом литературно-общественной борьбы, даже вражды. Но здесь звучит и еще один личный для автора стихов мотив: он не раз говорил, что не представляет своей жизни в отрыве от России.¹⁵

Среди стихотворений, создающих «альтернативную» лирическую версию пушкинской биографии, выделим два, связанные с темой суеверий в жизни поэта. Известно, что сам классик относился к ней заинтересованно. Можно назвать его стихотворение «Приметы» (1829), вспомнить соответствующие мотивы, сопровождающие образы Татьяны Лариной и Петра Гринева. Кушнер подхватывает эту пушкинскую тему в двух стихотворениях. Первое из них — «Старость тем хороша, что не надо ходить к гадалке...» (1999) — варьирует эпизод биографии Пушкина, о котором вспоминают, со слов поэта, несколько его современников. У С. Соболевского, чья версия текстуально и отражается в стихах Кушнера, этот эпизод выглядит так: жившая в Петербурге гадалка Кирхгоф еще в молодости предсказала поэту, что «он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека <...>, которых и должен он опасаться». ¹⁶ Вот соответствующие этому воспоминанию, текстуально довольно близкие ему строки Кушнера:

Старость тем хороша, что не надо ходить к гадалке:
Жизни мало осталось, и эти остатки жалки,
А насчет белой лошади, белых мужчин, голов —
Я не знаю, как нам относиться к мадам Кирхгоф.

Нагада-таки эта немка в слепом усердьи
Смерть ему в тридцать семь: если же не случится смерти,

¹⁴ Звезда. 2021. № 1. С. 5. Ср. эти стихи с размышлениями поэта-эссеиста о том, «как бы жил Пушкин за границей, какое впечатление произвела бы на него Европа, с какими мыслями и чувствами он вернулся бы в Россию» (*Кушнер А. Лучшие права // Кушнер А. О поэтах и поэзии. СПб.: Геликон Плюс, 2018. С. 269*).

¹⁵ См., например: *Кушнер А. Биография // Звезда. 2021. № 1. С. 15–16*. Мотив потенциального пушкинского путешествия по Европе звучит и в совсем недавнем стихотворении «А Пушкин тем еще так дорог мне, что он...»: «Переломить бы ход капризницы судьбы, / Париж бы посетить, увидеть бы Везувий!» (*Звезда. 2022. № 9. С. 4*).

¹⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. С. 11.

Проживешь еще долго, — был выбор, был выход, был!
Да не вынес, не выдержал, — жаркая кровь — вспылил!¹⁷

И хотя Кирхгоф названа ниже «смешной проводницей зла», лирический герой Кушнера всё же и сам не совсем чужд предчувствиям: он признаётся, что «небеса что-то знают заранее о земле», и его самого, как героя стихотворения (Пушкина), «суеверье томит — веры сумрачная сестра».

Другое стихотворение о пушкинском суеверии — «Как чудно всё: и мироздание...» (ок. 2014). Оно восходит к свидетельствам того же С. Соболевского и М. Осиповой (рассказывающей, очевидно, со слов матери, П. А. Осиповой) о том, что Пушкин накануне декабристского восстания пытался уехать из Михайловского в Петербург, но вернулся, когда ему перебежал дорогу заяц и встретился священник (и то и другое считалось дурной приметой). Как и в предыдущем стихотворении, здесь соблюдена точность мемуарно-биографических деталей (зимний колорит, привязка эпизода к декабристской теме) — хотя и поданная отчасти в полушутливом ключе: «Как чудно всё: и мироздание, / И снежных вихрей навек ткацкий! / Откуда заяц про восстание / Узнал на площади Сенатской?» Нерв же лирического сюжета предопределен тем же суеверием. Не выдуман ли сам этот эпизод суеверными современниками поэта или им самим? Для лирического героя стихотворения — нет, не выдуман, и подоплека этой его веры (чьей «сумрачной сестрой», как мы помним, и является суеверие) — его собственное желание в него верить, дополненное еще трогательным мотивом фольклоризованной «фауны»:

Или во мгле и снежной осыпи,
Решив с судьбою не тягаться,
Придумал всё это для Осиповой
Поэт, свалив вину на зайца?

Нет, нет, мне думать так не хочется,
И в сказках к людям жмутся звери,
И льнет луна к нам, полуночица,
И я немного суеверен.¹⁸

Пушкинские суеверия привлекают лирического героя Кушнера своей поэтичностью, выходом за рамки будничной повседневности, неким «пятым измерением», которое они приоткрывают.

¹⁷ Кушнер А. Таврический сад. С. 414.

¹⁸ Кушнер А. Обстоятельства времени: Из стихов, не вошедших в книги. М.: Булат, 2020. С. 339.

У Кушнера есть стихотворения, в которых обыграны какие-то отдельные эпизоды пушкинской биографии или отдельные качества его личности. Они напоминают поэтический парадокс, ибо великий поэт предстает в них с неожиданной стороны, готовой оспорить привычное представление о нем.

Стихотворение «Он осень нас учил любить, — и мы послушно...» (ок. 1998) представляет собой реплику на хрестоматийную пушкинскую «Осень» — поэтическую апологию этого времени года, любимого великим поэтом. Однако современный автор неожиданно подвергает это пушкинское восхищение критическому пересмотру:

Он осень нас учил любить — и мы послушно
Уверили себя, что лучшей нет поры,
Что если дождь идет, — то это нам и нужно,
Редующий багрец, прощальные дары,
Топящаяся печь, холодный подоконник
И дохлая оса меж запотевших рам...
Любимый наш поэт, боюсь, был гипертоник,
Страдавший от жары, — о чем не ведал сам.¹⁹

Причем, подвергает пересмотру с помощью... самого автора «Осени», как бы «ухватившись» за его собственное признание: «таков мой организм». Раз уж речь идет об организме — поэту позволительно высказать «медицинскую» гипотезу, которая может объяснить странное пристрастие Пушкина к «унылой поре». Ниже, кстати, звучит прямая реминисценция из «Осени»: «Поэтому ему так плохо было летом: / Способности его душевные губя, / Оно стесняло ум дыханьем разогретым...». Напомним пушкинский текст о лете: «Ты, все душевные способности губя, / Нас мучишь...». Но стихи еще и о нашем читательском «подчинении» пушкинскому авторитету, обаянию его поэтического слова: «А нам-то для чего обманывать себя... <...> Но верим мы ему, плохому африканцу, / Скорее, чем себе, — усладе стиховой». Сам Кушнер, кстати, не «по-пушкински» предпочитает весну и лето осени и зиме; но в его случае это отчасти объясняется петербургской циклонной погодой. «Город замечательный, что и говорить, — считает поэт, — но жить в нем трудно, особенно осенью и зимой» (из письма к автору статьи от 06.03.2012).

В стихотворении «Спорили, кто бы рискнул гладиаторский бой...» (ок. 2013) автор, отталкиваясь от уже знакомого нам приема сюжетного допущения, перебирает наших классиков как потенциальных зрителей схватки гладиаторов и не может представить себе в этой роли ни Толстого, ни Тургенева, ни Чехова... Может представить — только Пушкина:

¹⁹ Там же. С. 170.

Он и в раю б не смутился, не дрогнул в аду,
Ну и тем более не растерялся бы в Риме.
И делибаш у него с казаком на виду
Гибнут у всех — и солдаты любятя ими.²⁰

Автор отсылает читателя к стихотворению Пушкина «Делибаш», где жестокость гибели на войне передана как бы спокойно, без эмоционального потрясения, а даже с некоторой легкостью: «Мчатся, сшиблись в общем крике... / Посмотрите! каковы?.. / Делибаш уже на пике, / А казак без головы».²¹ Кушнер оспаривает в своем стихотворении общепринятое представление о пушкинской поэзии как о «лелеющей душу гуманности» (Белинский), и вообще он Пушкина гуманистом не считает, замечая (в личной беседе с автором этих строк), как беспристрастно, даже хладнокровно изображает классик физические страдания (казнь Пугачева в «Капитанской дочке»; стихотворение «Какая ночь! Мороз трескучий...» и др.). Мужество поэта в отношении к смерти — тема еще одного стихотворения Кушнера (упоминавшегося нами в сноске 15), где происходит неожиданное сближение двух классиков (один из них — тот же Толстой, с его известным «арзамасским ужасом»):

И что ему петля, опутавшая нас
И узел с каждым днем сжимающая туже?
И в Арзамасе был проездом девять раз,
Ни разу в нем не впав в толстовский смертный ужас.²²

Впрочем, это не мешает Пушкину как герою стихов Кушнера в другой раз предстать «вспыльчиво-мнительным» («Книгу читая, был ею обижен...», 2004). Зато возможна и еще одна ипостась, возникающая в контексте переосмысления знаменитой формулы пушкинского Моцарта: «Гений это злодейство, а что же еще, злодейство! / Как смотрел на Сверчка, ужасаясь ему, Жуковский! / Байрон, Лермонтов — всё это как бы одно семейство, / Нам и дороги ужаса этого отголоски. / Гоголь — монстр, с его манией сумрачного величья, / Заходящего в стадию самоуничтоженья...» («Гений должен внушать благоговейный ужас...», ок. 1999).²³ Однако в итоге лирического сюжета Пушкин все-таки ускользает из этого «злодейского» перечня:

²⁰ Кушнер А. *Обстоятельства времени*. С. 323.

²¹ Пушкин А. С. *Собрание сочинений*: В 10 т. Т. 2. С. 202.

²² Кушнер А. «А Пушкин тем еще так дорог мне, что он...» // *Звезда*. 2022. № 9. С. 4.

²³ Кушнер А. *Обстоятельства времени*. С. 171.

Уклоняйся, летай в стороне, обходи ловушки
Не способных ни в сердце щегла заглянуть, ни в строчку.
Простодушие — дар, и смеется над ними Пушкин,
Эти вещи постигший всех раньше и в одиночку!

Но вернемся на минуту к строке из стихотворения о «негуманном» Пушкине: «Он и в рай б не смутился, не дрогнул в аду...». Поэт словно вспомнил о ней в стихотворении «А все-таки Данте не в рай поместил...» (2018), где обыгран эпизод Песни четвертой дантовского «Ада». Напомним, что Данте и Вергилий встречаются в круге первом поэтов и философов древности — Гомера, Овидия, Сократа и других. Первый круг есть только первый круг, здесь еще нет тех мук, со зрелищем которых путники столкнутся позже, но здесь — их предвестие. В круге первом, по лирической версии Кушнера, «тепло», но «мглисто, туманно», и «свет... не то что не мил, но действует, все-таки, тусклый, на нервы». Так вот, именно здесь, в соседстве с античными классиками, читатель вдруг обнаруживает классика русского:

И вдруг я подумал, что, скукой томим,
Скорее всего, из цветущего рая
Наш Пушкин просил отпустить его к ним,
Блаженству их общество предпочитая.²⁴

Неожиданный лирический ход — пребывание Пушкина в аду — оправдан, во-первых, живым, нехрестоматийным пониманием «нескучной» и «грешной» пушкинской личности; во-вторых — ощущением историко-культурного равенства Пушкина и высоко ценимых им (и, кстати, Кушнером как читателем, поэтом и эссеистом) античных авторов; и в-третьих — творческими интересами самого Пушкина. Известно, как заинтересованно относился он к «Божественной комедии»: достаточно вспомнить его стихотворный набросок «И дале мы пошли — и страх обнял меня...» (1832), представляющий собой вариацию на тему «Ада»; есть и другие подтверждения того, что в дантовский ад русский поэт «заглядывал».

Мотив «Пушкин в аду» подводит нас к стихам, связанным со смертью Пушкина. Об одном из них — «Если бы Пушкин убил Дантеса...» (1998), лирический сюжет которого движется через цепочку «сюжетных допущений» («Кавалергарды бы шли за гробом» и т. д.) и завершается неожиданной парадоксальной развязкой («Господи, мы бы его любили / Лишь за стихи, за стихи, стихи!»),²⁵ — так вот, об этом стихо-

²⁴ Кушнер А. Звездная карта. С. 9.

²⁵ Кушнер А. Волна и камень: Стихи и проза. СПб.: Logos, 2003. С. 621.

творении пишет в своей статье Н. Н. Шаховская.²⁶ Рядом с ним можно упомянуть адресованное детям стихотворение «Позвоню» («Позвоню Александру Сергеевичу...»; ок. 1987), в котором лирическая убедительность обеспечена конкретным мотивом телефонного звонка, словно связывающего современность и пушкинскую эпоху, и которое по причине его малой известности (публиковалось лишь однажды, в детском журнале) приводим полностью:

Позвоню Александру Сергеевичу
 В день морозный, метельный, слепой.
 Женский голос ответит иль девичий.
 Что и спрашивать? Ведь не мужской!
 Нет хозяина. Где-то скрывается.
 Иль работал всю ночь напролет,
 А теперь, запершись, отсыпается.
 Трубку сам никогда не возьмет.
 Методистами, экскурсоводами
 Вся квартира его занята,
 Юбилейными дышат заботами.
 Извините. Попал не туда.
 Нет хозяина. Где-то скитается.
 Черной речки прерывиста нить,
 Ускользает она, обрывается.
 Дозвониться бы! Предупредить!²⁷

Кстати, в поэзии Кушнера телефонные звонки вообще часты, и «звонки» из эпохи в эпоху — в том числе от поэта к поэту — тоже встречаются («В полуплаще, одна из аонид...», 1983; «Поскольку я завел мобильный телефон...», 2000). Добавим, что на фоне стихов Кушнера более раннее известное стихотворение А. Дементьева на аналогичную тему «А мне приснился сон» (1976) сильно проигрывает как риторическое и прямолинейное («А мне приснился сон, / Что Пушкин был спасен / Сергеем Соболевским... / Его любимый друг / С достоинством и блеском / Дуэль расстроил вдруг» и т. д.).²⁸ Другое стихотворение

²⁶ См.: Шаховская Н. Н. Сюжетное допущение как когнитивный прием в поэзии Александра Кушнера. С. 141.

²⁷ Искорка. 1987. № 2. С. 7.

²⁸ Дементьев А. Жизнь одна — любовь одна. М.: Эксмо, 2018. С. 175. Довольно прямолинейна и версия Александра Городницкого, изложенная в его стихотворении «Старый Пушкин» (1978): «А старого Пушкина с грузной седой головой / Представить не можем; да этого нам и не надо» (*Городницкий А.* За временем вдогонку: Стихи. М.: Книжный магазин «Мо-

Кушнера, сравнительно недавнее, имеет название «1837-й» (2018). Главный герой его, однако, — не Пушкин, как можно было подумать на основании вынесенной в название даты, а австрийский и чешский инженер Герстнер, создатель первой в России железной дороги (между Петербургом и Царским Селом). Откликнувшись в стихах на стоящую на Витебском вокзале статую Герстнера («Паровозик кажется подносом / На руках его, — забавный вид, / Держит он его двумя руками, / Столько сделав для страны чужой...»), поэт упоминает и сравнивает двух разномасштабных поэтов, один из которых откликнулся на появление транспортной новинки («Попутная песня» из цикла «Прощание с Петербургом»), а другому уже не суждено было сделать это, ибо он не дождался открытия дороги (30 октября 1837 г.) всего несколько месяцев:

Первая железная дорога
Шла отсюда в Царское Село.
Кукольник о ней в стихах убого
Написал, но тексту повезло,
Потому что Глинка эти строки
Положил на музыку, пропел.
Пушкин бы проехал по дороге,
Написал бы лучше, — не успел!²⁹

Вариативность пушкинской судьбы естественно должна повлечь за собой и поэтическое допущение пушкинского присутствия в жизни

сква», 1999. С. 289). И на рубеже веков литература не раз обращалась к теме потенциального продолжения пушкинской жизни в случае другого исхода дуэли — см., например, рассказ Татьяны Толстой «Сюжет», вошедший в сборник ее рассказов «Река Оккервиль» (1999), или роман М. Берга «Несчастливая дуэль» (2003). Подробнее об этом см.: *Сурат И.* Битва и пушки: Жизнь как текст // *Сурат И.* Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М.: РГГУ, 2009. С. 552–559; *Богданова О. В.* «Пушкин — наше всё...»: Литература постмодерна и Пушкин. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 154–170; *Шеметова Т.* Пушкин в русской литературе XX века. С. 246–248. Напомним еще ироническое, восходящее к высказыванию Зощенко, название документальной книги Б. Сарнова (1998): «Если бы Пушкин жил в наше время», а также сравнительно недавнюю молодежную кинокомедию «Спасти Пушкина» (2017).

²⁹ *Кушнер А.* Осенний театр: Книга стихов. М.: Время, 2020. С. 26. Ср. с рассказом Андрея Битова (кстати, близкого друга Кушнера) «Фотография Пушкина» (1985): «Нет! Он не мог умереть! Я же вижу его живым, садящимся в поезд в том же 1837, вижу, как он пряменько так на скамеечке сидит и в окошко поглядывает, и мальчишеский смех рвется из его глаз» (*Битов А.* Фотография Пушкина: 1799–2099 // *Битов А.* Вычитание зайца, 1825. М.: Независимая газета, 2001. С. 101).

в позднейшие эпохи. Но как раз здесь автор становится строже и саму возможность такого присутствия либо отрицает, либо подвергает иронической, если не саркастической оценке. В стихотворении «Поэт вымирает в преддверии новой...» (1974) Пушкину отказано в возможности очутиться даже в ближайших ему хронологически сороковых годах, когда литературная ситуация изменилась и наступило время «физиологических очерков»:

Попробуйте Пушкина в сороковые
Представить живущим и пишущим прозу —
Ни года, ни дня! Для него — ледяные,
И спишут в резерв, и причислят к обозу.³⁰

Вместе с пушкинским именем в стихотворении появляется и блоковское («...попробуйте Блока / Увидеть в попутчиках, их уставные / Усвоившим пункты, — не слишком ль жестоко?»). Для нас это подсказка: мы понимаем, что «концепция невозможности» (можно сказать — невозможности выжить) восходит к блоковской речи «О назначении поэта», посвященной именно Пушкину: «Слабел Пушкин — слабела с ним вместе и культура его поры: единственной культурной эпохи в России прошлого века. Приближались роковые сороковые годы. <...> Пушкина <...> убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура».³¹ Только у Кушнера она распространена и на самого Блока, и шире — на опыт двадцатого века, с аллюзиями на его трагический, гулаговский опыт: «Он (поэт. — А. К.) в пласт этот, в лед этот материковый // Врос: как-нибудь с ним и его разморозят» (ср., например, с позднейшим стихотворением «На череп Моцарта, с газетной полосо...», 1986).

В стихотворении «Всё им новый мерещится Пушкин...» (ок. 1992) Кушнер вышучивает то и дело возникавшие в литературной среде, в печати разговоры о приходе «нового Пушкина» — то есть, поэта, равного ему по масштабу дарования. В таком же духе он рассуждает об этом спустя несколько лет в эссе «1999»: «Все варианты этой глупости сразу не вспомнишь и не воспроизведешь. Ждут Пушкина, как мессию».³² Суть в том, что такие разговоры заведомо непродуктивны уже хотя бы пото-

³⁰ То время — эти голоса: Ленинград. Поэты «Оттепели» / Сост.: М. Борисова. Л.: Советский писатель, 1990. С. 229.

³¹ Блок А. О назначении поэта // Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Художественная литература, 1962. Т. 6. С. 166, 167.

³² Кушнер А. 1999 // Кушнер А. Аполлон в траве: эссе; стихи. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. С. 373.

му, что «нового Пушкина» лицом к лицу не увидать: только время потом может выявить крупного художника, которого современники недооценили. Да и вообще, ожидание «нового Пушкина» по сути своей внеисторично: каждому поэту — свое, своя эпоха, свое место в ней, и даже самый большой поэт той или иной эпохи — никакой не «новый Пушкин», а сам по себе Блок или, скажем, Твардовский. В стихотворении же Кушнера, во-первых, звучит ирония над хрестоматийным глянецем:

Всех он выше, всех краше, идейно
Грандиозен и образно-свеж.
Сверху — сахарный, снизу кофейно-
Шоколадный, лижи его, ешь.³³

Здесь обыграно, конечно, письмо Пушкина Дельвигу из Малинников (сер. ноября 1828 г.), в котором поэт шутливо описывает, как П. М. Полторацкий заманивал в гости к соседу детей своей родственницы: «Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку...».³⁴ Во-вторых, «новый Пушкин» комично представлен «участником» нынешней литературной жизни, обращение к которому лишь внешне почтительно, а по сути — иронично, но иронично по отношению, конечно, не к Пушкину, а к ожиданию его нового явления:

Александр Сергеевич, здрасьте!
Наша публика вас заждалась.
Проходите. Журнал наш украсьте.
Вы не то что какая-то мразь.

Комизм этих финальных строк стихотворения достигается использованием разговорной лексики: обращение «здрасьте» вместо «здравствуйте»; слово «публика», применительно к читателям имеющее легкий иронический оттенок; контрастным, сочетающим почтительность и грубость (но это ведь говорит не лирический герой, а воображаемый редактор журнала, один из «ожидających» нового Пушкина), оборотом «Вы не то что какая-то мразь» переводящее тему с уровня иронии уже на уровень сарказма.

Впрочем, эффект присутствия Пушкина в стихах Кушнера вполне серьезен там, где речь идет о глубоко личном ощущении, интимном пере-

³³ Кушнер А. Обстоятельства времени. С. 144.

³⁴ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. С. 271.

живании судьбы любимого поэта. Так, Пушкин оказывается центральной фигурой («Председатель»; аллюзия на «Пир во время чумы») в поэтическом сне («Мне приснилось, что все мы сидим за столом...», 1994), в котором появляются еще Лермонтов, Пастернак и другие, не названные в стихах, поэты: «И так хочется мне посмотреть хоть разок // На того, кто... Но тень всякий раз // Заслоняет его или чей-то висок...». ³⁵ И в ту же пору, чуть раньше (1993), в стихах тоже о сне, лирический герой Кушнера вспоминает, как в детстве его, норвящего поспать подольше, предостерегали: «Всё проспишь!», и теперь он с горькой иронией сетует:

Всё проспать! Беззаботней нет
 Участи. Я проспал уже
 Трою, дягилевский балет
 И Олимпию в неглиже,
 Выезд Ирода из дворца,
 Выход Пушкина на крыльцо...
 Что ж вздыхать, горевать, конца
 Избегать, закрывать лицо? ³⁶

Со стихами о Пушкине, словно оживающем в другом столетии, перекликаются у Кушнера стихи, разрабатывающие ставшую уже классической (благодаря Пушкину же и поэтам XX века, прежде всего Маяковскому с его «Юбилейным») тему оживающего памятника, сопровождаемую мотивами и серьезными, и ироническими («Белые стихи», 1984; «На станции метро, в подземном царстве...», 2012; «Грибоедов, на площади сидя в кресле...», 2017). Писать об этих стихах нам уже доводилось, ³⁷ так что останавливаться на них мы здесь не будем.

Итак, Пушкин как личность в стихах Кушнера — герой своеобразного лирико-биографического повествования, построенного на «сюжетных допущениях», на поэтическом домысле и вымысле, проживающий свою «альтернативную» судьбу. Но эта судьба, этот домысел и вымысел отталкиваются от реальной биографии поэта, от его произведений и высказываний, от воспоминаний его современников. Отсюда — поэтическое равновесие *домышленного* и *реального*, позволяющее герою всех рассмотренных нами стихов быть «Пушкиным Кушнера» и при

³⁵ Кушнер А. Таврический сад. С. 365.

³⁶ Там же. С. 346.

³⁷ См.: Кулагин А. Три пушкинских памятника // Кулагин А. Поэтический Петербург Александра Кушнера: монография; статьи; эссе. Коломна: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2020. С. 241–260.

этом оставаться Пушкиным как таковым.³⁸ Очевидно, что к постмодернистской «игре» с Пушкиным Кушнер не расположен и что «*вчерашним солнцем*» (это поэтическое выражение Мандельштама И. З. Сурат взяла в название своей пушкиноведческой книги, на которую мы уже ссылались)³⁹ классик для него не стал. В пользу этого говорят и несколько написанных в разные годы эссе Кушнера о Пушкине («Два Пушкина», «Лучшие права», «1999» и др.), которые мы здесь иногда цитировали, но которые — и сами по себе, и в контексте лирики их автора — могут стать предметом отдельного рассмотрения.

³⁸ Отдельные эпизоды биографии Пушкина, мотивы его судьбы (пропущенные порой через пушкинские произведения, в которых они отозвались) слышны и в других стихотворениях Кушнера, в которых отчасти тоже проявляются отмеченные нами в данной статье тенденции: «Мойки горестный изгиб...» (ок. 1970), «Зимняя элегия на фоне Одесского порта» (1970), «Взметнутся голуби гирляндой черных нот...» (1974), «Июль 1836» (1984), «Пушкин — вот теченье наше теплое...» (ок. 1986), «До свиданья, Кавказ, мы тебя любили...» (1998), «Гости съезжались на дачу. Мы любим гостей...» (2002), «На месте Дельвига подарок бы не принял...» (2011).

³⁹ О восприятии Пушкина в новейшей культуре см., помимо уже упомянутых работ: *Загидуллина М. В.* Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2001.

VOX SCRIPTORIS

«Меморандумы»

Осипа Мандельштама:

Поэт в тоге государственного мужа?¹

На правах эпиграфа: ритм и поэзия

Поэзия родилась из ритма. Она вся пронизана ритмами, она дышит и пышет ими, она выработала за века широчайшую палитру размеров и породила тем самым особую профессию — стиховеда. Ритмизация — важный прием и прозы в ее нечастых завистливых попытках приблизиться к поэзии по уровню интенсивности художественной речи (классический пример — «Петербург» Андрея Белого).

Так что Мандельштам прекрасно знал, что такое ритм. И не только интуитивно, но и теоретически.

30 декабря, на самом излете 1909 года, он, тогда гейдельбергский школяр, послал Вячеславу Иванову свеженаписанные стихи:

¹ Публикация представляет собой фрагмент из биографии О. Э. Мандельштама, над которой автор работает для издательства «Вита Нова» (Санкт-Петербург). В тексте приводятся ссылки на следующие издания: *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1997 (далее — О. М.; номера томов и страницы даются в тексте статьи в скобках, арабскими цифрами); *Мандельштам Е. Э.* Воспоминания / Публ. Е. П. Зенкевич, примеч. А. Г. Меца // Новый мир. 1995. № 10. С. 119–179 (далее — ЕЭМ); *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. / Ред.-сост.: С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин. Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014 (далее — Н. М.; номера томов и страницы даются в тексте статьи в скобках); *Котрелев Н. В.* Документы О. Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возвращение к теме // Окно из Европы: к 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017. С. 331–366 (далее — *Котрелев*, 2017); *Мец А.* Осип Мандельштам в Кремле (1918) // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 54. P. 160–163 (далее — *Мец*, 2015).

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

На темном небе, как узор,
Деревья траурные вышиты.
Зачем же выше и всё выше ты
Возводишь изумленный взор?

— Вверху — такая темнота, —
Ты скажешь, — время опрокинула
И, словно ночь, на день нахлынула
Холмов холодная черта.

Высоких, неживых деревьев
Темнеющее рвется кружево:
О, месяц, только ты не суживай
Серпа, внезапно почернев! (О. М. Т. 1. С. 396).

И приложил к ним следующий вопросительный комментарий:

«Дорогой Вячеслав Иванович!

Это стихотворение хотело бы быть “romance sans paroles”² (Dans l’interminable ennui...).³ “Paroles”⁴ — т. е. интимно-лирическое, личное — я пытался сдержать, обуздать уздой ритма.

Меня занимает, достаточно ли крепко взнуздано это стихотворение?

Неволью вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба. Может быть, антиинтимная природа? Ямб — это узда “настроения”.

С глубоким уважением

О. Мандельштам» (О. М. Т. 4. С. 18).

Фраза отправителя о «Вашем замечании» отсылает к «Спорадам» адресата — одному из четырех отделов книги Вячеслава Иванова «По звездам», вышедшей — и, очевидно, проштудированной — Мандельштамом в том же 1909 году. В главе «О лирике» мэтр писал:

«Поэзия — совершенное знание человека, и знание мира
через познание человека.

² «Песни без слов» — название поэтического сборника и одноименного стихотворения Поля Верлена (1874).

³ В бесконечной тоске... (*фр.*) — начало одного из стихотворений в этом сборнике.

⁴ «Слова» (*фр.*).

Лирика, прежде всего, — овладение ритмом и числом, как движущими и зиждущими началами внутренней жизни человека; и, чрез овладение ими в духе, приобщение к их всемирной тайне.

Задача и назначение лирики — быть силою устроительной, благовестительницей и повелительницей строя. Ее верховный закон — гармония; каждый разлад должна она разрешить в созвучие.

Эпос и драма заняты событиями, текущими во времени, и решениями противоборствующих волей. Для лирики одно событие — аккорд мгновения, пронесшийся по струнам мировой лиры.

<...> Обычно ждут от лирики личных признаний музыкально взволнованной души. Но лирическое движение еще не делает из этих признаний — песни. Лирик нового времени просто — хоть и взволнованно — сообщает о пережитом и пригрезившемся, о своих страданиях, расколах и надеждах, даже о своем счастье, чаще о своем величии и красоте своих порывов: новая лирика почти всецело обратилась в монолог. Оттого, между прочим, она так любит ямб, антилирический, по мнению древних, ибо слишком речистый и созданный для прекословий, — хотя мы именно в ямбах столь пространно и аналитически изъясняемся в тех психологических осложнениях, которые называем любовью». ⁵

К природе ямба (о самом ямбе помолчим) Мандельштам обратится еще не раз. В 1912 году, в рецензии на «Одуванчики» Ильи Эренбурга, он назовет тютчевским «прием облекать наиболее жалобные сетования в ритмически-суровый ямб», а в стихотворении 1914 года «Автопортрет» назовет ритм своим врожденным качеством (О. М. Т. 1. С. 295—296):

В поднятьи головы крылатый
Намек — но мешковат сюртук;
В закрытьи глаз, в покое рук —
Тайник движенья непочатый.

Так вот кому летать и петь
И слова пламенная ковкость, —
Чтоб прирожденную неловкость
Врожденным ритмом одолеть!

⁵ *Иванов В.* По звездам: Статьи и афоризмы: [Опыты философские, эстетические и критические]. СПб.: Оры, 1909. С. 350, 352—353.

Ритм у поэта — нечто постоянное, поселяющееся в нем с рождения и не покидающее до самой смерти. В некотором роде это еще и личное достояние, которым можно, если что, распорядиться по своему усмотрению, резонируя на тот или иной ритмический зов.

И когда судьба неожиданно вывела Мандельштама на прагматические вопросы, связанные с ритмом, он не только не растерялся, но даже бросился пробовать себя и в теоретических рассуждениях о ритме, и в прикладных аспектах такой теории.

Далькроз

В вопросах, связанных с ритмом, у Мандельштама была еще и другая опора, кроме внутренней поэтической. И она, эта опора, имела четкое имя: Далькроз!

В 1907—1910 гг., то есть в годы, когда Мандельштам учился во Франции и Германии и путешествовал, помимо них, по Швейцарии и Италии, в Европе в большую моду вошла ритмика от Эмиля Жак-Далькроза (1865—1950) — швейцарского композитора, музыканта и ритмического педагога, гастролировавшего по всей Европе. С высоты сегодняшнего дня сам Далькроз — один из первых гуру ЗОЖа, а его учение — не более чем разновидность коллективной физкультуры на свежем, по возможности, воздухе, базирующейся на инструментализации ритма и идее общественной пользы от групповой гимнастики.

Но в начале XX века это выглядело иначе, и организация в 1911 году в дрезденском рабочем пригороде Хеллерау специализированного очага ритмического воспитания — Института музыки и ритма Жак-Далькроза — задавала всему начинанию очень высокую планку. Его элитарный характер подчеркивался ежегодными «Празднествами» в Хеллерау, во время которых непременно исполнялась вторая часть «Орфея и Эвридики» Глюка, — любимой, кстати, мандельштамовской оперы.

Но даже если Мандельштам и «разминулся» с гуру ритмического воспитания в Европах, он точно не разминулся бы с ним в России — настолько на виду для него были здесь публикации о системе Далькроза князя Сергея Михайловича Волконского. Это и книга «Выразительный человек: Сценическое воспитание жеста (По Дельсарту)» (СПб., 1913), и серия его статей, публиковавшихся в начале 1910-х гг. в различных журналах и сборниках об искусстве.

Вот выборка таких публикаций С. М. Волконского, выходивших в издании, которое Мандельштам наверняка читал, — в «Аполлоне»: «Красота и правда на сцене» (1911. № 4), «Человек и ритм» (1911. № 6), «Пантомима» (1911. № 10), «В защиту актерской техники» (1911. № 12),

«Ритм в сценических искусствах: Доклад на Всероссийском съезде художников» (1912. № 3–4. С. 61), «Празднества в Хеллерау» (1912. № 6), «Адольф Аппиа» (1912. № 6) и «Древний хор на современной сцене» (1913. № 3 и 4). Дополним подборку еще и «Листками Курсов Ритмической гимнастики», выходявших в Санкт-Петербурге в 1913 году: в № 2, в частности, была опубликована его заметка «Воспитательное значение ритмической гимнастики Жак-Далькроза».

Две батумские газеты («Эхо Батума» и «Батумская жизнь») сообщали о вечере О. Мандельштама в Батумском «Обществе деятелей искусства» (ОДИ), намеченном на 16 сентября. Вечер был устроен, по всей вероятности, Николаем Васильевичем Макридиным (1882–1942), инженером-мелиоратором и поэтом, членом первого «Цеха поэтов».⁶

18 сентября «Батумская жизнь» поместила об этом вечере отчет:

«Вступительное слово И. Зданевича представляло собою “*non multa sed multum*”.⁷ Поэзия О. Мандельштама, одного из лучших представителей петербургской поэтической школы акмеистов, прежде всего обращает внимание своей музыкальностью. Природа музыкальности лежит в долготе звука, которой так мастерски оперирует поэт в своих стихах. Внимание поэта покоится исключительно на гласных — согласные в пренебрежении.⁸ Отсюда, заключает И. Зданевич, поэтическая концепция О. Мандельштама уподобляется геометрическим построениям, абстрактность которых также совпадает с содержанием его поэзии.

Н. В. Макридин в своем несколько затянувшемся слове поделился с публикой своими мыслями о той школе, к которой принадлежит поэт, и привел длинный ряд деталей из стихов О. Мандельштама, которые, по мнению докладчика, характерны для поэта.

«Поэт О. Мандельштам выступил с чтением своих стихов в двух отделениях. В первом он читал стихи, вошедшие в его

⁶ См. подробнее: Тименчик Р. В Батуме в 1920 году // Тименчик Р. Что вдруг? Статьи о русской литературе прошлого века. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008. С. 504–511.

⁷ «Немногое, но о многом» (лат.).

⁸ Это место Р. Д. Тименчик комментирует замечанием С. И. Бернштейна о том, что для авторской читки Мандельштама было характерно «мелодическое раскачивание гласных звуков» (Бернштейн С. И. Голос Блока // Блоковский сборник. Тарту, 1972. Вып. 2. С. 109, примеч. 495), и указанием на то, что независимо от И. Зданевича тот же тезис выдвинул спустя два года и Б. Эйхенбаум, отмечавший, что у Ахматовой и Мандельштама, в отличие от символистов, «внимание перешло от согласных к гласным» (Эйхенбаум Б. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. С. 120).

книгу “Камень” (Петроград, 1916), а во втором позднейшие стихи.

Читка стихов у поэта очень своеобразна. Когда поэт читает, он отдается только мерности, только ритму. Точно далькрозовское упражнение. И логические ударения, и значимость слов, и словесная инструментовка стиха — всё приносится в жертву ритму. В этом, правда, своеобразии, но и значительная потеря красот собственной поэзии. Переполненная аудитория студии очень внимательно слушала поэта и наградила его аплодисментами».⁹

Коллегия по разгрузке и эвакуации

1918-й — первый пореволюционный — год для Осипа Мандельштама ознаменовался неожиданным взлетом и апогеем сотрудничества с молодым российско-советским государством. Восемь месяцев из двенадцати — и такое уже никогда не повторится — поэт прослужил в его учреждениях. В частности, в апреле — в Центральной коллегии по разгрузке и эвакуации Петрограда, где он был сотрудником бюро прессы, а с июня и до конца года — в Отделе реформы высшей школы Наркомата просвещения. Госслужба потребовала от Мандельштама переезда в Москву, и, пометавшись между столицами, он на это пошел.

Разгрузка и эвакуация... Первая мировая война не обнажила, но подчеркнула один серьезный, с имперской точки зрения, геополитический изъян России. А именно — эксцентриситет Петрограда как ее столицы, то есть опасную его близость к государственной границе. После того как от России отложилась Финляндия, эксцентриситет еще более усилился и, соответственно, возросли вытекающие из этого риски.

Во время войны — в облике реальных угроз немецкого нападения на Петроград — этот изъян сработал как минимум трижды. Первый раз — осенью 1917 года — в виде угрозы с моря: захват острова Саарема и других Моодзунских островов открывал немцам водный путь в Финский залив. Вторая и третья угрозы были сухопутными: в конце февраля 1918 года, когда немцы подошли к Пскову, и в начале апреля, когда поддержанные немцами белофинны взяли Выборг.

25 августа / 7 сентября 1917 года в контексте первой угрозы была создана Комиссия по разгрузке Петрограда, но она практически без-

⁹ Батумская жизнь. 1920. 18 сентября. Подписано: В. З. Это, по Тименчику, инициалы жившего тогда в Батуми поэта Владимира Зданевича, стихи которого напечатаны в вышедшем в том же году в Батуми двуязычном — грузинско-русском — альманахе «Кривой Арлекин» (см.: *Тименчик Р.* В Батуме в 1920 году. С. 507).

действовала; в феврале 1918 года — в контексте уже второй из угроз — Совнарком РСФСР вступился и активизировал Комиссию, дав ей чрезвычайные полномочия для разгрузки Петрограда. После Бреста непосредственная угроза отошла на задний план, и 4 марта, то есть на завтра после подписания «похабного» мира, Комиссию ликвидировали, точнее, включили на правах отдела в новообразованную Центральную коллегию по разгрузке и эвакуации Петрограда.¹⁰

12 марта 1918 года вышел декрет о переносе столицы РСФСР из Петрограда в Москву. Спустя год, в марте 1919 года, Коллегия была распущена, а ее функционал передан Центральной эвакуационной комиссии, уже прочно обосновавшейся в Москве.

В Петрограде Коллегия размещалась в Мариинском дворце. 7 апреля Михаил Кузмин зафиксировал в дневнике встречу с Мандельштамом, «гордым своим положением», направлявшимся в Мариинский дворец.¹¹

Председателем Коллегии был назначен большевик Николай Петрович Горбунов (1892—1938) — первый секретарь Совнаркома РСФСР и, по совместительству, личный секретарь Ленина. Членами коллегии были большевики: нарком труда Александр Гаврилович Шляпников (1885—1937), первый заместитель наркома продовольствия Дмитрий Захарович Мануильский (1883—1959), член коллегии Наркомпрода Мирон Константинович Владимиров (1879—1925), а также левый эсер Владимир Александрович Алгасов (настоящая фамилия — Бурдаков; 1887—1938) и полуэсер-полубольшевик, член Коллегии наркомата по военным делам Павел Евгеньевич Лазимир (1891—1920).

Среди сотрудников Бюро печати при секретариате — и Осип Мандельштам: делопроизводитель. Начальником Бюро был знаменитый книгоиздатель — правда, уже без издательства: национализировали! — Петр Петрович Сойкин (1862—1938).¹² В качестве адреса проживания Мандельштам указал последний отцовский адрес — Аптекарский переулок, 6, кв. 8.¹³

Между прочим, в списке служащих Транспортного отдела Коллегии находим и имя Вадима Николаевича Слободзинского — уж не соучени-

¹⁰ См.: Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 521. В тот же день, 4 марта, Троцкий выступил на заседании СНК с докладом об экстренной необходимости учреждения Комиссии.

¹¹ Сообщено Н. А. Богомоловым.

¹² Государственный архив Российской Федерации, Москва (далее — ГАРФ), ф. А-2306, оп. 51, д. 180.

¹³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.), ф. Р-1859, оп. 3, д. 1, л. 4—13, 34.

ка ли Мандельштама по Тенишевке, о котором в «Шуме времени» читаем: «Первый ученик Слободзинский — человек из сожженной Гоголем второй части “Мертвых душ”, положительный тип русского интеллигента, умеренный мистик, правдолюбец, хороший математик и начетчик по Достоевскому; потом заведовал радиостанцией» (О. М. Т. 2. С. 369)?

6 апреля 1918 года Мандельштаму было выдано удостоверение № 171 с поручением составить сводку печатных материалов об эвакуации за всё время существования Коллегии.¹⁴

Ключевым элементом эвакуации столицы был перенос в Москву органов управления страной. Переезд Совнаркома, то есть правительства, начался в марте, безо всякой огласки, под охраной латышских стрелков. Первыми поездами, 10 и 11 марта, на новое место прибыли Свердлов и Ленин, а одним из последних — Троцкий (19 марта). Самым последним — между 5 и 10 апреля — был, вероятно, первый секретарь СНК Николай Горбунов. Всех прибывавших размещали на первое время в Первом или Втором Доме Советов (это бывшие гостиницы «Националь» и «Метрополь»), откуда через две-три недели заселяли уже непосредственно в подготовленные для них квартиры в Кремле, в Кавалерском корпусе.

Вместе с Горбуновым в Кремле нарисовался и Мандельштам — почти ровесники, они пересекались и вполне могли сблизиться на заседаниях в Мариинском. Как минимум однажды Мандельштам останавливался прямо в Кремле, у Горбунова! Скорее всего, в конце апреля, когда Горбунов уже перебрался в Кавалерский корпус.¹⁵

Вот еще подробности этого экзотического эпизода¹⁶ в биографии поэта в пересказе его вдовы: «По приезду в Москву, например, в восемнадцатом году — он приехал с правительственными поездами — ему пришлось несколько дней прожить в Кремле у Горбунова. Однажды утром в общей столовой, куда он вышел завтракать, лакей, прежде дворцовый, а потом обслуживавший революционное правительство и не утративший почтительно-лакейских манер, сообщил О. М., что сейчас сам Троцкий “выйдут кушать кофий”» (Н. М. Т. 1. С. 182).

Еще более экзотической была встреча с Лениным перед гостиничным лифтом «Метрополя». Произошло это, согласно дневнику Рюрика

¹⁴ ЦГА СПб., ф. Р-1859, оп. 3, д. 460.

¹⁵ А. Г. Мец пишет, что это произошло не раньше первой декады апреля, но не учитывает им же самим точно отмеченный транзитный лаг в 2–3 недели.

¹⁶ Характеристика — и справедливая — А. Г. Меца. Ср. у него же: «Этот случай в биографии поэта выглядит полностью изолированным от предшествующего и последующего, лишенным контекста» (Мец, 2015. С. 160).

Ивнева, незадолго до 17 июня, когда Мандельштам был уже кадром Наркомпроса: «На днях я столкнулся <...> у лифта в “Метрополе” с Лениным. Он уже вошел в лифт, когда к нему подошел помощник комиссара “Метрополя” и сказал: “Тов. Ленин, на второй этаж лифта у нас не поднимают”. Ленин покорно пошел за комиссаром пешком, но глаза у него сверкнули очень заметно. Я <даже> думал, что это мне показалось, но Мандельштам, который был в это время со мной, заметил тоже блеск его глаз. Эта картина была очень забавной».¹⁷

Эта пелевинская деталь — просверк глаз — заставляет вспомнить, что буквально в эти же дни, 14 июня, Ленин добился изгнания из ВЦИКа фракции меньшевиков. Ленин тогда проживал уже в Кремле, а первые свои недели в Москве провел не во Втором, а в Первом Доме Советов, в люксе № 107, то есть в «Национале», так что детали быта в «Метрополе» мог и не знать.

Куда именно тогда направлялся Ленин, мы не знаем. Но едва ли к оставшемуся у лифта Мандельштаму, хоть тот и проживал на том самом втором этаже, в номере 253, будучи автором специального меморандума государственной важности, приготовленного для глаз вождя мирового пролетариата!..

Загадочный меморандум

...Меморандум? Какой меморандум?..

Ах, если бы мы это знали! Надежда Мандельштам рассказала о нем однажды мандельштамоведу Александру Морозову, а тот пересказал другому коллеге — Александру Мецу. Вот эта новелла в мецевском пересказе:

«Мандельштам дал Горбунову меморандум и попросил передать его Ленину. Горбунов ответил, что Ленину он передавать не будет, но положит в его архив. Мне кажется, что я воспроизвожу эти две фразы Саши почти точно, поэтому заключаю их в кавычки. По контексту разговора ключевое слово следовало бы также взять в кавычки и дать с прописной, как “Меморандум”, потому что подразумевалось произведение Мандельштама. Ничего о содержании Морозов, как я также уверен по контексту разговора, не знал, как возможно, не знала его Надежда Яковлевна, от которой он и получил эти сведения. Гадая о содержании этого произведения, прежде всего следует иметь в виду буквальное значение названия — это дипломатический документ, вручаемый предста-

¹⁷ *Ивнев Рюрик. Дневник, 1906–1980 / Сост. Н. П. Леонтьева; подгот. текста А. П. Дмитриева, Н. П. Леонтьева, А. В. Леонтьева; коммент. А. П. Дмитриева; общ. ред. А. П. Дмитриева. М.: Эллис Лак, 2012. С. 335.*

вителем одной высокой договаривающейся стороны представителю другой такой же стороны, с изложением взглядов на какой-либо вопрос. Отсюда можно предполагать, что содержание касалось актуальных политических событий. Также можно предполагать, что в нем имелись какие-то переключки с написанным в близкое время прозой и стихами. Имею в виду прежде всего “Государство и ритм”, где говорится, что “антифилологический характер нашей эпохи не мешает считать ее гуманистической”, и характер актуальной действительности определяется как “филологическое предательство”. Аналогичные пассажи есть и в статье 1920 года “Слово и культура”. Определенным стимулом к попытке установить отношения с главой государства могла явиться недавно вышедшая отдельным изданием (не позднее 31 марта, по данным Биохроники) работа В. И. Ленина “Государство и революция”, две титульные темы которой явились стержневыми в мандельштамовском “Гимне” (“Прославим, братья, сумерки свободы...”), написанном в июне. Так ли, иначе ли, но “Меморандум” был хорошим поводом, чтобы явиться к Горбунову в Кремль. А заодно — попросить содействия в устройстве на работу в Москве (Надежда Мандельштам на той же странице “Воспоминаний” пишет о встрече поэта с Г. В. Чичериным в Наркоминделе по этому вопросу, что могло быть устроено по звонку или записке Горбунова)». ¹⁸

Обращение к Горбунову за протекцией в наркоматы — вещь предствивимая. А вот предположение, что Мандельштам штудировал или хотя бы читал ленинский шедевр, — гипотеза, смелая до отчаянности...

Но все-таки: что это за «меморандум» такой? О чем?

И разве мог такой опус не оставить следа в других, ближайших к нему по времени текстах поэта?

Мог, и под подозрение подпадают две мандельштамовских статьи. Первая — «Государство и ритм», с ее концепцией тотального социального ритма и отголосками Далькроза, — артефакт 1918 года, но чуть более позднего — наркомпросовского — времени (впрочем, ничто не мешало Мандельштаму обратиться к Горбунову не в апреле, а во времена службы в этом наркомате). Вторая — «Слово и культура» (1920), с ее концепцией радикального культуроцентризма, — увидела свет в 1920 году, но ее идеи и в 1918 году определенно бродили в поэте.

¹⁸ Далее Мец добавляет: «В свое время я сделал скромную попытку поиска “Меморандума” в РГАСПИ <...> — смотрел описи, расспрашивал консультанта читального зала. Он ответил, что если бы такой документ в фондах имелся, то был бы уже давно опубликован. И все-таки хотелось бы надеяться, что найдется» (Мец, 2015. С. 163).

В Наркомпросе: лето 1918 года

К этим статьям-концепциям мы еще вернемся, а пока возвратимся в май 1918 года.

Уже первого числа Мандельштам снова в Питере. Первым делом он уволился из Комиссии по разгрузке Петрограда,¹⁹ где проработал всего месяц. Возможно, в этот приезд он остановился в Царском Селе у Гумилевых (синдик акмеистов возвратился в Петроград из Лондона в самом конце апреля), а возможно, просто съездил к ним: 7-м мая 1918 года помечен автограф стихотворения «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...», записанный в альбом другого царскосела — Валентина Кривича-Анненского.²⁰

В тот же день Мандельштам участвовал в мероприятии под названием «Утро о России» в Академии художеств, где прочел стихи «На страшной высоте блуждающий огонь...». Но окунаться в литературную или светскую жизнь вчерашней столицы не стал. Так, на 13 мая было анонсировано его участие в вечере петербургских поэтов на первом собрании общества «Арзамас», но Мандельштама на нем не было.²¹

Мандельштам явно торопился в Москву, но, когда именно он туда вернулся, мы не знаем. Известно только, что ночь с 20 на 21 мая поэт провел уже в «Метрополе» (он же, напомним, — Второй Дом Советов), куда он во второй (и в последний) раз поселился.

Первым июня датировано зачисление Мандельштама в Наркомпрос в качестве заведующего подотделом художественного развития учащихся в Отделе реформы школы с окладом 600 рублей. Наркомат занимал несколько зданий в столице: мандельштамовский отдел находился на Остоженке, 53. В качестве своего московского адреса поэт указал в анкете комнату 253 в гостинице «Метрополь».²²

Рекомендацию Мандельштаму-клерку написал сам Луначарский. Не исключено, что с подачи Горбунова, но похлопотать за поэта перед наркомом могли и другие, та же Лариса Рейснер-Раскольниковна, например. Развлекательный журнал «Свободный час» язвительно обозвал тогда Мандельштама «*молодым поэтом, пристроившимся в комиссариате*».²³

¹⁹ См.: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 51, ед. хр. 186.

²⁰ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ), ф. 5, оп. 1, д. 111, л. 122.

²¹ Сохранилась афиша вечера (РГАЛИ, ф. 993, оп. 1, д. 190).

²² ГАРФ, ф. А-2306, оп. 51, д. 180, л. 1.

²³ Ан. Для молодых лакеев // Свободный час. 1918. № 4. С. 16. Номер вышел в июле.

Но едва отработав свой первый месяц в наркомате, Мандельштам вдруг сорвался с места и отпросился в двухнедельный отпуск.

Что вдруг?

Ответ довольно прост. В первые июльские дни 1918 года приключился первый акт его знаменитого конфликта с 19-летним (sic!) Яковом Блюмкиным, новоиспеченным (всего-то с 7 мая) чекистом и будущим (уже 6 июля) убийцей германского посла Вильгельма фон Мирбаха, — конфликта многоактного, зафиксированного в многочисленных воспоминаниях.

Вот как эта история выглядит в показаниях от 10 июля Ф. Э. Дзержинского по делу об убийстве Мирбаха 6 июля: «За несколько дней, может быть, за неделю до покушения, я получил от Раскольниковца и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип (Блюмкин. — П. Н.) в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку — через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гр. Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор, но, если собеседнику нужна эта жизнь, он ее оставит и т. д. Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, если он кому-нибудь скажет о нем, он будет мстить всеми силами. <...> Фигура Блюмкина ввиду разоблачения его Раскольниковым и Мандельштамом сразу выяснилась как провокатора».²⁴

Тогда же, 10 июля, показания о Блюмкине дал другой эсер — эсер-максималист Петр Александрович Зайцев (партийная кличка «Цезарь»), сообщивший, что за несколько дней до этого видел Блюмкина в обществе анархиста Юрия Дубмана и поэта Осипа Мандельштама. При этом Блюмкин отвел Дубмана в сторону и сказал: «Мандельштам может проболтаться — он дурак, скажи ему...».²⁵

После столкновения с Блюмкиным Мандельштам, тоже большая культурная ценность, не на шутку испугался — и впал в состояние «истерии», как он позднее сам об этом выразится. Испросив на бегу двухнедельный отпуск на службе,²⁶ он убежал — и чуть не на целый месяц! — в Петроград. И даже там, по-видимому, Мандельштам не чувствовал себя в безопасности, раз начал искать себе схроны в петроградских окрестностях.

²⁴ См. в изд.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг.: Сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958. С. 154–155.

²⁵ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы: В 3 т. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2. Ч. 2: Июль — октябрь 1918 г. С. 771–772.

²⁶ *Котрелев*, 2017. С. 342, со ссылкой: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 6, д. 4, л. 258.

В Питере же, по всей видимости, он остановился в Аптекарском, у отца со средним братом. Младшего, Жени, в городе не было, ибо его летней «резиденцией» стал Белый Вал, куда радостно засобирался и Осип. Он даже предупредил о своем приезде 13 июля письмом,²⁷ но скорее всего задержался в городе еще на день, коль скоро 14 июля — возможно, в Царском Селе — виделся с Гумилевым, подарившим ему свой только что вышедший сборник «Костер» с дарственной надписью: «Дорогому Осипу Мандельштаму от Н. Гумилева. 14 июля 1918».²⁸

Но что же такое, собственно, этот Белый Вал — и при чем здесь Женя?

Перед революцией Евгений Эмильевич, тогда студент Политеха, был мобилизован в юнкера Михайловского артиллерийского училища. В ночь с 25 на 26 октября 1917 года вместе с батареей училища его, а также Леонида Каннегисера и Владимира Перельцвейга поставили защищать Зимний дворец! Юнкера, по словам Евгения, не сделали по штурмующим толпам ни единого выстрела: вместо этого они договорились с революционными солдатами Павловского полка, и те, приняв у них орудия, выпустили их из громимого дворца.

Новая, Советская, власть демобилизовала студентов, но возвращаться в Политех Женя уже расхотел. Опыт 1914 года с «Лазаретным комитетом» и 1917 года со студенческим отрядом Скорой помощи заронил в нем интерес к медицине и к профессии врача. Так что в самом начале 1918 года он поступил во Второй (бывший Женский) Медицинский институт, он же Санитарно-гигиенический, базировавшийся при Петропавловской больнице в Архиерейском переулке — той самой, в которой в 1916 году умирала их мать, Флора Осиповна Мандельштам.

В институте Женю тотчас же избрали в Совет старост и делегировали в аналогичный общегородской совет. Время было еще свободное, но уже голодное, и для смягчения продовольственной ситуации Женя организовал огородную студенческую артель, став ее председателем. В нее сразу же записалась чуть ли не тысяча нуждающихся медичек и медиков. Землю (40 десятин) и особняк под общежитие артели выделили в национализированном, но еще не утратившем своей живописности поместье Белый Вал в 18 верстах от Луги: «Большой помещичий дом с колоннами, характерными для русского ампира XIX века, располагался на берегу Черемнецкого озера, огромного, длиной около пятнадцати километров».²⁹

²⁷ Мандельштам Т. В. Студенческая артель в Белом Валу // Сохрани мою речь. М.: РГГУ, 2008. Вып. 4/1. С. 119.

²⁸ Сборник хранится в настоящее время в библиотеке РГАЛИ.

²⁹ ЕЭМ. С. 145.

Финансирование (кредитование) взял на себя Союз рабочих производственно-трудовых кооперативов (сокращенно «Производсоюз») под руководством гуталинного короля Брауде — «красивого человека с черной ассирийской бородой» и в вошедшей уже в моду кожаной куртке. Впрочем, у себя в Белом Валу Женя и сам косил под «комиссара», когда на коне и с наганом в кобуре выезжал на место очередной стычки артельщиков с монахами Черемнецкого монастыря, вооружившимися косами: и правда — на что им эти косы, если монастырские заливные луга городские агрокоммунары у них реквизируют?!³⁰

Здесь, в Белом Валу, Евгений Мандельштам встретил и полюбил Надю Дармолатову, осенью ставшую его женой: «Прошли десятилетия, я уже восьмидесятилетний старик, а в памяти живут эти первые дни супружества и ничем не замутненного счастья».³¹

Но и осчастливленный, Женя-председатель не забывал о своих братьях. Шуру он назначил представителем коммуны в Петрограде, а неожиданно заявившегося Осипа, к этому времени уже служившего и даже переехавшего в Москву, определил в полевую бригаду: «И вот среди белых косынок девушек появилась на поле фигура поэта О. Мандельштама — сугубо городского человека, абсолютно не приспособленного к такому труду ни физически, ни душевно. Осип с трудом, страшно уставая, выдержал три дня и, вконец измученный, уехал в Петроград».³²

После 6 июля — убийства Мирбаха и разгрома мятежа левых эсеров — Блюмкина простыл и след. Скрываясь в разных российских городах — Москве, Рыбинске и Кимрах, — он ушел на дно и вынырнул только в сентябре 1918 года на Украине, в левозеровском подполье. Командующего немецкими войсками на Украине генерал-фельдмаршала Германа фон Эйхгорна убили 30 июля без участия Блюмкина, зато в подготовку покушения на гетмана Скоропадского он включился по полной. Гетмана свергли в декабре, однако, целый и невредимый, он проследовал в середине декабря 1918 года в Германию вслед за немецкими войсками.

Исчезновение Блюмкина продолжало держать Мандельштама в напряжении и на расстоянии от Москвы. Но отпуск давно истек, страхи ослабли, и не возвращаться было уже нельзя.

Мандельштам отсутствовал весь июль³³ и, появившись на службе только в начале августа, столкнулся с недовольством и даже возмущением коллег.

³⁰ См. об этом: ЕЭМ. С. 144–146.

³¹ Там же. С. 146.

³² Там же.

³³ *Котрелев*, 2017. С. 342, со ссылкой: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 6, д. 4, л. 290–291.

7 августа 1918 года, согласно протоколу № 3 заседания Отдела, секретарь Отдела тов. Мыльниковая выступила с заявлением о недопустимом манкировании служащими своими обязанностями: заявление было принято к сведению. А 12 августа (протокол № 5) — по заявлению тов. Вольберга О. А.³⁴ — обсуждался вопрос о пользовании отпусками тт. Добровольским и Мандельштамом. Если Добровольским были предъявлены уважительные причины и свидетельства врача, то Мандельштам, судя по всему, не представил ничего. Тем не менее, было решено пригласить обоих на следующее заседание, поставив вопрос об их отпусках в повестку дня.

На следующий день, 13 августа (протокол № 6), Мандельштам представил свои объяснения: «В начале июля я захворал истерией. По получении отпуска я уехал домой. Чувствуя себя плохо, я к 15 июля передал товарищу просьбу довести до сведения коллегии о просьбе моей освободить меня от занятий еще немного времени. Товарищ пробыл две недели в дороге и не сообщил в Комиссариат о моем нездоровье. Единственно, в чем виноват я, — это в неофициальном осведомлении коллегии о причинах моей неявки. Но, согласно заявлению тов. Пантелеймона Николаевича [Лепешинского], свидетельства пользовавших меня врачей я не представил».³⁵

Тов. Полянский счел, что раз разрешение на отпуск исходит от Пантелеймонова, то, следовательно, и вся ответственность ложится на него. После чего с соломоновой мудростью было постановлено считать вопрос выясненным и исчерпанным.

Между тем череда июньских (Володарский, 20 июня) и июльских (Мирбах, 6 июля; Эйхгорн, 30 июля) терактов и убийств продолжилась в августе. 30 августа можно было бы и вовсе провозгласить Днем террориста: Фанни Каплан стреляла в этот день в Москве, на заводе Михельсона, в Ленина, а Леонид Каннегисер — дальний родственник Мандельштамов — убил в Петрограде председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого. (Впрочем, главным террористом неизменно была сама ВЧК: 21 августа, среди многих прочих, был расстрелян Владимир Перельцвейг — тот самый, кто вместе с Каннегисером и Женей Мандельштамом был юнкером Михайловского училища и стоял в обороне Временного правительства от большевиков.) На Дворцовую площадь, где находилась тогда ВЧК, Каннегисер прикатил на велосипеде, облачившись в кожаную куртку, напоминающую чекистскую. Урицкий же в этот день припозднился. Как только он вошел в парадное, Каннегисер соскочил с подоконника и нажал на курок. В ночь на 1 сентября в качестве родственника Каннегисера был арестован переводчик Исай Бенедиктович

³⁴ Заведующий Математическим подотделом.

³⁵ *Котрелев*, 2017. С. 342.

Мандельштам: он содержался в Дерябинских казармах и был освобожден только через четыре месяца следствия.

А 5 сентября 1918 года ВЧК официально объявила переход к «Большому Террору 1.0», с захватами и расстрелами заложников.

В Наркомпросе: осень 1918 года

Упоминания Мандельштама в документации Наркомпроса продолжают в сентябре — месяце, начиная с которого ему повысили оклад: с 600 до 750, а затем — до 1240 рублей.³⁶ 2 сентября Мандельштам получил удостоверение от Наркомпроса в том, что он «состоит заведующим Подотдела Художественного Воспитания при Отделе Реформы школы».³⁷

Пик служебной активности Мандельштама пришелся на последний квартал 1918 года.

5 октября он выступил на заседании Государственной комиссии по просвещению по вопросам об утверждении положений об учительских семинариях и учительских институтах. Вот цитата из протокола:

«Тов. Мандельштам (представитель подотдела художественного воспитания) указывает на важность введения в предметы преподавания искусства, но таким образом, чтобы преподавание его имело скорей характер практический, а не чисто теоретический, как это намечается в предлагаемом проекте. Воспитанники должны сами обучаться начаткам искусства, в особенности это важно для будущих народных учителей, которые в силу специфических условий их работы должны являться энциклопедистами в преподавании искусств».³⁸

16 октября имя Мандельштама всплывает в отчете эмиссара Московского библиотечного отдела Наркомпроса П. Г. Богатырева от 1918 года об осмотре библиотеки члена Юридического общества и издателя С. И. Сахарова. Богатырев отмечает, что приобрел у Сахарова латиноязычное издание «*Legenda Aurea*» Якобуса де Воррагине³⁹ — в связи с тем,

³⁶ ГАРФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 271, л. 116–126.

³⁷ *Котрелев*, 2017. С. 335; со ссылкой: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 51, ед. хр. 180, л. 4.

³⁸ Архив новейшей истории России. М.: РОССПЭН, 2012. Т. XII: Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3 кн. Кн. 1: Октябрь 1917–1918 г. С. 647 (со ссылкой на: ГАРФ, ф. А-2307, оп. 2, д. 531, л. 77–78).

³⁹ Очевидно, имеется в виду «Золотая легенда» — сборник католических житий святых, созданный доминиканским монахом Иаковом Воррагинским (XIII в.). Его первый перевод на русский язык вышел в 2015–2016 гг.

что он планирует издать русский перевод этой книги, якобы сделанный поэтом Мандельштамом.⁴⁰ Конечно, хочется думать, что имеется в виду именно Осип Эмилевич — и что мы столкнулись тут с утерянным переводом, быть может, гениальным! Но как тогда быть с тем, что Мандельштам латыни, в сущности, не знал? Как не знал ее, впрочем (и никогда с латыни не переводил), другой известный переводчик с той же фамилией — Исай Бенедиктович...

20 октября Мандельштам посетил Блока, записавшего впоследствии в дневнике: «Он говорил много декадентских вещей, а в сущности, ему нужно было, чтобы я устроил ему аванс у Горького, чего я сделать не мог. Интересен рассказ об убийце Мирбаха».⁴¹

29 октября Мандельштам принял участие в заседании коллегии Отдела реформы школы Наркомпроса, посвященном вопросу об инструкторских курсах изобразительных искусств.⁴² 4 ноября он получил обновленное удостоверение личности в Наркомпросе — вместе с выдержкой из постановления Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов о защите совслужащих от реквизиции квартир и имущества.⁴³

В «Хронике Отдела реформы школы» за № 2, в разделе «Подотдел эстетического развития»,⁴⁴ отмечено, что 10 ноября состоялось заседание коллегии *ритмистов*, на котором обсуждались доклады, подготовленные Н. Г. Александровой и О. Э. Мандельштамом для прочтения в Коллегии Наркомпроса.

11 ноября, сопредседательствуя на совместном заседании своего подотдела эстетического развития и литературно-издательского подотдела, Мандельштам предложил к изданию или переизданию несколько книг, в том числе и по ритмике. Цитирую протокол:

«4. т. Мандельштам предлагает издать в 1-ю очередь: а) книгу Д. А. Колодца “Детские игры”.⁴⁵ Для рядового учителя 1-й ступени эта книга быть может окажется несколько трудной, так же, как и для учащегося 2-й ступени, но она дойдет до них путем популярных рефератов. Для учителей же 2-й ступени эта книга является незаменимым пособи-

⁴⁰ См.: История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы, 1918–1920. М.: Книга, 1975. С. 105.

⁴¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, ф. 654, оп. 1, д. 364, л. 150 об.

⁴² *Котрелев*, 2017. С. 343–344, со ссылкой: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 23, д. 20, л. 1–2.

⁴³ Там же. С. 336–337, со ссылкой: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 51, д. 180, л. 5.

⁴⁴ ГАРФ, ф. Р-2306, оп. 6, д. 5, л. 7 об.

⁴⁵ Выходила в Москве в 1909 г.

ем — она дает биологическую и социологическую основы, а также имеет воспитательное значение детской игры. При обилии примеров естественнонаучного характера она отличается большой интимностью и любовью к детям; б) книгу Кейра “Детские игры. Исследование о творческом воображении у детей”, в которой заключается много элементов творческой иллюзии, элементов воображения; имеется много ссылок на Толстого, что делает ее особенно приятной для русской школы; в) Н. Н. Бахтин “Театр и его роль в воспитании” (глава из части “В помощь семье и школе”). Этот труд является миниатюрной <...> энциклопедией русского театра.

5. т. Мандельштам предлагает переиздать книгу С. М. Волконского “Выразительный человек”,⁴⁶ которая является очень важным трудом по вопросам ритмического воспитания, и книгу А. Долинова “Практическое руководство к художественному чтению”:⁴⁷ труд А. И. Долинова является, по мнению т. Мандельштама, единственным по данному вопросу, но нуждается в некоторых изменениях, главным образом в отделе хрестоматии».⁴⁸

В связи с книгой Колодци следует упомянуть один из немногих отголосков периодики на бюрократическую деятельность Мандельштама в Наркомпросе — хроникальную заметку в смоленском альманахе «Зори»: «Поэт Мандельштам работает над приобщением детей и школы к искусству. Жизнь ребенка должна быть красивой сказкой в гармонии труда с искусством».⁴⁹

О сюжете же с книгой Волконского сохранилось собственное — и выразительное — свидетельство ее автора: «Деятельность советского правительства проходит под знаком творчества». Так мне сказал один юный поэт, сам служивший в Наркомпросе, как раз в том подотделе “реформы школы”, который заказал мне книгу по искусству чтения. Это было осенью 1918 года, когда я только приехал в Москву. Мы обедали в одном заведении, называвшемся “Алатр”, на Тверской, во дворе бывшего дома Фальцфейна. <...> Итак, молодой поэт уверял меня, что “деятельность советского правительства проходит под знаком творчества”. В то время всякая деятельность проходила под каким-нибудь “знаком”, всё равно как всякий вопрос рассматривался в какой-нибудь “плоско-

⁴⁶ Волконский С. Выразительное слово. СПб.: Тип. «Сириус», 1913.

⁴⁷ Вышла в Петрограде в 1916 г.

⁴⁸ Котрелев, 2017. С. 345; со ссылкой: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 6, д. 4, л. 240–243.

⁴⁹ Т. Е. Художественная летопись // Зори: Литературный альманах. Смоленск, 1918. № 1/2. С. 21 второй нумерации. Номер вышел не ранее декабря.

сти”. Мой юный поэт искренно верил в искренность начинаний того подотдела наркомпроса, куда ходил каждый день на службу; там, действительно, были люди очень милые, когда-то получившие образование, горевшие замыслами, новизной... Но, как пример того, что всё это стоило, расскажу историю моей рукописи. Мне было объявлено, что она будет печататься в Москве, что корректурные листы будут присылаться мне и что первые листы я получу через два месяца. Через четыре месяца я обратился в подотдел — спросить, почему я не получаю корректуры? Мне отвечают, что рукопись послана в Петербург для печатания... Через полгода новый запрос — и тот же ответ. Через год пишу Луначарскому письмо, в котором прошу сделать распоряжение о возвращении мне рукописи, нужной мне для внесения некоторых поправок и вставок. Получаю от канцелярии ответ, словесный, что, где моя рукопись, неизвестно. Можно ли справиться в подотделе? Этот подотдел уже не существует. Может быть, можно спросить у кого-нибудь из служивших в то время? Никого из них нет. Может быть, известен адрес? Адрес ничей не известен, да и люди те уже не в Москве. И в самом деле: одного из принявших мою рукопись я встретил через два года на Пречистенском бульваре, выходя как-то из столовой Екатерины Ивановны, — он приехал на несколько дней из Харькова; другого я видел в Париже, когда был там после моего бегства. Оба с интересом спрашивались о моей книге: они не были виноваты, — никто никогда не был виноват...».⁵⁰

Начатое 10 ноября обсуждение мандельштамовского доклада (а вот и его название: «Общественное значение ритмики и роль ритма в искусстве») — было продолжено 19 ноября.⁵¹ Незадолго до этого, 16 ноября, Мандельштам выступил на заседании коллегии с проектом сметы Института физического (ритмического) воспитания, причем смету утвердили и даже препроводили в финансовый отдел.

3 декабря под председательством Мандельштама состоялось заседание коллегии секции эстетического развития, в котором кроме него участвовали также Б. Л. Лопатинский,⁵² С. Г. Вышеславцева и Е. Г. Белый, секретарь секции. В повестке дня — вопрос о составлении брошюр и сборника по ритмическому воспитанию.

Вот выдержки из этого протокола:

«С. Г. Вышеславцева предлагает приступить немедленно к составлению и изданию серии популярных брошюр (в 1—2 печ. листа) по во-

⁵⁰ Волконский С. М. Воспоминания: В 2 т. М.: «Захаров», 2004. Т. 2: Родина. Быт и бытие. С. 304—306.

⁵¹ Котрелев, 2017. С. 349; со ссылкой: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 6, д. 7, л. 7 об.—8.

⁵² Лопатинский Борис Львович (1881—1946), художник-«мирикусник»; см.: Н. М. Т. 1. С. 709.

просам ритмики под общим названием: “Ритмическое воспитание”. Кроме того, С. Г. Вышеславцева предлагает составить в ближайшее время сборник под названием “Ритм”, куда войдут оригинальные и специально для этого сборника написанные статьи разных авторов, главным образом по вопросу о роли и значении ритма для общих задач современной жизни, искусства и воспитания. Желательно участие в сборнике А. В. Луначарского. Было постановлено, что Мандельштам займется редактированием сборника “Ритм”». ⁵³

3 декабря Мандельштам снова выступает в наркомате, включившись в обсуждение доклада тов. Вольберга «Предметы в трудовой школе», сделанного им 30 ноября. Докладчик говорил о невозможности сгруппировать образовательную работу в школе вокруг трудовых заданий без ущерба для тех и других (иными словами — о практической невозможности синтеза труда и знаний) и об угрозе для школьников лишиться культурных ценностей, если они не будут эмансипированы от ценностей материальных.

Точка же зрения Мандельштама была другой: «Утопия думать, что человек, предоставленный самому себе, в естественных условиях может развиваться только благодаря своим внутренним стимулам. Вырастающее поколение противостоит всей уже существующей культуре, и задача старого поколения — воспитать новое. Но чтобы не было случайностей и насилия в воспитании, необходимы гарантии некоторой объективности, гарантии того, что каждый пройденный этап культуры наложит свою законченную печать на это поколение. Гарантия такой объективности есть наука, а потому науку как таковую нельзя и вредно от школы отнимать». ⁵⁴

16 декабря был заслушан доклад члена Коллегии Наркомпроса Валерия Марковича Познера «Об учреждении Центрального Института Ритмического Воспитания», после чего постановили: «а) Признать желательным немедленное приступление к подготовительным работам по организации Института Ритмического Воспитания. б) Инициаторам этого, в лице т.т. Мандельштам и Александровой, поручить немедленно вступить в переговоры с Жилищной Комиссией и Канцелярией Податных Инспекторов об освобождении особняка Фирсановой на Пречистенке. Им же поручается представить подробную смету на рассмотрение Коллегии Наркомпроса. в) Отделу Реформы Школы поручить просмотреть программу преподавания в Институте Ритмического Воспитания с точки зрения пополнения ее естественно-научными дисциплинами. г) Предложить Комиссариату Здравоохранения делегировать специалистов в состав администрации Института. д) Выдать т.т. Ман-

⁵³ ГАРФ, ф. А-2306, оп. 6, д. 4, л. 210—210 об.

⁵⁴ Там же, л. 212—215.

дельштам и Александровой 25.000 рублей из сумм § 7 на организационные расходы под контроль Отдела Реформы Школы. е) Временно причислить Институт Ритмического Воспитания к Отделу Реформы Школы, предложив последнему выяснить в 2-х месячный срок вопрос о том, к какому Отделу Комиссариата должен быть причислен Институт». ⁵⁵

Следует обратить внимание на местонахождение особняка Фирсановой — на Пречистенке (на самом деле — на Пречистенской набережной, 31). ⁵⁶ То есть поблизости от здания Наркомпроса, в котором работал Мандельштам (Пречистенка, 53). Да Мандельштам и сам жил на Пречистенке — в доме 24, в квартире 5. ⁵⁷

Post scriptum. Перескок в 1919 год и на Украину

Еще 2 декабря 1918 года Отдел реформы школы обращался в мобилизационный стол наркомата с ходатайством за № 1013 об освобождении Мандельштама от военной службы. И вот 10 января 1919 года пришел ответ — и ответ отрицательный. ⁵⁸

Меньше всего Осип Эмильевич стремился оказаться в армии — в какой бы то ни было, в любой. Между тем ответ мобилизационного стола означал, что Мандельштаму в Наркомпросе уже присвоен мобилизационный учетный номер. Так что, с этой точки зрения, оставаться в Наркомпросе было рискованно, и трудно не согласиться с Н. В. Котрелевым, предположившим, что «...отъезд Мандельштама из Москвы в начале 1919 г. объясняется именно тем, что он подлежал безусловной мобилизации в армию, — в этом случае оставаться там, где на него был заведен актуальный учетный номер, было нежелательно». ⁵⁹ Тому же риску подвергался и Шура, средний брат Мандельштама, родившийся в 1892 году.

⁵⁵ Котрелев, 2017. С. 352.

⁵⁶ Там же. С. 363.

⁵⁷ Этот адрес указан в списке членов Московского профессионального Союза писателей, в который Мандельштам, уплатив вступительный взнос, вступил 21 декабря 1918 г. (см.: *Субботин С. И.* О составе Московского профессионального союза писателей (1919) и Всероссийского профессионального союза писателей (1920) // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 188; со ссылкой на: Отдел рукописей Института мировой литературы РАН, ф. 157, оп. 1, д. 400, л. 15).

⁵⁸ ГАРФ, ф. А-2306, оп. 36, д. 18, л. 54, 55 (сообщено Н. В. Котрелевым).

⁵⁹ Цитата из раннего (расширенного) варианта статьи Н. В. Котрелева о Мандельштаме в Наркомпросе (готовился для публикации в Мандельштамовском альманахе «Сохрани мою речь»).

У Осипа, возможно, был и еще один риск — политический. В ночь с 11 на 12 февраля, после налета на помещение ЦК партии левых эсеров, ВЧК начала новую мощную волну репрессий против вчерашних союзников. Тогда были арестованы Р. Иванов-Разумник, А. Ремизов, А. Блок и другие писатели, сотрудничавшие с эсерами. Сотрудничал с ними, льнул к ним и Мандельштам, активно печатавшийся именно в их газетах, особенно в «Знамени труда».

Так что репрессии могли бы затронуть и Мандельштама. Но на этот раз беда обошла поэта стороной.

Последняя зарплата, которую Мандельштам получил в Наркомпро-се, была за первую половину января 1919 года⁶⁰. Где-то на стыке января и февраля из голодной и промозглой московской зимы Осип и Шура благополучно перебрались на тучные украинские юга́.

С отъездом Осипу, как писала Надежда Мандельштам, помог большевистский деятель по фамилии Малкин с совпадающими с мандельштамовскими датами жизни и смерти. Борис Федорович (Берко Хаймович) Малкин (1891, Пенза — 1938, Коммунарка) еще осенью 1917 года входил в руководство партии левых эсеров, но после разгрома мятежа 6 июля он прозорливо переметнулся к большевикам. После чего стал заведующим Центропечатью (Центральным агентством по распространению печати при ВЦИК), в каком-то качестве он, вероятно, и снабдил Мандельштама документами и поручениями. Мало того: он «добыл для Мандельштама ордер на заказной костюм, что тогда было очень трудно... Еще он отвалил ему кучу бумажных денег, резко выросших в стоимости на Украине. В Киев Мандельштам привез только остатки богатства, растратив почти всё в Харькове. <...> Но и остатка бумажного золота хватило на множество пирожков с вишнями и телячьих отбивных. <...> Мандельштам уже успел за месяц жизни в Харькове отъесться после московской голодовки» (Н. М. Т. 2. С. 323).

Так или иначе, уже 19 февраля Мандельштам был в Харькове, где стал членом Всеукраинского Литературного комитета и заведующим его поэтической секцией.⁶¹

Ритм и социум

Но вернемся к мандельштамовским «меморандумам» 1918 года.

Сведениями о выходе сборника «Ритм» мы не располагаем, но статья для него (она же — прочитанный 10 ноября доклад «Общественное

⁶⁰ Котрелев, 2017. С. 331.

⁶¹ См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев), ф. 166, д. 622, л. 58.

значение ритмики и роль ритма в искусстве») Мандельштамом была написана. И это, вне всяких сомнений, — статья «Государство и ритм», впервые опубликованная уже после крымско-грузинской эпопеи поэта в харьковском журнале «Пути творчества», в № 6—7 за 1920 год.

После статей Волконского с названиями типа «Человек и ритм», «Ритм в сценических искусствах» статья под броским названием «Государство и ритм» представима уже несколько легче. Ожидаешь ли увидеть автором такой статьи Мандельштама? Как-то не очень. Тем не менее, автор — именно он, Осип Мандельштам, и, упоминая в статье Далькроза, он явно имел представление о его системе.

Но и «как-то не очень» оправданно. Написанная в 1918 году статья — социологическая и по предмету, и по пафосу — заметно выпадает из общего тематического репертуара текстов поэта, нечасто выходившего за рамки литературы и искусства.

Вот ее текст:

Государство и ритм

Организовывая общество, поднимая его из хаоса до стройности органического бытия, мы склонны забывать, что личность должна быть организована прежде всего. Аморфный, бесформенный человек, неорганизованная личность есть величайший враг общества. В сущности, всё наше воспитание, как его понимает наше молодое государство в лице Народного комиссариата по просвещению, есть организация личности. Социальное воспитание подготавливает синтез человека и общества в коллективе. Коллектива еще нет. Он должен родиться. Коллективизм возник раньше коллектива. И если социальное воспитание не придет к нему на помощь, нам угрожает опасность остаться с коллективизмом без коллектива.

В настоящую минуту мы видим перед собой воспитателей-ритмистов, пока еще слабых и одиноких, предлагающих государству могущественное средство, завещанное им гармоническими веками: ритм как орудие социального воспитания. Мне представляется глубоко поучительным, что эти руки протянуты сейчас с надеждой к государству. Они возвращают ему то, что принадлежит ему по праву. Верный инстинкт подсказывает им, что ритмическое воспитание должно стать государственным. Они повинуются внутреннему голосу своей педагогической совести и находятся сейчас почти у цели: в нашей власти помочь им достигнуть этой цели или отбросить их далеко назад.

Что общего между государством и женщинами и детьми, исполняющими ритмические упражнения, между суровыми пре-

градами, которые ставит нам грубая жизнь, и той шелковой веревочкой, которая протягивается во время этих грациозных упражнений? Здесь готовят победителей — вот в чем заключается эта связь. Детям, которые сумели так перепрыгнуть через тесьму, не страшны никакие социальные преграды. Они господа своего усилия. Они сумели соразмерить напряжение своих мускулов во время бега с трудностью препятствий. Трудность задачи может непомерно возрасти. Навык ритмического воспитания остается. Он неискореним, он присутствует и в мирной обстановке гражданского очага, и в военной буре, он всюду, где человеческое усилие побеждает сопротивление, он всюду, где нужны победители.

Новое общество держится солидарностью и ритмом. Солидарность — согласие в цели. Необходимо еще согласие в действии. Согласие в действии само по себе есть уже ритм. Он сошел, как огненный язык, на ее голову. Нужно его закрепить навсегда. Солидарность и ритмичность — это количество и качество социальной энергии. Солидарна масса. Ритмичен только коллектив. И разве не устарело это понятие массы, это чисто количественное измерение социальной энергии, разве оно не из потерянного рая сборщиков голосов?

История знает два возрождения: первый ренессанс во имя личности, второй — во имя коллектива. Тяготение нашей эпохи к гуманизму сказалось в этом ренессансном его характере, но гуманистические интересы пришли в нашу эпоху как бы освещенные морской пеной. Те же идеи, но покрытые здоровым загаром и пропитанные солью революции.

Наблюдая и сравнивая школьную реформу в новой России с «Реформой Школы» первого гуманистического ренессанса, бросается в глаза преодоление филологии. Тот раз филология выиграла и сделалась надолго фундаментом общего воспитания: в этот раз интересы филологии определенно пострадали, с этим никто не станет спорить. Филологическое оскудение школы, которого следует ожидать в ближайшем будущем, в значительной степени плод сознательной школьной политики, это неизбежное следствие нашей реформы; отчасти в этом ее дух. Однако антифилологический характер нашей эпохи не мешает считать ее гуманистической, поскольку она возвращает нам самого человека, человека в движении, человека в пространстве и времени, — ритмического, выразительного человека.

Итак, с одной стороны филологическое предательство, с другой — увлечение человеком в системе Жака Далькроза и в новой

философии. Над нами варварское небо, и все-таки мы эллины. Однако увлечение человеком в системе Далькроза не имеет ничего общего с эстетической идеализацией. Вообще эстетизм совершенно чужд системе и является случайным налетом, благодаря моде Хеллерау у европейской и американской буржуазии. Скорее, нежели эстетизм, системе свойственен дух геометричности и строгого рационализма: человек, пространство, время, движение — четыре основных ее элемента.

Но чему же удивляться, если ритм, на целое столетие изгнанный из общежития, вернулся более анемичным и отвлеченным, нежели он был в Элладе на самом деле. Нет никакой системы Далькроза. Его открытие принадлежит к числу гениальных находок, вроде открытия пороха или силы пара. Раз сила найдена, она должна развиваться сама по себе. Имя изобретателя может быть забыто ради ясности принципа, хотя ученики не хотят с этим примириться. Если ритмическому воспитанию суждено стать народным, произойдет чудо претворения отвлеченной системы в плоть народа. Там, где вчера была только схема, — завтра запестреют ткани хоровода и послышится песня. Школа идет впереди жизни. Школа лепит жизнь по своему образу и подобию. Ритмичность школьного года определяется ударениями, выпадающими на праздники школьной олимпиады, вдохновителем и организатором которой будет ритм. На этих праздниках мы увидим новое, ритмически-воспитанное поколение, свободно изъясляющее свою волю, свою радость и печаль.

Значение гармонических, одушевленных общей идеей, всенародных ритмических выступлений бесконечно велико для творчества будущей истории. До сих пор история творилась бессознательно, в муках случайностей и слепой борьбы. Сознательное творчество истории, ее рождение из праздника как изъяснение творческой воли народа — отныне неприкасаемое право человечества. В будущем обществе социальная игра займет место социальных противоречий и явится тем ферментом, тем бродильным началом, которое обеспечивает органическое цветение культуры.

Итак, как ни благоприятно ритмическое воспитание для эстетического развития, как ни благодарны будут нам все музы за введение ритмики в школьную программу, — ритмика еще не эстетика. Но еще более неправильно считать ее гигиеной, гимнастикой. Ритм требует синтеза, синтеза духа и тела, синтеза работы и игры. Он родился из синкретизма, то есть из слиянно-

го существования недифференцированных элементов. Но прежде, чем они воссоединились, прежде, чем окрепла наша молодая монистическая культура, не тяните ритмику ни в ту, ни в другую сторону, не сватайте ее ни за физическую культуру, ни за психологию, ни за трудовые процессы. Наше тело, наш труд, наша наука еще не таковы, чтобы принять в себя без оговорок ритм. Мы еще должны подготовиться к его приятию.

Дайте же ритмике занять то промежуточное, самостоятельное положение, какое подобает социальной силе, проснувшейся от продолжительной летаргии и еще не овладевшей всеми своими возможностями.⁶²

Удивительно сознавать, что этот текст — не столько всплеск прогосударственной социальности у поэта Мандельштама, сколько казенная служебная записка клерка средней руки, написанная по линии службы упомянутого поэта в Наркомпросе. Написанная в вульгарно-социологическом ключе, но не в марксистском, а в далькрозовском духе, при этом — с привлечением «ресурсов» Мандельштама-поэта и оплодотворенная своеобразной поэтикой революции самого Мандельштама.

Спустя десять лет, отвечая на анкету «Поэт и революция», Мандельштам, имея в виду и свой 1918 год, произнес загадочные слова: «Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня “биографию”, ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту. <...> Чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она пока что не нуждается» (О. М. Т. 2. С. 496).

В сущности, это попытка привить азы далькрозовой ритмики марксову социуму и ленинскому политикуму. Попытка столь же наивная, сколь и трогательная.

Но, что самое удивительное, — успешная! Поскольку ритмика — как учебная дисциплина, развивающая у детей чувство ритма, — была, насколько я помню свою школу на набережной Мориса Тореза в 1960-е годы, была представлена в советской школьной программе одним скромным уроком в неделю, но представлена же!

Проходили занятия в актовом зале, и все эти ритмические движения и упражнения, не говоря уже о разучиваемых танцах, вкрадчиво и незаметно взрыхляли детское сознание, исподволь разрабатывая открытость к эстетическому восприятию если не всего мира, то хотя бы хореографических кунштштюков. Лично у меня, если только я себе не льщу, была твердая четверка!

⁶² Цит. по: О. М. Т. 2. С. 208—211.

Слово и культура

Статья «Слово и культура», увидевшая свет в 1921 году, хоть и дальше по времени от «меморандума», но как-то ближе и горячее по градусу своего прожектерства.

Там — отчетливый тезис: «...отделение культуры от государства — наиболее значительное событие нашей революции. Процесс обмирщения государственности не остановился на отделении церкви от государства, как его понимала Французская революция. Социальный переворот принес более глубокую секуляризацию. Государство ныне проявляет к культуре то своеобразное отношение, которое лучше всего передает термин “терпимость”. Но в то же время намечается и органический тип новых взаимоотношений, связывающий государство с культурой, наподобие того, как удельные князья были связаны с монастырями. Князья держали монастыри для совета. Этим всё сказано. Внеположность государства по отношению к культурным ценностям ставит его в полную зависимость от культуры. Культурные ценности окрашивают государственность, сообщают ей цвет, форму и, если хотите, даже пол. Надписи на государственных зданиях, гробницах, воротах страхуют государство от разрушения временем.

Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днем, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времен. Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму. <...>

Классическая поэзия — поэзия революции». ⁶³

Вот так! Оставалось только нацепить шевроны с Пушкиным и выступить на Малом Совнаркоме с такими примерно лозунгами: «Вся власть поэзии! Вся власть поэтам!..»

То, что сам строй этих мыслей был Мандельштаму не чужд и обнаруживал себя именно в 1918 году, засвидетельствовано в филиппиках Марины Цветаевой и Ильи Эренбурга. В черновике статьи 1926 года «Мой ответ Осипу Мандельштаму» Цветаева припечатала Мандельштама так: «Если бы Вы были мужем, а не “...”, Мандельштам, Вы бы не лепетали бы тогда в 18 г. об “удельно-княжеском периоде” и новом Кремле, Вы бы взяли винтовку в руки и пошли сражаться». ⁶⁴

Этих слов Мандельштам хотя бы не видел. Но еще горше были слова Эренбурга о большевистских идеях Мандельштама, к тому же напечатанные. Его статья о Мандельштаме — «Стилистическая ошибка» — вышла в газете «Возрождение» 5 июня:

⁶³ О. М. Т. 1. С. 213, 216.

⁶⁴ Цит. по: Здесь и теперь. 1992. № 2. С. 223.

«Недавно в одном литературном салоне некий небезызвестный поэт, безукоризненный эстет из “Аполлона”, с жаром излагал свои большевистские идеи. <...> Окончив большевистскую прозу, поэт перешел к стихам; здесь-то и произошло некоторое замешательство. Среди прочих стихотворений оказалась хвалебная ода Керенскому. Герои поэта — большевики — в оном произведении именовались “октябрьскими жалкими временщиками”. Здесь, каюсь, и я удивился и даже полюбопытствовал: — Когда вы написали это стихотворение? — Зимой, в ноябре. — Значит, вы с тех пор изволили переменить ваши убеждения? — Нет! (Сие с достоинством). — А “временщики”? — Это... Но это — стилистическая ошибка...».⁶⁵

Что Эренбург имел в виду под большевистской прозой, сказать не просто. Если какой-то набросок «Слова и культуры», то высказанная в нем претензия культуры заменить собой после революции религию, заменить так, что государство будет ходить к культуре за советом, как раньше ходило в монастыри, то что же в них большевистского? Текста же «Государства и ритма» в июне еще не было и в зачатке.

Но каким бы ни был в действительности прототекст «меморандума» — «Государством и ритмом» или «Словом и культурой», — горбуновская реакция («не в руки Ленину, но в архив», то есть в урну) совершенно логична: Ленину читать такое было еще более нелепо, чем Мандельштаму Ленина.

⁶⁵ С ответом Эренбургу выступил С. А. Ауслендер, назвавший пассаж о Мандельштаме «доносом»; см. его статью: Литературная демагогия // Жизнь. 1918. 11 июня. Дальнейшую полемику см.: Ауслендер С. Моим возражателям // Там же. 18 июня. С. 4. На выступления Ауслендера последовал отклик: Ан. Для молодых лакеев // Свободный час. 1918. № 4. С. 16.

Экспорт романтики

Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.

Михаил Светлов

С момента публикации повести Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» (1964) в обиходе появилось слово «прогрессор». Её авторы Стругацкие придумали Институт экспериментальной истории, который ускоряет эволюцию общества на других планетах. Этим занимаются коммунистические *прогрессоры*, и один из них говорит с как бы средневековым книжником. Книжник (его зовут Будах) просит неведомого бога, чтобы тот дал людям волю мяса и хлеба. Землянин отвечает, что сильные отберут у слабых то, что им дано, и ничего не изменится. Книжник просит вразумить жестоких правителей, на это ему говорят, что из слабых получатся новые жестокие правители — и их придется снова карать. Изобилие тоже не поможет, потому что люди «забывают труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно». ¹ Тогда книжник просит переделать людей, и оказывается, что такая идея у прогрессоров была: они хо-

¹ Герой другой повести братьев Стругацких, «Попытка к бегству» (1962), говорит в аналогичной ситуации: «Вы обрушите изобилие на потомственного раба, на природного эгоиста. И знаете, что у вас получится? Либо ваша колония превратится в няньку при разжиревших бездельниках, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности, либо здесь найдется энергичный мерзавец, который с помощью ваших же глайдеров, скорчеров и всяких других средств вышибет вас вон с этой планеты, а всё изобилие подгребет себе под седалище, и история все-таки двинется своим естественным путем» (Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica, 2001. Т. 3. С. 85).

тели поставить гипноизлучатели на спутниках. Но тогда человечество лишится истории, и это — всё равно что стереть человечество с лица земли и создать на его месте новое. Тогда «Будах тихо проговорил:

— Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце мое полно жалости, — медленно сказал Румата. — Я не могу этого сделать».² (Жалость тут — прямое следствие романтического восприятия мира.) В этот момент глава заканчивается, меж тем всякого книжника тянет спросить, отчего нельзя оставить чужой дом, чужую жизнь, чужую цивилизацию в покое. То есть сам вопрос ускорения развития не ставится, модернизация кажется героям обязательной.

В одной из поздних книг Стругацких состарившийся прогрессор говорит: «Признаюсь совершенно откровенно: я не люблю Прогрессоров, хотя сам был, по-видимому, одним из первых Прогрессоров еще в те времена, когда это понятие употреблялось только в теоретических выкладках. Впрочем, надо сказать, что в своем отношении к Прогрессорам я не оригинален. Это не удивительно: подавляющее большинство землян органически не способно понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они меня, либо я их, и некогда разбираться, кто в своем праве. Для нормального землянина это звучит дико, и я его понимаю, я ведь сам был таким».³

Общество платит за это превращение романтики в воспитательную жестокость соответственно: «Никто не любит Прогрессоров, — пробормотал Горбовский. — Даже сами Прогрессоры».⁴

В рамках этой концепции всегда существует два мира — «правильный» и «недостаточно правильный» — и обсуждается вопрос не оправданности гуманитарной интервенции, а ее методов.

Надо сделать отступление, чтобы пояснить типологию фантастического сюжета с двумя такими локациями. Мотор такого сюжета, то самое допущение невероятного, чаще связан с путешествиями во времени, а не с изменением географической координаты. Альтернативная история обсуждается постоянно, иногда становится реальностью, но альтернативная география — вещь тоже не новая, и «Остров Крым» Аксенова, роман о полуострове, превращенном в остров и оттого прожившем совершенно другую жизнь, был написан еще в 1979 году. Потом появи-

² Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 3. С. 321.

³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Текст, 1994. Т. 8. С. 412.

⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 8. С. 293.

лось множество текстов, где физическая карта мира выглядела иначе, что привело к естественным политическим новостям (это простые конструкции), или книг о совмещенных в одном пространстве городах, как у Мьевеля в *The City & the City* (2009) (это конструкции более интересные).

В совсем давние времена рассказ о необычайном происходил следующим образом: нам показывали путешественника, что приходил в гостиницу и рассказывал хозяину-бармену истории о том, что видел.

Сперва странники оставляли чужой мир как есть (прогресс не импортировался и не экспортировался), но со временем стали преобладать сюжеты, в которых пространство утопии или дистопии разрушалось. Это как-то объясняло читателю, отчего мир вокруг него не изменился. Герои эвакуировались из зоны поражения в последний момент, прихватив (или не прихватив) с собой местную красотку — всё, что осталось от причудливого общества. И только потом появилась идея гуманитарного преобразования чужого мира, живущего недостаточно правильно.

Это желание было совершенно естественным для советской фантастики, и вот почему. Всякая состоявшаяся империя похожа на паровой котел с крепкими стенками, в котором кипят романтические идеи. Когда они перестают кипеть, котел остывает и разваливается, а за ним и сама империя. Но время от времени в таком котле нужно стравливать давление и выпускать романтику — лучше вовне.

Молодые люди (и авторы) интуитивно понимают, что романтика дома кончилась, и нужно ее найти в другом географическом пространстве. В мирной литературе реалистического толка герои второй половины прошлого века считали, что настоящая романтика находится севернее и восточнее их собственной координаты. В знаменитом «Звездном билете» (1961) Василия Аксенова героям-подросткам люди постарше говорят: «Трепачи вы, голые трепачи! Поехали бы в Сибирь, посмотрели бы, что там молодежь делает!», а те им отвечают: «В Сибирь все едут».⁵ И правда, зачем ехать куда все? Это убивает дух романтики.

Поэтому в типовой фантастике прошлого века герои отправлялись в космос — пространство, в котором социальные отношения на далеких планетах можно было строить, вернее, выдумать, наново — в идеальном виде.

В повести братьев Стругацких «Стажеры» (1964) происходит очень важный для русской литературы диалог, пожалуй, второй по важности после диалога Ивана с чертом в романе «Братья Карамазовы». А для

⁵ Аксенов В. П. Звездный билет // Аксенов В. П. Собрание сочинений. New Arbor: Ardis, 1987. Т. 1 (после первого тома других не последовало. — В. Б.). С. 225.

тех, кому скучно было читать Достоевского, по значимости, возможно, и первый.

В самом начале повествования молодой космический рабочий в баре космодрома (это, конечно, не гостиница из «Утопии», но всё же) вместе с бывалым русским космолетчиком ведут разговор с барменом. Они подначивают бармена с прекрасной литературной фамилией Джойс и капиталистическими ценностями в душе и спрашивают, что он будет делать, когда разбогатеет. Бармен интересуется в ответ, чем будет заниматься этот мальчик в старости. Тот отвечает, что постарается умереть раньше, чем состарится, добавляя: «И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека — это красиво умереть!»⁶

Его старший товарищ недовольно замечает, что так ему всю идеологическую работу развалят, и придумывает демагогический контраргумент: «Между прочим, Джойс, очень интересная деталь. Хотя мой союзник по молодости лет не сказал ничего умного, но, заметьте, он предпочитает лучше умереть, чем жить вашей старостью. Ему просто никогда в голову не приходило, что он будет делать, когда состарится. А вы, Джойс, об этом думаете всю жизнь. И всю жизнь готовитесь к старости. Так-то, старина Джойс».⁷

Точно так же в повести «Возвращение» (1961), написанной Стругацкими на несколько лет раньше, есть показательный диалог между молодежью и понимающей толк в жизни женщиной:

«Юноша сказал металлическим голосом:

— Куда ступила наша нога, оттуда мы не уйдем.

— Что мы, зря умирали там? — крикнула беленькая девочка.

— Зря, — сказала Елена Владимировна. — Надо жить, а не умирать».⁸

Но романтика, увы, всегда предпочитает смерть. В условиях, когда убежать в космос затруднительно, она сочиняет себе место на Земле. Оттого еще в одной повести Стругацких — «Хищные вещи века» (1965) — герой попадает в курортный город-государство, где уже был однажды: в составе интернациональных сил гуманитарного вторжения. Помимо прочего, там есть показательная батальная сцена: «Бронетранспортер завертелся на одной гусенице, прыгая на кучах битого кирпича, и наружу сейчас же выскочили двое фашистов в распахнутых камуфляжных рубашках, швырнули в нас по гранате и помчались в тень. Они действовали умело и проворно, и было ясно, что это не соплики из Королевской

⁶ Стругацкий А., Стругацкий Б. Стажеры // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Текст, 1991. Т. 1. С. 165.

⁷ Там же.

⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б. Возвращение: Полдень, XXII век // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Текст, 1994. Т. 2. С. 123.

гимназии и не уголовники из Золотой бригады, а настоящие матерые офицеры-танкисты. Роберт в упор срезал их пулеметной очередью. Бронетранспортер был набит ящиками с консервированным пивом. Мы вдруг сразу вспомнили, что уже два дня непрерывно хотим пить. Айова Смит забрался в кузов и стал передавать нам банки. Пек вскрывал банки ножом. Роберт, прислонив пулемет к борту, пробивал банки ударом об острый выступ на броне.⁹ А Учитель, поправляя пенсне, путался в ремнях “гремучки” и бормотал: “Погодите, Смит, минуточку, вы же видите, у меня заняты руки...”¹⁰

Куда менее известен старый текст тех же авторов: «Он подумал, что надо бы навестить Мишку и рассказать ему про его однофамильца из Баварии, Вольфганга Шмидта. Как тот всё жаловался, что в Гвадалахаре нет пива, а потом под Торихой ему удалось подбить штабную машину, и в машине оказался целый ящик с пивом. Ящик был оцинкован, на нем, уткнувшись головой, лежал толстый майор с перебитым позвоночником. В ящик натекло крови, но Шмидт, отпихнув труп, стал доставать бутылку за бутылкой и передавать бойцам. Он таскал бутылки по три-четыре каждой рукой, из машины торчал его зад в брезентовых штанах, на каждой ягодице было по дыре, и из дыр торчали клочья серого от грязи белья. Бойцы подхватывали бутылки и тут же пили, отбивая горлышки, и мне тоже досталась бутылка. Стекло было в крови, пиво оказалось теплым, но оно было вкуснее, чем вода из Эбро — желтая, холодная, провонявшая мертвечиной».¹¹

Так фантастический город XXI века прорастает из Испании 1937 года. Вторая цитата взята из рассказа «Год тридцать седьмой», единственного нефантастического текста братьев Стругацких. Обе эти цитаты важны тем, что авторы всегда проговариваются в тексте о генезисе своих идей, даже если в публичном пространстве говорят о другом. Упомянутый рассказ написан в 1960 году, переработан в 1966-м и напечатан в 2001-м. Борис Стругацкий говорил: «Публиковать этот рассказ мы никогда по-настоящему не собирались — просто потому, что считали саму эту тему не своей. Что мы, в конце концов, могли сказать о Три-

⁹ Можно заметить, что эта деталь — дополнительное доказательство того, что фантасты сильны в обобщениях прошлого и настоящего, а быт будущего предсказать не в силах. К моменту выхода в свет повести банки давно снабжались ключом; за год до появления «Хищных вещей века» появились банки с алюминиевым колечком (правда, они открывали доннышко целиком), а нынешняя конструкция появилась в 1975 году.

¹⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б. Хищные вещи века // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Текст, 1994. Т. 3. С. 387.

¹¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Год тридцать седьмой // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Текст, 1994. Т. 11. С. 618.

дцать Седьмом такого, чего не сказали еще А. Солженицын, В. Шаламов, Ю. Домбровский? Я бы и сейчас не стал этот рассказ публиковать, но раз уж сказано “возможно более полное”, то пусть так оно и будет». ¹²

Сюжет рассказа следующий: на дворе декабрь 1937 года; герой, молодой журналист, приезжает из воюющей еще Испании в Ленинград. Героя называют писателем, но писатель он довольно странный, участвующий в боях (тут следует несколько романтических картин, где тихая испанская ночь, лежат тела убитых, а в руках карабин с еще горячим стволом). Прогрессоры 37-го года пьют из фляжек, содранных с убитых мятежников, а теперь советский Хемингуэй выпивает с друзьями дома и ему рассказывают об арестах. Событыльники его хотят на войну, но нервничают от звонков в дверь. «Я еще надеюсь вернуться, — сказал Григорий. — Я хочу быть там до конца. К чертовой матери, Сашка, ты это пойми... Я там как за родную землю дрался, как за Ленинград... После гражданской — это первый настоящий бой за Советскую власть...». ¹³

Испанского гостя арестовывают, и после допроса он прыгает в проем лестницы, успев подумать о светлом будущем. Рассказ этот напрасно называют нефантастическим: представления об испанской войне в СССР тогда были вполне смутные; о том, как туда мог попасть советский человек и что там делать, — тоже. ¹⁴

Генезис советского прогрессорства очень интересен и как раз связан с испанской темой. Описание ощущений от остывающего оружия в руках, адреналиновая радость, возможность потом рассказать о миновавшей опасности друзьям — всё это подкупает читателя, соскучившегося по романтике, и мало отличается от того, с каким чувством герои «Возвращения» говорят об освоении Венеры. Переживание становится важнее утилитарной пользы.

Не сказать, что эти слова и сюжеты рождались у невоевавшего поколения. В 1957 году был экранизирован роман Виктора Кина ¹⁵ «По ту

¹² Стругацкий Б. Комментарии // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Текст, 1994. Т. 11. С. 170.

¹³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Год тридцать седьмой. С. 177.

¹⁴ В середине Оттепели, в 1960 году, было признано нецелесообразным печатать роман «По ком звонит колокол» в журнале «Нева». Его издали в 1962-м для служебного пользования, так называемым «закрытым изданием», и только в 1968-м — массово, в третьем томе собрания сочинений Хемингуэя. См.: Кузнецова Е. Способы идеологической адаптации переводного текста: о переводе романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» // Логос: Философско-литературный журнал. 2012. № 3 (87). С. 155–158.

¹⁵ Кин Виктор Павлович (настоящая фамилия Сурувикин) (1903–1938) — писатель и журналист. Родился в Борисоглебске в семье паровозного машиниста. В 1920 году вступил в РКП(б). Был направлен для неле-

сторону». Написан он был куда раньше — в 1928-м. Книга эта начинается с того, что два молодых человека, Матвеев и Безайс, зимой 1921 года едут из РСФСР в Дальневосточную республику. То есть из пространства, где Советская власть установилась, в особое пространство буферного государства ДВР. Речь Безайса очень важна: «Слушай, старик, — сказал он мечтательно и немного застенчиво, — это бывает, может быть, раз в жизни. Всё ломается пополам. Ну вот, я сидел и тихонько работал. Сначала ходил отбирать у бежавшей с белыми бандами буржуазии диваны, семейные альбомы и велосипеды, потом поехал отбирать у подлой шляхты город Варшаву. Но этим занимались все. А теперь... Я всё еще не совсем освоился с новым положением. Странно. Точно дело происходит в каком-то романе, и мне страшно хочется заглянуть в оглавление. У тебя ничего не шевелится тут, внутри?»¹⁶

Роман этот вышел на следующий год после того, как было написано стихотворение Багрицкого «Разговор с комсомольцем Николаем Деметьевым», строчки которого стали популярной фразой: «Романтика уволена за выслугу лет». «Я знаю многих, — говорил Безайс, — которые будут завидовать нам от всего сердца. Сейчас у нас что-то вроде каникул. Там, в России, фронты кончились, и люди взялись за другие дела. Я видел своими глазами, как на вокзалах ставили плевательницы и брали штраф, если ты бросаешь окурки на пол. Это веселое, бестолковое время, когда утром работали, а вечером шли к мосту на перестрелку с бандитами, там кончилось. А мы взяли и опять уехали в девятнадцатый год. Опять — фронт, белые и всё это».¹⁷

Книга Виктора Кина кончается тем, что одного из героев, Матвеева, убивают, когда он разносит листовки, причем он передвигается на костылях, потеряв ногу. Он умирает в одиночестве, и комиссары в пыльных шлемах не склоняются над ним.

Романтика — вещь опасная.

Финал повести «Хищные вещи века» вполне показателен. Общество вялой сытости противоположно романтике и должно быть уничтожено, но как — пока непонятно. Ставка делается на детей, еще не поддавшихся заразе потребления. Их, разумеется, изымут из порочной среды и отправят в интернат. И вот герой представляет (эта тема введена курси-

гальной работы на Дальний Восток в 1921-м, затем сотрудничал с разными партийными изданиями, учился в Институте Красной Профессуры на литературном отделении. Несколько лет работал в Риме и Париже корреспондентом ТАСС. Арестован в ноябре 1937 года. Дата смерти его предположительна.

¹⁶ Кин В. По ту сторону // Кин В. Повести. М.: Известия, 1970. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 92.

вом), как подростки сообщают будущему преподавателю-куратору: «Мы уже всё решили, Иван. Мы поедem в Гоби, на Магистраль».¹⁸ Романтика в Аньюдинском интернате, хоть и тяготеющем к чему-то античному, всё та же — ударные стройки в пустыне или среди венерианских болот. Или жизнь прогрессоров в чужой земле, где всегда что-то не так и по ком-то звонит колокол.

Прогрессоры чаще всего симпатичны, как симпатична сама романтика. Правда, потом они, как милый Пайл из романа Грэма Грина «Тихий американец» (1955), находят третью силу: «...мелкого, дрянного бандита с двумя тысячами солдат и парочкой ручных тигров».¹⁹ И Грин, если вдуматься, предсказал, что произойдет во Вьетнаме спустя десять лет после описываемых событий. Когда кончается веселое, бестолковое время утренней работы и вечерней перестрелки, то можно найти его в новой локации.

А пока все рвутся на Венеру, и только одна женщина печально говорит: план неверен, надо поставить автоматические заводы и уйти. Ее никто не слушает, потому что это неромантично.

Романтика улучшения другой планеты всегда побеждает — по крайней мере, в глазах читателя. В советской фантастике она проросла, как ни странно, из идеи перманентной революции — идеи, которую связывают с именем Льва Троцкого. (На самом деле схожие мысли были еще у основоположников марксизма.)²⁰ Троцкий был изгнан и осужден, но испанская тема — как яркий романтический символ — жила своей жизнью: от знаменитого стихотворения Светлова и влюбленности советской интеллигенции в Хемингуэя до фантастических книг с их прогрессорами, несущими добро аборигенам.

¹⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б. Хищные вещи века. С. 412.

¹⁹ Грин Г. Тихий американец. М.: Художественная литература, 1978. С. 123.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Обращение к Союзу коммунистов (1850) // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: В 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 2-е изд. Т. 7. С. 267.

**ИСТОРИЯ КНИГИ.
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА**

«Дом, в котором...»

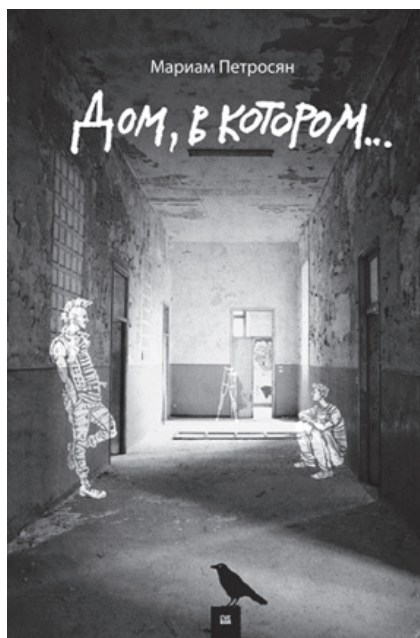
Мне всегда с трудом давался ответ на стандартный вопрос: «Как у вас возникла идея данного произведения?» Или: «Как возникла идея написать книгу?»

Потому что честный ответ: «не знаю» или «не помню» — звучит так, будто ты не хочешь себя затруднять.

Отвечая устно, можно отшутиться и перейти к следующему вопросу. В письменной форме такой ответ выглядит грубо. Приходится напрягать память и пытаться что-то из нее извлечь. Ответы получаются разными, как будто я, всякий раз, придумываю новую версию одного и того же события, поставив перед собой задачу ни в коем случае не повторяться. Но все эти ответы, по-своему, правдивы. В них просто меняется точка отсчета. Можно отходить всё дальше и дальше, в прошлое, обнаруживая всё новые начала, потому что начала, как такового, на самом деле нет, оно размыто и вариативно. Можно сосредоточиться на основных вехах: на первом появлении главных героев, на первом понравившемся отрывке, на первой переплетенной книге, на первом полном переписывании. Я обычно так и делаю. Выбираю один из вариантов. Ни разу не пробовала совместить их все.

«Одно из возможных начал»

В старших классах я писала так: одну-две главы из середины предположительно толстой книги. Если представить разросшуюся до небывалых размеров сказку про Золушку, это, наверное, будет глава «Перед балом», где всё начнется и закончится приготовлениями, но самого бала не случится, потому что описывать бал слишком сложно; кроме того, про бал и про принца все и так всё знают. Гораздо интереснее представлять, что чувствовала превращенная в кучера кры-

Художник Владимир Камаев.
Издательство Livebook

с заглавием и обклеивалась скотчем так, чтобы получился красивый, блестящий пакет. Который невозможно вскрыть, не разрезав. Разрезать, конечно, было несложно, но мы никогда этого не делали. Потому что все мои рукописи обладали волшебным свойством эльфийских денег — превращаться через какое-то время в мусор. Для этого достаточно было их перечитать. А не перечитывая можно было вспоминать спрятанную историю с удовольствием.

Среди «газетных глав» преобладали мрачные семейные саги, в духе сестер Бронте, и школьные истории.

Любовный треугольник старшекласников, история циркового мальчика, от которого уехал цирк, история пропавшего учителя и близнецов, один из которых, возможно, не настоящий. Дольше всех продержалось кровавое противостояние двух школьных группировок, растянувшись до рекордных шести глав и полугодичного обсуждения. Мы с Вероникой, в дальнейшем, неоднократно пытались повторить этот успех, но все следующие придумки оказались слабее. В том числе — отрывок о мальчишке по имени Эрик, попадающем то ли в санаторий, то ли в интернат. Всего одна, незаконченная глава.

Лучшим в ней было описание обшарпанного, разрисованного коридора. Обитатели этого места вели себя агрессивно и странно, приставая

са. В моем случае начало и конец знали только я сама и близкая подруга, которой я зачитывала эти серединки вслух, после чего мы с ней обсуждали, что и как будет дальше, выбирали наилучший вариант — и теряли к придуманной истории интерес. Основное удовольствие от процесса заключалось именно в обсуждениях и в спорах, в том, насколько по-разному мы представляли финал и насколько кому-то из нас удавалось отстоять свою версию. Дописывать придуманное было обязательно.

К законченным главам делались поясняющие записи и рисунки: портреты главных героев, планы зданий, родословные деревья, иногда даже географические карты. Получившаяся пачка листов заворачивалась в газету, украшалась надписью

к новичку и при этом, зачем-то, по очереди изображая из себя главарей. С появлением каждого следующего «главаря» предыдущий скромно отходил в сторонку, но этот прием, вначале показавшийся блестящей находкой, после третьего повторения уже только смешил. Каждый очередной не-главарь был страшнее предыдущего, и понятно, что последним, подлинным, должен был объявиться кто-то совсем уж невообразимый, похуже косоглазого, горбуна, блондина размером с шкаф и лысого монстра. Немного поспорив о том, кто это будет, мы с Вероникой решили, что страшнее лысого нам всё равно ничего не придумать, так что пусть лучше этот последний окажется кем-то мелким и хилым, например, липутом или девочкой с косичками. Сошлись на карлике в инвалидной коляске. К следующим чтениям я доставила карлика. Он приехал в маске зайчика, визгливо хохоча, вел себя отвратительно — и всё испортил. Ясно было, что никакой он не вожак, но охоту обсуждать следующую кандидатуру полностью отбил. Глава так и осталась недописанной. Я обернула ее в газету и спрятала.

Можно ли счесть этот корявый набросок началом книги? Не думаю. Хотя там появились почти все основные персонажи, мы еще не были знакомы и абсолютно друг другу не понравились. Они выглядели слишком мерзкими, пугающими и жалкими, такими, какими только и могли показаться постороннему.

Мне было плюс-минус семнадцать лет. Так что, когда я говорю, что начала писать книгу примерно в возрасте ее героев, то, вроде бы, и не лгу, а с другой стороны, это, конечно, не совсем правда. И книга не была книгой, и Дом не был Домом, и герои не были собой.

«Подлинное начало»

На подаренные родителями к свадьбе деньги мы с мужем поехали в прекрасный город Таллин, где неоднократно поссорились и, как выяснилось в дальнейшем, втайне друг от друга мечтали оказаться там же, но по отдельности, а вернувшись, поехали на озеро Севан.

Родители мужа сняли две комнаты в деревне Цамакаберд, где мы поселились коммуной: я с Арташесом, его родители, брат и семья тети из четырех человек. Семеро в большой зале, а мы двое, как молодожены, отдельно — в маленькой.

Два раза в день мы ходили на пляж, всё остальное время мамы занимались обедами и ужинами, а остальные развлекались по мере возможностей. В нашей комнатке умещалась только кровать и один стул. Остальное пространство, от пола до потолка, занимали мешки и пакеты с имуществом хозяйки. На стул мы вешали одежду. В этой тесной комнатке, стоя на коленях перед кроватью, я написала небольшой отрывок,

оказавшийся самым необычным и притягательным из всего, когда-либо мною написанного.

Про Слепого, идущего по коридорам Дома, попадающего в Лес, превращающегося во что-то непонятное. Я тогда, конечно, не знала, что это Слепой. Я не знала, ни что это за место, ни — кто этот человек. С одной стороны, не терпелось как можно скорее придумать ему собственную историю, с другой — я боялась всё испортить.

Бродящий ночами, превращающийся то в паука, то в волка мог быть наркоманом, сумасшедшим или маньяком-убийцей. Кем-то, кто прячется среди обычных людей, оставаясь нераскрытым и неузнанным. Ему подошло бы замкнутое пространство с ограниченным числом действующих лиц, и пусть одним из них будет он — бродящий ночами, но кто именно — останется загадкой. Он будет выглядеть безобидно. Или, наоборот, кто-то из окружающих его будет выглядеть опасным и непредсказуемым и перетянет подозрения на себя. В общем, предполагалось нечто наподобие герметичного детектива.

Я прочла отрывок мужу. Он сказал: «Ух ты, совсем даже и неплохо. Намного лучше, чем раньше». Конечно, это нельзя было назвать подробным обсуждением, к каким я привыкла, но с Вероникой мы говорили «о чем это» и «что будет дальше», а с Арташесом — только о том, «как это написано». Угодить ему было гораздо сложнее.

Маньяк бродил по длинным коридорам. Спускался с этажа на этаж. Потом в подвал, полюбоваться на орудие убийства. В здании, похожем на заброшенную больницу. Мысль о больнице некоторое время занимала меня, потом я ее отбросила. Необходимо было место, откуда нельзя уйти по собственному желанию.

Отчего-то вспомнился расписной коридор, где маялся ожиданием картонный мальчик Эрик. И зловещие, карикатурные персонажи, по очереди притворявшиеся жожаками. Косой, горбатый, лысый... Класс, куда так и не зашел настоящий главарь. Персонажи были сомнительные, но описание коридора помнилось на редкость удачным.

Так, коридор к коридору, сложились два первых кусочка паззла, который мне предстояло собирать следующие десять лет.

Я начала заново описывать приезд Эрика. Хорошо, что на Севане не было возможности распотрошить старые газетные свертки и перечитать полузабытый отрывок. Сомневаюсь, что после этого мне бы захотелось его использовать.

В деревне пахло навозом. Девятилетняя двоюродная сестра Арташеса садилась на шпагат. Его брат-подросток ходил по большой комнате из конца в конец, раздражающе скрипя половицами. Старушка по имени Цахик — Цветок, — сдававшая нам комнаты на втором этаже, враждовала со своей невесткой, обитавшей на первом, и не теряла надежды сделать нас

участниками этой вендетты. Мы загорали на берегу Севана, пропуская воскресные дни, когда из города приезжало слишком много людей.

Я плавала в озере, читала сборник повестей французских писателей, смеялась над выходками старой Цахик, играла с остальными в «угадай знаменитость», иногда пыталась помыть посуду, но свекровь и ее сестра выставляли меня из кухни. Ночами я думала о своем оборотне. Днем — пыталась внедрить его в историю Эрика. Или наоборот. Эрик не становился интереснее и не оживал, зато ожили бывшие карикатурные монстры. Стали заметно симпатичнее. Мне это так понравилось, что я задумалась о возможности использовать и другие, более удачные главы. О том, что наши с Вероникой давние любимцы — члены двух враждующих школьных группировок — тоже вполне могут очутиться в этом месте, достаточно лишить их семей и домов, оставив только школу. И цирковой мальчик. И близнецы из семейной саги, так и не разобравшиеся ни со своей бабушкой, ни с вопросом, кто же из них настоящий.

Обернутые в газеты истории остались в Ереване, вместе с эффектом эльфийского золота. Никто не мешал мне мысленно соединять их, вкладывать друг в друга, перемешивать. А они, чудесным образом, будто стягивались к единому центру, занимая изначально отведенные им места. Словно так и было задумано.

В Ереван я вернулась с готовой картиной Дома. Ничто из хранившегося в газетных свертках не вошло в рукопись в том виде, в каком было написано. Но почти всё, так или иначе, в дальнейшем было использовано. Маленькая глава «В Лесу» еще долго оставалась лучшим из написанного, единственная, из настолько давних, пережила все переделки, переписывания и дополнения и вошла в настоящую книгу. Так что, наверное, ее по праву можно назвать подлинным началом.

«Начало только с виду»

Дальше было тоскливо. Война, блокада, свечки, керосинки, замерший город, закутанный в непроницаемый, молочно-белый туман. Ни машин, ни света, ни шума. И ощущение полной отрезанности от мира. Страна превратилась в Атлантиду.

То время я вспоминать не люблю.

Первый вариант «Дома» был распечатан на машинке, проиллюстрирован совместно с мужем и переплетен. Получился огромный том, в серо-голубой обложке. Снаружи он выглядел довольно красиво, внутри, к сожалению, намного хуже. Замазанные штрихом ошибки, приклеенные сверху заплатки с текстом, бугрящиеся с изнанки иллюстрации. Листать и читать его было неудобно. Но я гордилась своим трудом. Талмуд

состоял из двух частей. Первая от лица Эрика — новичка в Доме, вторая — от лица Сфинкса, вспоминающего прошлый выпуск.

Иногда я называю этот гигант началом. На самом деле это была скорее неуклюжая попытка оформления под книгу того, что на самом деле не было книгой.

Всякая рукопись нуждается в читателе. Моя создавалась для троих. Меня самой, Вероники и Арташеса. Две бедные музы часами выслушивали мое чтение вслух. Я читала им вслух даже распечатанный текст, чтобы улавливать невысказанное неодобрение именно в том месте, где оно проявится. Каким-то образом, читая, можно было предвидеть это неодобрение заранее — и на ходу делать купюры или что-то менять. Потом надо было выуживать из муз обсуждение. Долгий разговор «о чем» с одной и «как» с другим, потому что каждый из них был заточен слышать несуразное в своей области. Только Вероника, знавшая Дом лучше меня, могла сказать о ком-то из персонажей: «Он не может так поступить» или: «Это на него не похоже», и только Арташес мог сказать: «Слишком уж патетично звучит» или: «Опять изъясняешься штампами», не нанеся смертельной обиды. Боюсь, что я их вконец замучила. Арташес так и не смог заставить себя прочесть уже изданную книгу, Вероника героически прочла, но у обоих в головах остались бесчисленные прошлые версии, мешающие адекватно оценить последнюю. Мне с ними очень повезло.

«Второе подлинное начало»

Третья часть — «Шакалиный восьмидневник» — писалась в Москве, в 94-м, в общежитии ВГИКа, на Галушкина. Мы с мужем получили возможность поселиться в общежитии как стажеры Союзмультифильма, хотя на самом деле не были стажерами, а просто там работали. Сначала с Робом Саакянцем, потом в группе Елены Пророковой. После первого года мытарств со съемом квартир, проживанием то у родственников, то у знакомых, то на чьих-то дачах в Подмосковье, откуда надо было еще умудриться доехать до работы, общежитие стало самым любимым домом. Мы перестали думать, где окажемся завтра, перестали зависеть от чьей-то благотворительности и от расписания электричек, получили возможность гулять по Москве, узнать ее и полюбить.

В общежитии имелись длинные коридоры, по этим коридорам бродило множество неприкаянных молодых людей. Не Дом, конечно, но визуально близко к нему.

К нам приходили с ночевкой друзья, а иногда случайные люди. Сосед дал мне почитать «Сандро из Чегема» и «Улисса». Хиппи Вася съел кастрюлю вареной картошки и рассказал, как добывать пропитание, при-

соединяясь к ролевикам. Другой парень рассказал, как добывать пропитание у кришнаитов. Кошка пришла переночевать и оставила нам утром задуманную мышшь перед дверью. По ночам, на лестнице, узбеки играли что-то заунывное на народных инструментах. Студент-грузин облил пол коридора пеной из огнетушителя; высохнув, она выглядела и пахла, как содержимое унитаза. Пьяный парень пришел однажды и попросил мужа выйти с ним на минутку. Это было похоже на разборку, но, когда я высунулась выяснять, чем она закончилась, они обнимались, и пьяный парень повторял: «Братан, будем держаться против них всем этажом!» Мы так и не поняли, против кого предполагалось держать оборону. Другой незнакомый парень зашел стрелнуть сигарету, мы дали ему банку с бычками — золотой запас, потому что сигареты кончились. Он сказал: «Погодите, ребята» — ушел, вернулся с пачкой сигарет и оставил ее нам. Девушка Иля из Питера читала свои задания по сценарному мастерству, я зеленела от зависти. Друг из Еревана попросил распечатать для него сценарий короткометражки и отдал мне печатную машинку на время. Третья часть книги получалась совсем не похожей на первые две.

Чем дальше я продвигалась, тем лучше понимала, что по возвращении в Ереван мне придется выбросить свой заветный талмуд и полностью переписать, по крайней мере, первую часть. А делать этого совершенно не хотелось. Не хотелось заново знакомиться с Домом, смотреть на него глазами зануды Эрика, существующего только для того, чтобы войти туда впервые и описать всё с позиции чужака, не хотелось через других персонажей отвечать на его вопросы, описывать непонимание Эрика, его изумление и неприятие. До того не хотелось, что возник Курильщик, не совсем чужак, не совсем посторонний, не настолько раздражающий, хотя и унаследовавший многие привычки своего предшественника. Вместе с ним появились Фазаны, их собрания, отношение к умершим и прочие странности.

В общежитии же произошел самый странный эпизод, из связанных с книгой. К тому что персонажи, довольно часто, ведут себя, как им вздумается, портя и переиначивая запланированное, я успела привыкнуть. Мне это даже нравилось. У нас с ними выработались определенные навыки общения. Если какая-то сцена раз за разом не получалась, я приписывала это не своему неумению, а бойкоту изнутри и, со спокойным сердцем, вычеркивала. Обычно после такой «жертвы» получалось нечто незапланированное и намного более интересное. Самостоятельность персонажей ограничивалась их неповиновением задуманному, в остальном они вели себя в рамках приличий. За одним единственным исключением.

На автобусных остановках нам, время от времени, попадались на глаза странные листовки, с изображением фигуры в белом. До того ободранные, что невозможно было разобрать, мужчина на них изображен

или женщина. Остатки надписей под изображением тоже ничего не проясняли. То ли Дэвид, то ли Мария. Еще создавалось впечатление, что эти листовки кто-то специально и яростно уничтожал. За всем этим угадывалась малоприятная история.

Не помню, откуда мне в руки попала газета со статьей о «Белом братстве». Возможно, мы купили ее в киоске. Помню только, что, увидев смутно знакомое изображение, подумала: ну, наконец-то я узнаю, кто это был.

Прочитав про Марину Цвигун и тоталитарные секты, я заснула, а проснувшись, решила, что знаю, о чем может рассказать Македонский. Или о чем он ни за что не расскажет. Но он рассказал. Неожиданно быстро и легко, без малейшей помарки, раз и навсегда очернив образ Волка, один из самых любимых. Стало ясно, что с этим ничего уже не поделаешь, что, даже вычеркнув всё, относящее к Волку, я не избавлюсь от знания о том, кто он и каков на самом деле, а еще — что вычеркивать ничего нельзя, потому что это не моя история и она должна остаться в том виде, в каком мне ее рассказали. Рассказал самый неразговорчивый и незаметный человек в Доме, персонаж, от которого не ждешь подвохов, актер миманса, почти декорация. Кроме того, наконец-то выяснилось, почему Табаки при первой встрече назвал его красным драконом.

В дальнейшем, до самого конца книги, я надеялась, что Македонский еще раз заговорит. Эта надежда помешала вставить его в эпилог и оставила его историю без развязки. Конечно, ни в коем случае нельзя рассчитывать на такого рода явления. Но очень трудно удержаться. Если пешка, у тебя на глазах, пробежалась по шахматной доске, спрыгнула с нее и чуть ли не перевернула, начинаешь относиться к ней с уважением. Становится неловко брать ее в руки и куда-то переставлять. Вместо этого, сложив руки, ждешь, когда она опять оживет. Как выяснилось, зря.

Через два года жизни в Москве мы вернулись в Ереван. Но срок проживания в общежитии закончился раньше, и надо было опять подыскивать жилье. Примерно на месяц. Знакомая девочка Вика предложила сестру своей бабушки, «которая до того добрая, что у нее кто только ни жил». Зная по опыту, что любой доброты хватает, в лучшем случае, дня на четыре, а потом начинаются намеки, что хорошо бы или убраться, или заплатить, мы, развращенные вольной жизнью в общежитии, грустно решили, что Викина тетя, по крайней мере, разрешит подержать у себя наши вещи, пока мы будем искать другое жилье, и поехали по указанному адресу. Где встретили самую удивительную женщину на свете — Аэлилу Семеновну Зубрилову. С виду — действительно добрую бабушку, беленькую, кругленькую, с румяными щечками. Собирающую гзель. Пекущую блинчики.

Несколько дней настороженного ожидания, когда же «добрая бабушка» намекнет на компенсацию. Несколько дней недоумения. А потом уже — только изумление и восторг. Мы запаслись деньгами, понимая, что их недостаточно, мы покупали продукты, мы старались не оставлять после себя ни соринки, мы вежливо улыбались на ее: «Живите, сколько хотите, ребятки», понимая, что это всего лишь слова, а это вовсе не было пустыми словами. Останься мы там на следующий десяток лет, невозможная Аэлита Семеновна и тогда не указала бы нам на дверь. Ни нам, и никому другому, кому некуда уйти. Хотя она вовсе не была одинокой. С ней жил семнадцатилетний младший сын Леня. И два кота. Старшие дети уже обзавелись семьями, и у Аэлиты Семеновны было трое или четверо внуков.

Чем больше мы общались с этой удивительной женщиной, тем сильнее поражались. У нас имелся опыт общения с пожилыми людьми, и мы примерно знали, чего от них ожидать. Знали, что они, как правило, любят поговорить о себе и не любят слушать других, что у них твердые, устоявшиеся взгляды на всё окружающее и происходящее в мире, что с ними лучше ни о чем не спорить и не рассуждать на абстрактные темы. Меньше всего мы ожидали от кого-то из них фраз наподобие: «В данную тему я не углублялась, это мое упущение», интереса ко всему новому и полнейшей, искренней толерантности, какую не часто встретишь даже у молодых. Для тети Эллы не существовало плохих людей — только несчастные, не существовало глупых — все по-своему умны, неинтересных — каждый человек может чему-то научить, людей, с мнением которых не стоит считаться. Бывший физик-ядерщик, работавшая с Курчатовым и с Сахаровым, о чем мы узнали далеко не сразу, поскольку она далеко не сразу об этом упомянула. Мне хотелось бы верить, что где-нибудь на земле еще существуют такие, как она, или похожие на нее.

Тетя Элла сказала, что нет безнадежно тупых в математике гумани-тариев, а есть плохие учителя и запутывающие мозги учебники, и я ей поверила. Тетя Элла узнала, что я что-то пишу, и попросила дать почитать. Я обещала, что обязательно дам, когда — или если — закончу.

Забегая вперед, скажу, что в последующие годы Леня трижды побывал в Ереване, у нас в гостях, а тетя Элла один раз, и этот раз запомнился мне, помимо радости от встречи, тем, что от желающих поселить ее у себя не было отбоя. Слишком многие хотели заполучить ее к себе, кормить, возить по стране, дарить ей подарки и всячески угождать. При желании Аэлита Семеновна могла бы проехаться на плечах своих поклонников по всей Армении, а на пути этого шествия выстроились бы, с цветами и флагами, ликующие родители всех, кого она, в трудное время, пригрела в холодной Москве. До сих пор втайне горжусь тем, что, имея настолько богатый выбор, она выбрала именно нас.

Тетя Элла обожала делать подарки. Она привезла с собой из Москвы огромный мешок с карамельками (Арташес как-то упомянул, что его папа любит карамель), железный заварной чайник (Арташес рассказал, что его мама кипятит заварку на плите и уже расплавила три заварочных чайника) и еще уйму всего, но эти два подарка — мешок с конфетами и заварной чайник — особенно запомнились, ведь после нашего пребывания в Москве прошло уже несколько лет, а тетя Элла помнила самые мелкие и незначительные детали из наших рассказов о родителях.

«Уже далеко не начало»

Вернувшись в Ереван, я убедилась в том, что всё оставленное там никуда не годится. И первую, и вторую части надо было полностью переписывать. Первую я начала переделывать еще в Москве, но к переписыванию второй — детской — оказалась не готова. В свое время она казалась несравненно лучше первой, но рядом с новой версией сильно проигрывала. Ее переписывание стало для меня мучением.

До отъезда в Москву мы с Арташесом работали в отделе мультипликации Арменфильма. Вернувшись, обнаружили, что Арменфильма, как места работы, больше не существует. Здание осталось, но там больше не снималось кино и не делалась анимация. Кто-то что-то рисовал у себя дома, кто-то простаивал, многие уехали. Надо было искать другое место работы.

Родители мужа помогли мне устроиться в школу искусств, которую спонсировали супруги Овнаняны, меценаты из западных армян. Они обеспечили школу небывалой по тем временам техникой: телевизором, видеомагнитофоном, проигрывателем с колонками, ксероксом и, самое главное, компьютером и принтером. Командовали всем этим хозяйством я и Татевик, совмещая обязанности администраторов, менеджеров, техников и сторожей. Из меня техник вышел сомнительный, зато Татевик на этом поприще просто блистала. Она не боялась экспериментировать ни с ксероксом, ни с компьютером, ни с принтером, мне оставалось только смотреть и завидовать. Компьютеры уже появились в некоторых офисах, но дома, в личном пользовании, их еще никто не имел. Так что, как только мы поняли, что к чему подключать, к нам потянулись паломники. Все желающие обзавестись визитками, отправить письмо, распечатать свои стихи и дедушкины мемуары, составить любые списки, поиграть в тетрис и в шарики (две единственные игры, которые потянул бедный Пашка) выстроились в очередь. Пробриться через эту очередь со своей рукописью было непросто, но у меня имелось преимущество: я находилась там постоянно и могла вклиниваться во все свободные промежутки.

Распечатанный на принтере текст демонстрирует свои недостатки сразу, его не требуется прятать и выжидать. Он дает упоительное чувство полного отстранения от написанного. Исправления делать легко, можно менять шрифт, использовать курсив, распечатывать на обе стороны листа, при желании делать по три копии одной главы; не надо ничего замазывать вручную, напрягаться при встрече с западающей буквой, использовать копирку, грохотать клавишами. Возможности компьютера безграничны. За пять лет я от души наигралась с этими возможностями, сломавшись только на форматировании, и почти полностью переделала весь текст шесть или семь раз. От прежней версии осталось убийство Помпея. И Слепой в лесу. Поскольку каждый следующий вариант казался мне окончательным, я несколько раз отдавала свой труд в переплет, разделив его на два томика. В первом — Курильщик и половина воспоминаний Сфинкса о прошлом выпуске, во втором — продолжение воспоминаний, то есть окончание второй книги, и третья — Шакалиный восьмидневник. Программу «верстка книжкой» я так и не сумела освоить, поэтому мои томики не могли быть толстыми, иначе их становилось сложно листать. Меня хватило только на то, чтобы печатать текст по центру, блоками высотой в ладонь, оставляя огромные поля для переплета. Результаты своих трудов я раздаривала. Два тощих томика улетели к родителям в Канаду, два достались Веронике, еще два я послала тете Элле. Все эти книжки немного отличались одна от другой, во всех были разные версии одних и тех же событий. Отослав очередную «окончательную версию», я тут же обнаруживала, что с ней что-то сильно не так, что она нуждается в многочисленных исправлениях и дополнениях, и жалела, что поспешила с подарком.

Чаще других переписывалась первая часть. Акула столько раз ввозил Курильщика в четвертую, что в какой-то момент я перестала понимать, в лучшую или в худшую сторону я эту часть переделываю. Хотя после старой версии, где Эрик попадал в Дом из наружности, новая давалась не в пример легче, Курильщик все-таки мог заранее кого-то из группы упомянуть, и я эту возможность использовала, но, видимо, к тому времени сцена уже была убита. Не знаю, как такое называется у писателей, художники говорят: картина «записана». «Записаная» картина превращается в грязь. Но ты эту грязь, по крайней мере, видишь. С текстом же никакой видимой грязи нет, зато в голове возникает туман. От отчаяния я решила этот эпизод вообще убрать. Взамен появилась сцена с приездом Курильщика в Кофейник. Вторым, страшным по количеству переписываний, эпизодом было убийство Помпея.

Арташес перестал понимать, чем то, что я ему читаю сейчас, отличается от того, что читалось позавчера или неделю назад. Во время вечерних чтений он начинал безудержно зевать. А Вероника — ей я всегда

читала отдельно — обшипывала с одежды какой-то пух. Не знаю, что меня сильнее нервировало. Мне казалось, что им обоим — моим главным, бесценным музам и советчикам — смертельно надоело и слушать, и читать то, что я им подсовываю. Поэтому особенно важны были отклики от прочитавших текст впервые.

Папа из Канады попытался подбодрить, но не особо в этом преуспел. А Аэлита Семеновна, как всегда, отличилась. Я знала, что она будет хвалить и меня, и текст, что критических отзывов я от нее не дожусь, но она со смехом сообщила, что случайно прочла всё «с заду наперед». То есть, вначале вторую книжку, а потом первую. «И как?» — с ужасом спросила я. «Вы не запутались?» «А чего там путаться? — ответила тетя Элла. — Вроде бы даже интереснее получилось». Тетя Элла обожала делать людям подарки. Иногда у нее это получалось случайно.

После «интереснее получилось» от Аэлиты Семеновны я перекроила весь текст в последний раз. Нарезала вторую книгу на отдельные главы и переложила ими главы первой и третьей книги. Напрашивалась идея дотянуть интермедии до финала и сделать его двойным, как противопоставление двух разных выпусков, но это испортило бы предполагаемый финал от лица трех основных персонажей; кроме того, текста интермедий на последнюю часть не хватало, а удлинять его не хотелось.

Интермедии стали последней основательной переделкой. Следующие девять лет я рукопись почти не трогала. Иногда исправляла что-то по мелочам. В истории не хватало только финала, а финал я дописывать не хотела, так что бывшая четвертая часть, с появлением интермедий — третья, так и осталась незаконченной. Я распечатала ее, но не отдала в переплет, никому не давала читать и почти не переделывала. Пока из Москвы не позвонил Леня и не сказал, что для книги нашелся издатель.

Помню себя, ошеломленно бродящую по кухне с телефоном, слушающую, но толком не понимающую, что мне говорят. Я слушала Леню, потом Андрея Лупандина и пыталась осознать, что, пока я занималась другими делами, самодельная книжка где-то бродила сама по себе, перемещаясь из рук в руки, из дома в дом, пока не добралась до нужного человека. Как что-то живое. Все этапы ее путешествия я узнаю уже позже, через два года после издания. А в год издания и «Большой Книги» буду сидеть в гостях у родителей Андрея Лупандина — третье звено в цепи перемещений, — которые скажут, что предпочитают «свою» версию издательской. А я им скажу: «Покажите мне ее, пожалуйста», потому что не буду помнить, какая же версия «их».

Тетя Элла, определенно, умела делать подарки. Самые удивительные получались сами собой. Она просто делилась со всем миром тем, что попадало ей в руки.

История до февраля

Первая заметка в газете, подписанная моим именем, вышла, когда мне было двенадцать лет. Первая книга — когда мне исполнилось тридцать три. Сейчас мне пятьдесят один. В шестнадцать я стал профессиональным журналистом и последующую жизнь отдал работе в редакциях (всего-то трех, расположенных в трех городах) — в режиме 24/7 с незначительными перерывами. За это время я написал тысячи статей, заметок, корреспонденций и интервью, а отредактировал десятки тысяч. Еще я написал десять романов, три повести и десяток рассказов. Я помню, что происходило это по ночам и в праздники, но до сих пор не слишком понимаю, как такое возможно.

Впрочем, сороконожке вредно задаваться некоторыми вопросами. Попробуем просто изучить каждый отдельно взятый шаг.

Это кино

Весной 2020 года очередная кинокомпания попросила меня придумать для нее фильм или сериал. Такое происходит регулярно и ничем, как правило, не кончается. Но на сей раз мои собеседники не просто решили потеревить чего-то там написавшего автора без особой заряженности на конечный результат: они меня неплохо знали и демонстрировали искреннюю заинтересованность в том, чтобы с моей помощью сделать что-то свежее.

Я привычно вывалил ворох кинозаявок разной степени готовности. Компания ухватилась за одну, состоящую из пя-

Художник Елизавета Корсакова.
Издательство «АСТ»

ти строк: «В 1981 году девочка-литконсультант, читающая редакционный самотек в журнале “Юность”, получает на отзыв рукопись очень плохо написанного детектива, интересного несколькими обстоятельствами: рукопись анонимна, это первая советская книга про серийного убийцу, действие происходит в школе, и сюжет явно списан с реальности», — но предложила перенести действие из позднесоветской эпохи в наше время.

В любимую мной концепцию «здесь и сейчас» история вполне вписывалась. Так что я послушался — и сочинил заявку сериала «Срез знаний»:

«Провинциальный областной центр, ноябрь. Первокурсница Таня, мечтавшая о филологии, а поступившая на прикладную математику, бросает университет и впадает в де-

прессию. Спасает девушку возможность попробовать себя в любимой словесности: областные власти из некоторых существенных для себя соображений решили срочно возродить давно закрытый литературный журнал “Пламя”. Первым делом юному редактору поручено изучить архив журнала для заполнения соответствующей рубрики. Там, среди графоманских залежей, Таня находит рукопись триллера, который отличаются несколько особенностей. Он очень плохо написан. Он захватывает напряженным сюжетом и нестандартным рассказом от лица серийного убийцы. И он описывает убийства, которые действительно происходили пятнадцать лет назад, — и душегуба так и не поймали. О раскопках в архиве быстро узнает автор рукописи. Теперь давно затаившийся маньяк должен выбрать, чего он хочет больше: покоя, который может нарушить Таня, или литературной славы, которой мешают Танины начальники и недруги».

Под ласковое понукание кинокомпании я написал развернутую заявку, потом поэпизодник первой серии, потом пробный фрагмент серии, потом поэпизодник сезона, потом первую серию целиком, потом переписал ее семь раз, а потом спохватился и спросил, а что там у нас с договором и видами на реализацию. Ничего, сочувственно ответила компания:

их не будет, пока главный продюсер не даст добро, а он в обозримом будущем занят так, что не сможет даже прочитать сценарий.

На этом мы расстались.

Затем я отвлекся на переделку еще двух своих старых кинозаявок в фантастическую повесть «Светлая память» и роман «Возвращение “Пионера”», а когда пришел в себя, сообразил, что ровно так же надо поступить и с триллером про серийного убийцу.

Это не кино

Технически перевод придуманной книги из головы в текст занимает у меня около года. Есть исключения, конечно, — «Возвращение “Пионера”» я написал за три месяца, а «Город Брежнев» выдавливал из себя десять лет (правда, с гигантскими перерывами), — но они, будем считать, подтверждают правило.

Садясь за книгу, я четко представляю себе, чем она начнется, чем закончится и каким будет самый ударный эпизод, — и в итоге уныло обнаруживаю, что угадал только начало: финал выходит совершенно другим, а придуманному ударному эпизоду места в сюжете не находится.

Простоты и удобства ради я исхожу из того, что если действие книги происходит не в прошлом, будущем или параллельном мире, то, значит, в следующем году — когда она будет завершена и, скорее всего, выйдет. По календарю будущего года я и выстраиваю распорядок жизни героев, их праздники и будни.

Первая половина текста — всегда мука адская, будто тянешь его в гору. Терпеть приходится до середины. Зато с горки бежать проще и веселее. Самый удобный для меня вариант предполагает старт интенсивной работы летом или осенью: тогда к Новому году появится задел, который за каникулы, пока все спят до сумерек, а потом доедают салаты, позволит устроить спурт и перевалить через экватор текста, а то и выйти на финишную прямую.

На «Срез знаний» такой план ложился как родной.

Правда, предстояло перевести готовую первую серию на нормативный литературный язык с так называемой «американки» — формата, общепринятого для сценариев.

Было так:

«Областной центр, середина нулевых, лето, супермаркет. Вход молодой паре перекрывает НАТАША (30), полноватая нарядная шатенка, вываливающая с огромными пакетами в руках. В ее висящей на плече сумочке звонит телефон.

НАТАША

Так, не ломимся, пропускаем.

Пара, хмуро выждав, юркает внутрь».

Должно стать так:

«Звонок застиг Наташу на выходе из “Всех вкусов”. Она выставила один из огромных пакетов перед собой, принуждая посторониться юную пару, и велела:

— Так, молодежь, не ломимся, пропускаем.

Девушка замешкалась, пришлось зацепить ее пакетом потяжелее, с бутылками, и для верности пристукнуть веским взглядом, чтобы не вякала. Та не вякнула, вцепилась в локоть ухажеру и торопливо увлекла его в магазин. Это правильно, подумала Наташа мимоходом, красота — страшная сила, в ней сидит умножение на массу».

При наличии некоторого опыта подобная конвертация не сложнее, чем проговаривание продуманных тезисов для умелого оратора.

Вот таких тезисов у меня было почти на пятую часть текста. И еще был большой запас кусков той же степени готовности, выброшенных из первой серии, чтобы не тормозить действие, но необходимых для сюжета. А главное, уже были придуманы все ключевые герои, сцены и повороты фабулы, были проведены исследования в необходимых областях, самых разных, от особенностей расследования серийных убийств до финансирования культурных проектов через фирмы-прокладки, и был подробно расписан посерийник всего сезона — то есть пересказ сюжета от начала до конца.

Это всё на самом деле

В октябре 2021 года я приступил к конвертации сценария в роман. Сюжет и того, и другого отталкивался от необходимости выпустить первый номер журнала до февраля. Естественно, и я решил дописать роман до февраля, весной-летом отрихтовать и надеяться на выход книги к осени, когда, собственно, стартует действие романа.

План не удался.

К Новому году я завершил конвертацию готовых киноэпизодов в прозу и придумал следующую главу, но на каникулах сильно простыл или цепанул вирус — и решил на большую голову не писать, а думать дальше.

Судя по дневнику, ведением которого я самодисциплины ради сопровождаю каждую книжку, оклематься удалось лишь к завершению праздников. Дедлайн «До февраля» (который еще не стал названием романа) пришлось перенести. «Надо постараться завершить большую часть работы, связанной с набиванием, до уразы (она с апреля), а на Рамадан оставить завершение и рихтовку», отмечено в дневнике. Я му-

сульманин, поэтому многое в моей жизни подчиняется календарному распорядку — и понятно, что месячный пост заметно влияет на организацию работы. Известный завет «Пиши пьяным, редактируй трезвым» я по понятным причинам исполнять не могу — зато могу писать сытым и довольным, а редактировать голодным и просветленным. И это работает.

К 20 февраля я убедился, что ураганный темп дает все основания надеяться на завершение черновика к началу Рамадана, возликовал и поделился с дневником самыми бравурными намерениями. После этого я не брался за рукопись три недели.

Это не про нас книжка

«А хорошо, что книжка не про нас», — говорит главная героиня романа Аня (в сценарии бывшая Таней), имея в виду, что действие найденной рукописи про серию убийств происходит точно не сейчас и вроде бы не здесь. Чтобы через несколько страниц с ужасом исправить: «Это про нас книжка».

Я не успел написать роман до февраля, а после писать перестал, потому что год оказался 2022-м. Не осталось ни сил, ни смысла связывать с ним даже самую страшную историю из безвозвратно ушедшей эпохи.

В марте я взял себя в руки и попробовал обдумать судьбу текста. Бросать было жалко — все-таки больше половины сделано, а остальное придумано. Но продолжать, исходя из того, что действие происходит в уже наступившем году, оказалось решительно невозможно.

После долгих размышлений я постановил считать, что «книжка не про нас». Решил оставить действие в прошлом году — и доделывать текст уже как исторический, происходящий не здесь и сейчас, а здесь до февраля. Мне почему-то показалось очень важным не только рассказать историю до конца, но и разобраться, как из нее вытекла новая история — послефевральская.

Это не потребовало особых изменений в подходе — не больших, чем обычно. В предыдущих книгах по мере приближения к финалу тоже менялись имена героев, эпизоды и их строй, иногда по несколько раз. Пригодился и опыт работы над двумя романами, действие которых происходит не в абстрактном «этом», а в конкретно названном году, — «Город Брежнев» (1983) и «Бывшая Ленина» (2019). С последней я по такому поводу увязал новую книгу чуть плотнее, и даже сделал сквозным одного из эпизодических героев — ведь действие происходит в той же области (вымышленной Сарасовской) и касается политических интриг, которые без этого персонажа обходятся с трудом.

Характер 2022 года сказался, конечно, на самой работе. Вернуться к ней оказалось удивительно тяжело. Приходилось заставлять себя писать, запрещая любую рефлексию на тему «А зачем теперь всё это». Ну, и отдача особо ударных эпизодов оказалась непривычно болезненной. Мне всегда жалко губить героев, но раньше, прикончив очередного, я коротко всхлипывал и начинал следующую страницу. Понятно, что для триллера про маньяка такой подход был недопустимой роскошью, так что я сразу настраивался быть кровожадным и беспощадным. До февраля это удавалось. После февраля я справился со сценой гибели ключевого героя с огромным трудом, в четыре захода, растянувшихся на неделю, — и потом бросил текст на месяц. И так дважды — почти подряд.

Это про нас книжка

Отдельные мои переживания были связаны с прообразами. Маньяк, убивший несколько десятков пожилых женщин и ушедший от возмездия, существовал на самом деле. Когда я придумывал свою историю, надежд на то, что убийцу найдут, почти не осталось: восемь лет прошло. Когда я закончил работу над сценарием, маньяка поймали. Когда я дописал книгу, было объявлено о завершении расследования. Я порадовался, но, подумав, не стал ни заменять придуманное подлинным, ни внимательно изучать дело прообраза. У меня уже была своя история.

Название «Срез знаний» не слишком устраивало меня с самого начала. Но прочие варианты, которые я смог накреативить («Журнальный вариант», «Принятые сокращения», «Московский проспект», «Издательский комплекс», «Гарнитура журнальная рубленая» и еще два десятка обыгрываний полиграфических терминов и провинциальной топонимики), нравились еще меньше. Уже перечитывая готовый текст, я сообразил, что рефрен «До февраля», державшийся с самого раннего варианта сценария, оказался случайным попаданием в яблочко. Вот оно, название. Дальше искать не надо.

И вот она, книжка — не про нас и про нас.

И снова Мюнхаузен Заметки переводчика

Джанлука Капоразо. Земные, морские и лунные приключения барона Мюнхаузена / Пер. с итальянского Михаила Визеля; илл. Серджо Оливотти. М.: ИД «Городец», 2022. — 104 стр.

E come quei che con lena affannata,
uscito fuor del pelago a la riva...

И словно тот, кто, тяжело дыша,
на берег выйдя из пучины пенной...

Данте. «Божественная комедия», песнь I
Пер. М. Лозинского

Прожить трудный для всех пишущих по-русски 2022 год мне помогла напряженная работа над переводом книги современного итальянского поэта и сказочника Джанлуки Капоразо (Gianluca Caporaso) о приключениях барона Мюнхаузена. Автор основывается на известной книге Распэ-Бюргера, но прибавляет несколько собственных историй, которые он называет «несовершенными путешествиями» — скорее философскими, чем авантюрными, а главное — излагает их на сей раз в виде поэмы в четырнадцать песнях: более 700 стихотворных строк перекрестно рифмованным шестисложником, тяготеющим к почти регулярному трехстопному ямбу.

Работа эта оказалась интересной по многим соображениям. Которые, надеюсь, окажутся таковыми не только для меня.

История барона Мюнхаузена как литературного персонажа сама по себе не уступает в необычности его рассказам. Этот общеизвестный герой, чье имя стало нарицательным, не возник перед читателями вдруг, как Гулливер, а рос и развивался постепенно — и не под пером одного автора, как Дон Кихот, задуманный Сервантесом изначально как образ чисто пародийный и лишь ко второму тому романа обретший глубину, а на протяжении двух столетий. При этом про

Художник Серджо Оливотти.
Издательский дом «Городец»

«Г»), безусловно, существовал — именно под тем именем и в тех исторических обстоятельствах, которые нам знакомы. Годы его жизни — 1720—1797. Более того: живя с 1752 года до самой смерти безвыездно в своем фамильном доме близ нижнесаксонского Боденвердера, он, будучи во всём обыкновенным помещиком, действительно любил после доброго ужина порассказать о своих необыкновенных приключениях во время службы в России (1738—1750), к огромному удовольствию своих гостей — которые скоро стали приезжать специально, чтобы послушать его вдохновенные вариации на тему «загадочной России». Один из них, дипломат Рохус Фридрих, граф цу Линар взял на себя смелость в 1761 году использовать три поучительные истории в своей книге «Der

Гулливера и Дон Кихота мы точно знаем, что их не существовало, их от начала и до конца выдумали Свифт и Сервантес — причем преследуя сугубо литературные (и даже публицистические) цели. Даже про Робинзона Крузо мы знаем, что профессиональный беллетрист Даниель Дефо базировался на реальном происшествии, но ушел от него очень далеко: боцман Александр Селькирк был ссажен с судна на необитаемый остров после конфликта с капитаном и прожил на нем «всего» 4 года и 4 месяца — разумеется, без какого бы то ни было Пятницы, зато не без последствий для психики.

А барон Карл Фридрих Иероним, выходец из древнего рода фон Мюнхгаузен¹ (именно так, через

¹ Аристократическая фамилия Münchhausen, значащая буквально «из дома монаха», известна с XII века. Происхождение ее двойно: по одной версии, некий рыцарь Гизельхер, сын Ремберта, по княжескому повелению выстроил себе замок рядом с монастырем для его защиты, по другой — постриженному в монахи младшему отпрыску пришлось после смерти всех старших братьев вернуться в мир, чтобы не пресекся род. Самые известные его представители, кроме нашего героя: Иоганн Мюнхгаузен (ум. 1576), князь-епископ Курляндский и Эзель-Викский; Герлах Адольф фон Мюнхгаузен (1688—1770) — премьер-министр Ганновера, основатель (1734) Геттингенского университета, и Бёррис фон Мюнхгаузен (1874—1945) — поэт-«почвенник», ставший в годы нацизма официальным литератором и 16 марта 1945 года покончивший с собой.

Sonderling» («Чудак»), написанной для вразумления прислуги. Имени Мюнхгаузена осторожный дипломат не упомянул, но люди сведущие сразу опознали первоисточник.

Еще дальше пошел аноним, опубликовавший в 1781 году в берлинском журнале «Vademecum für lustige Leute» («Путеводитель для весельчаков») 16 коротких баек, рассказчик которых был обозначен как М-Х-Г-Н. Байки (или, на немецкий лад, *шванки*), уходящие корнями в средневековые фацеции, понравились предполагаемым весельчакам, и в 1783 году вышло второе издание, дополненное еще двумя рассказами. Именно оно послужило основой для успешного издательского проекта антиквара и авантюриста Рудольфа Распэ. Человек невероятного темперамента и кругозора, простирающегося от палеографии и нумизматики до горного дела, он еще в 1775 году, после того как вскрылась недостача во вверенных ему ценных коллекциях, был вынужден бежать из Германии в Англию — и, желая подзаработать, выпустил в 1786 году в Лондоне на английском языке книгу, озаглавленную «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в Россию», где отдельные анекдоты были связаны интерлюдиями в единый нарратив.

При этом, учитывая интересы своих новых соотечественников, Распэ сделал упор именно на морские приключения. И не прогадал. Англичане, уже успевшие сжиться с Лэмьюэлем Гулливером, приняли новые рассказы о «езде в неизвестное» с восторгом. Меньше чем за четыре года, вплоть до весны 1789-го, вышли шесть изданий, причем в пятое из них было добавлено «второе лунное путешествие» — уже не ползком по анекдотичному турецкому бобу, а на корабле, как подобает настоящему джентльмену-путешественнику. А в 1792 году выходит еще одно, итоговое издание.

Но сам Мюнхгаузен об этом, пожалуй, и не узнал бы, если бы знаменитый поэт, автор «Леноры», один из вдохновителей «Бури и Натиска» Готфрид Бюргер уже весной 1786 года, основываясь на втором, расширенном издании книги Распэ, не перевел ее на немецкий, добавив к 20-ти историям Распэ еще восемь, приспособленных им из классических немецких сказок — вроде истории про пятерых слуг, наделенных суперспособностями, и разделив на две части — «Приключения в России» и «Морские приключения» (в эти последние попал и полет на Луну). Именно эта версия книги, в которой герой-рассказчик — уже не просто безудержный враль, но храбрый воин, бросающей вызов судьбе, имела громадный успех по всей Европе... Но автором ее всё равно считается Распэ! Мало того: на основе пятого издания книги Распэ Бюргер опубликовал второе, расширенное издание осенью 1788 года — и на последующие издания своего английского «соавтора» (впрочем, скорее

всего, неизвестного ему: оба они не выставляли своих имен на обложках) внимания обращать уже не стал.

Вадим Перельмутер в статье «Третий век загробной жизни барона Мюнхгаузена» (1997)² выражает «основанное на некоторых данных» мнение, что и Бюргер, и Распэ в свое время пользовались гостеприимством барона и слышали его рассказы из первых уст; это кажется логичным, но труднодоказуемо, и не дает оснований считать автором публикации 1781 года в берлинском журнале именно Распэ, который к этому времени шесть лет как обосновался в Англии. Но в любом случае, ко времени выхода книг и по-английски, и по-немецки приемы «в павильоне лжи» (такое название получил охотничий домик на территории усадьбы, где заурядный помещик превращался в безудержного фантазера) давно закончились. Более того: стареющий барон совершенно не был в восторге от обрушившейся на него двусмысленной славы. Ему приходилось даже нанимать охрану, чтобы отгонять от дома зевак, стекающихся поглазеть на «барона-враля» — и, вероятно, ждущих, что сейчас он «отмочит что-нибудь эдакое»: вывернет волка наизнанку или вскочит на ядро.

Последние земные годы Карла Фридриха Иеронима были, к сожалению, омрачены эскападой совсем иного свойства: потеряв в 1790 году жену, с которой он бездетно прожил 46 лет, 70-летний ротмистр в отставке начал ухаживать за своей 17-летней крестницей, дочерью майора фон Брунна — и в январе 1794 года женился на ней. Через год с небольшим она родила девочку, но барон отказался ее признавать, объявив дочкой писаря, — и затеял развод. Который разорил его и в прямом смысле слова довел до смерти. Перед которой он все-таки успел кое-что «отмочить». Служанка, натягивавшая на холодеющие ноги старого вояки шерстяные носки, обратила внимание на отсутствие двух пальцев. Но Мюнхгаузен объявил ей, что их ему откусил белый медведь. И в известном мюнхгаузеновском смысле это было правдой — пальцы действительно были отморожены в России.

Еще при жизни барона обнаружилась проблема: в немецкоязычной книге, главный герой которой — немецкий дворянин древнего рода, не оказалось ни одного приключения, связанного с Германией. Неудивительно, что вскоре появляется «Дополнение к приключениям Мюнхгаузена» (1794—1800) Генриха Шнорра, в котором приключения разворачиваются уже в Германии, и сочинение Карла Лебрехта Иммермана «Мюнхгаузен. История в арабесках» (1839), где в качестве рассказчика выступает внук барона. Дальше «продолжения», рассказы о детских годах и потомках барона, ремейки и переосмысления нарастают как снеж-

² Перельмутер Вадим. Дареный конь: Книга о стихах и прозе. М.: ОГИ, 2015. С. 512.

ный ком, и их рассмотрение выходит за рамки этого обзора. Достаточно упомянуть повесть Сигизмунда Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена» (1928), в которой герой с изумлением (не совсем благожелательным) обозревает советскую Россию, и, разумеется, пьесу Григория Горина «Самый правдивый» (1976), ставшую знаменитым в СССР фильмом. И более известный в англоязычном мире фильм Терри Гиллиама «Приключения барона Мюнхгаузена» (1988). Именно этот последний, вероятно, и напомнил об экстравагантном персонаже XVIII века итальянцу Ливио Сосси, специалисту по детской литературе, который и предложил Капоразо обратиться к доброму барону. Памяти Сосси книга и оказалась посвящена — и снабжена трогательным стихотворным послесловием — прощанием с другом.

Параллельно количеству «продолжений» нарастает количество переводов на другие языки. Первые (не считая, разумеется, английского) — на французский, голландский и шведский. Хотя все они называются «Приключения барона Мюнхгаузена», переводчики-адаптеры продолжают досочинять и смешивать разные версии. Как уверяет немецкая Википедия, с 1786 по 2013 год вышло около 4000 изданий книг про Мюнхгаузена на 100 языках общим тиражом около шести миллионов экземпляров.

Важнейшим этапом превращения реального немецкого барона во всеобщего литературного персонажа стало роскошное французское издание книги Распэ-Бюргера 1862 года, призванное «перезапустить» книгу на французском рынке после некоторого забвения. Готовя гравюры, знаменитый рисовальщик Гюстав Доре не просто сделал барона сухощавым мужчиной средних лет (хотя он вышел в отставку в 32 года и служил в кирасирах, а этот род кавалерии требует особенно крепкого сложения), но и придал Мюнхгаузену лихо закрученные усы и, главное, острую бородку, которых барон никак не мог носить в середине XVIII века. Но зато через сто лет их носил император Наполеон III — которого таким образом Доре ставил на одну доску с легендарным врагом. И этот острозлободневный некогда намек прижился, завершив образ Мюнхгаузена — возможно, потому, что сближает его не только с Наполеоном III, но и, что гораздо важнее для последующих поколений, с другим нарицательным персонажем, зачарованным своими фантазиями, — уже упомянутым Дон Кихотом.

Немалая доля в насчитанных немецкой Википедией шести миллионах экземпляров принадлежит России. На русском языке рассказы Мюнхгаузена впервые были изданы в 1791 году, то есть еще при его жизни, под названием «Не любо не слушай, а лгать не мешай». Причем любопытно, что рассказчик предстает в них не как офицер русской службы, а как страстный путешественник, пускающийся в странствия

исключительно из любопытства. Но только после того как в 1928 году Корней Чуковский сделал ясное изложение книги Распэ-Бюргера, выбросив заодно из фамилии трудночитаемое «г», «Приключения Мюнхгаузена» вошли в русский детский канон — и продолжают в нем оставаться.

И наконец новую глубину этому образу придали в 1979 году Григорий Горин и Марк Захаров. В их фильме «Тот самый Мюнхгаузен» герой — не просто безобидный фантазер: он бунтарь-правдур, бросающий вызов лицемерию и конформизму. Не зря Горин вернул в фамилию нечитаемую букву «г», отделяя тем самым своего романтического героя от героя популярных детских книжек и мультфильмов.

Чем могут обогатить блестящего русского Мюнхгаузена итальянские поэт и художник? Оказывается, есть чем. Изложенная ритмичными стихами, история барона попадает в другой контекст — вставая в один ряд с героическими поэмами итальянского Возрождения — с «Освобожденным Иерусалимом» Тассо, «Неистовым Роландом» Ариосто и даже с «Божественной комедией» Данте — который ведь тоже рассказывал о путешествиях за земные пределы так, словно пережил их лично. Кстати, первые полные стихотворные переводы двух первых из упомянутых выше шедевров вышли на русском языке непосредственно перед моим «Мюнхгаузенom». ³ Можно ли это считать совпадением, отметкой нового уровня зрелости русской литературы — или же знаком времени, настойчиво призывающим обратиться к прошлому?

Берясь за работу, я сразу выкинул обратно из имени букву «г», подчеркивая, что иду от Чуковского, минуя Горина.

И положил себе два правила.

Во-первых, разумеется, — выбрал размер.

Как я уже сказал, в оригинале поэма написана шестисложником со сплошными, как принято в итальянском языке, женскими рифмами:

Dirò di un viaggiatore
e delle sue avventure,
bizzarro narratore
di luoghi e di creature.

Per mare, terra o in volo
vagò su ogni vettura,
in compagnia o da solo
scampando a ogni sciagura.

³ Тассо *Торквато*. Освобожденный Иерусалим / Пер. с итал. и примеч. Романа Дубровкина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. 608 стр., тир. 1000 экз.; Ариосто *Лодовико*. Неистовый Роланд: В 3 т. / Пер. с итал. Александра Триандафилиди. М.: Престиж бук, 2021. 1840 стр., тир. 200 экз.

По-русски с подачи Лозинского конвенциональным эквивалентом итальянской силлабики давно считаются русские ямбы с чередующимися мужскими и женскими рифмами. Здесь, правда, — не эпичный во всех смыслах пятистопный ямб классической поэзии, а трехстопный. Хоть он, по уверению Давида Самойлова, и «много расторопней», — это строгий размер, заставляющий тоже порой чувствовать себя героем Данте, с трудом переводящим дыхание. Но и у него есть в русском языке прекрасные образцы. Напомню в хронологическом порядке:

Мальбрук в поход собрался,
Наелся кислых щей,
В походе обожрался
И умер в тот же день.⁴

Жил-был король когда-то.
При нем блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед:
Земля у нас богата,
Порядка только нет.

Жил-был Анри Четвертый,
Он славный был король,
Любил вино до черта,
Но трезв бывал порой.

От солдатской песенки, переделанной в 1812 году из французской солдатской же песни 1709 года, через перевод Александра Струговщикова «Куплетов Мефистофеля» Гёте (1856), травестийную «Историю Государства Российского от Гостомысла до Тимашева» Алексея К. Толстого (1868) к вольному переводу 1940 года Александра Гладкова французской песни конца XVI века — прослеживается «семантический ореол» размера: историческая «ироикокомическая песнь» про великого мужа

⁴ Вариант, прозвучавший в исполнении Ноздрева в телефильме Михаила Швейцера «Мертвые души» (1984).

(или мужей). И ее поддерживает даже хрестоматийное стихотворение Пастернака 1956 года про неспящего художника. Чья ударная концовка — «вечности заложник, у времени в плену» — известна куда лучше, чем эпическое начало:

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Но я, помня, разумеется, все эти примеры, сразу интуитивно сделал выбор в пользу сплошных женских рифм:

Пою я приключенья
отважного вояки.
Здесь будут, без сомненья,
правдивейшие враки.

На суше и на море
немало он скитался,
порою мыкал горе,
но всякий раз спасался.

И только по окончании работы коллеги из онлайн-общества «Куда смотрит редактор» указали мне «первоисточник». Он до смешного очевиден: это песенка Мюнхаузена (!) из советского мультсериала 1972–1974 годов, придуманная, как и сами сценарии, Романом Сефом:

В просторах голубого
Большого океана
Я сам за рулевого,
Я сам за капитана.

Находчивость и храбрость,
Отвага и удача,
В беде не растеряться —
Вот главная задача!

Разумеется, как все советские дети, я любил этот мультсериал с его «миметической» фразой джина: «Не видишь, мы ку-ушаем!» — но, берясь за работу, совсем забыл про песенку! Так что известные слова «все мы родом из детства» находят порой удивительное подтверждение.

Второе, более техническое правило заключалось в том, что, поскольку речь идет о герое XVIII века, я положил себе добиваться точной рифмы, если не державинского, то пушкинского времени, и избегать переносов фразы из строки в строку. И уж тем более — из катрена в катрен. Что совпадет с общим требованием, предъявляемым к поэзии детской, к которой эта книга про Мюнхаузена все-таки относится: детское стихотворение, как остроумно заметил Михаил Яснов, должно быть таким, чтобы его можно было пропрыгать на одной ножке. И это правило соблюдал, резко нарушив его только в одной, самой короткой главе, про вытаскивание из болота за волосы. В ней всего пять четверостиший, и они действительно читаются как одна длинная «вытягивающаяся» фраза:

Лягушек не попросишь
о помощи! К тому же
коня в беде не бросишь...
Барон сжал ноги туже,

взревел звериным рыком,
как лев, завидя львицу,
в усилии великом
схватился за косицу

и вытянул на сушу
себя с конягой вместе —
так укрепляет душу
закон военной чести!

Хотя, разумеется, я тоже сообразил это только задним числом. Зато отсылка к XVIII веку дала мне основание использовать устаревшее слово «окоем» (панорама):

Где солнца луч играет
с голубизной беспечной,
морская даль прельщает
дорогой бесконечной.

Уходит к небосводу
дорога без подъёма
и пробивает сходу
пределы окоёма.

И архаичное ударение:

Султан принужден к миру,
тишь-благодать на свете!

МИХАИЛ ВИЗЕЛЬ

На зимнюю квартиру
барон спешит в карете.

Стилистика «ироикомиической поэмы», поддерживаемая, что очень важно в детской книге, изумительными иллюстрациями Серджо Оливотти (Sergio Olivotti),⁵ потребовала и ряда смелых решений. Так, описывая полет на ядре, автор употребляет слово *monoposto*, означающее одноместное транспортное средство, обычно — скоростной мотоцикл или гоночный автомобиль. По-русски такого емкого слова нет, но удачно подошло слово *болид*:

Несется бесшабашно
вдаль на борту болида,
и даже если страшно —
не подает и вида.

А иронично переосмысленную автомобильную лексику удалось под-
держивать дальше в этой же главе:

Тогда он аккуратнo,
не допустив осечки,
перескочил обратно
и полетел по встрече.

Много хлопот доставило восходящее к Распэ описание лунных вели-
канов, у которых на руке всего по одному пальцу и соответствующая им
система исчисления:

И вскоре удивленный
барон увидел лично,
что этот мир лимонный
похож на наш привычный.

Но есть различья в лицах:
навстречу из долины
верхом на чудо-птицах
несутся исполины.

Один лишь перст при этом
у них в горсти; не строго

⁵ Вообще серия «Ласка-Пресс», в которой вышла книга, есть серия книг иллюстрированных — отбираемых мною лично как редактором серии и большей частью привозимых с ярмарки детской литературы в Болонье.

И СНОВА МЮНХАУЗЕН

ведут подсчет предметам:
раз, два, а дальше... много!

Добиться в таком коротком размере внятности описания столь непривычной нам анатомии и арифметики было очень непросто. Но и в этом случае я, тоже уже задним числом, узнал, что подсчет «раз, два, много!» действительно практикуется в некоторых замкнутых сообществах — например, у индейцев Пираха,⁶ — имеющих, надо полагать, на ладонях по пять пальцев. И возможно, что сам Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен действительно сталкивался с этой поразившей его системой исчисления в русских деревнях в 1740-е годы. Так что барон и здесь не соврал — а лишь расцвел своей фантазией дикий для него, человека Просвещения, факт.

В заключение я хочу воспользоваться возможностью и еще раз поблагодарить моих русских и итальянских коллег, команду арт-резиденции «Переделкино» и моего идеального редактора Яну Арькову. И сейчас, когда итальянский Мюнхгаузен доскакал наконец до русского читателя, мне остается только добавить: «Присоединяйтесь, синьор барон! Присоединяйтесь!»

⁶ Описано в сборнике: Язык, мышление и картина мира индейцев племени Пираха(н) / Сост. и отв. ред. А. Д. Кошелев, науч. ред. В. Д. Соловьев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. (Серия: Разумное поведение и язык. Language and reasoning).

АРХИВ

«Самый счастливый день в моей жизни»:

*Путешествие русской паломницы
на Святую Землю в 1860 году**

*Вступительная статья, публикация
и комментарии Ивана Полякова*

Паломнические сочинения о путешествиях на Святую Землю занимают особое место в русской письменной традиции. Первый из известных памятников, «Житие и хождение игумена Даниила», был составлен в XII в. и на долгое время стал образцом для сочинений русских паломников.¹ В эпоху Московской Руси и в XVIII в. добраться до Палестины и вернуться обратно было тяжелой задачей. Неудивительно, что пройти этот путь решались лишь единицы, и только малая часть из них оставила после себя паломнические описания Святых мест и путевые дневники. В XIX в. в связи с развитием морского флота, расширением границ Российской империи, упрочением ее положения на мировой арене и увеличением интереса к восточным редкостям к поездкам на христианский Восток приобщались и представители правящей и интеллектуальной элиты русского общества. Для многих из них целью поездки было уже не только желание увидеть места, связанные с земною жизнью Иисуса Христа, Богородицы и библейских праведников, но и стремление познакомиться с таинственными восточными странами, местной природой, жителями и укладом их жизни.²

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

¹ См. об этом: Хождение игумена Даниила / Подгот. текста, перевод и коммент. Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 584.

² Библиография работ, посвященных хождениям по Святым местам и их паломническим описаниям XII–XX вв.,

В середине XIX в. благодаря деятельности возникшей в 1847 г. Русской духовной миссии в Иерусалиме, запуску пароходной линии из Одессы в Яффу под эгидой Русского общества пароходства и торговли и открытию русского консульства в Палестине число паломников на Святую Землю выросло многократно. С конца 1850-х годов на христианский Восток ездили представители всех сословий русского общества: от наследника престола князя Константина Николаевича до поклонников и странников из мещан и крестьян. С этого момента значительно возрастает число дошедших до нас дневников и описаний, чьи авторы ехали на Восток не только на богомолье, но и с целью «религиозного туризма».

Абсолютное большинство выявленных и опубликованных на сегодняшний день паломнических сочинений XIX — начала XX в. принадлежит перу мужчин разных сословий. Женские дневники, мемуары, записки и даже письма, в которых отразились бы впечатления паломниц о пребывании на Святой Земле, сохранились очень фрагментарно, хотя статистика свидетельствует об активном участии женщин в паломническом движении.³ В настоящий момент за первую половину — середину XIX в. известно лишь несколько мемуарных и эпистолярных памятников, написанных женщинами в Палестине или по воспоминаниям о ее посещении.⁴ За вторую половину XIX — начало XX в. до настояще-

чрезвычайно обширна. Тексты наиболее значимых и распространенных сочинений, оказавших наибольшее влияние на русскую культуру, собраны в издании: Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. / Сост., предисл., справки об авторах и примеч. Б. Н. Романова. М.: Журнал «Лепта», 1995. Новейшие исследования о паломнических сочинениях эпохи Средневековья и Нового времени см. в работах И. В. Федоровой, К. Е. Балдина, К. А. Ваха и др.

³ Платонов П. В. Быт и нужды русских православных поклонников на Святой Земле в XIX—XXI веках // Иерусалимский вестник ИППО. Иерусалим, 2012. Вып. 1. С. 7—38; Бокатов А. Ю. Эволюция образа православного паломника в российской периодике второй половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2020. № 56. С. 32—34.

⁴ Отметим самые ранние из опубликованных памятников: 1) Путешествие в Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Прасковьи Степановны в 1819 году. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1885; см. о нем: Федорова И. В. «Путешествие в Иерусалим девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны» (РНБ, собр. Титова, № 1307) в контексте русской паломнической литературы // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: Материалы научной конференции. Ярославль, 25—27 сентября 2014 года. Ярославль: Канцлер, 2016. С. 244—263; 2) Самофалова Е. И. «Путевые записки» (1852—1853) Екатерины Волковой о паломничестве на Святую Землю // Литературные взаимосвязи России XVIII—XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. Вып. 1. С. 332—401; 3) Два письма из

го времени дошло значительно больше женских паломнических эго-документов. Это обстоятельство может быть связано с улучшением транспортной ситуации и образованием Императорского Православно-го Палестинского общества, когда личные и семейные путешествия на христианский Восток начали носить массовый характер. Тем не менее, процент сохранившихся женских паломнических описаний по сравнению с документами паломников-мужчин достаточно мал, а женские дневники и воспоминания первой половины — середины XIX в. носят единичный характер и обладают высокой ценностью для исследователей.

В настоящей работе в научный оборот вводится фрагмент дневника паломницы, бывшей в Иерусалиме и его окрестностях в июле — начале сентября 1860 г. Рукопись была обнаружена в фондах Отдела письменных источников ГИМ.⁵ Она представляет собой одну шитую тетрадь из 10 листов⁶ без переплета, обложки и каких-либо атрибутивных помет. Первый лист дневника открывается записью неизвестной паломницы о прибытии в Иерусалим 6 июля 1860 г.: «Наконец, 6-го июля мы достигли цели нашего путешествия, Святаго града Иерусалима...» (л. 1). Памятник завершается описанием пути из Палестины в Россию на пароходе и рассказом о четырех днях, проведенных в Одессе (23—26 сентября 1860 г.). Рукопись не датирована, однако год паломничества восстанавливается на основании упомянутого автором события — торжественной церемонии закладки Троицкого собора Русской духовной миссии в Иерусалиме 30 августа 1860 г. Внешний вид тетради позволяет предполо-

Иерусалима русской поклонницы св. Гробу Господню. М.: Тип. Имп. Академии наук, 1858; см. о нем: *Бутова Р. Б.* Школа Е. Ф. Бодровой: К 150-летию русского учебного дела в Святой Земле // *Русская Палестина. Россия в Святой Земле: Материалы Международной научной конференции.* СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. С. 121—134; 4) *Брюн де Сент-Ипполит В.* Торжество Пасхи в Иерусалиме // *Странник: Духовный, учено-литературный журнал.* 1860. № 4. Отд. 1. С. 107—116. Тематический обзор неопубликованных воспоминаний, документов и записок паломниц о Святой Земле середины XIX в. см. в готовящейся к публикации статье И. В. Федоровой: *Федорова И. В.* «Не годен для печати»: О принципах отбора паломнических записок для издания // *Два века русской классики.* 2023. № 3 (в печати). Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

⁵ ОПИ ГИМ, ф. 92 (Мемуары, дневники, письма), № 120.

⁶ Рукопись написана на бумаге машинного производства с овальным штемпелем Знаменской фабрики: «ЗНАМЕНС. ФАБР.», типа: *Клепиков С. А.* Филлиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII—XX вв. М.: Изд-во Всесоюз. Книжной палаты, 1959. С. 104. № 65 (1843—1845 гг.).

жить, что она являлась частью путевого дневника, начало которого не сохранилось.⁷

Всего в Иерусалиме и его окрестностях автор дневника пробыла 61 день — с 6 июля по 4 сентября. Из них она с разной степенью подробности описала 50 дней. 8 из 11 дней, не отмеченных в источнике (9—16 июля), паломница и ее спутницы постились, чтобы 17 июля причаститься. По-видимому, в этот период она была сосредоточена на молитве, не совершала поездок по библейским местам и не сочла нужным описывать в дневнике свой духовный опыт. По неизвестной причине в рукописи также отсутствуют записи за 23 июля, 17 и 19 августа.

Важно отметить, что обнаруженный источник является оригинальным дневником, который автор вела *в ходе поездки*, а не переписанной или исправленной позже копией, что редко для паломнических сочинений того периода, обычно составлявшихся постфактум на основании черновых заметок. Она обращалась к тетради не ежедневно, а записывала сведения за прошедший период раз в несколько дней или недель. В ряде случаев паломница позднее перечитывала уже написанные части и добавляла к ним новые сведения (пометы над строкой и между строками) или вычеркивала ошибочные. Механизм ее работы над рукописью можно проследить на материале абзацев, написанных сначала карандашом, а затем обведенных черными чернилами. В дневнике в таком виде выполнены записи за 8—10 августа (службы в Михайловском монастыре, храме Гроба Господня, Успенской церкви и др.), 31 августа — 5 сентября (эмоциональное описание последних дней в Иерусалиме, тяжелая дорога от Иерусалима до Яффы, шторм во время посадки на пароход), 15 сентября (первая половина дня в Смирне).

Рассмотрим подробнее два последних блока записей. Оказавшись на корабле после трудного пути и тяжелой посадки на судно, автор дневника сразу или на следующий день карандашом зафиксировала события за 31 августа — 5 сентября (л. 6—8 об.). Затем она обратилась к дневнику утром 10 сентября и коричневыми чернилами заполнила сведения за 6—10 сентября (отплытие, Бейрут, Александретта), закончив словами: «10-го рано утром приехали в Мерсину. Простояли до часу» (л. 9). События за вторую половину 10 сентября (шторм при отплытии из Мерсины) паломница записала только 13 числа. Она пропустила 11 и 12 сен-

⁷ История поступления рукописи в ОПИ ГИМ неизвестна. Она хранится в фонде № 92 (Мемуары, дневники, письма), составленном во второй половине XX в. из отдельных материалов. По свидетельствам сотрудников Отдела письменных источников, большая часть подобных документов передавалась в ГИМ в связках, не имела номеров поступлений и инвентарных описей. Данное обстоятельство не позволяет определить источник поступления и, следовательно, ответить на вопрос — когда и где были разведены тетради дневника.

тября и остановилась на записи: «13-е сентября час дня» (л. 9). Позднее (между 15 и 20 сентября) она карандашом в этой же строке написала: «Во время бури (шторм 10 сентября. — *И. П.*) второму машинисту,⁸ молодому человеку Соколову, машиной раздробило палец, и ему отняли его» (л. 9), а также зафиксировала перемещения парохода за 14—15 сентября (прибытие в Смирну, обзорная экскурсия) (л. 9 об.). Запись карандашом обрывается на фразе «Утром ходили», но продолжается коричневыми чернилами: «в монастырь, прикладывались к кресту...»; можно думать, что продолжение это было сделано 18 или 19 числа, так как теми же чернилами выполнена запись за 18 сентября (л. 9 об.). В Одессе или по возвращении домой автор обвела все карандашные записи черными чернилами, добавив в ряде случаев новые подробности.

Подобная форма регулярных, но не каждодневных записей объясняется режимом паломницы. В Иерусалиме основную часть ее времени занимали службы (в том числе ночные), в свободные от них часы она или находилась в пути, или «делала визиты» (л. 4). На корабле в связи с регулярными штормами и качкой она вряд ли могла обращаться к дневнику каждый день.

Все записи в рукописи выполнены «для себя», владелица не подразумевала возможности их дальнейшей публикации и не составляла из них связный текст. В связи с отсутствием первой тетради / тетрадей дневника по имеющимся к настоящему времени сведениям определить автора рукописи пока не удалось. Однако изложенные факты позволяют высказать предположение о ее социальном статусе, приблизительном возрасте, сфере интересов и круге общения.

Паломница прибыла в Иерусалим в начале июля в составе организованной группы, состоящей, по-видимому, только из женщин. Большую часть поездок они совершали вместе, хотя в некоторых случаях автор дневника предпочитала ходить на службы и посещать памятники одна.⁹ Из Яффы в Иерусалим путешественники добирались на ослах или мулах (на обратном пути автор впервые в жизни села на лошадь), по приезде были поселены в комнаты при Греческом монастыре, что было традиционным обычаем у греков при приеме паломнических групп в середине XIX в. («Нас привели к преосвященному Милетию. Он принял нас ласково и взял под свое покровительство» (л. 1)).¹⁰ Времяпрепро-

⁸ Здесь и далее орфография источника сохраняется.

⁹ Автор дневника на протяжении текста несколько раз использует словосочетание «наши спутницы», но не упоминает их имен.

¹⁰ Пермский крестьянин И. Н. Бушуев, годом ранее посетивший Иерусалим, подробно описал традиционную встречу русских паломников на Святой Земле: «Доехали в Иерусалиме до Греческого монастыря, где живет сам патриарх Иерусалимской. Лишь только появились близь монастыря, то

вождение паломницы и ее спутниц на Святой Земле не отличалось от описанного другими путешественниками середины XIX в.: они посещали одни христианские святыни, участвовали в ежедневных службах и праздничных богослужениях. По-видимому, большую часть группы составляли уже немолодые женщины, которые с трудом могли преодолевать большие расстояния. В отличие от стандартного маршрута посещения Святых мест для русских паломников, автор дневника и ее спутницы лишь дважды ненадолго покидали приделы Иерусалима, выезжая в Вифлеем и Вифанию. Таким образом, вне их внимания остались такие важные, но удаленные от Иерусалима библейские места, как Самария, Севастия, Иордан, Мертвое море, Фаворская гора, Иерихон, Назарет и т. д., описание которых можно встретить в большинстве воспоминаний о Святых местах.

В отличие от многих путешественников, впервые приехавших на христианский Восток, автор дневника не проявляет интереса к бытовым сторонам жизни Святого Града, местным традициям, населению, природе. Ее внимание полностью сосредоточено на священных памятниках и богослужениях. К примеру, в дневнике паломница специально фиксирует, сколько ночей у Гроба Господня она провела в молитвах.¹¹ Перед отъездом из города она отметила, что находилась ночь со 2-го на 3-е сентября в храме, ожидая, что эта 16-я ночь «должна была быть последнею». По-видимому, выезд отложился на один день, что позволило ей остаться в храме и на следующую ночь. «Самый щастливый день в моей жизни. Плакала сладостными слезами, — написала она. — С 3-го на 4-е сентября 17-ая и последняя ночь, проведенная мною у Гроба Господня. В последний раз обошла я все пределы храма, молясь за всех моих и знакомых и прося у Господа даровать мне свидания с ними и найти их всех здоровыми...» (л. 6 об.). На протяжении поездки автор дневника лишь раз сожалела о бессмысленно проведенном дне, за который она ни разу не была в церкви: «22 (августа. — И. П.). Провела день дурно, не была ни у одной службы. Делала визиты к двум преосвящен-

встретили нас радушно, и тотчас отвели комнаты — русским особые и грекам особые же. Немного погода принесли на подносе изюму и после того подавали всем по чашке кофе, потом пошли к вечерне в греческий храм. После вечерни повестили всех на трапезу, за коей подавали по чайной чашке вина виноградного, на столе подавали кушанья три блюда: суп из овощей огородных с приправой, второе из круп, а третье из маслин белых, хлеб подавали и черный, и белый, и благодарение Богу мы насытились с преизбытком!» (Поляков И. А., Смирнова М. А. Описание путешествия в Палестину пермского крестьянина И. Н. Бушуева 1858 г. // Православный Палестинский сборник. 2019. Т. 117. С. 156–157).

¹¹ О традиции ночного моления русских паломников в храме Гроба Господня см.: Леонид (Кавелин), архим. Старый Иерусалим и его окрестности: Из записок инока-паломника. М.: Унив. тип., 1873. С. 60–64.

ным, докторше (Е. А. Мазараки. — *И. П.*) и нашим больным спутникам» (л. 4 об.).

Записи в памятнике свидетельствуют о высоком социальном статусе и хорошем материальном положении автора дневника. На протяжении поездки она — как в составе группы, так и в частном порядке — свободно общалась с иерархами русской и греческой церкви в Иерусалиме. Она часто присутствовала на службах, проводимых начальником Русской духовной миссии епископом Мелитопольским Кириллом (Наумовым) и заместителем иерусалимского патриарха митрополитом Мелетием, принимала их в гостях, пила с ними чай. 4 сентября оба иерарха вышли проводить ее и доктора Х. В. Мазараки с женой во время отъезда из Иерусалима, благословили ее и подарили на память четки (митрополит Мелетий) и литографированный портрет преосвященного Кирилла. 3 августа паломница «была у консула (К. А. Соколова. — *И. П.*) и других», а во время служб и мероприятий среди остальных лиц особо выделяла приехавшего в Иерусалим управляющего канцелярией Священного Синода П. И. Саломона.¹² Для ее паломнической группы 28 августа французский консул Эдмонд Пьер де Баррер лично открыл дом Иоакима и Анны, провел их по святыне и подарил отколотые в священной пещере камни. Наконец, 30 августа она присутствовала на торжественной церемонии закладки Троицкого собора на Мейдамской площади.

Среди русских в Иерусалиме автор называет по имени-отчеству некую Наталью Ивановну — вероятно, значимого человека в деловых кругах Русской Палестины. 26 августа на ее именины собралась большая компания: «... преосвященный Кирилл, игумен Гроба Господня Серафим, гевсиманской игумен Анфим, доктор с женой (Х. В. и Е. А. Мазараки. — *И. П.*) и наши спутницы пришли поздравить Наталью Ивановну с именинами. Была закуска, пили шампанское» (л. 4 об.). Представляется, что автор дневника могла быть знакома с Натальей Ивановной и до поездки в Иерусалим и относилась к ней с уважением. При описании встреч с незнакомыми или малознакомыми людьми она приводит или фамилию, или социальное положение упоминаемого лица: Мазараки, молодой человек Васильев, молодой человек Соколов, консул, сестра милосердия. На обратном пути из Иерусалима она вместе со спутниками во время длительных стоянок парохода путешествовала по городам и останавливалась в гостиницах. По приезде в Одессу она сняла номер за три рубля в сутки и отправилась на службу к епископу Новомиргородскому Антонию (Смолину), после которой несколько раз пила чай в его покоях. Для сравнения: весь бюджет зажиточного пермского кре-

¹² Стоит отметить, что при описании собственных встреч автор дневника использует глаголы в единственном числе: «была у консула и других», «наносила визиты». Следовательно, эти мероприятия не входили в программу паломнической группы.

стьянина И. Н. Бушуева на поездку из Одессы в Иерусалим и обратно с паломнической группой в 1858 г. составлял 100 рублей.¹³

Вероятно, автор дневника получила неплохое образование, так как большая часть записей в рукописи написана «с листа», без черновика, легким и понятным языком. В некоторых случаях паломница употребляет французские слова и называет одну из своих знакомых или родственниц на французский манер. О своих близких она пишет немного: несколько раз эмоционально упоминает в молитвах «свое сокровище» и «свою жизнь» — 19-летнего сына Александра,¹⁴ а также «берегущих» его дома «Афросинью Яковлевну и Полин» (л. 5 об.). После праздничной успенской службы автор дневника заснула и увидела плохой сон о «Павле А.», однако кем приходился ей этот человек — неизвестно.

Таким образом, на основании имеющихся в памятнике сведений можно высказать предположение, что автор дневника — немолодая женщина (не менее 37—38 лет), возможно, вдова (в тексте не упоминаются ни супруг, ни другие близкие ей мужчины), достаточно образованная и имеющая хорошее материальное положение. На Святую Землю она отправилась исключительно по религиозным соображениям. Ее тесное общение с церковными иерархами и другими статусными лицами в Палестине могло быть связано с желанием сделать щедрое пожертвование Русской духовной миссии в Иерусалиме, в чем были заинтересованы все стороны переговоров.

В ходе работы над публикацией памятника автором статьи предпринимались усилия на основании прямых упоминаний в других источниках и косвенных данных текста (имя и год рождения сына) установить владельца дневника.¹⁵ К сожалению, имя автора не было обнаружено

¹³ Поляков И. А., Смирнова М. А. Описание путешествия в Палестину пермского крестьянина И. Н. Бушуева 1858 г. С. 154.

¹⁴ Из текста дневника очевидно, что Александр родился 24 сентября (по старому стилю) 1840 г. (мать молилась за него в Одессе), а его именины приходятся на 30 августа. Обе даты автор памятника отметила особо.

¹⁵ В частной беседе И. В. Федорова высказала предположение, что автором дневника могла быть писательница Варвара Брюн де-Сент-Ипполит (урожденная Копьева), опубликовавшая в 1860-е годы ряд статей, посвященных своим путешествиям на Святую Землю (см. о ней: Брюн де-Сент-Ипполит, Варвара Алексеевна (рожд. Копьева) // Русский биографический словарь. СПб., 1908. <Т. 3>: Бетанкур — Бякстер. С. 412). Части неопубликованного автобиографического наследия писательницы были обнаружены И. Ф. Федоровой в фондах ОР РГБ и НИОР БАН (подробнее см.: Федорова И. В. «Не годен для печати»: О принципах отбора паломнических записок для издания). Ряд сведений из публикуемого дневника позволяет высказать некоторые сомнения относительно предложенной гипотезы. В-первых, описание автором дневника въезда в Иерусалим и моментов пер-

в официальных документах и делопроизводственной переписке Азиатского департамента и Русской духовной миссии, а другие паломники, оставившие воспоминания о посещении Святой Земли в 1860 г., уехали до или приехали после ее появления в Иерусалиме.¹⁶ За вторую половину 1860 г. сохранилось несколько писем епископа Кирилла (Наумова) к епископу Макарию (Булгакову). В письме от 5 сентября 1860 г. пресвященный Кирилл упомянул о церемонии закладки Троицкого храма, а также отметил: «Нынешний год (1860 г.) особенный урожай у нас гостей; то и дело знать. Много пришлось побеседовать о “матерьях важных”; много пришлось нажить себе и новых друзей, и новых врагов».¹⁷ Имен «новых друзей» и «новых врагов» епископ не назвал.

По нашему мнению, имя паломницы может быть установлено при полистном просмотре списков жертвователей Русской духовной миссии в Иерусалиме методом сопоставления даты пожертвования (в период с 6 июля по 4 сентября 1860 г.) и имени дарителя (выборка по женским именам). Перспективным направлением исследования также является поиск паспорта автора дневника, который она должна была получить при отъезде из страны, проштамповать на территории Османской империи и вернуть обратно по возвращении парохода. Эта работа требует специального продолжительного исследования и может быть сделана в дальнейшем в контексте просопографического анализа материалов о русских паломниках середины XIX — начала XX в. Вместе с тем представляется, что и на нынешнем этапе исследования, даже без выявления имени автора, публикация уникального для середины XIX в. дневника женщины-паломницы на Святую Землю будет представлять интерес для широкого круга специалистов.

вого посещения библейских памятников указывает на то, что она впервые оказалась на Святой Земле, тогда как Варвара Алексеевна совершила первое паломничество в 1858 г. Во-вторых, В. А. Копьева вышла замуж за Георгия Брюн де-Сент-Ипполита не ранее 1843 г., об их совместных детях информации нет. Первая жена Георгия, Елизавета Брюн де-Сент-Ипполит (урожденная Дюгу), умерла 5 февраля 1843 г. (см.: Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. I. С. 306). Автор дневника родила сына Александра 24 сентября 1840 г. Таким образом, имеющиеся данные не позволяют отождествить автора дневника с В. А. Брюн де-Сент-Ипполит.

¹⁶ Из всех известных авторов мемуаров «ближе» всех по времени к автору дневника в Палестине находился В. К. Каменский. Он выехал из Иерусалима в Яффу в последних числах июня 1860 г., а вернулся обратно в начале 1861 г. (Архив внешней политики Российской империи, ф. 152, оп. 505, ед. хр. 155, л. 134–136, 263 об.–264). За сообщение о существовании неопубликованных третьего и четвертого путешествий В. К. Каменского сердечно благодарю К. А. Ваха.

¹⁷ Епископ Кирилл Мелитопольский в его письмах к митрополиту Макарию Булгакову, 1857–1865 гг. // Русская старина. 1890. № 4. С. 214–215.

«ДНЕВНИК ПАЛОМНИЦЫ»¹

// (л. 1) Наконец, 6-го июля мы достигли цели нашего путешествия — Святого Града Иерусалима, и уста наши сквозь слезы повторяли невольно слова евангельский: «Иерусалим! Иерусалим, избивающий пророков и камением побивающий посланных к тебе...».² Нас привели к преосвященному Милетию.³ Он принял нас ласково и взял под свое покровительство.

С 7-го на 8-е июля после вечерни нас повели в храм Воскресения.⁴ Когда нам позволили войти в *кувуклию*,⁵ где Гроб Господень, и мы, упав на колени и прильнув устами к Гробу, перенеслись в другой мир, то что-то сладостное, неиспытанное нами до сих пор, разлилось по всему суще-

¹ Текст дневника воспроизводится современным гражданским шрифтом. Вышедшие из употребления буквы славянского алфавита заменяются современными, «ер» в конце слов снимается. В остальном орфография источника сохранена, пунктуация современная. В квадратных скобках [...] указываются восстановленные буквы, сокращенные автором или отсутствующие в тексте рукописи по причине механических повреждений бумаги.

² Автор дневника цитирует Новый Завет: Мф. 23: 37 (в переводе Росийского Библейского общества; см.: Библия. Господа нашего Иисуса Христа Новый завет: на славянском и русском языке. СПб., 1821. С. 79).

³ Мелетий — митрополит Петры Аравийской, наместник иерусалимского патриарха, опытный и уважаемый в Иерусалиме иерарх. Считался покровителем православных паломников на Святой Земле, что неоднократно отмечали современники. См. о нем: <Волконский М., князь>. Записки паломника, 1859 г. СПб.: Тип. И. Фишона, 1860. С. 114—115, 121, 136—137, 166—167; Вах К. А. Как начиналась Русская Палестина: Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Доргобужина, 1858—1860 // Иерусалимский Православный семинар. 2017. Вып. 7. С. 197.

⁴ Здесь и далее мы не комментируем описанные автором общеизвестные христианские святыни Палестины и их историческое значение. «Экскурсионная программа» русского паломника середины — второй половины XIX в. опиралась на традиции посещения христианами библейских мест и была выработана местным духовенством и властями. Таким образом, год за годом паломнические группы посещали одни и те же памятники, часто — в одном и том же порядке. «Типичный» путь русского паломника в Иерусалиме и его окрестностях прекрасно отражен в записках архимандрита Леонида (Кавелина): *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности: Из записок инока-паломника.

⁵ В ркп. неразборчиво, восстановлено по смыслу. Кувуклия — часовня над Гробом Господним в Воскресенском храме в Иерусалиме (см.: *Беляев Л. А.* Гроб Господень // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). М., 2006. Т. 13. С. 136—150).

ству, и мы в обильных слезах лобызали камень. Тут мы провели всю ночь в чтении акафиста Христовым страстям, Воскресению, Божей Матери, Ангелу Хранителю, стояли заутреню и обедню. В эту ночь турки положили убить всех христиан, находящихся в Иерусалими, но по великому милосердию своему Господь предотвратил от нас удар этот.⁶

С 9-го мы начали говеть и 17-го июля сподобились приобщит<ь>ся святых тайн на Гробе Господнем.

18-го ходили в Гевсиманию на гроб пресвятыя Девы, святого ее оброчника Иосифа и святых родителей Иокима и Анны. Были и на Элеоне, откуда вознесся Спаситель наш,⁷ и лобызали стопочку, отпечатывающуюся в камне. Были и в Вертограде, и на месте, где почивали три апостола и где убит был первомученик Стефан. //

(л. 1 об.) 19-го обедню стояли у Иоана Предтечи, прикладывались к части святой главы его. Прямо от обедни отправились в Вифлием пешком. На половине дороги монастырь святого пророка Ильи, где мы стояли большую вечерню, так как это было накануне праздника святого Ильи П[ророка]. Лобызали место в камне, где означился абрес⁸ пророка. Вечером любовались дикою картиною арабов, певших и скакавших при разженных кострах. Отстояли заутреню, обедню и после обеда в 3 часа отправились далее к Вифлеему. Я чувствовала головную боль, ужасное изнеможение во всем теле и насилию, насилию дошла до Святого града, повторяя слова евангельские: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, нечем не меньше главных городов Иудиных, из тебя бо изыдет вождь, который упасет народ твой Израиля».⁹ Войдя в храм, я упала на звезду и рыдала как изтупленная, меня приподняли, звали к яслям, но я села на первую ступеньку и долго сидела, пока собралась с силами, чтобы переступить еще три ступени к яслям.

⁶ Возможно, автор имеет в виду один из эпизодов друзско-маранитского конфликта 1860 г., апогеем которого стало массовое убийство христиан мусульманами 9–18 июля в Дамаске (см.: *Кобищанов Т. Ю.* Дамасская резня // ПЭ. Т. 13. С. 699–700). 5 сентября 1860 г. в письме к епископу Харьковскому и Ахтырскому Макарию (Булгакову) епископ Кирилл (Наумов) делится схожими мыслями: «Около нас — все еще запах крови... Мы сидим здесь на бочке пороху, — одна искра и — прощай» (Епископ Кирилл Мелитопольский в его письмах к митрополиту Макарию Булгакову, 1857–1865 гг. С. 214).

⁷ В ркп. первоначально «нах», исправлено.

⁸ Вероятно, автор имеет в виду *абрис* — «рисунок в чертах, без тени» (Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1861. Т. 1: А — Адб. С. 107–108).

⁹ Автор дневника цитирует Новый Завет: Мф. 2: 6 (см.: Библия. Господа нашего Иисуса Христа Новый завет: на славянском и русском языке. С. 3).

В Вифлиеме я пролежала два дни. Была заказная обедня, всенощна, и я все время сидела в вертепе возле яслей.

22-го воротилась в Иерусалим на осленки. Провожатый шел возле, но все-таки осленок мой споткнулся, и я перелетела через его голову и ушибла только колену, потому что случилось на мягком месте. Получила два письма от своих и была в *восторге*.¹⁰

25-го празднование святой Анны, родительницы Богоматери, стояли обедню в Гевсимании у Гроба ее и потом прикладывались ко всем гробам: Богородицы, Иокима, Анны и святого Иосифа. //

(л. 2) С 26-го на 27-е провели ночь в храме Гроба Господня. Преосвященнейший Кирилл¹¹ служил на Голгофе всенощну. Потом мы читали акафист страданиям Христовым, акафист Божей Матери. В три часа началась обедня на Гробе Господнем. Это была 4-ая ночь, проведенная мною на Святом Гробе.

28. Праздник Смоленской Божей Матери. Была в церквах святого Иакова и святого Николая Чудотворца. Обедню стояла в Михайловском монастыре, была русская служба. Вечером в 5-ть часов ходили в Крестной монастырь, где росло дерево, из которого зделали крест, на котором был распят Христос.

29. Стояли обедню в Михайловском монастыре, потом пришел к нам преосвященнейший Кирилл, а долго сидил у нас.

30. С 30-го на 31 провела ночь у Гроба Господня,^{12-5-ая ночь.}⁻¹²
^{13-Ходили в Вифанию, где Господь воскресил Лазаря. Были на Элеоне.}⁻¹³

1-го августа стояли обедню в Гевсимании у гроба Божей Матери, потом ходили на место, где Господь зделал брение и исцелил слепорож-

¹⁰ В ркп. неразборчиво, восстановлено по смыслу.

¹¹ В ркп. написано по затертому. Кирилл (Наумов) (1823–1866) — иерарх Русской православной церкви, епископ Мелитопольский, в 1857–1863 гг. был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. См. о его деятельности на этом посту: *Титов Ф. И., свящ.* Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме: Очерк из истории сношений России с православным Востоком. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1902; *Никодим (Ротов), митр.* История Русской духовной миссии в Иерусалиме. Серпухов: Серпуховский Высоцкий мужской монастырь, 1997. С. 148–255; Россия в Святой Земле: Документы и материалы / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. Н. Лисового. М.: Международные отношения, 2000. Т. 1–2; *Смирнова И. Ю.* 1) К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: Миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 365–387; 2) Кирилл (Наумов Василий Николаевич) // ПЭ. М., 2014. Т. 34. С. 515–519.

¹²⁻¹² В ркп. написано над строкой.

¹³⁻¹³ В ркп. написано между строк.

денного. Ходили на Силоамский источник, куда Господь послал слепо-рожденного умыт<ь>ся. Смотрели гробницы пророков Авесолома, Исаяи.

2-го августа стояли обедню у Иоана Крестителя, прикладывались к его святой главе. Потом стояли рускую обедню в Михайловском.

С 2-го на 3-е¹⁴ в 5 часов утра стояли обедню на Голгофе, служил прео[священный] Милетий. Была у консула¹⁵ и других.

С 3-го на 4-е провели ночь у Гроба Господня. Это была 6 ночь, проведенная мной¹⁶ у Гроба. Отстояв архиерейскую обедню, в пять часов утра отправились в Гевсиманию, где простояли другую обедню. Шли крестным путем Спасителя, прикладывались к колонне, на которую садился Христос, изнемогши под тяжестью креста. Шли под аркой, с которой Пилат произнес суд над Спасителем, сказав иудеям: «Умываю руки, кровь его будет на вас и на детях Ваших».¹⁷ // (л. 2 об.) Видели дом¹⁸ Иокима и Анны.¹⁹ Места, принадлежащая франкам: где Господь сидел в темнице, где надели на него терновой венец. Смотрели издали на Святая Святых, ныне турецкая мечеть. Место встречи с Богоматерью. Дом императрицы Елены. Здания,²⁰ в которых пекли хлебы для работников, отрывавших крест Господень. Стояли на месте, где Господь плакал о Иерусалиме и говорил: «Иерусалим! Иерусалим, избивающий пророков и камением побивающей (так!) посланных к тебе колико...».²¹

¹⁴ В ркп. далее «ночевали», зачеркнуто.

¹⁵ Соколов Капитон Александрович (?—1863) — русский дипломат, в 1860—1862 гг. иерусалимский консул. О деятельности на этом посту см.: Вах К. А. Иерусалимский консул К. А. Соколов: между Палестинским комитетом, Русской Духовной Миссией и Греческой Патриархией: (Причина «консервации» Русских раскопок на участке у храма Гроба Господня в Иерусалиме) // Иерусалимский православный семинар. 2019. № 9. С. 119—147.

¹⁶ В ркп. написано над строкой.

¹⁷ Автор дневника цитирует Новый Завет: Мф. 27: 24—25; см.: Библия. Господа нашего Иисуса Христа Новый завет: на славянском и русском языке. С. 98.

¹⁸ В ркп. первоначально «развалины дома», зачеркнуто.

¹⁹ В ркп. далее затерто.

²⁰ Испр., в ркп. «здание» (написано по затертому).

²¹ Автор дневника цитирует Новый Завет: Мф. 23: 37; см.: Библия. Господа нашего Иисуса Христа Новый завет: на славянском и русском языке. С. 79.

5-го стояли обедню в Гевсимании у гроба Богоматери, потом ходили на Элеон, куда Богоматерь ходила 40 дней сряду по Вознесении Спасителя.

С 5-го на 6-е провела ночь в храме Воскресения, где преосвященный Кирил служил на Голгофе всю ночь, после которой мы обошли все знаменательные места храма, прочли акафист Воскресению Божией Матери. В два часа началась обедня у Гроба Господня, за который были все русские, находящиеся в Иерусалиме, и новоприложный директор Синода Соламон²² и его секретарь. Эта была 7-ая ночь, проведенная мною на Гробе Господне. Вечером были у всенощни в Михайловском.

7-го обедню стояли в Михайловском, потом была у преосвященного Кириллы, а после у прео[священного] Милетия. В три часа отправились в армянской монастырь, где отсекали голову Иакову, прикладывались к месту, на котором отсечена была глава, прикладывались к месту, где погребен был Иаков. Прикладывались к камням с Голгофы, с Синайской горы и с Фавора. К месту, где погребены кости избитых мучеников. Были в домах Анны и Каиафы, на месте, // (л. 3) где Петр отрекся от Христа. Прикладывались к камням с гроба Спасителя и Божией Матери. Видели дом царя²³ Давида, где ныне арсенал. Потом отправились на Сион в горницу, где была Тайная Вечеря, Сошествие Святого Духа на апостолов, дом Иоана Богослова, где жила и скончалась Богоматерь, откуда уже и перенесено пречистое тело ее в Гевсиманию. Видели гроба царей Давида и Соломона,²⁴ дом святого евангелиста Марка, где ныне Английская церковь.

8-го обедню стояла в Михайловском. Вечерню и всю ночь в Михайловском же.

9-го. Вторник. стояли обедню на Голгофе, потом пошли приложиться к части главы святого Предтечи, потом отправились к обедне в Михайловской. Вечерню стояли в церкви патриаршей и после испове-

²² Соломон Петр Иванович (1819–1905) – государственный деятель, в 1858 г. назначен старшим чиновником за обер-прокурорским столом Священного Синода и управляющим синодальной канцелярии; в июне – сентябре 1860 г. был командирован в Константинополь, Афон, Афины, Малую Азию и Палестину для сбора сведений о состоянии православных церквей и монастырей на Востоке (см.: Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 68). Отчет о поездке сохранился в нескольких документах и опубликован Л. А. Герд (*Герд Л. А.* «...Чтобы между церквами русскою и восточною существовало постоянное, искреннее единение»: Отчет о командировке по православному Востоку управляющего канцелярии Св. Синода П. И. Соломона обер-прокурору Св. Синода графа А. П. Толстому, 1860 г. // Исторический архив. 2012. № 2. С. 172–180).

²³ В ркп. написано над строкой.

²⁴ В ркп. первоначально «Солама».

довались у преосвященного Милетия. Ко всенощне отправились в Михайловской, потом приложились к Гробу Господню, к Голгофе, правила читали дома.²⁵

10. Середа. Удостоились приобщит^ься святых тайн, совершенных на Гробе Божей Матери в Гевсимании. Обедню служил и приобщал нас преосвященный Кирилл. Прикладывались к гробу Божей Матери, родителей ее святых Иокима и Анны и Иосифа. Прикладывались к камням, на которых убили первомученика Стефана. Всенощну стояли в Михайловском. Преосвященнейший Кирилл пил у нас чай и просидели весь вечер. //

(л. 3 об.) 11-е. Четверг. Обедню стояла в Михайловском. Всенощну там же.

С 11-го на 12-е ночевала у Гроба Господня, обедню служил греческий преосвященный. Это была 8-я ночь, проведенная мною у Гроба Господня. Ночь прекрасная. Читали мы акафист Божей Матери, страстям, пресвятой Троице, ангелу хранителю, молитвы на сон грядущий, утреннии. Соломон также провел ночь в храме, и его секретарь читал часы.

12.²⁶ Всенощну стояли у себя в маленькой церкви. Заказывала Наталья Ивановна.

13.²⁷ В четыре часа ночи отправились в Гевсиманию вслед за образом Успения Божей Матери. Стояли обедню.

14. В 6 часов утра отправились в Гевсиманию, где в 8 часов была большая церемония отпевания Божей Матери. Служил преосвященнейший Милетий, наш преосвященный Кирилл и все греческий архирей. Церемония великолепная. Церковь в Пещере, лестница широкая, вниз до 50 ступень, освещена лампадами до 1000 лампад. Так было жарко, как в самой жаркой русской бани. Народу множество: арабы, рускии поклонники, греки, даже турецкии женщины с детьми приходят поклонят^ься гробу. Потом была парадная вечерня. В 3 часа ночалась заутреня. Сей час по окончании обедня, окончилась в 9 часов. В 10 часов мы пришли домой в Иерусалим. Сутки и 4 часа провела в храме, плача о своих (видела во сне дурно Павла А.). После вечерни ходила на Элеон поклонит^ься камню, с которого вознесся Спаситель. Измученная, изнуренная пишу эти строки. Сейчас повалюсь в постель отдохнуть. //

(л. 4) Так провели мы день Успения Пресвятыя Богородицы 15 число.

16. Вечерню стояла у большой Понагии (Божей Матери), где прикладывалась к мощам святых Кирика и Улиты, Мелании и к косточкам уверовавшего турка. Сходили в Пещеру, где спасалась св. Мелания.

²⁵ В ркп. далее карандашная помета «9-го».

²⁶ В ркп. первоначально «13».

²⁷ В ркп. первоначально «14».

С 16-го на 17 ночевала у Гроба Господня. Обедня была на Голгофе. Это была 9-я ночь, проведенная мною у Гроба.

18. Всенощну стояла в Михайловском. С 18-го на 19-е провела²⁸ ночь у Гроба Господня. Заутреню стояла в храме Воскресения, обедню у Гроба. Это была 10-я ночь, проведенная м[ною] у Гроба. Всенощну стояла в Михайловском. Вечер сидел у нас преосв[ященный] Милетий.

20. Обедню стояла в Михайловском.

С 20-го на 21-е провела ночь у Гроба Господня. Заутреню стояла в храме Воскресения. Раннею обедню на Гробе. Пели наши рускии ма-нахины-поклонницы, вновь прибывшии. Прикладывались к Животворящему кресту. Познюю обедню стояла на Голгофе. Служил наш преосвященный Кирил. Это была 11-я ночь, проведенная мною у Гроба. Всенощну стояла в Михайловском.

22. Провела день дурно, не была ни у одной службы. Делала визиты к двум преосвященным, доктарше²⁹ и нашим больным спутницам.

23. Ходила в Гевсиманию к обедне и оттуда удостоилась нести подушечку из-под изголовья Божей Матери, которую нес сам игумен в Иерусалим. Праздновалось отдание празднику Успения. //

(л. 4 об.) С 23-го на 24-е провела ночь у Гроба Господня. Ночь преславная. Заутреню стояла в храме Воскресения, обедню на Голгофе. Пила кофей и отдыхала после обедни в кельи игумена. Это была 12 ночь, проведенная мною у Гроба.

25. Стояла обедню в Николаевском монастыре.

С 25-го по 26-е провела ночь в храме Гроба Господня. Была руская все-нощна на Голгофе. Обедню же служил преосвященный Кирилл на Гробе Господне. После обедни ночью в четыре часа пришел преосвященный Кирилл, игумен Гроба Господня Серафим, гевсиманской игумен Анфим, доктор³⁰

²⁸ В ркп. написано по затертому.

²⁹ Вероятно, имеется в виду жена доктора Х. В. Мазараки Елизавета Алексеевна (см. о ней подробнее сноску 31).

³⁰ Мазараки Харлампий Васильевич (?–1892) – грек по происхождению, в 1857–1869 гг. заведовал Русским госпиталем в Иерусалиме, оказывал большое влияние на русскую политику на Святой Земле во время службы в больнице и после отставки. См. о нем: Розанова А. Мазараки Х. В., доктор: [Некролог] // Русский паломник. 1892. № 10. С. 159; Гнупова С. В., Комашко Н. И. Иерусалимская икона Богородицы, принадлежавшая Елизавете Мазараки // Православный поклонник. 2007. № 6 (37). С. 41–47; Дмитриевский А. А. Очерк о жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока / Подгот. текста: архим. Иннокентий (Просвирнин), игум. Сергей (Данков); предисловие: Н. Н. Лисовой // Богословские труды. 2001. Вып. 36. С. 61, 131, 134, 142 и др.; Вах К. А. Как начиналась Русская Палестина: Иерусалим в письмах

с женой³¹ и наши спутницы пришли поздравить Наталью Ивановну с именинами. Была закуска, пили шампанское. Это была 13 ночь у Гроба.

27. Субота. Обедню стояла в Михайловском.

С 27-го на 28 провела ночь на Гробе Господнем. Это была 14 ночь, проведенная мною у Гроба Господня. В 12 часов французской консул³² водил нас в дом Иокима и Анны, принадлежащий ныне франкам, сам откалывал нам камни из Пещеры Иокима и Анны. Турки хотели обработать храм этот в мечеть и уже начали строить минарет, но как в доме этом была когда-то школа христианская, то по закону их уже тут не может быть мечеть, почему оне и должны были остановить свою постройку. По окончании же последней войны подарил султан // (л. 5) дом этот императору французов. В нем изображены прямо против входа в главном фесе три окна — эмблема Святой Троицы. Видны в двух местах изображения святых. Пол³³ и все строения³³ при входе ниже и идет все возвышаясь. Славная архитектура и вид. К вечерни ходили к Иоану Предтечу, а ко всенощне в Михайловской.

29-е августа, праздник Иоана Предтечи. Стояли обедню в монастыре Предтечи и прикладывались к части святой Главы Его. В три часа отправилась в храм Воскресения Господня к праздничной вечерни по случаю именин нашего императора. Зажжено было 2000 лампад. Кувукля была разукрашена разноцветными³⁴ стаканчиками в прекрасных серебряных в новом вкусе³⁴ лампадах.

Б. П. Мансурова и В. И. Дорогобужинова, 1858—1860 гг. // Иерусалимский православный семинар. 2017. № 7. С. 178—201, 221—223, 254—255.

³¹ Мазараки (возможно, урожд. Кржиневская) Елизавета Алексеевна (? — не ранее 1892) — происходила из русско-польского дворянского рода, в 1860 г. в Иерусалиме вышла замуж за Х. В. Мазараки. До настоящего времени сохранилась икона Божией Матери «Умиление», которой был благословлен их брак (см.: *Гнутова С. В., Комашко Н. И.* Иерусалимская икона Богородицы, принадлежавшая Елизавете Мазараки). В воспоминаниях Марины Тарковской, дочери поэта Арсения Тарковского и дальней родственницы племянницы Елизаветы Мазараки Ларисы Кржиневской, описаны обстоятельства знакомства Елизаветы с будущим мужем, вероятно, передававшиеся как семейное предание (см.: *Тарковская М. А.* Осколки зеркала. 2-е изд., доп. М.: Вагриус, 2006. С. 174).

³² В ркп. далее пропущено место для имени. Баррер Эдмонд Пьер де (Edmond Pierrede Barrere) (1819—1890) — французский дипломат, генеральный консул Франции в Иерусалиме в 1855—1870 гг. (см. подробнее: *Анисимов О. В.* Французский консул Эдмон де Баррер и проблема ремонта ротонды Святого Гроба в Иерусалиме (архивные документы) // Иерусалимский Православный семинар. М., 2014. Вып. 5. С. 199—216).

³³⁻³³ В ркп. написано над строкой.

³⁴⁻³⁴ В ркп. написано над строкой.

Сорок пять священников и пять архиереев в парадных облачениях³⁵ священнодействовали, освещали пять хлебов и колево (по нашему, кутью),³⁶ которая здесь бывает и заздравною. Церемония была славная. Нам дали и освященного хлеба, и колева. Слышали звон. Здесь такая редкость колокола.³⁷

Ночь на 30-е августа. День ангела моего милого Александра провела у Гроба Господня, молясь о ниспослании его милости Всевышнего.³⁸ //

(л. 5 об.) Прекрасная ночь 15-я, проведенная мною у Гроба Господня в молении о ниспослании всех благ небесных на милого моего сына и всех моих, разумеется, не исключая Афросинью Яковлевну и Полин,³⁹ берегущих в настоящее время мое сокровище, мою жизнь.

Молилась и на Голгофе, где на престоле вместо местного⁴⁰ подсвечника стоит двуглавый орел с коралами над ним, восхитительной, прелестной работы и на⁴¹ нем 12 разноцветных лампад. Люстра на Голгофе перед Распятием Спасителя так хороша, что трудно и вообразить. Серебряной крест двойной, и в нем поставлены маленькие лампады. Имеет необыкновенной вид. Мысль превосходная. Работавший его должен быть славный⁴² художник. В нем 4 пуда серебра. Вид он имеет прозрачный. Прислан из Петербурга. После заутрени началась сейчас обедня на Гробе. В 6 часов утра была позняя обедня в храме Воскресения, служили опять всем собором: преосвященный Милетий, преосвященный Кирилл, преосвященный Фаворской, п[реосвященный] Иорданской и другии. После обедни был молебен и сей час же отправились все к Яфским // (л. 6) воротам для закладки русского храма во имя Святой Троицы.⁴³ Осветили воду. Преосвященный Кирилл окропил место, назна-

³⁵ В ркп. далее «сов», зачеркнуто.

³⁶ Скобки использованы автором текста.

³⁷ В ркп. первоначально «колоколов», зачеркнуто.

³⁸ В ркп. на нижнем поле листа: «что».

³⁹ В ркп. имя воспроизводится с конечным «ъ». Судя по всему, автор дневника называет Полину на французский манер.

⁴⁰ В ркп. вписано карандашом на специально оставленном в строке месте.

⁴¹ В ркп. первоначально «в».

⁴² В ркп. вписано над строкой.

⁴³ Троицкий собор — кафедральный храм Русской духовной миссии в Иерусалиме. Был построен по проекту архитектора М. И. Эппингера в неовизантийском стиле. Собор был заложен 30 августа 1860 г. в присутствии наместника иерусалимского патриарха митрополита Мелетия и начальника Русской духовной миссии епископа Кирилла (Наумова). 28 октября

ченное для алтаря, положили пузырек с Святой водой в нарочно⁴⁴ приготовленное углубление. Преосвященный Кирилл прочел, ⁴⁵-едва удерживаясь от слез,⁴⁵ молитву. Желавшие начали класть деньги и прео[священный] Милетий, положив стольную доску, на которой написано было: «1860 года августа 30 дня по воле государя» и проч., положил на нее камень и стал сам замазывать известкой. Потом обошли кругом всего места, крапя святой водой. И когда воротились опять к главному пределу, преосвященный сказал краткое, но сладкое слово для каждого рускаго сердца. Великое торжество! Рускии имеют свой уголок возле Святаго Града на Святой Земле, где могут свободно возносить молитвы к Престолу Всевышняго. Вот как прекрасно провела я день ангела моего Александра. День навсегда памятный. Первый шаг русских во святом Граде.

31-го день празднования пояса, спущеннаго Божию Матерью апостолу Фоме. Ходила к обедне в Гевсиманию, потом на место, где камень, где Богоматерь спустила пояс. После сидели на утесе ⁴⁶-перед стенами Иерусалима⁴⁶ с преосв[ященным] Милетием, и он разделил с нами свой завтрак: белой хлебец, воду и по 3 винныя ягоды.⁴⁷ //

(л. 6 об.) 1-е сентября празднование по церковному Новаго году.⁴⁸ Стояла обедню в Михайловском.

1872 г. собор был освящен иерусалимским патриархом Кириллом II перед приездом великого князя Николая Николаевича (Старшего). Подробнее см.: Зеленина Я., Белик Ж. Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры: История создания. Художественное убранство. М.: Индрик, 2011. С. 80–147.

⁴⁴ В ркп. далее «зде», зачеркнуто.

⁴⁵⁻⁴⁵ В ркп. написано по затертому.

⁴⁶⁻⁴⁶ В ркп. написано над строкой.

⁴⁷ Винная ягода — «плод смоковницы, смоква, фи́га» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. М.; СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. С. 208).

⁴⁸ Автор имеет в виду «Новолетие» — начало нового богослужебного церковного года с 1 сентября. Эту систему, как и юлианский календарь и традицию счета лет от сотворения мира, Древняя Русь переняла вместе с принятием христианства у Византии (см.: Жаров В. Е., Попов В. А. Календарь // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 12. С. 491). С конца XV в. на территории Русского государства был распространен сентябрьский год (до XV в. существовал параллельно с мартовским) с исчислением лет от сотворения мира. В 1700 г. в ходе календарной реформы Петра I год стал отсчитываться от Рождества Христова, а его начало было перенесено на 1 января (подробнее см.: Черепнин Л. В. Русская хронология. М.: Историко-архивный ин-т, 1944. С. 27).

2-го стояла обедню в Михайловском.

С 2-го на 3-е ⁴⁹⁻с пятницы⁻⁴⁹ на субботу провела ночь у Гроба Господня, разчитывая, что уже эта будет последняя, так как в воскресенье я должна была выехать из Иерусалима. Это была 16-ая ночь, проведенная мною у Гроба Господня, и должна была быть последнею.

3-е сентября субота. Самый щастливый день в моей жизни. Плакала сладостными слезами.

С 3-го на 4-е сентября 17-ая и последняя ночь, проведенная мною у Гроба Господня. В последний раз обошла я все пределы храма, молясь за всех моих и знакомых и прося у Господа даровать мне свидания с ними и найти их всех здоровыми. Стояла заутреню, обедню раннюю, половину поздней обедни. И в час, отслушав молебен, за которым прочтена была молитва напутствующая, отправилась в два часа из Иерусалима с Мг Мозараки и его супругой. Преосвященный Милетий благословил меня хлебом и четками. Преосвященный Кирилл благословил крестом и образком Спасителя и подарил свой портрет.⁵⁰ //

(л. 7) 4-го, Воскресенья. Все наши рускии провожали нас. Когда меня посадили на лошадь (первый раз в жизни), я плакала как ребенок, просила всех подходящих со мной прощат^{<ь>}ся, молит^{<ь>}ся за меня, чтобы я доехала благополучно. Араб вел мою лошадь под узца, а я, употребляя все усилия, чтобы удержат^{<ь>}ся на ней, упираясь в стремяна и держась за седло, долго плакала, не в состоянии от страха оторвать руки от седла, чтобы отереть слезы, лившиеся обильно из глаз.

Таким образом ехали мы несколько часов, потом остановились, сняли меня с лошади, дали стакан воды, чашечку кофе и опять усадили на лошадь. И таким образом, читая молитву о сохранении нас, мы,⁵¹ когда уже сделалось темно, приехали к Абугошу,⁵² главному разбойнику, жи-

⁴⁹⁻⁴⁹ Восстановленная затухшая карандашная запись, читающаяся в ркп. над строкой.

⁵⁰ По-видимому, Кирилл Наумов передал автору дневника литографию со своим парадным портретом, выполненную в Санкт-Петербурге в 1860 г. (мастерская А. И. Граншеля) (см.: М. А. М. <Маханько М. А.>. Иконография / Кирилл (Наумов Василий Николаевич) // ПЭ. М., 2014. Т. 34. С. 518–519). Кирилл дарил свои фотокарточки друзьям и знакомым, о чем свидетельствует его переписка с Макарием Булгаковым. В частности, в письме от 18 марта 1863 г. из Иерусалима Кирилл с грустью отметил, что у него закончился запас фотографий для отправки (*Епископ Кирилл Мелитопольский. Письма к высокопреосвященному Макарию Булгакову* // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. С. 193).

⁵¹ В ркп. далее оставлено место.

⁵² Абу-Гош — знаменитый арабский разбойник, известный нападениями на христианских паломников в первой половине — середине XIX в. Подроб-

вущему на ужасной горе.⁵³ Нам дали комнату с тюфеками, разосланными на полу, а честная наша компания, состоящая, как я уже сказала, из доктора с женой, меня, молодого человека Васильева и сестры // (л. 7 об.) милосердия, устоляя, измученныя повалились на тюфики. Нам подали по стакану лимонаду и чашечки кофе. Потом, через час, поставили низенький круглый стол посреди комнаты, на которой поставили два блюда: рису с бараниной, блюдо с зеленью, лепешки вместо хлеба (все это ⁵⁴grace au docteur⁵⁴),⁵⁵ которого оне любят. Тут же мы и протенулись все спать на тюфеках. Половина второго ночи, нас подняли, говоря, что пора ехать. Дали по чашке кофе и при совершенной еще темноте с фонарями сошли мы с этой утесистой горы. Посадили меня на лошадь, и отправились далее по таким местам и каменным горам, каких и вообразить невозможно. Только сила Господня и молитва могли удержать меня на лошади и сохранить невредиму.

Так доехали мы через три с половиною часа до привала. Среди камней ссадили меня, долго я стояла, опершись на палку, которую дали мне, и, под<д>ерживаемая турком Абдулом, не в состоянии будучи // (л. 8) сделать ни одного шагу. Тут мы отдохнули с час, поели, что привезли с собой и отправились далее к Рамле. Каких ужасов не видала я в продолжении этаго пути. Наконец, не доехав пяти верст до Рамли, я уже не имела возможности сидеть на лошади и со слезами просила позволить мне дойти пешком, но доктор нашел это невозможным. И усадили меня на осленка, котораго также вел араб. В Рамле сняли меня с осленка, я не могла сделать одного шагу, под руки довели меня до дивана, где и лежала без движения до той минуты, когда приказали ехать далее в Яфу. Раза три в продолжении этаго пути сходила я с осленка и шла пешком, чтобы сколько-нибудь отдохнуть.

нее см.: *Румановская Е. Л. Шейх Абу-Гош и русские путешественники // Иерусалимский вестник ИППО. 2012. № 1. С. 109–120. По сообщению А. С. Норова, к началу 1860-х годов Абу-Гош отошел от дел и вместе с сыном гостеприимно принимал путников (Норов А. С. Иерусалим и Синай: Записки второго путешествия на Восток / Под ред. В. Н. Хитрово. СПб.: Н. П. Поливанов, А. А. Ильин и К°, 1878. С. 13–14, 56).*

⁵³ Имеется в виду деревня Кирьят аль-Инаб (древнее название: Кирьят-Иеарим), расположенная на холме, владение разбойника Абу-Гоша (см.: *Румановская Е. Л. Шейх Абу-Гош и русские путешественники. С. 109–110. С конца 1850-х годов деревня стала называться по имени владельца — уже князь М. Д. Волконский, посетивший Иерусалим в 1859 г., использует слово «Абу-Гош» как топоним (<Волконский М., князь>. Записки паломника, 1859 г. С. 234).*

^{54–54} Спасибо доктору (*фр.*); имеется в виду Х. В. Мазараки.

⁵⁵ Скобки использованы автором текста.

Наконец, уже при совершенной темноте, приехали мы в Яфу, где уже в совершенном изнеможении, с изломанными членами, не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой повалилась в постель и оставалась до той минуты, // (л. 8 об.) когда нужно было ехать на пороход. Когда мы сели в лодку и отправились к пороходу, то море так волновалось, что нас на сажень поднимало вверх и бросало вниз, обливало волнами и не было никакой возможности подъехать к пороходу. Мы думали, что уже должны погибнуть, нам кричали и показывали с порохода, чтобы старались подъехать с другой стороны порохода и прикрепили к пороходу веревочную лестницу. Бросали веревки, за которые схватились наши гребцы и дали возможность приблизиться к пороходу. Лодку нашу более как на сажень поднимало и опускало. Доктор первый раз вкарабкался на лестницу, за ним я, видя, что каждая минута дорога. Не знаю, как схватилась за веревки и ловко, твердо, как бы по самой лучшей лестнице, с помощью доктора, которой схватил меня за руку, я очутилась на палубе и упала на первый тюк. Что тогда происходило внутри меня!! //

(л. 9) 6-го сентября первый день плавания нашего. Море было очень бурно и сцены перед глазами были очень неприятны, не говоря уже о страхе. Я пролежала целый день. К вечеру погода стихла, и мы доплыли благополучно до Кайфы.

7-го же сем утром были в Бейруте и простояли до 10 часов вечера.

8-го числа ⁵⁶ в глазах у нас были Ливанские горы. ⁵⁶ Мы сходили на берег, взяли себе номер в гостинице. Ездили в коляске осматривать лагерь французский, расположенной возле Бейрута в роще. ⁵⁷ Смотрели военные корабли французские, английские, турецкие и наш русской громадный, которого капитан и состоит начальствующим над всей эскадрой. ⁵⁸

⁵⁶⁻⁵⁶ В ркп. написано над строкой.

⁵⁷ Автор дневника стала свидетелем нахождения в Бейруте сил французского экспедиционного корпуса. В 1859—1860 гг. в Сирии и Ливане, находящихся под властью Османской империи, начались вооруженные столкновения между маронитами и друзами. В конфликт помимо турецких властей вмешались заинтересованные мировые державы. Наполеон III принял решение отправить в Ливан морские и военные силы для защиты христиан от религиозных фанатиков. Не желая предоставлять Франции военное и дипломатическое преимущество в урегулировании конфликта, Великобритания послала в Бейрут свою военную эскадру. Подробнее см.: Панченкова М. Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860—1861 гг. М.: Наука, 1966.

⁵⁸ Для защиты христианского населения Ливана и своих дипломатических представителей летом 1860 г. Российская империя направила в Бейрут военные корабли. 24 августа 1860 г. 70-пушечный фрегат «Генерал-адмирал» под управлением капитана 1-го ранга И. А. Шестакова прибыл на

8-го утром в 6 часов отправились к обедне, так как это был праздник Рождества Богородицы. Часа в три возвратились на пароход.

9-го мы простояли целый день в Александретте.

10-го рано утром приехали в Мерсину. Простояли до часу. Часа в четыре море забушевало, и мы безпрестанно то возносились на волны, то опускались вниз. Двое суток мы все лежали, но, благодаря Бога, щастливо дошли до Родоса, только 6-тью часами позже. Теперь, благодаря Бога, погода стихла и все ожили.

13-е сентября час дня.

Во время бури второму машинисту, молодому человеку Соколову, машиной раздробило палец, и ему отняли его. //

(л. 9 об.) До Смирны доехали благополучно утром 15-го числа. Сошли на берег в греческий монастырь. Ходили по магазинам, осмотрели весь город. Всю ночь не спали от множества комаров. Утром ходили в монастырь, прикладывались к кресту. В два часа сели благополучно на пароход. Часа в четыре снялись с якоря. Ночью нас очень качало, так что мы опоздали 12 часами, носило⁵⁹ двигались. В Метелине простояли 4 часа. В Дарданелах чуть-чуть было не сели на камни. Господь по милосердию своему спас.

18-го числа в 11 часов утра благополучно доехали до Константинополя, где и стоим до 4-х часов по полудни 20-го числа.

20-го, во вторник, в 4 часа пополудни мы выехали из Константинополя, благополучно проехали Босфор, любовались им, въехали в Черное море и ехали спокойно целые сутки; но в 3 часа 21-е поднялась буря и мы, нагруженные 35000 пудов груза, могли только держат<ь>ся на море, а не подвигат<ь>ся. Нас решительно всех закочало, все лежали, страдая морской болезнию. Не видно было ни зги Божий. Целые сутки мы качались на волнах, но не были поглощены ими, а они здали только

рейд Бейрута (см.: *Рукавишников Е. Н.* Участие Российского флота в урегулировании ближневосточного конфликта в 1860—1861 гг. // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 108—111). «Громадным» автор дневника назвал винтовой фрегат «Генерал-адмирал», который был изготовлен в США по заказу Российской империи, спущен на воду 9 (21) сентября 1858 г. в Нью-Йорке и стал самым большим деревянным кораблем русского флота. Подробнее см.: *Климовский С. Д.* 70-пушечный винтовой фрегат «Генерал-адмирал» // Судостроение. 2019. № 5. С. 72—77. Помимо другого русского фрегата, «Ильи Муромца», в конце августа 1860 г. на рейде стояли: две английские канонерские лодки и линейный корабль «Мальборк»; французские линейные корабли «Донаверт» и «Редутабль»; турецкие линейные корабли «Фетия» и «Шиидие»; голландские фрегаты «Зеландия» и «Ван-Вис», австро-венгерский фрегат «Дандоло», сардинский пароход «Малтафано» (см.: *Рукавишников Е. Н.* Участие Российского флота в урегулировании ближневосточного конфликта в 1860—1861 гг. С. 110).

⁵⁹ Так в ркп. Вероятно, автор имел в виду «насилу».

сутками. Мы были на море 13 дней. Приехали в Одесу 23-е сентября в пятницу. //

(л. 10) 23-е сентября, Одеса. Слава Тебе, Господи! Слава Тебе! Я на земле, прошла через мытарства томошни⁶⁰ и нахожусь в Одесе в гостинице «Париже», плачу за № три рубли в сутки, на углу Дерibasовской и Итальянской улиц. Сей час же отправилась на почту и получила семь писем от своих. Благодарю Всевышнего, оне все здоровы.

24-е сен[тября] стояла обедню в Одеском соборе.⁶¹ В 12 часов была у преосвященнаго Антония.⁶² Он пригласил вечером приехать ко всенощни в его церковь и после всенощны к нему чай пить. Что я и исполнила. Он был очень приветлив и любезен. Я молилась за всех своих и просила, чтобы Господь благословил новый год жизни моего Александра, вступающаго в 21 год.

25. Стояла обедню в Одеском соборе, где священнодействовал преосвященный Антоний. Молилась за своих всех. После обедни преосвященнейший приехал к нам чай пить. Теперь сажу у моря и жду погоды. Когда-то мы двинемся. У меня болит глаз, совершенно красный и ломит, боюсь выходить на ветер и пускать в него одесскую пыль.⁶³

26. Прикладывалась в церкви преосвященнаго к чудотворному образу Кашперовской Божией Матери.⁶⁴

(ОПИ ГИМ, ф. 92 (Мемуары, дневники, письма), № 120, л. 1–10)

⁶⁰ Так в ркп. Вероятно, автор имел в виду «таможни».

⁶¹ Одесский кафедральный Спасо-Преображенский собор. Подробнее см.: Самойлов Ф. А. Из истории Одесского кафедрального Спасо-Преображенского собора // Воронцовский сборник. Одесса: Негоциант, 2009. Вып. 2. С. 122–128.

⁶² Антоний Смолин, епископ Новомиргородский. Подробнее см.: Антоний (Смолин) // Русский биографический словарь. СПб., 1900. <Т. 2>: Алексинский — Бестужев-Рюмин. С. 225–226; Пидгайко В. Г. 1) Новомиргородское викариатство // ПЭ. М., 2018. Т. 51. С. 648–649; 2) Одесское викариатство // ПЭ. М., 2018. Т. 52. С. 416.

⁶³ Автор дневника неслучайно упоминает об одесской пыли как отличительной черте южного города. О ней писал и А. С. Пушкин в «Отрывках из путешествия Онегина» («Я жил тогда в Одессе пыльной...»; см.: Пушкин А. С. Отрывки из путешествия Онегина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4-е. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 175). Известный историк Одессы А. М. Дерибас даже озаглавил один из разделов своих воспоминаний о городе «Тоска по пыли» (Де-Рибас А. Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. С. 328–329).

⁶⁴ Имеется в виду Касперовская икона Божией Матери (см. о ней: Климкова А. А. Касперовская икона Божией матери // ПЭ. М., 2013. Т. 31. С. 479–480).

«Высший подвиг в терпении, любви и мольбе»:

*Евгения Шеншина в ее письмах
к Аксаковым*

*Вступительная статья, публикация
и комментарии Андрея Дмитриева*

Стихотворные строки А. С. Хомякова, вынесенные в заголовок настоящей публикации, сегодня хорошо известны по роману П. И. Чайковского. Он впервые прозвучал в 1886 году под названием «Подвиг (монолог для баритона)», с посвящением «Марии Феодоровне, Императрице Российской Империи» (12 романсов, Оп. 60, № 11). Этот романс охотно включали в свой репертуар лучшие певцы: например, в прежнее время — Федор Шаляпин и Антонина Нежданова, в недавнее — Дмитрий Хворостовский.

Не столь широко известно, что это стихотворение Хомякова («Подвиг есть и в сраженьи...», 1859) навеяно размышлениями по поводу письма Евгении Сергеевны Шеншиной (урожд. Арсеньева; 1833–1873), спрашивавшей поэта в связи с безвременной смертью горячо любимого мужа, чему ей теперь посвятить жизнь. Хомяков ответил кратким письмом, усматривая «подвиг жизненный» в творении добра и заключив так: «Пережить горе настоящее нельзя, да и не дай Бог; но мне часто в утешение приходит чувство и ясное сознание того, чем и как многим внутри себя обязан я моей покойной Катеньке,¹ и часто слышатся мне внутренние упреки за то, что я далеко не разработал и не разрабатываю всё наследство духовного добра, которое я получил от нее. Дай Бог Вам свой подвиг совершить лучше моего».² Вслед за

¹ Екатерина Михайловна Хомякова (урожд. Языкова; 1817–1852) — жена Алексея Хомякова с 1836 года, сестра поэта Николая Языкова; близкий друг Гоголя, считавшего ее одной из самых замечательных женщин своего времени.

² Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М.: Унив. тип., 1900. Т. VIII. С. 415.

письмом в январе 1859 года поэт послал Е. С. Шеншиной стихотворение.³

Хомяков тяжело пережил смерть мужа Евгении Сергеевны, полковника, флигель-адъютанта Николая Васильевича Шеншина (1827—1858), деятельного члена Санкт-Петербургского комитета по крестьянской реформе, единомышленника славянофилов. Хомяков писал И. С. Аксакову в конце июля 1858 года, при первом известии о смерти Шеншина: «У меня просто кровью сердце залило при вести об его кончине. Славная, чистая, добрая, нежно-любящая и детская натура! <...> Но бедная жена! Я об ней даже думать не могу: становится страшно. А я к ней имею какое-то особенное чувство, как будто к дочери; иначе я его назвать не могу. Кажется мне теперь, что самое лучшее, что об ней мне могут сказать, это то, что она не пережила мужа. Мне за нее в сердце холодно, как будто туда лед попал. Она, говорят, не уронила ни одной слезы, не простонала ни разу; а умри она, мне бы казалось, что смерть ее укачала, как огорченного ребенка. Дай ей Бог силы!»⁴ В страданиях Шеншиной Хомяков видел отражение своей душевной боли, вызванной утратой жены и не притуплявшейся со временем.

Ф. И. Тютчев, также относившийся к Шеншиной с отеческой теплотой, спустя 15 лет, в январе 1873 года (за месяц до смерти Шеншиной и незадолго до своей кончины), посвятил ей стихотворение «Тебе, болящая в далекой стороне...». В нем поэт, отталкиваясь от строк Хомякова о смысле жизненного подвига, свидетельствовал, что боль от потери любимого так и не ослабела за многие годы:

Добрейший из людей, чистейшая из душ,
Твой милый, добрый, незабвенный муж!
Душа, с которою твоя была слита,
Хранившая тебя от всех соблазнов зла;
С которой заодно всю жизнь ты перешла,
Свершая честно трудный подвиг твой
Примерно-христианскою вдовой!⁵

³ См.: Хомяков А. С. Стихотворения / Вступ. ст. и примеч. В. А. Францева. Прага: Славянский ин-т; Орбис, 1934. С. 160.

⁴ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. VIII. С. 368, 369.

⁵ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. М.: Классика, 2003. Т. 2. С. 264. Обращенное к Шеншиной, это стихотворение одновременно прямо посвящено памяти ее подруги М. Ф. Бирюлевой (дочери Тютчева от второго брака, со дня кончины которой тогда прошло полгода) и прикровенно — памяти возлюбленной поэта Е. А. Денисьевой, скончавшейся в 1864 году.

Н. В. Шеншин. Акварель
неизвестного художника

Е. С. Шеншина. Фото
Йозефа Альберта (Мюнхен)

Текущий 2023 год — юбилейный для Е. С. Шеншиной (190 лет со дня рождения и 150 лет со дня кончины), а одновременно и для нескольких других героев настоящей публикации: 230 лет исполняется со дня рождения и 145 лет со дня кончины Ольги Семеновны Аксаковой (урожд. Заплатиной); 200 лет со дня рождения ее младшего сына Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886); 165 лет со дня кончины Николая Васильевича Шеншина (1827—1858).

Двое из них — представители знаменитой семьи Аксаковых. Она уже более 150 лет находится в центре исследовательского внимания, поскольку дала России замечательных писателей — С. Т. Аксакова и его сыновей Константина и Ивана, основоположников славянофильства как значимой русской национально ориентированной идеологии. Куда менее известно сегодня о близкой им по взглядам супружеской паре Шеншиных.

Е. С. Шеншина происходила, по словам ее племянника протоиерея Иоанна Арсеньева, «из очень религиозной семьи»,⁶ была правнучкой писателя и масона В. А. Лёвшина, внучкой курляндского губернатора Н. И. Арсеньева. Дворянский род Арсеньевых имел татарские корни

⁶ Арсеньев И., *прот.* Мои воспоминания. М.: Правосл. Св.-Тихон. гуманитар. ун-т, 2012. С. 38.

и, по преданию, состоял на русской службе со второй половины XIV века. Ее отец — Сергей Николаевич Арсеньев (1801—1850), чиновник Государственной комиссии погашения долгов и Московской конторы Коммерческого банка, позднее смотритель Можайского уездного училища, титулярный советник; мать — Надежда Васильевна Арсеньева (урожд. Камынина; 1805—1855), поэтесса и переводчица, дочь крупного промышленника и заводчика Орловской губернии и видного масона В. Д. Камынина.

У Шеншиной было пять братьев: Василий (1829—1915) — чиновник Сената, действительный тайный советник, богослов, собиратель масонских рукописей (составивших два фонда в ОР РГБ); Николай (1831—1903) — правовед, сенатор, тайный советник; Александр (1837—1917) — военный комиссар Дагестанской области, юрист; Дмитрий (1832—1915) — начальник Николаевской морской академии и директор Морского кадетского корпуса, адмирал (1901), участник Среднеазиатских походов, воспитатель, затем попечитель царских детей (1864—1885), а также Лев (1839—1842), умерший во младенчестве.

27 сентября 1850 года Евгения Сергеевна вышла замуж за Н. В. Шеншина — крестника Николая I и императрицы Марии Феодоровны, полковника лейб-гвардии Гусарского полка, флигель-адъютанта, сына видного генерала эпохи Наполеоновских войн Василия Никаноровича Шеншина (1784—1831) и Варвары Петровны Неклюдовой (1794—1827), дочери обер-прокурора Сената П. В. Неклюдова. По словам Евг. Ястребцова, биографа Н. В. Шеншина, «уже в конце 1840-х гг. он стал сильно увлекаться чтением, посвящая ему всё свободное от служебных занятий время, и вскоре сделался горячим защитником мнений А. С. Хомякова и его кружка».⁷ Историк П. И. Бартенев отмечал: «Голос москвичей глубоко отозвался в душе Шеншина. <...> Шеншин сознал в себе, что можно и следует жить не для одних чинов и светских успехов, но для своего Отечества; что много есть на Руси святого и высокого, но забытого и устранившегося и что его долг всеми силами стремиться к осуществлению великих задатков, которыми Провидение так щедро наделило русский народ».⁸

В начале 1850-х годов Шеншин познакомился и сблизился с А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным, Ф. В. Чижовым, И. С. Аксаковым и другими членами славянофильского кружка. П. И. Бартенев, друживший и с Хомяковым, и с Шеншиным, так описал их первую встречу на Пасху 1852 года: «...в Москве он познакомился с А. С. Хомяковым и привязал-

⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1911. <Т. 23>: Шебанов — Шютц, С. 94.

⁸ Бартенев П. Биографическое воспоминание о Н. В. Шеншине (1827—1858) // Русский архив. 1864. Вып. 1. Стб. 84.

ся к нему всею силою души. Это сближение Шеншин почитал, как и многие, счастливейшим в своей жизни. <...> Они сошлись очень просто и в то же время оригинально. В заутреню на Пасху они стояли в алтаре одной церкви. Шеншин прямо подошел к Хомякову и похристосовался с ним. При тогдашнем настроении верхних деятелей русского общества дружба с Хомяковым была почти что опасна...».⁹ Бартенев же отмечал, что с этих пор «служить Отечеству стало для него потребностью <...> в течение 10 лет едва ли проходило несколько месяцев, когда бы Шеншин оставался без живого, кипучего дела».¹⁰

Шеншин, несмотря на свою молодость, успел ярко проявить себя и в ратном деле, и на разных постах государственной службы, и как общественный деятель. Не вдаваясь в подробности, приведем фрагмент из некролога, составленного историком М. П. Погодиным:¹¹ «...несколько раз, презирая все опасности, сквозь целый неприятельский флот, на рыбацкой лодке, и чрез всё осаждающее войско, в крестьянской одежде, проникал он в Бомарзунд и передавал коменданту распоряжения покойного Государя;¹² несколько раз, под градом пуль и ядер, являлся он в Севастополе с царскою помощью для больных и раненых; по окончании войны Шеншин не прекращал своей служебной деятельности и, наконец, назначен членом от правительства в Петербургском комитете об улучшении быта крестьян. К этому делу приложил он всё свое сердце: денно и ночью оно составляло его душу и его заботу; неутомимо ратовал он, охраняя права меньшей безмолвной братии — и на этой святой службе Отечеству и человечеству застигла его неумолимая смерть».¹³

Неожиданная смерть Шеншина от скоротечного воспаления легких на 32-м году жизни потрясла всех. И. С. Тургенев, не сочувствовавший его взглядам, писал князю В. А. Черкасскому 30 июля 1858 года: «Известие о смерти Шеншина (Вы, вероятно, были с ним знакомы — он был лицом от правительства в Петербургском комитете) — меня огорчило очень; видно, порядочные люди спешат убираться отсюда, видя, что

⁹ Там же. Стб. 85.

¹⁰ Там же. Стб. 84.

¹¹ Погодин, согласно записи в его Дневнике, познакомился с Шеншиным 27 февраля 1857 года и впоследствии неоднократно беседовал с ним «о крестьянах и Дворе» (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Кн. XV. С. 304).

¹² См. подробнее: Рассказ Н. В. Шеншина о поездках его на Аландские острова в последнюю войну: Письмо к кн. Н. А. Орлову (С.-Петербург, 8-го августа 1854) // Русский архив. 1863. Вып. 12. Стб. 917—928.

¹³ Погодин М. Николай Васильевич Шеншин // Русская беседа. 1858. Кн. III (XI). Отд. V. С. 138.

здесь ничего путного не сделаешь. Однако мы постараемся еще подержаться на своих местах». ¹⁴ Черкасский, в свою очередь, невольно развивал мысль Тургенева в письме от 4 августа того же года, адресованном друзьям-славянофилам А. И. Кошелеву и Ю. Ф. Самарину: «Независимо от сожаления о потере честного человека и о положении бедной его вдовы, мне сдается — признаюсь — что и он умирал, быть может, не без чувства тоски, видя неудачу занятий Петербургского комитета. Многие ли из нас увидят завершение начатого дела? Этот вопрос я задаю себе часто, и собственное мое разрешение не всегда выходит утешительное». ¹⁵

Печатно на кончину Шеншина откликнулась только славянофильская «Русская беседа», которую в тот период редактировал И. С. Аксаков: в ней в 1858 году был помещен вышецитированный некролог, с большим воодушевлением написанный М. П. Погодиным, а в 1859 году опубликованы стихи К. П. Победоносцева, посвященные памяти Шеншина. ¹⁶

Его жена, овдовевшая в 24 года, сблизилась с графиней А. Д. Блудовой и А. Ф. Тютчевой (будущей женой И. Аксакова) — фрейлинами императрицы Марии Александровны, а также с княгиней Е. А. Черкасской, М. Ф. Бирюлевой, единокровной сестрой Тютчевой, и М. Г. Карташевской, кузиной Аксакова. Все они сочувствовали славянофилам и поддерживали издательскую деятельность Аксакова. Благодаря же своим родственным связям и знакомствам в высших сферах могли ходатайствовать за него, по мере сил облегчая цензурное давление на редактируемые им периодические издания (журналы «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» и газеты «Парус» и «День»). 30 января 1859 года Шеншина писала Аксакову: «...я не пропущу момента никогда, в который мой слабый голос может быть полезен. Скажу более — мое слово делается твердо и *кстати*, по внутреннему внушению живого участия» (письмо 7); 18 сентября того же года она, призывая Аксакова сдерживать ради пользы дела раздражительное негодование, ставит ему в пример своего мужа: «...мое горе ставит меня вне горячности, оно сближает меня постоянно с настроением моего Отшедшего; по дружбе Вашей Вы знаете, как мудро и светло было его воззрение» (письмо 10).

Помогала она не одному Аксакову. Так, в декабре 1859-го — феврале 1860 года она по своей инициативе взялась исходатайствовать для при-

¹⁴ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 3. С. 332.

¹⁵ Черкасский В. А. Национальная реформа / Сост., предисл. и коммент. А. К. Голикова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 464—465.

¹⁶ К. П. <Победоносцев К. П.>. Вечная память: (Посвящается памяти Н. В. Шеншина) // Русская беседа. 1859. Кн. V (XVII). Отд. I. С. 5—7.

ехавшего в Петербург видного деятеля «лужицкого возрождения» Яна Эрнеста Смоляра (1817—1886) средства, необходимые для журнала, который тот собирался издавать. Для этого она через А. Ф. Гильфердинга и князя В. А. Черкасского вышла на Г. П. Галагана, в тот период члена-эксперта Редакционных комиссий, а он согласился представить Смоляра известному меценату графу Г. А. Кушелеву-Безбородко, обладателю огромного состояния.¹⁷

Кроме того, Шеншина занималась благотворительностью, организовала в своем имении Тигода Новоладожского уезда школу для крестьянских детей, где сама преподавала.

Похоронена в Александро-Невской Лавре рядом с мужем. Сохранились их архитектурные надгробия, они находятся на Фонвизинской дорожке Некрополя XVIII века.

Первым из Аксаковых с Шеншиными сблизился Иван Сергеевич. В начале Крымской войны, 21 апреля 1854 года, он писал графине А. Д. Блудовой из Елисаветграда, где занимался исследованиями украинских ярмарок: «Прошу Вас, графиня, дайте мне совет, а если Шеншин в Петербурге, то призовите и его на совещание. <...> Я хочу вступить в какую-нибудь гражданскую должность при Дунайской армии. <...> Серьезно говорю Вам, что готов принять должность писца, только там, на Дунае».¹⁸ 20 июня он уведомлял родных: «Я получил еще письмо от Блудовой. <...> На этот раз она сообщает мне справки, наведенные Шеншиным. На Дунай попасть нет никакой возможности...».¹⁹

Но настоящее сближение произошло летом 1856 года в Николаеве, куда Н. В. Шеншин и И. С. Аксаков прибыли в один день (15 июня) как члены Комиссии для раскрытия злоупотреблений по интендантству Южной и Крымской армий, учрежденной по окончании Крымской войны под началом князя В. И. Васильчикова. Своими впечатлениями Аксаков делился с родными в подробных письмах. 18 июня он впервые

¹⁷ См. об этом в письмах Я. Э. Смоляра к М. П. Погодину: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. Кн. XVI. С. 438—439.

¹⁸ Письма И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой / Публ. В. Г. Бухерта // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах*. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т.] IX. С. 338.

¹⁹ *Аксаков И. С. Письма к родным, 1849—1856* / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 271, 272. (Лит. памятники). Судя по контексту, Аксаковы понимали, о ком речь: скорее всего, к тому времени уже состоялось их знакомство с Шеншиным во время его очередного проезда через Москву.

упоминает о Шеншине: «Во дворце (так называется одноэтажное длинное и узкое деревянное здание, очень бедно убранное и преглупо устроенное) нашел я Шеншина, только что приехавшего...». ²⁰ И ниже сообщает: «Я познакомился со всеми и был принят как давно ожидаемый очень дружески; не говорю уже о Шеншине. К Шеншину должна приехать на днях его жена и останется здесь до конца комиссии». ²¹ 24 июня Аксаков пишет: «К Шеншину приехала жена его Елена Сергеевна, прекрасная и премилая женщина, очень неглупая, серьезно и благочестиво настроенная», ²² — судя по ошибке в имени Евгении Сергеевны, Аксаков, вероятно, встретился с ней впервые. По дальнейшим его письмам видно, что супруги старались не расставаться, были почти неразлучны: «Шеншин, у которого совершенно отдельная часть (госпитали), на днях уезжает с женою в Одессу недели на три. Он вам усердно кланяется. Какой славный человек!» (8 июля); ²³ «Теперь и Шеншина нет в городе: он поехал в Бессарабию, а оттуда воротится в Одессу, где проживет несколько недель; жена его на днях к нему едет» (16 июля). ²⁴ Аксаков задумчиво общался с Шеншиными; об этом позднее, 18 сентября 1859 года, Шеншина писала ему: «...припомните наши беседы в Николаеве о том, что в замкнутой среде душно, что в ней с лучшими желаниями забываешь действительность и впадаешь в ложные предположения» (письмо 10).

14 сентября Аксаков сообщал родным из Симферополя: «Только полторы сутки, как воротился, милый мой отесинька и маменька, и нашел пять ваших писем, в том числе и привезенные Шеншиным, с деньгами», ²⁵ — Шеншин тогда отлучался в Москву, чтоб присутствовать на коронации Александра II, и заезжал к Аксаковым.

Наконец, в письме от 27 сентября Аксаков не удерживается от довольно пространной эмоциональной характеристики младшего товарища: «Шеншины также теперь в Крыму. Шеншин чудесной души человек, чистой, богобоязненной, детской, но мне иногда за него страшно становится. Ум у него не довольно ясен и крепок, чтоб разрешить ему беспрестанно им самим задаваемые себе вопросы. Он беспрестанно читает, голова у него в постоянном напряжении, и эта умственная бесплодная работа его изнуряет, так что у него часто появляются сильные боли

²⁰ Аксаков И. С. Письма к родным, 1849—1856. С. 432.

²¹ Там же. С. 432—433.

²² Там же. С. 434—435.

²³ Там же. С. 438.

²⁴ Там же. С. 439.

²⁵ Там же. С. 450.

в передней части головы. Он вечно задумчив или рассеян. Бедная его жена это понимает, всеми силами противится тому, чтобы он оставил службу, и старается возбудить в нем деятельность внешнюю. А какой славный человек этот Ник<олай> Васил<ьевич> Шеншин и как замечательна в нем эта самостоятельность и верность душевного инстинкта, приведшая его, воспитанника Пажеского корпуса и гусарского офицера, к убеждениям славянофильским». ²⁶ Со сходной, поистине отеческой заботой относились к Шеншину и другие члены славянофильского кружка.

Не удивительно, что поминальную статью о Шеншине, написанную Погодиным, было решено поместить в ближайшей книге «Русской беседы». Хомяков предупреждал Аксакова: «Я очень рад, что Погодин пишет о Шеншине, но, пожалуйста, будьте осторожны. Вы говорите: статья горяча, даже может быть слишком. Этого нам всячески избегать надобно, не ради какой опасности, а потому, что сдержанность есть несомненная сила, а всякая лишняя горячность роняет авторитет; да и грустно бы было, если бы наша горячность отозвалась как-нибудь нехорошо в ком-нибудь из читателей (порядочных) для памяти покойного. Он без сомнения был наш во всех отношениях; но не должно об нем вспоминать так, чтобы говорили об нем как об *un homme de parti*;* чем святее память об нем, тем полезнее она будет действовать на других, устраняя всякое раздражение». ²⁷

Погодин по своей инициативе или по совету Аксакова переслал текст некролога в Петербург Шеншиной. Она была огорчена некоторыми фразами и, очевидно, той «горячностью» тона, о нежелательности которой высказался Хомяков, и тут же вызвалась сама описать последние дни мужа, чтобы Погодин мог поправить некролог. Это письмо нам неизвестно, его Аксаков отправил Погодину, сообщив: «Посылаю Вам письмо ко мне Евгении Сергеевны Шеншиной. Нынче вечером, вероятно, получу от нее обещанные подробности. Мне кажется, деликатность не позволяет навязывать устам умершего, близкого и дорогого нам человека слова, которых он не договорил, и заставить его, безответного, служить нашей цели. Я уверен, дорогой Михаил Петрович, что Вы со мной согласитесь». ²⁸

²⁶ Там же. С. 455.

* Человек партии (*фр.*).

²⁷ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. VIII. С. 371.

²⁸ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XV. С. 305. Скорее всего, Шеншина запоздала с письмом о последних днях мужа (оно впервые публикуется ниже), и некролог Погодина был напечатан в первоначальной редакции (см. об этом коммент. 1 к письму 1).

С этого обмена письмами Аксакова с Шеншиной по поводу некролога в 1858 году началась их переписка: в Аксаковском архиве, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, отложилось 22 письма, адресованных Евгенией Сергеевной И. С. Аксакову, а также 2 письма — В. С. Аксаковой и одно — О. С. Аксаковой. 7 писем к Аксакову за 1861—1862 годы были подготовлены к печати Н. Н. Вихровой.²⁹ Все остальные публикуются впервые. Ответные письма Аксаковых Шеншиной неизвестны.

Во всех письмах Евгении Сергеевны ощущается ее безутешная скорбь об «ушедшем друге». Она собственно и сумела преодолеть отчаяние только тогда, когда стала жить как бы за него, его жизнью — когда взяла на себя, насколько это было возможно, общественное служение любимого мужа. Она на всё старалась смотреть его глазами, занималась тем, что было для него важно и ему интересно. 5 ноября 1858 года Шеншина писала Аксакову: «Вы знаете, как всё, что занимало моего мужа, близко и мне, что у меня дух желания и мысли в полном единении с ним» (письмо 2), 17 декабря того же года сообщала ему: «Читаю по возможности всё, что бы интересовало моего отшедшего Ангела»; «...если бы я могла принести <...> хотя самую маленькую частичку пользы и всему, что было близко моему мужу, это было бы для меня истинным утешением» (письмо 3).

Обладая значительным состоянием и всей прелестью молодости, она не помышляла о втором замужестве (вспомним тючевское определение Шеншиной — «примерно-христианская вдова»). Поэтому была преисполнена особым, можно сказать, благоговейным почтением и любовью к Хомякову — и как к идейному учителю мужа, и как к вдовцу, преданному памяти скончавшейся супруги. Почти в каждом письме Шеншина спрашивала Аксакова о Хомякове. Позже переводила с французского его богословские полемические брошюры. 13 апреля 1861 года М. Г. Карташевская писала об этом В. С. Аксаковой: «Вчера я была вечером у Княжевичевых и там съехалась с Шеншиной, которая очень мило высказывала всякие свои штучки, но немало меня удивила, когда сказала, что переводит для печати брошюры Хомякова о православии, что она разделила этот труд с Черкасской!!»³⁰

²⁹ Вихрова Н. Н., Дмитриев А. П. Корреспонденты И. С. Аксакова в период издания газеты «День» // «День» И. С. Аксакова: история славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. I. С. 134—139, 167—169, 210—211, 217—221, 235—236.

³⁰ Цит. по: Лурье В. М. Комментарии // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. СПб.: Росток, 2021. Т. VIII: Богословский сочинения / Изд. подгот. В. М. Лурье, Флоран Мушар и А. П. Дмитриев. С. 268.

Да и трудно переоценить то, что значили для Шеншиной поэтическое утешение Хомякова, адресованное непосредственно ей, и его совет, как жить после тяжелой утраты:

Если скорби земные
Жалом в душу впились,
С верой крепкой и твердой
Ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилия,
Выше мраков земных...³¹

В. С. Аксакова, узнав, что Шеншина навещает в Петербурге семью ее тетки Н. Т. Карташевской (сестры С. Т. Аксакова), писала 10 сентября 1860 года двоюродной сестре М. Г. Карташевской: «Очень рада, что Шеншина тебе нравится, мой милый друг, она очень милая и добрая женщина, и очень грустно ее одинокое положение в жизни, и весьма трудно такой женщине молодой, как она. Мне приятно думать, что она будет видаться с вами». ³² При первом известии о смерти Хомякова от холеры Вера Сергеевна тут же, 30 сентября, написала кузине, прося узнать «что-нибудь о Шеншиной, где она теперь, знает ли поразившее всех горе». ³³ Она продолжала: «...ей необходимо дать знать, но боюсь испугать ее прямо <...>. Вероятно, Шеншина приедет в Москву немедленно. Всё совершилось 23 сент<ября> в рязанской его деревне вдали от всех детей и друзей. Жена его в Даниловом монастыре, и он там же себе давно уже приготовил место. Неизвестно наверняка, когда привезут, говорят, завтра; несчастных детей ждут завтра, завтра уже 9-ый день. Хомяков любил, как дочь, Шеншину; может быть, ее забудут при этом положении, оттого я и пишу». ³⁴

В течение последующих 13 лет, вплоть до своей кончины, последовавшей в феврале 1873 года, Шеншина хранила верность тем идеалам, которые были заповеданы ей мужем и его учителем.

В стиле и языке писем Шаховской, особенно в их синтаксисе, заметен отпечаток полученного ею французского образования — очевидно,

³¹ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. СПб.: Росток, 2021. Т. I: Стихотворения. Переводы поэзии. «Ермак» / Изд. подгот. А. П. Дмитриев и Б. Ф. Егоров. С. 260.

³² РО ИРЛИ, № 10627, л. 85.

³³ Там же, л. 91.

³⁴ Там же, л. 91—91 об.

что она сызмала слышала в основном одну французскую речь и читала только французские книги. Приобщение ее к стихии русского языка протекало нелегко, но она принципиально не писала по-французски.

Тексты писем публикуются аутентично, с исправлением явных опечаток и минимальными пунктуационными уточнениями в необходимых случаях. Автографы хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693; оп. 15, ед. хр. 69; оп. 18, ед. хр. 41). Переводы с французского выполнены В. М. Лурье, которому выражаю сердечную благодарность.

1

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

13 августа 1858 г., Санкт-Петербург

13го августа 1858. — С.-Петербург
Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Посылаю Вам по обещанию описание последних дней и слов моего отшедшего благодетеля мужа, я сделала выписку из подробной истории его болезни, но все его замечательные слова, *не пропуская, тут сообщая*. Гóрю, несчастью, скорби моим нет выражения, и слова нет для этого. Вы, зная светлого Ангела моего, поймете, что случилось с душой моей с кончиной того, которого люблю более моей жизни. Близость наша осталась неразрывною, я чувствую всё, что может ему быть неприятным, и ничто столько меня не смущает, как *недостоверное* о нем слово или о его предсмертных часах. Поэтому прошу Вас: верьте одним моим подробностям, потому что, несмотря на убитую жизнь мою, ради его я не теряю ни минуты памяти о его словах и обо всём, что до него касается!

Ничего более им не было сказано ни о свободе крестьян, ни о чем бы то ни было в этом роде, как то, что я Вам пересылаю сегодня. Мне из Москвы переслали было рукописную статейку от М. П. Погодина¹ (по okazji), в ней сказано, что мой муж завещавал мне дар всей земли своим крестьянам, но я это переправила, потому что не так было. Его задушевные желания для блага крестьян своих, святые для меня, он сообщал мне в здоровом своем состоянии * не раз. Но это должно быть отделено от предсмертных его дней, я храню его прежние слова *неприкосновенными теперь*; если буду жива, при свидании с Алексеем Степановичем² и Вам передам, но не для печати. Вообще, многоуважаемый Иван Сергеевич, прошу Вашу дружбу: постарайтесь оберечь дух моего <мужа> от

* Далее следовало: «но прежде»; затем эти слова были заключены в скобки (в значении отказа от них, зачеркивания их).

всякой приписываемой его характеру, несвойственной ему выходки нетерпения или крайности. Кончина же его носит печать молитвенного стремления к Богу; как Вы видите, мысль о благе, которая более всего на свете ему была близка, выражалась, но не в таком утрированном виде, как у меня спрашивали многие.

Поручаю также Вам избрать из посланных мною сегодня слов то, что Вы найдете более нужным. Напишите, пожалуйста, мне, дождались ли Вы моего ответа до напечатания статьи, прежде. Сегодня я не имела буквально свободной минуты, чтобы отвечать.

Сделайте милость, перешлите всё сегодняшнее письмо Алексею Степановичу и попросите для меня его дорогого слова, буду ждать письма от него.

Преданная Вам
Евгения Шеншина.³

<Последние дни Н. В. Шеншина>

Простудился в ночь с 12го на 13^е июля после сильного движения на воздухе, испарина остановлена была во время сна в палатке, теплого платья с собою не имел, не предвидя ночевки в лагере. Этим началась болезнь, но простуда была так мало ощутительна, что он не жаловался на нее; до вторника⁴ (день, в который он слег) он только жаловался один раз на головную боль, но в обыкновенном ему виде. Только впоследствии сказал уже при докторе, что застудил испарину и что до этого несколько времени чувствовал себя несвежим, как-то не по себе. Это могло происходить от постоянных разъездов с дачи в город во время душливого жара. По *необъяснимому* для меня *предназначению* он мне не сказал обо всём этом, против своего обыкновения передавать мне всё о своем здоровии.

Только во вторник утром видел доктора в 1ый раз; несмотря на его запрещение, поехал в Комитет, где дело шло о весьма важном вопросе.⁵ После заседания слег, я приехала с дачи в этот день. Он уехал оттуда в город в понедельник вечером и, несмотря на сильнейшее желание мое ехать с ним, не решился взять меня, потому что, к несчастью, я была нездорова ногою, он побоялся сырости для меня.

До четверга болезнь шла к лучшему, но сердце мое, разрываясь предчувствием, высказывало докторам мои жгучие терзания, я умоляла их сказать правду, они сами надеялись и ободряли меня. * Нянюшка моего мужа в четверг сказала ему: «Не хотите ли приобщиться?» — он сильно обрадовался этой мысли и стал меня просить, чтобы я отправила за духовником. Я же, видя, что нервы в сильно возбужденном состоянии,

* Далее следовали слова «Друг мой»; Шеншина отказалась от них, заключив их в скобки.

успокоила его и не решилась послать, зная, что всякое усиленное чувство могло усилить воспаление, между тем отправила за доктором, чтобы он решил, что делать. До его приезда больной мой * опять просил о духовнике; после всего, что нашла я сказать успокоительного во второй раз, я прибавила: «Веришь ты мне?» — он отвечал: «Да, но скажи же, когда надо, je ne crains pas du tout la mort, je voudrais seulement le savoir pour prier Dieu ensemble et puis prendre congé». **

Молитвенное настроение его не оставляло, и он захотел, чтобы на вид ему повесили икону Спасителя. Немного погодя подозвал меня, сказав: «Я тебя еще, кажется, никогда не благословлял этим образом» (который всегда на себе носил), — и перекрестил им мою голову, произнес с живой верой: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа»; видя мои слезы, он прибавил: «За Богом везде сладко, Друг мой».

Когда доктора собрались, то одобрили, что исповедь отложена. Они сказали ему, что болезнь требует величайшего спокойствия для нерв *** и что она должна продолжиться недели 2^e (так действительно они сами предполагали до быстрого оборота болезни к худшему, что было в пятницу,⁶ 2ое суток до кончины). Больному моему, который никогда долго не бывал болен, провести 2^e недели в постеле показалось очень долгим, однако он сказал: «Je suis content que vous me disiez, ce que j'ai, je voudrais surtout que l'on ne me traite pas en enfant». **** Всё, что он говорил, выходило как бы возвратом из уст его, и вообще он был, под влиянием воспалительного прилива к голове, как бы в забытьи.

В пятницу вечером, однако, он приходил в себя, как вдруг взор его померк, он стал тревожиться, вставать с постели, и воспоминание сделалось безнадежным. Когда стали давать лекарство и обкладывать горчишниками, он сказал доктору: «À quoi celà vous sert-il, je mourrai ***** absolument dans quelques jours». ^{6*}

Немного погодя мне сказал: «Adieu, je te quitte pour longtemps». ^{7*} Вся ночь прошла в тревожном состоянии, то есть надобно было рукою

* Далее зачеркнуто: «он».

** «Я совсем не боюсь смерти, но я хотел бы знать это <т. е. "когда надо">, чтобы вместе помолиться Богу и затем принять отпущение <грехов>» (фр.).

*** Так у Е. С. Шеншиной.

**** «Я доволен тем, что вы сказали; единственное, чего я бы хотел особенно, — это чтобы со мной не обращались, как с ребенком» (фр.).

***** Переправлено Шеншиной из «mourrer».

^{6*} «Зачем вам это, я совершенно точно умру через несколько дней» (фр.).

^{7*} «Прощай, я покидаю тебя надолго» (фр.).

и голосом удерживать его в постеле, мой голос удерживал его неизменно. Он всё спрашивал, где мы, дома ли, пустите меня домой...

Когда вторично подошли с лекарством, он отверг его, сказав: «Господь мой помощник, на Него уповаю!»⁷ В эту ночь доктора в первый раз мне сказали: «Il est en grand danger». * Боль горловая, показавшаяся в 1ый раз в среду, тут стала усиливаться чрезвычайно, несмотря на все меры, немедленно против нее принятые с 1го дня.

С рассветом в субботу послала я за священником, он лежал в забытии, но только что я сказала: «Друг мой, к тебе Спаситель пришел», — совершилось чудо в глазах всех окружающих, он очнулся и с выражением радости сказал: «Слава Богу»; после того, хотя с трудом говорил от сильной боли горловой, исповедался и приобщился; когда я подошла его поздравить, радостно повторил: «Слава Богу». Потом опять забылся, но не почивал. В 10^ч час<ов> утра начался бред; спросив позволение докторов, чтобы отвлечь его от бреда, я стала читать ему вполголоса молитвы, он с сердечным, теплым чувством повторял их за мною: «Господи помилуй», «Господи, исцели меня на славу Твою»,⁸ «Отче наш», «Матерь Божия, сохрани меня под кровом Твоим»,⁹ «Да воскреснет Бог»;¹⁰ тут он опередил меня и сказал всю молитву. Таким образом, бред прекращался молитвою несколько раз в утро.

Также, чтобы прекратить бред, я спрашивала: «Кто я, ты узнаешь меня?» Каждый раз он приходил в себя и узнавал меня, говорил мне слово теплой любви. Потом с глубоким чувством начал говорить стихи А<лексея> С<тепановича>: «Довольно, пахарь терпеливый»¹¹ и *другие еще*, всё это в бреде, но выражение возлюбленного лица его и голос соответствовали светлому его уму и душе; казалось, что он говорил стихи с полным сознанием.

Лекарство не хотел принимать, стискивал губы, но, когда я с молитвою старалась открыть ему рот, это удавалось. Вообще детское, верующее, святое настроение души его, совершенно согласное со словом Спасителя: «Если не обратитесь и не будете как дети, не можете войти в Царство Небесное»¹² — это настроение ясно выказалось в его предсмертную болезнь, рядом с глубокою разумностию зреющего человека, которая была обладающим элементом в его земной жизни. Например, я скажу ему: «Силою честнаго и животворящаго Креста¹³ открой ротик и прими лекарство на славу Божию», — он повторит за мною эти молитвенные слова и откроет рот. Вслед за тем говорил (в бреде же) о выборах, предшествующих Комитету (об улучш<ении> быта кр<естьян>), сколько было голосов, «а я стоял за правду...** Александр Николаевич — добрый Царь, добрый Царь».¹⁴

* «Он в большой опасности» (фр.).

** Далее зачеркнуто: «Государь добр, Государь добр».

Весь день субботний прошел в постоянном употреблении всех возможных средств для облегчения горла и головы, эти 2^е боли были связаны одна с другой, от невероятной, жестокой простуды.

Ночь на воскресенье прошла тихо, но болезнь усиливалась. К утру в воскресенье испанская муха,¹⁵ поставленная на обритую голову, развязала горло, язык стал говорить * развязнее, и голос был естественный, он пришел в себя, сказал мне несколько слов, попросил у меня содовой порошок¹⁶ и проглотил дов<ольно> легко, доктор обрадовался, но ненадолго, в 11ом часу утра болезнь опять охватила его с жестокостью, начался бред, и полтора часа сряду он говорил громко, возвышая голос до крика, сперва несвязные слова, а потом: «Свобода, защищать свободу!»

О своих же крестьянах он накануне сказал было: «Жаль мне их», — но видно было, что внутренне он скоро успокоился на этот счет. После утомительного бреда, при перемене лекарства, он замолк; хрипенье в горле опять сделалось сильнейшее. С тех пор он только несколько раз повторил за мною молитвенные слова; однако, когда собрались доктора в 4^{ре} часа и говорили между собой по-немецки, к изумлению их, он отвечал несколько слов на их же языке. Несколько минут после схватил руку одного из них и произнес: «Добрый человек».

Часа за три до кончины приподнявшись на постеле, сказал: «Страшно, страшно!» — но потом лежал очень спокойно, мы слышали 2^а раза слова «на месте злачне!..»¹⁷ — слово «озеро»...¹⁸ с приятным выражением лица. С шестого часа стал умолкать, был в совершенном спокойствии; казалось только, что ему жарко, он старался избавиться от того, что на нем было.

В 1/2^{не} 7го пополудни Господь принял дух его. На лице усопшего явилось невыразимое спокойствие и светлая улыбка, которая сохранялась целые сутки.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 1–7 об. Автограф.

¹ *Погодин М.* Николай Васильевич Шеншин // Русская беседа. 1858. Кн. III (XI). Отд. V: Смесь. С. 137–138. Дата под статьей: 27 июля 1858 г. Цензурное разрешение журнала подписано цензором Н. Ф. фон Крузе 16 августа (отсюда напрашивается вывод, что Погодин не успел внести существенные изменения в текст некролога, поскольку письмо Шеншиной пришло в Москву не ранее 14 августа). Эта книга «Русской беседы» была первой, которую выпустил И. С. Аксаков, ставший последним редактором журнала.

² Алексей Степанович — А. С. Хомяков.

³ Далее на нижнем поле письма имеется приписка карандашом рукой И. С. Аксакова: «Я убедил Погодина изменить всё, что было им написано

* Далее зачеркнуто: «естес<твеннее>».

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ В ТЕРПЕНЬИ, ЛЮБВИ И МОЛБЕ»

прежде о последних словах Шеншина». См. соответствующее место в опубликованном варианте некролога М. П. Погодина: «Умирая, завещал он жене своей, любимому другу — спутнице жизни, — простить крестьянам недоимки и всеми силами стараться о возможно лучшем устройстве их судьбы. За несколько минут до кончины он впал в беспамятство» (*Погодин М. Николай Васильевич Шеншин*. С. 138). То есть, несмотря на протест Шеншиной, Погодин всё же оставил слова об освобождении крестьян, хотя, возможно, смягчил первоначальную формулировку.

⁴ Упомянутый вторник пришелся на 15 июля 1858 года.

⁵ Имеется в виду Санкт-Петербургский комитет об улучшении быта крестьян, где Шеншин исправлял должность члена от правительства. Его биограф Евг. Ястребцов отмечал: «...Н<иколай> В<асильевич> сильно захворал и уже серьезно больной, всего за три дня до смерти, в последний раз был на заседании комитета, специально для того, чтобы защитить проект, по которому крестьянам предоставлялось право по желанию выкупать или нет свои усадьбы» (*Русский биографический словарь*. СПб., 1911. <Т. 23>: Шебанов — Шютц. С. 95).

⁶ Эта пятница пришлась на 18 июля. Шеншин скончался 20 июля, в воскресенье.

⁷ Ср.: «Господь помощник мой и защититель мой: на Него упова сердце мое...» (Пс. 27: 7).

⁸ Молитвословие на основе слов пророка Иеремии: «Исцели мя, Господи, и исцелею: спаси мя, и спасен буду, яко хвала моя Ты еси» (Иер. 17: 14).

⁹ Имеется в виду тропарь «Всё упование мое на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом Твоим».

¹⁰ «Молитва честному и животворящему Кресту Господню».

¹¹ Третья строка из стихотворения Хомякова «Труженик», написанного 26 марта 1858 года и впервые опубликованного спустя два месяца во 2-й книге «Русской беседы» (цензурное разрешение: 17 мая).

¹² Мф. 18: 3.

¹³ Слова из «Молитвы честному и животворящему Кресту Господню».

¹⁴ Ср. описание М. П. Погодина, основанное, по-видимому, на первоначальном устном рассказе Шеншиной: «Последние слова покойного, уже в жару, относились к доброте Государя и к надежде, что он не оставит народ и устроит его участь» (*Погодин М. Николай Васильевич Шеншин*. С. 138).

¹⁵ *Шпанская муха* — точнее: шпанская мушка, или шпанка ясеневая, — жук из семейства нарывников, при опасности выделяющий жидкость с ядовитым веществом кантаридином, которое сильно раздражает животные ткани. Здесь, по-видимому, имеется в виду пластырь из шпанской мушки.

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ В ТЕРПЕНЬИ, ЛЮБВИ И МОЛЬБЕ»

¹⁶ Пищевую соду употребляли внутрь при простуде, ангине, для избавления от изжоги.

¹⁷ Пс. 22: 2. Выражение из заупокойной молитвы.

¹⁸ Возможно, слово из псалма 106 («Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его»). Ср.: «Положил есть пустыню во езера водная...» (Пс. 106: 35).

2

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

5 ноября 1858 г., Санкт-Петербург

Пользуюсь верной оказией, многоуважаемый Иван Сергеевич, чтобы написать к Вам. Я прочитала объявление о «Парусе», как только оно появилось.¹

Вы знаете, как всё, что занимало моего мужа, близко и мне, что у меня дух, желания и мысли в полном единении с ним. К тому же глубочайшее мое несчастье ставит меня вне всякой возможности покривить мыслью или чувством в отношении к делу нашего жизненного просвещения, которому Вы так усердно служите. Скорбь моя сама собою избавляет меня от уступок, которые более или менее делаются в свете общепринятым мыслям нашего общества, тем не менее я нахожу полезным, сколько могу, для вопросов жизненных видеть представителей этого самого общества, не отказываюсь от их посещений и вслушиваюсь в их толки и рассуждения по мере сил. *Итог* всего, что слышу теперь, — то, что осторожность, умеренность нужнее, чем когда-нибудь, для пользы жизненных вопросов;² необходимо оберегать их, как семя, зарытое в землю и которое, без сомнения, принесет плод, только пусть этому помогает время. К этому убеждению приходил мой муж. Светлая, высокая душа его ясно видела нужду в умеренности с наступлением теперешней эпохи зарабатывания.

Усердно прошу Вас, многоуважаемый друг, не сердитесь, не теряйте терпения; — пусть барыня Львова отличается своей нелепостью,³ пожалуйста, вперед наказывайте *таковых* одним — Вашей уступкой и молчанием, это лучше — обличения их бессмыслия, тогда как, действуя против них, вооружаешь против святого дела — труда Вашего — подобных им фигур здешних, которые еще имеют возможность вредить делу. Это первое, а другое: пожалуйста, не изъясняйте никакого мнения о Ковалевском,⁴ не говорите никакого едкого слова о нем,⁵ это *положительно* вредит делу.

Напишите ко мне с верной оказией, а главное — не лишайте меня дружеского слова Вашего для меня самой, глубоко всегда ценю трезвое и питательное наставление Ваше. Буду писать Вам о себе по почте.

Остаюсь Вам сердечно преданная
Евгения Шеншина.

Ноября 5го
1858.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 8–9. Автограф.

¹ Объявление об открытии подписки на еженедельную газету «Парус» И. С. Аксаков впервые опубликовал в «Московских ведомостях» 9 октября 1858 года под названием «Об издании в 1859 году газеты “Парус”». Объявление по жанру больше напоминало манифест идейно-политического направления, выступающего под девизом «Наше знамя — *русская народность*». Особенно вызывающим в глазах властей выглядело изложение концепции «Отдела славянского» с призывом ко всем славянам «возобновить союз племенного и духовного братства», поскольку западные и южные славяне проживали на территории Австрии и Турции.

² О степени недовольства объявлением Аксакова в петербургских кабинетах и салонах можно судить по нападкам на него столичной прессы. В первом номере газеты «Парус» Аксаков писал об этом: «Особенно странный резонанс в Петербурге, и к законам петербургской акустики мы никак не могли приладиться. Лучшим для нас доказательством служат те ложные толкования, которым подверглось наше собственное объявление о “Парусе”. Поверят ли читатели... Да нет, мы и сами отказываемся верить, мы даже с некоторым негодованием отвергаем это, как клевету; поверят ли, будто нашлись люди, которые наше выражение: “знамя народности” сочли чуть не преступлением! Они не поняли, что это известный литературный оборот речи, означающий принцип, начало; они вообразили, что чуть ли мы не соорудили настоящего древка с полотном и выставили его над домом, занимаемым редакцией. Против таких обвинений не обережешься!..» (Парус. 1859. 3 янв. № 1. С. 1).

³ Шеншина упоминает о столкновении Аксакова с княгиней Марией Андреевной Львовой (урожд. Долгоруковой; 1805–1889), младшей сестрой князя В. А. Долгорукова, генерал-адъютанта, шефа жандармов (1856–1866). Она со своим мужем, гофмейстером князем А. Д. Львовым, арендовала квартиру в бельэтаже доходного дома на Никитской, нижний этаж которого Аксаков снял для конторы газеты «Парус» и журналов «Русская беседа» и «Сельское благоустройство». Стоило ему установить вывеску о конторе на фронтоне здания, как разыгрался скандал, который был им описан в письме к графине А. Д. Блудовой от 21 октября 1858 года: «...княгиня Львова чуть не упала в обморок от мысли, что на доме, где она живет, будет вывеска, она сочла это оскорблением своему аристократическому достоинству и бросилась искать покровительства у князя Крапоткина (обер-полицм<ейстера>)...» (Письма И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой / Публ. В. Г. Бухерта. С. 341). Князь А. И. Крапоткин ожидаемо принял сто-

рону княгини и, в нарушение закона, не позволил конторе иметь вывеску. Аксаков решил придать этому инциденту, по его словам, «наибольшую гласность» (Там же. С. 342) и опубликовал в «Московских ведомостях» протестное объявление, извещавшее, что его контора «помещается на Никитской, в доме княгини Голицыной, верхний этаж которого занимается князем Львовым. Контора долгом считает предупредить, что вывески она не имеет, так как повесить вывеску, вследствие предьявленного кн. Львовым нежелания, конторе воспрещено» (Московские ведомости. 1858. 21 окт. № 126. Лит. отд. С. 514). Последствия не замедлили себя ждать. 30 ноября Аксаков писал М. П. Погодину: «“Парусу” плохо: за ним велено наблюдать строжайше, и сильно разъярены все три ведомства: Министерство Народного Просвещения, Министерство Иностранных Дел, Третье Отделение. Первоначальная главная причина <...> это моя публикация в газетах о князе Львове. Весь Петербург оскорблен, а Долгоруков принял за личное оскорбление (она ему сестра); видят в этом умышленное нападение на аристократию» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVI. С. 311). Об инциденте с вывеской, как позже вспоминала жена писателя А. Ф. Аксакова, «много было толков не только в наших, но и в иностранных газетах» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838—1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2004. Т. III. С. 34). См. подробнее: Дмитриев А. П. Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: Из архивных разысканий. СПб.: Росток, 2023. С. 352, 367—369.

⁴ Имеется в виду Евграф Петрович Ковалевский (1790—1867) — в рассматриваемый период попечитель Московского учебного округа (с 1856 г.); чуть позже, с 23 марта 1858 г., министр народного просвещения (до 28 июня 1861 г.); член Государственного совета (с 1858 г.), президент Вольного экономического общества (с 1862 г.); горный инженер, этнограф; сенатор (1843). Брат дипломата Егора Петровича Ковалевского (1809—1868), возглавлявшего Азиатский департамент Министерства иностранных дел (1856—1861).

⁵ В письме к графине А. Д. Блудовой от 27 октября 1858 года Аксаков описал подробности гонений, обрушившихся на его «Парус» еще до выхода первого номера — в связи с публикацией объявления «Об издании в 1859 году газеты “Парус”» — и выразившихся в запрете ему учредить «Славянский отдел» в газете и Славянскую контору при редакции «Русской беседы» и «Паруса», причем сделано это было под надуманными предложениями, как подробно разъясняет Аксаков (явно чтоб графиня Блудова поделилась этими сведениями с теми, кто применил санкции). Тут горячность Аксакова сыграла с ним злую шутку — у него в запале возмущения сорвалось словцо «Молчалин» в адрес Евгр. П. Ковалевского, о чем тому сообщила то ли сама Блудова, то ли ее воспитанник серб И. Костич, а может, и почтамтский цензор Ф. И. Гайдуков, скопировавший это письмо по долгу службы (не исключено, что нежелательные для Аксакова сведения пришли к Ковалевскому из нескольких источников). Это явилось одной из причин, предрешивших участь «Паруса»: как известно, он был запрещен по выходе второго номера.

3

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

17 декабря 1858 г., Санкт-Петербург

Многоуважаемый и добрейший
Иван Сергеевич.

Простите мне, что еще не отвечала на Ваше дружеское письмо, благодарю Вас от души за него, оно совершенно отвечает на всё, что я к Вам писала, и я довольна была видеть, что верно выразила впечатление, произведенное на меня тогдашним недоброжелательным говором по поводу «Паруса».

Много-много Вам благодарна за подарок Ваш: билет на «Парус»,¹ с благодарностию соединяю горячее желание Вам полного успеха в нем. Вообще, если бы я могла принести ему хотя самую маленькую частичку пользы и всему, что было близко моему мужу, это было бы для меня истинным утешением.

Очень Вам благодарна за описание свидания Вашего с министром,² я так желала знать о разговоре Вашем с ним. Другого результата я не ждала от всего предшествующего, его поездки в Москву, и потому так сожалела обо всём этом. Как справедливо, что осторожность и недоверие необходимы именно в минуты негодования; — мне как-то особенно в жизнь мою приходилось убеждаться в этом из опыта.

На прошедшей неделе я говела,³ это заняло всё мое время, а прежде этого не исполнила обещания написать о себе подробно, потому что душа требовала молчания, скорбь имеет свою жизнь и потребности; но от деятельности я никогда не отказываюсь и не лишена ее, ко мне относятся по деревенским нашим делам постоянно.

Читаю по возможности всё, что бы интересовало моего отшедшего Ангела. Спасибо Вам за теплое слово о его портрете⁴ и о нем. Слово Ангел выражает как нельзя ближе то, что мой муж есть для меня; Ангел значит вестник,⁵ а он истинно вестник для жизни духа моего. Ему я всем обязана!

Н. В. Шеншин.
Литография Ю. Э. Краузольда

В течение зимы думаю побывать в Москве, если Богу угодно. Когда увидите Алексея Степановича,⁶ пожалуйста, напомните ему обо мне.

Прощайте, сделайте милость, напишите мне, когда найдете свободную минутку, и верьте преданности душою уважающей Вас Евгении Шеншиной.

С.-Петербург
17го декабря
1858.

Вы, верно, выдаете Ф. П. Чижова,⁷ я попрошу Вас сказать ему, что я на днях перешлю ему портрет моего мужа; он очень любил и уважал Ф. П.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 10—11 об. Автограф.

¹ Речь идет о бесплатной подписке на газету.

² Подразумевается встреча Аксакова с министром народного просвещения Евгр. П. Ковалевским.

³ Письмо написано во время Рождественского поста. 17 декабря, которым оно датировано, в 1858 году пришлось на среду. Шеншина имеет в виду неделю с 8 по 14 декабря, когда она говела и причастилась.

⁴ Очевидно, речь идет о литографированном портрете Н. В. Шеншина работы Юлия Эммануила Краузольда. См. его изображение на с. 287.

⁵ Подразумевается, что древнегреческое слово *ἄγγελος* (ангелос) означает «посланник, вестник».

⁶ Упомянут А. С. Хомяков.

⁷ Шеншина ошиблась в инициале: имеется в виду Федор Васильевич Чижов (1811—1877), промышленник, общественный деятель, ученый, близкий к кругу славянофилов. С 1857 года он жил в Москве, где редактировал журнал «Вестник промышленности». В 1858 году Чижов стал соучредителем Общества Московско-Троицкой железной дороги и впоследствии снискал славу одного из основных организаторов железнодорожного строительства в России.

4

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

26 января 1859 г., Санкт-Петербург

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Пересылаю к Вам 2^е тетради: мнение С.-Пет<ербургского> генер<ал>-губ<ернатора> в ответ на здешнее положение и пояснительную

записку Комитета.¹ Пользуюсь оказией, чтобы к Вам писать не потому, чтобы я избегала почты, но оттого именно, что до сих пор ничего особенного не имела Вам сообщить.

О заседании у м<инист>ра² Вы несколько узнали; вчера вечером видела я у Блудовой³ Делянова,⁴ который с качанием головы подтвердил опять то же: что по приговору их заседания «Парус» запрещен, а до *другого*⁵ нельзя предполагать, чтобы успели дойти. — Из всего этого вижу одно, что раздраженный неприятель: все они вместе и каждый отдельно — нашел себе полезным орудием толковать, сколько можно, и всеми силами приучить к мысли о Вятке, для того чтобы уже и в голову не приходило предложить продолжение «Паруса»;⁶ вот итог их: уже о журнале и думать нельзя, дай Бог, чтобы *того-то* не было.

С Анной Федоровной я поспешила видаться вчера еще прежде Блудовой; объяснила, кажется ясно, пагубное впечатление и последствие от запрещения «Паруса» как для славян, так <и> для нас, *торжество* при этом Австрии⁷ и пр. Она участвует сердечно, так же как и необыкновенным умом своим. Завтра у нее будет А. Ф. Гильфердинг,⁸ он, конечно, будет убедительно ей говорить в пользу «Паруса», тем более что всех лучше здесь знает, сколько славянских богатств доставляются «Парусу».⁹ Жду теперь узнать скорее, что-то решит Государь, говорили, что это будет во вторник;¹⁰ я на этом опирала<сь>, говоря с Тютчевой, и поэтому объяснила ей поспешное к ней явление после Вашего отъезда.¹¹

Дай Бог хорошего исхода; говорю это не как пустое слово, а желая этого от всей души. Писать же теперь буду, не дожидаясь оказии.

Гр<афу> Блудову лучше,¹² но он не выходит из комнаты, у него желчь разлилась, так что лицо совсем желтое, но опасности нет. Передайте мое сердечное почтение Алексею Степановичу, стихи его напечатлены в моей памяти; — Тютчева попросила их для Императрицы, я ей дала;¹³ брошюрку,¹⁴ к утешению моему, добыла здесь неожиданно у книгопродавца и исполнила просьбу Анны Фед<оровны>, одолжив ей. Вас же прошу при случае все-таки переслать ту, которую мне уделит Алексей Степанович. Рукописи бы очень хорошо поскорее списать (прилагаемые при сем) и, буде возможно, поскорее переслать к Юрию Федоровичу,¹⁵ при отдалении его¹⁶ надобно поспешить; они интересны, мне кажется, наиболее в теперешнюю пору.

Прощайте, добрейший Иван Сергеевич, желаю Вам всего лучшего, поклонитесь, прошу Вас, от меня всем Вашим.

Преданная Вам от души
Евгения Шеншина.

26го января
1859.

¹ Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором в тот период (в 1854–1861 гг.) был Павел Николаевич Игнатьев (1797–1879) – государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. По-видимому, имеется в виду его мнение о получившей широкую огласку истории об избииении студентов, принятых за поджигателей. А. В. Никитенко записал в своем дневнике 16 января 1859 года: «Дело студентов, побитых солдатами по приказанию командира на пожаре, исследовано особою комиссиею, назначенною по Высочайшему повелению. Оказалось, что студенты ни в чем не повинны. Они действительно только спасали имущество товарища, квартира которого горела. Комиссия заключила, что единственное виновное в этом деле и подлежащее суду лицо есть офицер, который действительно дал приказание солдатам бить прикладом студентов, когда те обратились к нему с жалобою на то, что один солдат ударил или толкнул их товарища» (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. С. 55).

² Речь идет о заседании у Евгр. П. Ковалевского; сведения о нем Аксаков получил, скорее всего, от графини А. Д. Блудовой. 21 января он писал своему помощнику по редакции Н. В. Луженовскому: «Назначено экстренное заседание, любезный Ник<олай> Вас<ильевич>, Главного упр<авления> цензуры по Высоч<айшему> повел<ению>, для суда над “Парусом” и для решения вопроса, быть ему или не быть. Это заседание будет завтра или послезавтра. Шансы всё плохи» («...Вы очень мне нужны здесь, нужны т. е. “Русской беседе”»): (Переписка И. С. Аксакова с М. П. Петровским (1858–1866)) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Пособительная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 414).

³ Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891) – камер-фрейлина императрицы Марии Александровны (с 1863 г.), благотворительница, мемуаристка. Блудовым принадлежал доходный дом по адресу: Невский, 80.

⁴ Камергер Иван Давыдович Делянов (1818–1897) в 1858–1861, 1862–1866 годах состоял попечителем Санкт-Петербургского учебного округа; впоследствии, в 1882–1897 годах, возглавлял Министерство народного просвещения. В начале своей карьеры пользовался покровительством графа Д. Н. Блудова и доброжелательно относился к славянофилам.

⁵ Шеншина намекает на слухи об административной ссылке Аксакова в Вятку. А. В. Никитенко записал 23 января: «Говорят, Тимашев изо всех сил хлопочет, чтобы издатель “Паруса” Аксаков был спроважен в Вятку. <...> Впрочем, я не полагаю, чтобы Государь на это согласился. Это была бы большая ошибка» (Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 56). Генерал-адъютант Александр Егорович Тимашев (1818–1893) в 1856–1861 гг. состоял начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим III Отделением.

⁶ Шеншина подразумевает, что решение о запрещении «Паруса» было принято не сразу. Об этом свидетельствуют записи в дневнике Никитенко – 16 января: «Говорят, “Парус” запрещен. Его вышло всего еще два но-

мера» (Там же. С. 55); 17 января: «“Парус” не запрещен, а только велено его следующий, то есть третий, номер прислать в Петербург на предварительное рассмотрение» (Там же. С. 56); 26 января: «Аксакова не сослали в Вятку, но запретили его журнал» (Там же. С. 57). Приведем фрагмент из неопубликованного письма старшей сестры И. С. Аксакова, В. С. Аксаковой, к кузине М. Г. Карташевской в Петербург от 14 января: «Вы уже, вероятно, знаете, что “Парус” запрещен, по крайней мере ожидали этого, как я вижу из твоего письма; впрочем, еще формального запрещения не было, а велено по телеграфу от Ковалевского остановить третий номер и прислать его в Петербург, но его еще нет в корректурных листах, и потому он не послан, ожидают сегодня бумаги, объясняющие, в чем дело. <...> Говорят, Блудовы раздражены против “Паруса”, да и всем досталось...» (РО ИРЛИ, № 10626, л. 18 об.).

⁷ Австрийское правительство с враждебной подозрительностью относилось к русским изданиям, в которых обсуждалась жизнь славян, проживавших на Балканском полуострове и в Галиции.

⁸ Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) — славяновед, фолклорист, участник славянофильских изданий; он, в частности, подготовил к печати труд Хомякова по всемирной истории («Семирамиду»). В рассматриваемый период (1859–1861) служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилось письмо Шеншиной к Гильфердингу от 14 января 1867 года с приглашением на дружеский ужин с участием близких к славянофильскому кругу деятелей: В. И. Ламанского, Г. П. Галагана с женой Е. В. Галаган (урожд. Кочубей) и П. А. фон Шульца с женой А. М. фон Шульц (урожд. Юзефович) (РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 20, ед. хр. 127, л. 1–1 об.).

⁹ Речь идет о корреспондентах из славянских земель, с которыми Аксаков начал налаживать связи с 1858 года, когда приступил к редактированию «Русской беседы».

¹⁰ Упомянутый вторник приходился на 27 января — на следующий день после отправки данного письма.

¹¹ О поездке И. Аксакова в Петербург писала В. С. Аксакова М. Г. Карташевской 18 января: «Ему давно бы надобно ехать, он только вчера решил. <...> Иван воротится скоро и привезет нам известие свежее о вас, но у него будет столько хлопот, что он сам не опомнится, надобно спешить назад для “Паруса”. Что-то его ожидает?» (РО ИРЛИ, № 10626, л. 25, 26 об.). Утром 26 января он вернулся в Москву (см.: Там же, л. 35 об.).

¹² Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) — в рассматриваемый период (1839–1861) главноуправляющий II Отделением и президент Академии наук (с 1855 г.), впоследствии председатель Государственного совета (с 1862 г.) и Комитета министров (с 1861 г.); в молодости литератор карамзинско-пушкинского круга, участник общества «Арзамас».

¹³ Имеются в виду списки последних стихов Хомякова; его поэтический сборник вышел при жизни только раз, в 1844 году (он включал 24 произведения); первое обстоятельное собрание его лирики увидело свет сразу после его кончины, в 1861 году.

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ В ТЕРПЕНЬИ, ЛЮБВИ И МОЛЬБЕ»

¹⁴ Речь идет о последней из трех богословских полемических брошюр А. С. Хомякова на французском языке: *Ignotus. Encore quelques mots, par un chrétien orthodoxe, sur les communions occidentales: À l'occasion de plusieurs publications religieuses latines et protestantes* («Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях: По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры»). Lpz., 1858 (рус. перевод: Прага, 1867).

¹⁵ Юрий Федорович Самарин (1819–1876) — публицист, философ-славянофил, государственный и общественный деятель.

¹⁶ Начиная с июня 1858 года Самарин состоял членом от правительства в Самарском губернском комитете. В марте 1859 года был приглашен в Петербург и с мая до августа 1860 года трудился в административном и хозяйственном отделениях Редакционных комиссий.

5

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

27 января 1859 г., Санкт-Петербург

Я к Вам вчера писала с оказией, многоуважаемый Иван Сергеевич, а сегодня несколько слов отправляю по почте как прибавление к тому письму. Усердно Вас прошу, не *говорите* *вовсе* в Москве об Анне Федоровне. Я знаю хорошо, что московская ее тетушка и даже сестра¹ Вам *вовсе* не сочувствует, к тому же у них бывает вся болтливая часть Москвы, и, если кто заикнется словом *участия* к «*Парусу*» со стороны Анны Фед<оровны>, это сейчас подхватится и с помощью других недоброжелателей, с прибавлениями, передастся в Петерб<ург>.

Это бы было очень неприятно для достойной искреннего уважения Анны Фед<оровны> и столько же для нас. Она же сама не раз в разговоре своем высказывала (теперь тоже), что желает, чтобы об ней *совсем не говорили*.

Сделайте милость, скажите мне поскорее *да* в ответ на это письмецо: получили ли Вы мою вчерашнюю посылку?

Вам от души преданная

Евгения Шеншина.

Писать вновь не замедлю.

27^е янв<аря>

Вторник

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 16—16 об. Автограф. Письмо без указания года, датируется по содержанию.

¹ Имеются в виду Дарья Ивановна Сушкова (урожд. Тютчева; 1806—1879), жена писателя Н. В. Сушкова, и Екатерина Федоровна Тютчева (1835—1882), фрейлина императрицы Марии Александровны (с 1867 г.), писательница, с 1853 г. жившая у своей тетки в Москве, в доме на углу Воротниковского и Старопименовского переулков. Правовед Б. Н. Чичерин вспоминал: «...салон <Сушковых> оживился, когда они приняли к себе племянницу, младшую дочь Тютчева, Катерину Федоровну, девушку замечательного ума и образования, представлявшую резкий контраст с добродушной патриархальностью стариков» (Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов / Вступ. ст. и коммент. Т. Ф. Пирожковой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. С. 106).

6
Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

28 января 1859 г., Санкт-Петербург

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Вчера была я вечером у нашей доброй (по ее собственной претензии) Русалки;¹ отцу ее лучше. Утром к нему приезжал *Г-н тесто*,^{*2} как Вы его назвали. Из слов теста видно, что решения никакого еще не было после их заседания, хоть и ждали его во вторник. Вообще также заметно, что тон теста несколько смягчен; не знаю еще, чему приписать это.

Прощайте до будущего письма.

28^е января.

* *Тесто* — тот, с которым Вы имели разговор в прошлом году.

<Надпись на конверте: * >

Его Высокоблагородию,
Ивану Сергеевичу Аксакову
В Москву.

На Тверском бульваре, в доме Княгини Юсуповой.³

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 14. Автограф. Конверт (л. 15). Письмо без указания года, датируется по содержанию.

¹ Имеется в виду графиня А. Д. Блудова, принявшая прозвание Русалки из полушутливого пассажа в передовой статье Аксакова, которая открывала первый номер газеты «Парус»: «...мы обращаемся просто с заклинанием ко всем подводным владыкам, духам и демонам, древним и новым, чужим и доморощенным, от Нептуна с его трезубцем до русского синего водяного, с тритонами, nereидами, русалками и со всем их причтом: да даруют они нам плавание ровное и безмятежное...» (Парус. 1859. 3 янв. № 1. С. 1).

* Штампы: «28 январ. 1859»; «29 генвар. 1859».

² По-видимому, имеется в виду министр Евгр. П. Ковалевский (с ним Аксаков встречался в конце 1858 года); словом «тесто» обозначена его податливость, стремление угодить начальству, вместо того чтобы, например, отстаивать подведомственные ему органы печати от репрессивных мер.

³ Княгиня Зинаида Ивановна Юсупова (урожд. Нарышкина; во 2-м браке, с 1861 года, де Шово; 1810—1893) — фрейлина; владелица особняка на Никитском бульваре, д. 24. Этот дом в рассматриваемый период (с 1857 г.) снимал С. Т. Аксаков для своей семьи.

7

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

30 января 1859 г., Санкт-Петербург

Вчера не писала к Вам, многоуважаемый Иван Сергеевич, потому что нового нечего было сообщать, да и сегодня тоже: положительного решения еще нет, для «Паруса» одно только *положительно*, что Гос<ударь> очень недоволен и сердит на Вас и на Погодина, в особенности на Погодина.¹ Я это слышала утвердительно от нескольких лиц, которые не лгут, и надобно, чтобы Вы знали, что Пог<один> более всего навредил делу.

Мне нужно Вам сделать серьезный упрек насчет телеграф<ической> депеши, которую Вы прислали Анне Фед<оровне>. Помилуйте, как можно так *некстати* выставлять ее имя: ведь Вы знаете, что каждый шаг известен в Петербурге и Вы своей неосторожностью лишаете *возможности* оказывать сочувствие. Надобно, чтобы об Анне Фед<оровне> *вовсе не* говорили, и депеша ей не могла быть приятной.

Я Вам писала об этом точно по предчувствию, но Вы, вероятно, не получили вовремя моего письма. Ведь разница огромная для Анны Фед<оровны> между визитом и депешей: первого она никогда не избегает, а, напротив, принимает приятно, тогда как от подобного *второму* поступка в отношении к ней надобно необходимо ее оберегать. Анна Фед<оровна> просила меня Вам написать, чтобы Вы не тревожились о Дамаскине, его статья,² читанная многими здесь, наделала столько шума, что ее потребовали на рассмотрение сюда,³ но ее не тронут ни на волос, и через два дня она будет возвращена в Москву.

Закрываю дружескою к Вам просьбою: пожалуйста, не пишите в Петерб<ург> ни слова, ни к кому, ни ко мне даже, по почте; *право, не нужно*; это только серьезно вредит.

Ведь Вы уверены, что я не пропущу момента никогда, в который мой слабый голос может быть полезен. Скажу более — мое слово делается твердо и *кстати*, по внутреннему внушению живого участия. Итак, исполните же хоть один раз мою просьбу — не пишите сюда.

Прощайте, дай Бог Вам помощи *на мудрость змеиную*⁴ при Вашей богатой душе. Без этой мудрости нельзя подвигаться на трудном земном пути.

Остаюсь Вам преданная от души

Евгения Шеншина.

30го января

Пятница

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 17–18 об. Автограф. Письмо без указания года, датируется по содержанию.

¹ Во втором номере еженедельной газеты «Парус» от 10 января 1859 года, издававшейся Аксаковым, была опубликована статья историка и писателя Михаила Петровича Погодина (1800–1875) «Прошедший год в русской истории», ставшая одной из основных причин запрещения газеты. Главное управление цензуры усмотрело в этой статье «едкое унижение нашей иностранной политики и непозволительное вмешательство частного лица в виды и соображения Правительства» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVI. С. 348*). Погодин в начале февраля написал министру народного просвещения Евгр. П. Ковалевскому возражение, в котором протестовал против запрещения «Паруса», и распространил это письмо во множестве копий (Там же. С. 356–357), послав копии его С. Т. Аксакову, Ф. И. Тютчеву, В. А. Кокореву и др.

Полный текст письма Погодина был впервые опубликован Н. П. Барсуковым в 1902 году (Там же. С. 348–356). Недавно, по недоразумению, один из списков этого письма (из ОР РГБ) был напечатан с пометой: «Рукопись публикуется впервые». См.: Неизданное объяснение М. П. Погодина по поводу его публикации в газете «Парус» / Подгот. текста, вступ. заметка и коммент. И. В. Логвиновой // *Литературоведческий журнал. 2022. № 4 (58). С. 176–187.*

² Речь идет о поэме графа А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин», увидевшей свет в журнале «Русская беседа» (1859. Кн. I (XIII). Отд. I. С. 5–30), редактировавшемся Аксаковым. Любопытно, что цензурное разрешение было подписано цензором Н. П. Гиляровым-Платоновым за два дня до того, как Шеншина отправила это письмо, — 26 января.

³ Подразумевается Августейшее семейство. А. К. Толстой сообщал Аксакову в письме от 27 декабря 1858 года: «...я список “Дамаскина” посылаю теперь же Императрице по собственному ее желанию <...> Е<е> В<еличеству> уже известно его содержание» (*Толстой А. К. Полное собрание сочинений и письма: В 5 т. М.: Классика, 2018. Т. 5. С. 94*), а позднее, в недатированном письме, уточнял об «Иоанне Дамаскине»: «...Императрице послал его 10-го декабря» (Там же. С. 97).

⁴ Отсылка к Евангелию: «будите убо мудри яко змия» (Мф. 10: 16).

8

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

1 февраля 1859 г., Санкт-Петербург

Многоуважаемый Иван Сергеевич,
«Парус» окончательно запрещен, но люди есть, которые стараются о восстановлении чего-нибудь вроде Вашей газеты. Поэтому *дружески* прошу Вас: не предпринимайте никакого распоряжения вследствие этого запрещения, не пишите решительно никуда по делам Парусным до получения ясного и подробного известия о его запрещении. Известие это Вы получите *без замедления*.

Прощайте, от души Вам преданная

Е. Шеншина.

Воскресенье.

1го февраля

1859.

<Надпись на конверте:>

Его Высокоблагородию,

Ивану Сергеевичу Аксакову

В Москву.

На Тверском бульваре, в доме Княгини Юсуповой.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 20. Автограф. Конверт (л. 19).

9

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

18 августа 1859 г., Стрельна Санкт-Петербургского уезда

Благодарю Вас, добрый и многоуважаемый Иван Сергеевич, за письмо Ваше, доставленное мне через Давыдова;¹ — я получила его у Княгини Черкасской на Каменном острове,² где провела я несколько дней, мы вместе говели;³ — для меня был истинный отдых воспользоваться ее дружеским обществом после хлопотной деятельности с самого возвращения моего из Москвы. По смерти тетушки моей⁴ приезжала сестра⁵ из-за границы, я с ней ездила в Новгород. Кроме того, много было дела в Петербурге, я могла ей быть полезной и, конечно, принялась за это с большой охотой; *ried-à-terre* * на лето у меня в Стрельне, рядом с теткой моей Тучковой,⁶ которая чрезвычайно желала, чтобы я была поближе к ней после грустного окончания наших забот о покойной больной.

* Здесь: дача (*фр.*).

Несколько раз ездила я к себе в деревню,⁷ там идет постройка моего дома, и разные были мне хлопоты, от которых, впрочем, я никогда не отказываюсь, потому что они-то и составляют деятельность, необходимую мне.

Только при кочующей жизни, такой, как я вела в это лето, всегда остаешься в долгу относительно писем, просто становится невозможным писать, пока не приведешь несколько в порядок множество впечатлений, получаемых от разнообразия всего, что видишь и слышишь. Надеюсь на Вашу доброту и что Вы простите мне, что я не отвечала на 1ое письмо Ваше. К тому же я думала, что Антонина Дмитриевна Вам сообщит обо мне известие. Я отвечала ей в начале июля; помню, что желала утешения и подкрепления Свыше после горькой потери.⁸

Поклонитесь от меня Вашему братцу, матушке⁹ и всем Вашим.

Пишу к Вам из Стрельны, здесь я пробуду до 1го сентября, а там перееду в Петербург, где у меня новая квартира; вот еще нечто, что заняло много моего времени; в доме Притвица¹⁰ хозяйка потребовала назад квартиру свою — ровно годом раньше, чем хотела прежде. Теперь я на Сергиевской, дом булочника *Шрейбера*;¹¹ с нетерпением ожидаю я брата моего моряка,¹² но не думаю, чтобы он приехал раньше конца сентября.

Как-то Вы пользовались этим летом, напишите, пожалуйста, словечко и докажите мне этим Ваше прощение.

Закрываю на сегодняшний раз сообщением Вам, что я прочитала №² «Беседы» (последний)¹³ просто с жадностью, в особенности записки Державина¹⁴ невыразимо занимательны.

Прощайте, будьте здоровы. Вы, верно, часто бываете у Гр<афини> Блудовой, поклонитесь ей, прошу Вас, за меня.

Преданная Вам

Е. Шеншина.

18^е августа
1859 г.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 22–23 об. Автограф.

¹ Граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (до 1856 года — Давыдов; 1809–1882) — тайный советник, обер-церемониймейстер; писатель, известный англоман, меценат, библиофил. Был знаком с Аксаковым, в середине 1870-х гг. они переписывались.

² Княгиня Екатерина Алексеевна Черкасская (урожд. Васильчикова; 1825–1888) — фрейлина двора, жена (с 1850 г.) славянофила князя В. А. Черкасского, близкого друга Аксакова. Младший брат княгини Черкасской, камергер П. А. Васильчиков, с которым Аксаков также тесно общался, был женат на одной из дочерей графа В. П. Орлова-Давыдова, Евге-

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ В ТЕРПЕНЬИ, ЛЮБВИ И МОЛЬБЕ»

нии Владимировне. Каменный остров в XIX веке был застроен особняками знати и стал центром петербургской светской жизни.

³ С 1 (14) по 14 (27) августа был Успенский пост, когда верующие, по обычаю, говели и причащались.

⁴ Речь идет о скончавшейся 5 июня Софье Петровне Неклюдовой (1788–1859), приходившейся старшей сестрой свекрови Шеншиной.

⁵ У Шеншиной не было родных сестер. Вероятно, она так называла единственную сестру мужа Александру Васильевну Хвостову (урожд. Шеншина; 1819–1889), до замужества (1849) фрейлину двора.

⁶ Александра Петровна Тучкова (урожд. Неклюдова; 1798–1869) – вдова (с января 1858 г.) генерал-майора П. А. Тучкова, тетка Шеншиной по мужу.

⁷ Речь идет об имении Тигода (Шеншино) Новолодожского уезда (ныне на территории деревни Мелехово Киришского района Ленинградской области), расположенном в 120 верстах от Петербурга и в 100 – от Новой Ладogi. После смерти мужа Шеншина организовала в имении начальную школу для детей крестьян из близлежащих деревень. К югу от Тигоды Новолодожский уезд граничил с Новгородским, поэтому Шеншина называла свое имение *новгородским*.

⁸ Имеются в виду соболезнования графини А. Д. Блудовой в связи с кончиной С. П. Неклюдовой (см. выше коммент. 4).

⁹ Названы Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) и Ольга Семеновна Аксакова (урожд. Заплатаина; 1793–1878).

¹⁰ Доходный дом барона Притвица на Литейном проспекте.

¹¹ Видимо, доходный дом Шрейберов (совр. адрес: ул. Чайковского, д. 63).

¹² Дмитрий Сергеевич Шеншин (1832–1915) – морской офицер, адмирал (1901), воспитатель царских детей. В 1859 году он был назначен в Аральскую флотилию, где, командуя двухпушечной баржей, сначала сопровождал посольство Н. П. Игнатьева в Хивинское ханство, а затем поддерживал высадку отряда М. Г. Черняева, отправленного в помощь хану, осаждавшему восставший город Кунград. Возвратился из Средней Азии в сентябре 1860 года.

¹³ Четвертая книга «Русской беседы» за 1859 год (цензурное разрешение от 3 июля).

¹⁴ Имеется в виду предпоследняя часть публикации: Записки Державина: Записка из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающая в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина / <Публ. и примеч. П. И. Бартенева> // Русская беседа. 1859. Кн. IV (XVI). Отд. I. С. 289–388. Воспоминания печатались частями в книгах I–V.

10

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

18 сентября 1859 г., Санкт-Петербург

В последнем письме моем, многоуважаемый Иван Сергеевич, я Вам отвечала на дружеский упрек Ваш в моем долгом молчании, сказав Вам, что причиною этому было слишком большое разнообразие впечатлений, в которых я сама еще не отдавала себе отчета. В такое время, Вы сами знаете, трудно писать; — теперь же, напротив, письмо Константина Сергеевича к Черкасскому¹ произвело на меня впечатление очень ясное, т. е. вполне сознательное.

На этот раз я не могу молчать, зная, что Вы, Иван Сергеевич, совершенно выходили из сферы тесного фанатизма, и помню, что тогда Вы видели, указывали сами на вред односторонности; — припомните наши беседы в Николаеве² о том, что в замкнутой среде душно, что в ней с лучшими желаниями забываешь действительность и впадаешь в ложные предположения.

Константин Сергеевич, говоря про мир, впадает в такие обвинения против К<нязя> Черкасского, что просто от них меня берет дрожь.³ Помилуйте, как можно употреблять подобные страшные выражения?

Я нахожу, что приятельская обязанность — выставить против этого картину действительности: здесь видишь непрестанное борение Черкасского и Самарина,⁴ чтобы отстаивать сколько есть возможности и всеми силами правду, против всего враждебного, их окружающего, а издали перед глазами *всё враждебное* исчезает и давай нападать на своих, забывая то, чего стоит им здешняя жизнь; — Самарин принужден был ехать за границу,⁵ как ни неприятно ему было заняться своим здоровьем.

В обвинениях несправедливых тем более опасности, что они отзываются гордостью; ведь и книжники⁶ очищали внешность, гнушались нечистыми орудиями, но как мешало это им быть полезными для истинны.*

Сознайтесь, что лучше, против своего вкуса, жить в Петербурге, трудиться по мере возможности за меньшую братию (здесь несомненно принесет это хоть некоторую пользу), чем сказать себе: переделаю невозможное или уйду, сложу руки. Наконец мы обязаны помнить всегда живую проповедь истории, достаточно себе представить характеры величайших деятелей политического добра, чтобы сознать, какое достоинство в продолжении труда, несмотря на тяжесть борения, а иногда просто невозможности действовать. Как же можно произносить *анафема* на друзей своих!

* Так у Е. С. Шеншиной.

Кн<ягиня> Черкасская в таком негодовании на это, что уже лучше не хочет писать. Я в другом положении, — мое горе ставит меня вне горячности, оно сближает меня постоянно с настроением моего Отшедшего; по дружбе Вашей Вы знаете, как мудро и светло было его воззрение.

Письмецо это посылаю с оказией. Вас прошу очень, когда найдете случай, не лишите меня добрых Ваших строчек, я принимаю с благодарностью всякое слово дружбы; только не пишите по почте; говорят, скоро будет в Петербург Федор Васильевич Чижов; адрес мой на Сергиевской, дом булочника Шрейбера.

Прощайте, добрый и многоуважаемый Иван Сергеевич, поговорите Вашему братцу и поклонитесь ему от меня.

Вам преданная

Е. Шеншина.

18го сентября
1859 г.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 24—25 об. Автограф.

¹ Имеется в виду большое открытое письмо К. С. Аксакова от августа 1859 года, адресованное князю В. А. Черкасскому (автограф и списки: РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 8, ед. хр. 28 и 29; впервые напечатано с пропусками: Русь. 1883. 1 февр. № 3. С. 36—39). К. Аксакова возмутил подписанный Черкасским как членом-экспертом Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах «доклад административного отделения № 5: о сходах», где регулировалось крестьянское самоуправление, обязанности старосты, указывалось, кого не следует допускать на сход, и т. д. К. Аксаков увидел в этом «уничтожение самобытной общественной свободы русского народа» (Там же. С. 37). Не сдерживая негодования, он писал: «Вы подняли руку на народ. <...> Вы посягнули на душу народа; это уже настоящее душеубийство» (Русский архив. 1910. Кн. II, вып. 6. С. 310). И. Аксаков, впервые публикуя это письмо, объяснял его раздражительный тон недавней кончиной отца, С. Т. Аксакова, подорвавшей здоровье брата; он отмечал: «Впрочем, впоследствии К<онстантин> С<ергеевич> благодарил князя за благодушное отношение к его резкому письму» (Русь. 1883. 1 февр. № 3. С. 36).

² Город Николаев в период Крымской войны стал главной тыловой базой страны. Летом 1856 года здесь находился штаб Комиссии для раскрытия злоупотреблений по интендантству Южной и Крымской армий, возглавляемой князем В. И. Васильчиковым. Среди ее членов были Аксаков и Шеншин. Вскоре к мужу приехала Евгения Сергеевна. Здесь они познакомились и душевно сблизились. См. подробнее вступительную статью.

³ См., например: «...Вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, Вы убиваете нашу русскую свободу, нашу свободу, наш *мир*, обращая его в какое-то жалкое подобие дворянских выборов» (Русь. 1883. 1 февр. № 3. С. 38).

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ В ТЕРПЕНЬИ, ЛЮБВИ И МОЛБЕ»

⁴ Речь идет о непростых условиях работы князя В. А. Черкасского и Ю. Ф. Самарина в Петербурге, в Редакционных комиссиях. Следует отметить, что под влиянием письма К. С. Аксакова статьи 53 и 54 о сельском сходе в «Положении о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» были изменены.

⁵ В начале августа 1859 года нервно переутомленного Самарина настиг первый инсульт, и он уехал лечиться за границу, где пробыл до декабря.

⁶ Речь идет о библейских книжниках-законниках, представлявших в Иудее партии фарисеев и саддукеев и ставших идейными противниками Иисуса Христа.

11

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

29 сентября 1859 г., Санкт-Петербург

Добрейший Иван Сергеевич,

я поторопилась исполнить Ваше поручение насчет справки о «Думе»,¹ сама желала я скорее узнать решение неразлучно с живейшим участием как к делу Вашему; — и на этот раз также не верилось мне в успех; действительно, сейчас получила я от нашей доброй знакомой² сведение, отвечающее на грустное ожидание; немедленно в подлиннике его препровождаю к Вам, зная, что уже лучше скорее, по крайней мере, узнать об окончании дела.

Много, много благодарю Вас за дружеское письмо, переданное мне Нарышкиным,³ будьте уверены, что многое в нем отозвалось в душе моей и доставило пищу ей.

Я буду Вам отдельно отвечать; есть вещи, которые я буду оспаривать. Покаместь * скажу Вам, что наш друг Екатерина Алексеевна⁴ также многим напиталась из строчек Ваших; его ** я еще не видала с получения их, но увижу вскоре.

Прощайте, добрый, многоуважаемый Иван Сергеевич, желаю Вам хранения и милости Божиих. Константину Сергеевичу кланяюсь от души.

Преданная Вам
Евгения Шеншина.

29 с<ентября>
1859 г.

* Так у Е. С. Шеншиной.

** Так у Е. С. Шеншиной.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 26–26 об. Автограф.

¹ Речь идет о проекте еженедельной газеты «Дума», прошение об издании которой было подано Аксаковым после запрещения «Паруса» и отклонения предложенного вслед за тем еженедельника под названием «Пароход». В августе 1859 года Аксаков получил официальный отказ. В письме к писательнице Н. С. Соханской (Кохановской) от 21–25 ноября он привел цитату из этого документа: «Из П<етер>бурга отвечали, что “так как Ив. Аксаков не оправдал доверия правительства при издании газеты Парус, то в просьбе ему отказать”» (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 61). Позднее, 4 декабря 1859 года, он жаловался венскому протоиерею М. Ф. Раевскому: «...Главное управление цензуры не только воспретило мне издавать газету “Думу” (что было необходимо для успеха журнала), но воспретило даже мне быть соредактором Кошелева по “Русской беседе”» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. С. 204). См. также рукописную копию: Об издании И. С. Аксаковым газеты «Дума» (выписки из дела Департамента народного просвещения 1859 г., № 285) (ОР РНБ, ф. 847, ед. хр. 791, 2 л.).

² Подразумевается графиня А. Д. Блудова.

³ Вероятно, Дмитрий Иванович Нарышкин (1812–1866) — полковник в отставке, любимый брат княгини З. И. Юсуповой, у которой Аксаковы снимали особняк (см. коммент. 3 к письму 6). Он почти постоянно жил в Петербурге без какого-либо официального положения, устраивал рауты для избранного общества, был близок ко двору.

⁴ Княгиня Е. А. Черкасская.

12

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

8 ноября 1859 г., Санкт-Петербург

Не думайте, добрейший Иван Сергеевич, чтобы я по упрямству или по желанию возвратиться к первобытным временам опять пишу не по почте, уверяю Вас, что нет, а просто потому, что пришлось удобно Вам передать с Кошелевым,¹ как сильно занимает меня предмет Вашего первого разговора с ним завтрашний день; говорю о «Беседе»;² как ни слаб мой голос, но я не могу запретить себе Вас умолять продолжать *святой* Ваш труд занятия редакцией «Беседы»; знаю, что известия из Министерства Народ<ного> Просв<ещения>, которые передаст Вам Кошелев, для «Думы» и пр., — не могут не повеять на Вас духом уныния, что, вероятно, первое впечатление будет, чтобы кинуть всё и уехать за границу.

Но ради Бога, ради всей святой пользы, которую Вы приносите изданием «Беседы», принесите ей еще жертву Ваших богатых сил и времени;

Е. С. Шеншина. Фото С. Л. Левицкого

не давайте умолкнуть Вашему органу, от которого несомненно разливается жизнь, более чем можно усмотреть простым глазом; это совершенно как в Притче Евангельской: семя кидается в землю, а как оно произрастает и дает плод, этого не знает и сам сеятель.³

Я убеждена, что Вы облагораживаете «Беседую» «Вестник»⁴ и прочие журналы; умолкнете Вы — они заговорят своим природным, вредным языком, а теперь хоть из приличия не смеют противоречить Вашему направлению.

А. И. Кошелев говорил, что так как ему самому некогда, то, если Вы возьметесь продолжать редакцию «Беседы», она не умолкнет. Я надеюсь, не хочу, не могу отказаться от надежды, что приеду в Москву в конце ноября и застану Вас по-прежнему занятого «Беседую»; все решительно наши друзья и даже знакомые страшатся одной мысли, что она может умолкнуть.

Вы спрашивали про Смирнову,⁵ я ее видела 2^а раза, ужасно далёко живет от моего дома, здоровье ее нехорошо с самого въезда в Россию,⁶ поэтому она жалеет еще более о жизни за границей, но ведь это простиительно только по физическому расстройству, а на деле-то нельзя себе позволять, оттого что всё дурно у нас, ехать наслаждаться комфортом и выработанностью Запада, махнув рукою на свой бедный край; — нет, изволь-ка здесь побиться да приносить хоть каплю пользы; она не пропадет, без сомнения, а на нас, на каждом в своем кругу деятельности, лежит обязанность доставлять эту каплю братьям и вообще под Своим Небом!

Черкасские Вам от души кланяются, я всем сердцем полюбила Катерину Алексеевну.

Прощайте, черкните словечко; уверяю Вас, что напишу в ответ по почте. Дай Бог Вам всего лучшего!

Когда ждете Вы Алексея Степановича?⁷

Преданная Вам
Евгения Шеншина.

8го ноября
1859 г.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 27—28 об. Автограф.

¹ Александр Иванович Кошелев (1806—1883) — публицист-славяно-фил, общественный деятель; винный откупщик. Издавал на свои средства журналы «Московский сборник» (1852), «Русская беседа» (1856—1860), «Сельское благоустройство» (1858—1859) и др.

² Очевидно, в своих письмах к Шеншиной Аксаков сообщил о планах А. И. Кошелева завершить издание убыточной «Русской беседы» и о своем

желании уехать на время за границу. Поэтому она надеялась, что в ходе личной встречи с редактором издатель передумает и журнал продолжится. Однако Кошелев привез неутешительные сведения, о чем Аксаков сообщал в письме к Н. С. Соханской (Кохановской) от 21–25 ноября: «...Кошелев подавал просьбу о дозволении принять меня в ответственные соредакторы “Беседы”, ибо положение нас обоих было фальшивое: он нес ответственность официальную, перед Правительством и перед публикой за журнал, издаваемый не им, но где говорится от его имени, без всякого его ведома и участия» (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). С. 61–62). Через 16 дней после публикуемого письма Шеншиной, 24 ноября, было получено цензурное разрешение на издание книги VI за 1859 год. Она оказалась последней (позднее, в 1860 году, вышло, по обычаю времени, два сборника статей из редакционного портфеля).

³ См.: Мф. 13: 3–23; Мк 4: 3–20; Лк. 8: 5–15.

⁴ Имеется в виду двухнедельный (с 1861 г. ежемесячный) журнал либерально-западнического направления «Русский вестник», основанный в Москве М. Н. Катковым одновременно со славянофильской «Русской беседой» — в 1856 году.

⁵ Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809–1882) — фрейлина двора; друг и собеседник Пушкина, Гоголя, Жуковского, Лермонтова. Петербургский особняк А. О. Смирновой-Россет, приобретенный ею в 1838 году, находился на пересечении Фонарного переулка и набережной реки Мойки. Аксаков познакомился с ней в Калуге в ноябре 1845 года, где служил под началом ее мужа, калужского губернатора Н. М. Смирнова. С 1849 года Аксаков с ней переписывался, они изредка встречались. После серьезной ссоры в январе 1855 года их переписка прервалась, возобновившись только в марте 1863 года по инициативе Смирновой-Россет.

⁶ Смирнова-Россет в тот период проводила теплое время года в Бадене, а после февраля 1861 года уже надолго поселилась за границей (жила главным образом в Англии, а также в Швейцарии и Франции), лишь изредка посещая Россию.

⁷ Упомянут А. С. Хомяков.

13

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

28 ноября 1859 г., Санкт-Петербург

Несмотря на то что мы в Петербурге,¹ многоуважаемый Иван Сергеевич, Вы не можете себе представить, как много встречается искреннего сожаления о прекращении «Беседы»; не говорю уже о наших друзьях, они приняли известие об этом как горе, для которого *нельзя* найти утешения, покамест* не будет органа, продолжающего собою «Беседу».

* Так у Е. С. Шеншиной.

Тотчас по получении Вашего письма я сообщила его Черкасским, Блудовым, Галаганам; Гильфердинг ехал в тот же день в Царское, к Анне Федор<овне>, — она также выразила, как я и ожидала, сердечное сочувствие. К этому во всех нас является чувство, обыкновенно сопровождающее злополучное обстоятельство. Какое-то удивление, что это могло случиться, и всё еще не верится; хотя еще до отъезда Александра Ивановича² отсюда можно было это предчувствовать.

Вчера получила я от Вас Заключительное слово;³ мы читали его с Черкасскими; всё хорошо, да что ни говори, *горько* и *грустно*; — сегодня обедаю у Черкасских, спрошу у Князя его мнения определительного о Заключительном слове и, по желанию Вашему, Вам сообщу.

Вы совершенно справедливо полагаете срок: через год для предприятия журнала, теперь же в воздухе чувствуешь невозможность этого, как бы нужно было, несмотря ни на что, продолжать «Беседу»!

Но, конечно, Вы нисколько не можете себя упрекнуть, что не поберегли ее существования. Думаете ли Вы зиму эту еще пробить в Москве?⁴

Когда же наконец приедет из деревни Алексей Степанович?

Все друзья наши Вам кланяются; вероятно, Вы получите вскоре выражение их сочувствия; я не замедлю Вам опять написать, оставаясь от души преданною Вам,

Е. Шеншина.

28го ноября.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 29—30. Автограф. Письмо без указания года, датируется по содержанию.

¹ Намек на негативное отношение московских славянофилов к «нерусскому» Петербургу как оплоту западнической идеологии.

² А. И. Кошелев.

³ См.: Заключительное слово («Мы приостанавливаем издание “Русской беседы”...») // Русская Беседа. 1859. Кн. VI (XVIII). С. I—VIII (отд. паг.); подпись: *Русская Беседа*. Аксаков еще до выхода журнальной книги напечатал отдельные оттиски «Заключительного слова» и разослал их друзьям. Статья приписывается И. С. Аксакову в ряде серьезных работ (см., например: *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. С. 155). Текст републикован: 1) *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? / Сост. вступ. ст. В. Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 107—110; 2) «Русская беседа»: история славянофильского журнала. С. 269—273 (публ. и коммент. А. П. Дмитриева).

И о Кошелеве, и об И. Аксакове в «Заключительном слове» говорится в третьем лице. Косвенно об авторстве Аксакова могут свидетельствовать его письма 1859 года: к Н. С. Кохановской (от 21 ноября) и к прот. М. Ф. Ра-

евскому (от 4 декабря), которым он высылал оттиски «Заключительного слова», не упоминая об авторстве Кошелева (см.: Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). С. 62; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. С. 204), а также письмо Хомякова с оценкой «Заклучительного слова», адресованное именно И. Аксакову (*Хомяков А. С. Полное собрание сочинений*. М.: Унив. тип., 1904. Т. VIII. С. 371). Об авторстве Кошелева см.: <*Колупанов Н. П.*>. Биография Александра Ивановича Кошелева. М.: Изд. О. Ф. Кошелевой, 1892. Т. II. С. 276; см. также, со ссылкой на автограф: *Герасимова Ю. И.* Архив Кошелевых: (Источники для истории правительственной политики 1850—1860-х гг.) // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М.: Книга, 1974. Вып. 35. С. 8. Не исключено, что у заметки два автора: Аксаков и Кошелев.

⁴ В 1858—1859 гг. зимами и даже в летние месяцы Аксаковы, вопреки обыкновению, не уезжали в свое имение Абрамцево из-за болезни С. Т. Аксакова, оказавшейся предсмертной, а потом из-за серьезного недомогания К. Аксакова, тоже ставшего роковым.

14

Е. С. Шеншина — В. С. Аксаковой

30 июня 1860 г., Тигода Новоладожского уезда

Дорогая и милая Вера Сергеевна,¹

всей душою благодарна я Вам за письмо из Сокольников,² мне было чрезвычайно грустно и тяжело долго не иметь от Вас известия; и теперь письмо долго до меня не доходило, вот 2^е недели как я переехала в деревню; из городской квартиры еще не привыкли ак<к>уратно пересылать письма, несмотря на все данные мной наставления, и Ваше доброе словечко придержали несколько дней; но это не повторится, ибо я приняла все меры для ускорения переписки и нашла еще средство получать ее скорее — прямо со станции железной дороги, откуда поворот в мою деревню; поэтому усердно Вас прошу, когда улучите свободную минутку, напишите мне на станцию Бабино (Николаевской железной дороги)³ для доставления в село Тигоду, — отсюда замедления не бывает, в чем я успела уже убедиться на опыте, с тех пор как нахожусь в деревне.

Сегодня же поручаю письменно брату моему, в Петербурге, съездить на Острова,⁴ к Юрию Федоровичу⁵ и передать известие о Константине Сергеевиче; как ни давно известие, а все-таки, если еще он не уехал в Москву, куда собирался на днях, ему будет оно дорого, без сомнения.

Слава Богу, что есть хотя оттенок лучшего в состоянии здоровья Константина Сергеевича; видно, что Варвинский⁶ умный и хороший доктор, но мне кажется, что при первой возможности всего лучше было бы ехать за границу; — путешествие, перемена климата, лучшие доктора,

они бы немедленно придали сил дорогому больному; впрочем, я уверена, что почтеннейшая маменька Ваша сама лучше доктора решит, когда можно будет ехать.

Помню, как Ольга Семеновна⁷ желала это устроить; как бы хорошо было ехать скорее, с добрым К<нязем> Трубецким.⁸ Ежедневно молюсь за выздоровление Константина Сергеевича, да исполнит Господь горячую эту молитву всех друзей ваших!

Пожалуйста, от души поклонитесь ему от меня и поблагодарите за то, что вспомнил, когда Вы писали. Добрейшей матушке Вашей прошу Вас сказать, что хоть я вдали от вас, но не проходит дня, чтобы я не переносилась к вам мысленно, и делю душою всё, что вы перенесли, хлопот и беспокойств.

Как мне хотелось знать о даче вашей, я рада, что вы ею довольны; вообще надеюсь, что всё пойдет лучше с переменою духоты городской на лучший воздух.

Я нахожусь здесь, так близко от Петербурга, что, если бы Вы вспомнили о моей просьбе: дать мне какое-либо поручение, всегда скоро могу исполнить, для меня было бы истинным утешением исполнить, что Вы бы пожелали. С другой стороны, я в настоящей деревне, мне нравится тишина здешняя и, вместе с тем, широкое поле для деятельности,⁹ к которой я только худо приготовлена, и чувствую бессилие мое на каждом шагу, но не унываю; мало-помалу можно привыкнуть приносить сколько-нибудь пользы.

Начинаю заводить учение грамотности девочек очень еще небольших теперь, имея в виду пример моего друга Екатерины Алексеевны Черкас<с>кой. Она теперь в Твери, но в июле месяце поедет в свою тульскую деревню, тогда вы увидите ее у себя; клубнику сухую она приняла с большой благодарностию; не знаю, каково было на нее действие этой чудесной ягоды; один запах уже, кажется, оживляет нервы.

Прощайте, дорогая Вера Сергеевна, маменьке Вашей приношу сердечное почтение, всем Вашим кланяюсь, а Вас позвольте обнять от души Вам преданной

Е. Шеншиной.

Буду ожидать от вас словечка, пожалуйста, напишите.

Село Тигода

30 июня

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 18, ед. хр. 41, л. 3—4 об. Автограф. Письмо без указания года, датируется по содержанию.

¹ Вера Сергеевна Аксакова (1819—1864) — старшая сестра И. Аксакова, мемуаристка.

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ В ТЕРПЕНЬИ, ЛЮБВИ И МОЛБЕ»

² Летом 1860 года Аксаковы не поехали в Абрамцево, а снимали дачу в Сокольниках из-за болезни Константина Аксакова и необходимости оперативных консультаций с московскими докторами.

³ Станция Бабино Николаевской железной дороги — ныне остановочный пункт Бабино Октябрьской железной дороги (на территории Тосненского района Ленинградской области).

⁴ *Островами* было принято называть Елагин, Крестовский и Каменный острова — излюбленное место отдыха петербуржцев в XIX веке.

⁵ Юрий Федорович — Ю. Ф. Самарин.

⁶ Иосиф Васильевич *Варвинский* (1811—1878) — известный московский терапевт, доктор медицины (1838).

⁷ Ольга Семеновна — О. С. Аксакова, мать И. С. и В. С. Аксаковых.

⁸ Князь Трубецкой — спутник К. С. Аксакова, разделивший с ним в августе 1860 года свою каюту на пароходе по пути из Петербурга в Штеттин. Предположительно, князь Петр Иванович Трубецкой (1798—1871) — генерал от кавалерии, бывший смоленский и орловский губернатор, владелец усадьбы Ахтырка, расположенной неподалеку от аксаковского имения Абрамцево.

⁹ В начале сентября 1860 года, перед очередным отъездом из Петербурга в свое имение Тигода, Шеншина нанесла визит Карташевским, родственникам Аксаковых. М. Г. Карташевская сообщала В. С. Аксаковой 8 сентября: «На днях у нас весь вечер просидела Шеншина; рассказывала про свое хозяйство в деревне, какой она дом строит и какой сад будет разбивать, очень меня звала к себе в деревню <...>. Говорит, что друзья ее всё смеются над ней, что она строит такой большой дом, но что она хочет доставить себе удовольствие принимать своих добрых друзей в деревне и удобно их разместить. Я сказала, что совершенно с ней согласна. Она, право, премиленькая и нисколько не показалась нам скучна...» (РО ИРЛИ, № 10654, л. 113 об.—114).

15

Е. С. Шеншина — В. С. Аксаковой

9 января 1861 г., Санкт-Петербург

Многоуважаемый друг Вера Сергеевна,

Первые дни по возвращении Вашем в Москву¹ я даже не решалась писать к Вам, боясь Вас обеспокоить, но буду ли прибавлять, что сердцем была постоянно с Вами; скорбь, ниспосланная Вам, *есть наша скорбь общая*. Она жестока и ужасна; я до сих пор не могу вполне сознать, чтобы это была действительность; но чувствую, что мы должны, и для того, кто взят от нас, и для себя самих, душою произносить: да будет воля Твоя!²

Не могу себе представить, как перенесли вы это ужасное путешествие, что вы вынесли и перестрадали! Для матушки Вашей все-таки лучше, что вы были при нем, что несчастье это не вдали от нее совершилось, но знаю, что ничто, ничто на свете не может облегчить ее страдания! Если найдете возможным напомнить ей обо мне, прошу Вас, скажите матушке о моем глубоком к ней сочувствии.

Ваше здоровье, как сказывают мне, было сильно потрясено, многоуважаемый друг, ради Бога поберегите себя, Вы можете сказать себе, что здоровье Ваше нужно для всего семейства, и когда чувствуешь, что можешь быть полезным; право, как ни тяжело, но всё еще надобно просить Бога о подкреплении сил для утешения близких.

Я чрезвычайно скорблю, что не могла здесь увидеть Вас; в новый год я была в деревне с добрейшей Княгиней Черкасской, мы с нею молились о Вас, и могу сказать, что вполне разделяли Ваши страдания, переносясь к Вам мысленно. Теперь она не совсем здорова, потому не пишет сегодня со мною.

Я приехала в Петербург на неделю, останавливаюсь здесь всегда в Караванной, в доме Федорова³ у Графини Блудовой.

В течение этой зимы думаю быть в Москве, видеть Вас и Марью Алексеевну⁴ Хомякову будет мне истинной пищей; так настрадалась душа, что говорить и плакать *вместе* уже будет легче, чем вдали от дорогих друзей!

Неприменно буду у Надежды Тимофеевны⁵ здесь. Катерина Алексеевна⁶ нежно Вас обнимает, будет писать к Ивану Сергеевичу завтра. Блудовы Вам кланяются всей душою.

Пожалуйста, передайте мое почтение Ольге Семеновне, сестриц Ваших обнимаю горячо, прошу Вас считать меня всегда

Вашим преданнейшим другом.

Евгения Шеншина.

С.-Петербург

9го января 1861.

Ея Высокородию Вере Сергеевне Аксаковой.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 18, ед. хр. 41, л. 1—2 об. Автограф.

¹ Речь идет о возвращении В. С. Аксаковой с матерью, сестрами и братом Иваном с острова Закинф в Ионическом море, где 19 (7) декабря 1860 года скончался Константин Аксаков. В Москву они прибыли через Петербург 2 января 1861 года, а уже на следующий день состоялись похороны К. С. Аксакова на кладбище Симонова монастыря.

² Слова из Молитвы Господней (Мф. 6: 10; Лк. 11: 2).

³ М. Федоров владел доходным домом на Караванной, 14 в 1854—1891 годах.

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ В ТЕРПЕНИИ, ЛЮБВИ И МОЛБЕ»

⁴ Мария Алексеевна Хомякова (1840–1919) — старшая дочь поэта. В рассматриваемый период, в апреле 1862-го и мае-июле 1864 года, И. С. Аксаков настойчиво предлагал ей руку и сердце, но та твердо отказывала ему (см.: Переписка И. С. Аксакова и М. А. Хомяковой (1862–1864) / Публ. А. Г. Юшко // Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / Под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2018. С. 510–524). В своих поздних записках она упоминала Ю. Ф. Самарина, которого «любила за его любовь к отцу» (Хомякова М. А. Воспоминания об А. С. <Хомякове> / Публ. и коммент. Е. Е. Давыдовой // Хомяковский сборник. Томск: Водолей, 1998. Т. I. С. 195).

⁵ Надежда Тимофеевна Карташевская (урожд. Аксакова; 1793–1887) — младшая сестра С. Т. Аксакова, вдова сенатора Г. И. Карташевского.

⁶ Княгиня Е. А. Черкасская.

16

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

18 января 1861 г., Санкт-Петербург

Всей душой благодарю Вас, добрейший Иван Сергеевич, за дружеский ответ Ваш на мое письмо. Сердце раздирается подробностями о прощании Вашем с светлым образом Константина Сергеевича, но вместе с тем горячие слезы смягчают чувства скорби, как подумаешь о святой его кончине. Сколько помощи послал ему Господь; при полном сознании в близости смерти и при горестной обстановке на чужбине он показал нам пример высокого благодушия и покорности, истинно христианской. Энергия необычайная, среди жгучей скорби, матушки Вашей, путешествие ваше с драгоценным гробом — всё это так высоко поэтично, что мысль невольно останавливается на исключительности всего, что было с вами, с тех пор как мы лишились нашего друга. Ваше обещание сообщить мне словесно все подробности о болезни его и угасании заставляют меня желать скорее быть в Москве; главное — хотелось бы видиться с друзьями.

Вы совершенно справедливо сказали, что наши несчастья должны еще теснее сблизить нас, единомыслящих и единочувствующих; слышу, что Ольга Семеновна¹ своею, истинно высокой, твердостью поддерживает даже сестриц Ваших; благоговею глубоко перед этим и молюсь горячо, чтобы Бог подкрепил матушку Вашу. Пожалуйста, напишите словечко о здоровье Веры Сергеевны.² Я пробуду в Петербурге до субботы или вторника;³* итак, до тех пор адресуйте в Караванную, дом Федоро-

* Это слово вписано над зачеркнутым: «воскресенья».

ва, у Графини Блудовой. А после на станцию *Бабино по Николаевской железной дороге*⁴ на мое имя; оттуда в тот же день пересылают письма в мою деревню, называемую Тигодой, но дом свой я построила⁵ на отдельной от села пустоши, насупротив церкви и деревни;⁶ пустошь эту и усадьбу свою я окрестила Шеншино; до сих пор еще не привыкли к этому названию, но дети, ученики мои, называют уже так.

Школа у меня только что начинается, ищу себе помощницу; теперь ходят учиться только 15^{ти} мальчиков, и то уломала их с трудом, ибо они придерживаются (по-ихнему) *сталоверства*.⁷ Но если обрету добрую душу, более приготовленную, чем я, на преподавание и убеждения родителей, школа увеличится и, я уверена, будет очень полезна в нашей дикой стороне. Не знаете ли Вы кого-нибудь, кто бы способен был на подобную жертву для ближних? Это дело, как я думаю, исключительно женское.

Напишите, прошу Вас, словечко ответа на этот счет до приезда моего в Москву, где я надеюсь быть в начале февраля.

Не могу похвалиться, чтобы я была совсем здорова, наши несчастья слишком потрясли всё существо. Смерть Алексея Степановича,⁸ вслед за тем расставание с моим братом Дмитрием, который отправился года на полтора на канонирской * лодке через океан до Амура.⁹ После того кончина Константина Сергеевича; вот что не могло не подействовать на здоровье мое; на вид, может быть, я не очень переменялась, но бывают дни, в которые просто страдаю от нервных болей головных и вообще никуда не бываю годной.

Поэтому также мне необходимо найти себе помощницу для школы. Когда болит моя голова, я не могу решительно заниматься; впрочем, только отдых нужен мне как лекарство, этим обыкновенно вылечиваю себя.

Простите мне всю несвязность моего письма, но беспрестанно мешали, как я писала; впрочем, всё добрые знакомые, которые хотели заставить меня, пока я еще в городе.

Сейчас видела Алекс<андра> И<ваныча> Кошелева, он бодр и здоров, слава Богу. Черкасские собираются скоро ехать отсюда. Самарин здоров, но грустен, как Вы можете себе представить. Кошелев говорит, что он, впрочем, доволен его здоровьем и что он благоразумно обращается сам с собою, т. е. не занимается самоубийством, — дай Бог; я верю в суждение Александра Иваныча; кажется, что он почти всегда здраво судит о своих друзьях.

Прощайте, добрый, многоуважаемый Иван Сергеевич. Напишите мне в Петербург.

* Так у Е. С. Шеншиной.

Очень прошу Вас передать мой сердечный поклон сестрицам Вашим и мое почтение Вашей матушке.

Да хранит Вас всех Господь.

Преданная Вам

Е. Шеншина.

С.-Пет<ербург>

18го января

1861 г.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 31–33 об. Автограф.

- ¹ Ольга Семеновна — О. С. Аксакова.
- ² Вера Сергеевна — В. С. Аксакова.
- ³ Упомянутые суббота и вторник приходились, соответственно, на 20 и 23 января.
- ⁴ О станции Бабино см. коммент. 3 к письму 14.
- ⁵ О доме Шеншиной в имении Тигода см. коммент. 8 к письму 14.
- ⁶ Речь идет о селе Тигода, расположенном в 24 верстах от станции Бабино, и каменной церкви Покрова Пресвятой Богородицы, построенной рядом с обветшавшей деревянной за 10 тысяч рублей — на средства Н. В. Шеншина, новолодожского купца А. И. Заикина и прихожан (см.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб.: Тип. Деп-та уделов, 1884. Вып. IX. С. 287). В годы войны храм сильно пострадал и находится в полуразрушенном состоянии: в стенах много дыр, притвор сильно зарос, роспись не сохранилась, но основной купол цел и почти не осыпается. О Тигоде см. также коммент. 7 к письму 9.
- ⁷ В соседнем Солецком приходе жили старообрядцы: «Раскольников-федосеевцев в приходе 510 д<уш> м<ужеского> пола и 622 жен<ского>»; в четырех деревнях у них были свои моленные (см.: Там же. С. 289). С детства этих федосеевцев и занималась Шеншина.
- ⁸ А. С. Хомяков умер 23 сентября 1860 года от холеры, занимаясь лечением крестьян во время эпидемии.
- ⁹ Шеншина была с детства особенно близка с братом Д. С. Арсеньевым (он был годом старше). 12 сентября 1860 года он был назначен адъютантом к генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу и 29 сентября стал старшим офицером головной парусно-винтовой мореходной канонерской лодки «Морж», построенной в Гавре и Лондоне для Сибирской флотилии. Для приемки «Моржа» Шеншин 17 октября 1860 года был командирован в Лондон. На этой лодке в 1860—1862 годах он совершил плавание из Лондона вокруг Африки и Азии до Николаевска-на-Амуре.

17

Е. С. Шеншина — И. С. Аксакову

20 мая 1861 г., Санкт-Петербург

20го мая 1861 г.

Письмо мое от 16го мая,¹ писанное второпях, ввиду отправления его, поскорее, было, однако, задержано, так что я распечатываю его, добрейший Иван Сергеевич, чтобы прибавить 2^а слова. Я решаюсь, после долгих размышлений, ибо не люблю чужие края, ехать в Мариенбад,² 25го мая, с тетушкой Тучковой покаместь;* там надеюсь встретить истинно добрую Ольгу Федоровну³ и во всяком случае с нею после ехать купаться в море.

Прощайте, пожелайте мне помощи Божией на путь!

Вам желаю всего доброго — и так до начала июля предполагаю быть в Мариенбаде.

Преданная Вам
Е. Шеншина.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 34—34 об. Автограф.

¹ Это письмо (РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 693, л. 36—37 об.) опубликовано Н. Н. Вихровой: *Вихрова Н. Н., Дмитриев А. П.* Корреспонденты И. С. Аксакова в период издания газеты «День». С. 137—139. Шеншина спешила «передать дружеский совет» Аксакову от графини А. Д. Блудовой, «чтобы как возможно менее говорить людям равнодушным или слишком разговорчивым о разрешении газеты» «День», состоявшемся 11 мая 1861 года (см.: Там же. С. 138).

² Мариенбад (Марианске-Лазне) — фешенебельный курорт на западе исторической Богемии, знаменитый источниками лечебных минеральных вод.

³ Ольга Федоровна — О. Ф. Кошелева (урожд. Петрово-Соловово; 1815—1893) — жена А. И. Кошелева с 1835 года.

18

Е. С. Шеншина — О. С. Аксаковой

2 января 1866 г., Санкт-Петербург

Почтеннейшая, дорогая
Ольга Семеновна,

Приношу Вам мое сердечное поздравление с наступившим новым годом и с тем великим счастьем, которым нынешний год начнется у Вас;¹

* Так у Е. С. Шеншиной.

с Вами делю теплую молитву к Господу о ниспослании на Ивана Сергеевича и на Анну, уже нераздельных в душе моей, всего обилия Своих даров и благодати. Теперь еще более, еще полнее поздравляю Вас, чем могла бы это сделать в начале их сближенья, увидев, так сказать, лицом к лицу всю глубину их счастья, всё, что даровано моему дорогому другу через Ивана Сергеевича.

Особенно радостно было мне взглянуть на них в день их приобщенья Св. Тайнам; счастье их, озаренное присутствием Самого Спасителя, разливалось вокруг них такой свет, такую гармонию, что и другим, близ них, становилось хорошо. Позвольте же мне обнять Вас, дорогая Ольга Семеновна, разделяя с Вами Вашу радость — в полном сознании, что Анна может истинно составить счастье Ивана Сергеевича; при тех сокровищах, которые вложены Богом в ее высокую душу, развивавшихся в ней последовательно, в течение всей ее жизни! Расстаюсь с ней с утешительным убеждением в ее счастье; убеждение это так ясно и глубоко, что как-то места нет за ним в личном сожалении о разлуке — моей с Анной.

Может быть, весной побываю в Москве, всегда буду истинно рада свиданию с Вами; во время заграничного путешествия моего я приобрела в приятельницы — лицо, близкое к Вам и по родству, и по привязанности ее к Вам, — добрейшую Марию Алексеевну Самбурскую,² как хорошо бы было, если бы жизнь ее устроилась в более отрадной форме; если бы она могла поселиться среди близких и друзей; а то ведь это жестоко — жить постоянно на чужбине; здоровье теперь значительно улучшилось; будемте ее звать в Россию будущей осенью, если Бог даст!

Сделайте милость, передайте мое поздравление и поклоны всем Вашим. Прощайте на этот раз, почтеннейшая Ольга Семеновна, остаюсь, Вам душою преданная и глубоко Вас уважающая,

Евгенья * Шеншина.

2го января
1866.

РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 15, ед. хр. 69, л. 1—2 об. Автограф.

¹ Подразумевается женитьба И. С. Аксакова на А. Ф. Тютчевой. Бракосочетание состоялось в Москве 12 января 1866 года.

² Мария Алексеевна Самбурская (годы жизни неизвестны) — племянница О. С. Аксаковой, дочь ее покойной сестры.

* Так у Е. С. Шеншиной.

«Искренне Вас любящие Лихачевы»:

*Письма Лихачевых Томашевским
1942—1972 гг.*

*Вступительная заметка, публикация
и комментарии Елены Бронниковой*

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) хранится личный архивный фонд выдающегося филолога, пушкиниста Бориса Викторовича Томашевского (ф. 645; 1728 ед. хр.), который передавался с 1971 по 1986 г. сначала его женой Ириной Николаевной и старшим сыном Борисом Борисовичем, а затем дочерью Зоей Борисовной. В настоящую публикацию включены сохранившиеся в фонде 30 личных и официальных писем, записок, поздравительных открыток, телеграмм Лихачевых к Б. В. и И. Н. Томашевским.

Борисович Викторович Томашевский был в числе старших коллег Лихачева по Пушкинскому Дому, дружественные отношения с которыми Дмитрий Сергеевич особенно ценил. Самое раннее публикуемое письмо было послано Д. С. Лихачевым Б. В. Томашевскому из Казани, куда он был эвакуирован из блокадного Ленинграда с коллегами по Пушкинскому Дому. Б. В. Томашевский жил тогда в Москве и работал в Литературном институте при Союзе писателей СССР. В 1957 г. Дмитрий Сергеевич остро переживал трагический уход из жизни Томашевского и вместе с женой Зинаидой Александровной старался поддержать Ирину Николаевну Медведеву-Томашевскую («Зин<аида> Алекс<андровна> за меня ходит в ц<ерковь> и подала за упокой. Вспоминает Б<ориса> В<икторовича> каждый день» — из письма Д. С. Лихачева к И. Н. Томашевской от 4 сентября 1957 г.) Ирина Николаевна была для Д. С. Лихачева человеком, близким ему по духу, с ней он мог «поговорить о всём самом главном» — предаваться «доморощенной философии», откровенно писать о книгах и документах из «спецхрана», впечатле-

ниях от поездки на Соловки в 1966 г., современных композиторах, интересных театральных постановках и т. д.

Выявленный эпистолярный комплекс дополняет письма семьи Лихачевых (самого Дмитрия Сергеевича, его жены, дочерей Людмилы и Веры, зятя С. С. Зилитинкевича) к Ирине Николаевне Томашевской, хранящиеся в Музее А. С. Пушкина в Гурзуфе и опубликованные в 2013 г.¹

1

Д. С. Лихачев — Б. В. Томашевскому

11 декабря 1942 г., Казань

Дорогой Борис Викторович!

Получил письмо от Ник<олая> Ив<ановича> Мордовченко¹ из Тобольска. Он работает в Омском пед<агогическом> ин<ституте>. Препо-
дает всякие литер<атурные> предметы. Там же вместе с ним находится
и В. В. Виноградов,² закончивший только что еще одну книгу!³ Н<ико-
лай> И<ванович> пишет, что растолстел. А при моем отъезде из Л<е-
нингра>да он был совсем плох: не стоял на ногах и обличием был ужа-
сен. Он спрашивает о Вас. Поэтому сообщаю Вам его адрес: Тобольск,
Красная, 17.

Писал Г. П. Блоку,⁴ спрашивал его об адресе Евг<ении> Конст<ан-
тиновны>* и Журы,⁵ но ответа не получил. Может быть, Вам удалось
узнать? [В Казани живет плохо.]** В одной комнате нас 10 человек —
2 семьи. С едой плохо. С библиотеками плохо (по др<евне>р<усской>
лит<ературе> — мало). Настроение поэтому неважное. Единственный
человек, с которым можно побеседовать, — Анна Мих<айловна> Аста-
хова.⁶ Над чем Вы работаете? Привет большой Ирине Николаевне.⁷

Д. Лихачев 11. XII. 42

¹ См.: Письма Лихачевых И. Н. Медведевой-Томашевской в Крым (1963–1973): Из фондов музея / Крымское республиканское учреждение «Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе»; сост. Н. В. Богданова, О. Ю. Ефишова, А. В. Вертел. Симферополь: Н. Орианда, 2013. Одиннадцать писем Д. С. и З. А. Лихачевых из этого эпистолярного комплекса вошли в книгу: *Медведева-Томашевская И. Н.* Таврида: Земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачев и другие / Предисл. Е. Водолазкина; предисл. М. и А. Томашевских. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 581–593.

* Так у Д. С. Лихачева.

** Предложение вычеркнуто насыщенными фиолетовыми чернилами Военной цензурой.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 15. Автограф. На почтовой карточке, со штампом: «Промотрено Военной цензурой. Казань / 129». Семья Лихачевых проживала в Казани по адресу: ул. Комлева, д. 9, комн. 57.

Томашевский Борис Викторович (1890–1957) — филолог, пушкинист, текстолог, педагог; доктор филологических наук без защиты диссертации (1941). Научный сотрудник Комиссии по изданию сочинений Пушкина при АН СССР (с 1922 г.) и Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ (1923–1930). Преподаватель ЛГУ (с 1924 г. с перерывами), Ленинградского института инженеров транспорта (1931–1935, по кафедре математики), Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (1938–1942; в 1941–1942 гг. — заведующий кафедрой русской литературы), заместитель директора по учебной части Литературного института при Союзе писателей СССР (1942–1944). Сотрудник ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР (с 1929 г. с перерывами; с 1946 г. — заведующий рукописным отделом, в 1957 г. — заведующий Сектором изучения жизни и творчества Пушкина). Член Союза писателей СССР (с 1934 г.).

¹ Мордовченко Николай Иванович (1904–1951) — литературовед, историк, пушкинист, педагог; доктор филологических наук (1948), член СП СССР (с 1940 г.). Старший научный сотрудник ИРЛИ (с 1934 г.), одновременно — преподаватель Ленинградского института философии, истории лингвистики и литературы и ЛГУ (с 1949 г. — профессор, заведующий кафедрой русской литературы).

² Виноградов Владимир Викторович (1895–1969) — филолог, лингвист, литературовед, педагог; доктор филологических наук (1940); академик АН СССР по ОЛЯ (1946, не будучи членом-корреспондентом); академик-секретарь ОЛЯ АН СССР (1950–1963); основатель лингвистической школы; лауреат Государственной премии СССР (1951). Сотрудник Института языка и мышления АН СССР (Ленинград) (1943–1944); директор Института языкознания АН СССР (1950–1954), директор Института русского языка АН СССР (1958–1968); заведующий сектором исторической поэтики и стилистики русской классической литературы (с 1968 г.). Председатель Международного (1957–1963) и Советского (с 1955 г.) комитетов славистов.

³ 8 февраля 1934 г. В. В. Виноградов был арестован по «Делу славистов» и выслан на 3 года в Вятку. После обращения Виноградова о снятии судимости в 1941 г. выслан в Тобольск, где продолжал работать и преподавал в Тобольском и Омском (эвакуированном в Тобольск) педагогических институтах (до 1943 г.). В 1941 г. была опубликована (без указания фамилии автора) монография Виноградова «Стиль Пушкина», сданная в издательство до его ареста (М., Гослитиздат. 620 с.). В Тобольске работал над книгой «Великий русский язык», вышедшей в свет в 1945 г. (М., Гослитиздат. 172 с.).

⁴ Блок Георгий Петрович (1888–1962) — литературовед, переводчик, писатель; кандидат филологических наук (1946). Ученый хранитель рукописей ИРЛИ (1921–1923), главный редактор и заместитель заведующего издательства «Время» (1923–1925, 1928–1934). В 1925 г. арестован по «лицейскому делу» и сослан на Северный Урал (до 1928 г.); в феврале 1935 г. вновь арестован как «социально опасный элемент» и вместе с семьей выслан в Казахстан; в конце 1944 г. по вызову СП СССР вернулся из

ссылки в Москву, в марте 1945 г. судимость была снята. Сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого (1947—1948), в 1948 г. переведен в Ленинградское отделение Архива АН СССР. Двоюродный брат А. А. Блока.

⁵ Имеется в виду Евгения Александровна Комарович и ее дочь Жура, студентка театрального института, — семья Василия Леонидовича Комаровича (1894—1942), литературоведа, переводчика, пушкиниста, специалиста по древнерусской литературе и творчеству Ф. М. Достоевского, сотрудника Пушкинского Дома. Лихачев был учеником Комаровича, преподававшего в ЛГУ с 1925 по 1927 г. С лета 1921 г. Комарович занимался описанием рукописей Достоевского в ИРЛИ, в 1923—1929 гг. — его внештатный сотрудник. В 1928 г. арестован по делу Братства преподобного Серафима Саровского и «Космической академии наук», находился в административной высылке в Нижнем Новгороде до 1931 г. Сотрудник Государственного института истории искусств (1927—1931), внештатный выборщик Отдела древнерусского словаря в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра (1940—1941). Во время блокады остался в Ленинграде и продолжал писать докторскую диссертацию о русском летописании. И. Н. Томашевская, будучи диетсестрой в стационаре для дистрофиков, организованном СП СССР, принимала деятельное участие в судьбе Комаровича, но спасти его не удалось. Комарович умер от истощения 17 февраля 1942 г. По сведениям Лихачева, Е. А. и Жура Комарович эмигрировали в США, жили в Нью-Йорке; Жура стала певицей и выступала под псевдонимом Комаро. См.: *Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет.* СПб.: АРС, 2006. Т. 1. С. 261—263, 287—289.

⁶ Астахова Анна Михайловна (1886—1971) — филолог, фольклорист, педагог; доктор филологических наук (1944), заведующая фольклорным хранилищем ИРЛИ (1939—1965). Зимой 1941/1942 гг. оставалась в блокадном Ленинграде, в июле 1942 г. вместе с другими сотрудниками ИРЛИ была эвакуирована в Казань.

⁷ И. Н. Томашевская.

2

М. П. Алексеев, Д. С. Лихачев — Б. В. Томашевскому

4 февраля 1955 г., Ленинград

Львов Главный почтамт
востребование *Томашевскому*
Борису Викторовичу

Академик Виноградов настоятельно просит прибыть <в> Москву восьмого февраля <к> двенадцати часам на заседание Бюро Отделения. Бельчикова¹ снимают. *Алексеев, Лихачев*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 36, ед. хр. 8, л. 1. Телеграмма. Датирована по почтовому штемпелю.

Алексеев Михаил Павлович (1896—1981) — литературовед, историк культуры, педагог; доктор филологических наук (1937), академик (с 1958 г.). Профессор ЛГУ по кафедре зарубежных литератур (1933—1960, декан филологического факультета в 1945—1947, 1950—1953 гг.); сотрудник ИРЛИ (с 1934 г.), заместитель директора института по научной работе (1950—1963). Председатель Пушкинской комиссии при ОЛЯ АН СССР (с 1959 г.).

¹ Бельчиков Николай Федорович (1890—1979) — литературовед, археограф, источниковед, педагог; доктор филологических наук (1938), заслуженный деятель науки РСФСР (1947), член-корреспондент АН СССР по Отделению литературы и языка (1953). Ученый секретарь Отделения литературы и языка (1946—1948); сотрудник ИРЛИ (1930—1937, 1946, 1949—1955), его директор с 8 марта 1949 г. (утвержден в должности постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 3 июня 1948 г.) по 21 апреля 1955 г.; сотрудник ИМЛИ (с 1955 г.).

Д. С. Лихачев, Б. В. Томашевский, Г. А. Гуковский, В. П. Адрианова-Перетц, П. Н. Берков и др. принадлежали к лагерю тех ученых-литературоведов, которые в конце 1940-х — первой половине 1950-х гг. подвергались публичным «проработкам». Н. Ф. Бельчикова, как директора академического института, «наделили» особыми полномочиями — «очистить институт от космополитов». Д. С. Лихачев посвятил этому периоду главу своих воспоминаний, остановившись на самой технике «проработок» как «системе уничтожения Добра» (см.: *Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет.* Т. 1. С. 313—322). В начале 1954 г. Немезида, по словам М. К. Азадовского, «обратила свой взор на Н-иколая» Ф<едоровича>, который довел Пушкинский Дом «уже до такого состояния, что его никто уже не может спасти: его надо закрыть, всех уволить — и заново на пустом месте строить новую храмину» (письмо Азадовского Оксману от 12—17 февраля 1954 г.; см.: *Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка: 1944—1954* / Изд. подготовил К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 346).

3

С. Н. Азбелев, Д. С. Лихачев — Б. В. Томашевскому

24 января 1956 г., Ленинград

Глубокоуважаемый

Борис Викторович!

Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР посвящает XIV том «Трудов Отдела древнерусской литературы» Варваре Павловне Адриановой-Перетц¹ в связи с ее приближающимся семидесятилетием. Сектор приглашает Вас принять участие в этом томе, подготовив статью,² тема которой, выбранная по Вашему усмотрению, относилась бы к области научных интересов В. П. Адриановой-Перетц (древнерусская литература,

русский литературный язык * XI—XVII вв., русский фольклор до XIX в., русская палеография, русский театр XVII в., русский демократический и школьный театр XVIII в., русская рукописная демократическая литература XVIII в., украинская литература до XIX в., источниковедение истории СССР до XVIII в., общие вопросы развития филологической науки). Объем статей тома — в пределах десяти машинописных страниц, срок присылки — до 1 ноября 1956 г.

Просим Вас ответить письмом до 15 марта с. г., указав в нем, в случае Вашего согласия, тему подготавливаемой Вами статьи.

Зав. Сектором
древнерусской литературы
член-корр. АН СССР
Ученый секретарь Сектора
24 января 1956 г.

Д. С. Лихачев
С. Н. Азбелев

ОР РГБ, ф. 645, карт. 36, ед. хр. 65, л. 1. Машинописный шаблон с вставками имени в обращении и даты рукою С. Н. Азбелева и подписями-автографами Д. С. Лихачева и С. Н. Азбелева.

Азбелев Сергей Николаевич (1926—2017) — филолог, историк, фольклорист, педагог; доктор филологических наук (1984). Сотрудник Отдела древнерусской литературы (1955—1960) и Отдела фольклора (1960—2001) ИРЛИ.

¹ Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888—1972) — литературовед, педагог; доктор филологических наук (1935); член-корреспондент АН УССР (1926), член-корреспондент АН СССР (1943). Преподавала в учебных заведениях Киева, Петрограда (Ленинграда), Самары, Ташкента. Сотрудник Отдела (Сектора) древнерусской литературы (с 1934 г.; в 1947—1954 гг. его заведующая), заместитель директора (ноябрь 1950 г. — июнь 1951 г.) ИРЛИ.

² Статью для т. XIV ТОДРЛ Томашевский, по-видимому, написать не успел.

4 Лихачевы — И. Н. Томашевской

26 августа 1957 г., Ленинград

Крым, Гурзуф, Володарского, 18
Ирине Николаевне Томашевской

Всей душой сочувствуем Вашему горю,¹ дорогая Ирина Николаевна. Мы Вас очень любим. *Лихачевы*

* Слова «русский литературный язык» подчеркнуты красным карандашом, скорее всего, Б. В. Томашевским.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 17, л. 1. Телеграмма. Датирована по почтовому штемпелю. Томашевская Ирина Николаевна (урожд. Блинова; по первому мужу Медведева; 1903—1973) — литературовед, кандидат филологических наук (1949). Жена Б. В. Томашевского.

¹ В Гурзуфе утром 24 августа 1957 г. во время ежедневного утреннего заплыва в море у Томашевского случился сердечный приступ, в результате которого он утонул. Его тело нашли местные рыбаки.

5

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

4 сентября 1957 г., Ленинград

Дорогая, милая Ирина Николаевна!

Только что получил от Вас письмо, а вчера только сказал по телефону Лёве,¹ что письма Вашего не получал, и он Вам об этом напишет.

Смерть Бориса Викторовича всё время камнем лежит у меня на душе и очень расстраивает Зинаиду Александровну (она очень добрый и чуткий к чужому горю человек). Зин<аида> Алекс<андровна> за меня ходит в ц<ерковь> и подала за упокой. Вспоминает Б<ориса> В<икторовича> каждый день.

Как хорошо, что в такое торжественное для каждого человека мгновение Б<орис> В<икторович> был наедине с природой.

Сегодня же я написал Якобсону,² некоторые сведения о смерти Б<ориса> В<икторовича>, которые ему могут пригодиться для некролога.³ Он сделает это хорошо.

В Ин<ститу>те будет заседание Ученого Совета памяти Б<ориса> В<икторовича>.⁴ Не пугайтесь: доклад будет делать Н. В. Измайлов. Это хорошо, и это нужно. Н<иколай> В<асильевич> сделает не блестяще, но обстоятельно, а главное, он человек хороший.⁵

Когда вернетесь, нам непременно хотелось бы с Вами повидаться.

Зин<аида> Алекс<андровна> шлет Вам самый сердечный привет. К этому привету присоединились бы и мои дочери,⁶ на которых Вы произвели очень большое впечатление, но они в отъезде.

Искренно и глубоко Вас уважающий

Ваш *Д. Лихачев*

4. IX. 57

Мы ведь заходили в апреле к Вам и очень ясно убедились в том, как к Вам в Гурзуфе хорошо относятся жители: нас провожали до самого дома, так как решили, что нам Вас трудно найти.⁷ Все, кого мы ни спрашивали, Вас знали и были приветливы.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 2—2 об. Автограф. Конверт (л. 3).

¹ Дмитриев Лев Александрович (1921—1993) — литературовед, педагог; доктор филологических наук (1974), член-корреспондент АН СССР (с 1984 г.); лауреат Государственной премии РФ (1993, посмертно). Сотрудник Сектора древнерусской литературы (с 1953 г.).

² Якобсон Роман Осипович (1896—1982) — российский и американский лингвист, литературовед, славист, педагог; один из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении; действительный член Датской королевской АН (1949), Американской Академии наук и искусств (1950), Сербской (1955) и Польской (1959) академий наук. С 1920 г. жил за границей; преподавал в университетах Чехословакии, Дании, Норвегии, Швеции. С 1941 г. жил в США, в 1949—1965 гг. — профессор славянских языков и литературы Гарвардского университета.

³ См.: *Jakobson R. Boris Viktorovič Tomaševskij, 1890—1957: [Некролог] // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. № 1—2. P. 313—316.*

⁴ Заседание Ученого совета ИРЛИ памяти Б. В. Томашевского состоялось 3 октября 1957 г. См. отрывки стенограммы заседания в брошюре, опубликованной ИРЛИ, Всесоюзным Пушкинским обществом и Советским фондом культуры: Борис Викторович Томашевский, 1890—1957: К 100-летию со дня рождения. М.: Б. и., 1991. С. 30—32.

⁵ Измайлов Николай Васильевич (1893—1981) — литературовед, пушкинист, педагог; доктор филологических наук (1963). Научный сотрудник ИРЛИ (1920—1929, 1955—1973) и заведующий (1924—1929, 1957—1973) его Рукописным интелом; преподаватель Чкаловского (Оренбургского) педагогического института (1941—1953) и ЛГУ (1939—1941). Участвовал в подготовке академического издания Полного собрания сочинений и писем Пушкина; председатель Текстологической комиссии и член редколлегии по академическому изданию Полного собрания сочинений и писем Тургенева (с конца 1950-х). См. написанный им некролог Томашевскому: Известия АН СССР. ОЛЯ. 1958. Т. 17. Вып. 1. С. 105—108.

⁶ Дочери Д. С. и З. А. Лихачевых: Вера Дмитриевна (1937—1981) — искусствовед, специалист в области древнерусского искусства, византист, педагог, доктор искусствоведения, в 1959—1965 гг. работала в Государственном Эрмитаже, на протяжении многих лет преподавала в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина; Людмила Дмитриевна (1937—2001) — искусствовед, сотрудник Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея, специалист и автор работ по истории древнерусского шитья.

⁷ Семья Томашевских обосновалась в Гурзуфе с 1947 г., когда Виктор Борисович взял в аренду у администрации поселка небольшой дом для летнего отдыха на современной улице Чехова; в 1951 г. он купил татарский домик на окраине по ул. Крымской. Именно это место стало негласным культурным центром, где гостили Лихачевы, А. И. Солженицын, В. Б. Шкловский, Н. А. Заболоцкий и многие другие.

6

Д. С. и З. А. Лихачева — И. Н. Томашевской

31 мая 1958 г., Ленинград

Дорогая Ирина Николаевна!

Только сегодня, наконец, выяснилось, что мы с Зин<аидой> Александровн<ой> едем лечиться в Карловы Вары. Очень беспокоимся за дочек — как они без нас будут, но отказаться от путевок мы не решились. Зин<аида> Алекс<андровна> ехать не хотела, но я уговорил, так как второго такого случая не будет. Это важно и для нек<оторой> «реабилитации» нас.

Погода у нас отвратительная: то духота до 30°, то холодно — до 8°. Многие болеют, да и я от гриппа еще не освободился.

Очень хотелось, чтобы Ваше настроение было лучше. Вся беда в том только, что человеческое восприятие времени крайне неточно. Движение времени кажется необратимым, а на самом деле прошло<е> остается существовать, а будущее *уже* * существует. Представьте себе, что какая-нибудь букашка ползет по дороге и не может оглянуться («шея мешает») и не может остановиться. Представьте себе, что ни разу в жизни она не оглядывалась и не останавливалась. Конечно же, она убеждена, что дорога, оставшаяся позади ее, больше не существует, а дороги впереди ее (по малости своего роста она этой дороги впереди не видит) еще не существует. Вот так и люди рассуждают о прошлом и будущем, так их представляют. Я же абсолютно убежден, что *всё есть*.

Я в этом *абсолютно* убежден.

Я ясно объяснил свою мысль? Разве эта мысль, если она верна (а она верна!), не заставляет нас быть спокойными?

Только не думайте, что я фаталист. Отнюдь нет. Я верю в свободу воли и в вечное одновременно.

Извините за эти философствования. Конечно, всё, что я сказал, — доморощенная философия, но мне этим хочется намекнуть на возможный источник некоторой примиренности.

Читаем сейчас всем домом «Жизнь Арсеньева».¹ Превосходная вещь!

Добыли и второй том «Жизни артиста» ** Бенуа, но второй том хуже первого.²

Привет всем Вашим малышам.³

Желаем всем Вам самого хорошего.

* Подчеркнуто двумя чертами.

** Так у Д. С. Лихачева.

З<инаида> А<лександровна>, Вера и Мила шлют Вам самые сердечные приветы.

Ваш *Д. Лихачев*
31. V. 58

Дорогая Ирина Николаевна, через два дня мы должны выехать из Ленинграда в Карловы Вары. Мне очень не хочется: только что приехали и опять оставляем детей, а у них экзамены. Кроме того, как будет сложно с дачей: Вера хочет заниматься на даче, а Мила — в городе. Желаю Вам всего лучшего. Целую Вас. *З. Лихачева*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 8—8 об. Автографы Д. С. и З. А. Лихачевых. Лихачева Зинаида Александровна (урожд. Макарова; 1907—2001) — жена Д. С. Лихачева.

¹ Речь идет о романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», написанном во Франции в 1927—1930 гг. Отдельная книга была опубликована в 1930 г. (Париж, издательство «Современные записки»); первое полное издание вышло в свет в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова (1952).

² Воспоминания Бенуа «Жизнь художника» в 2 т. были опубликованы издательством «Чехов» (Нью-Йорк) в 1955 г. В серии «Литературные памятники» воспоминания издавались дважды: в 1980 и 1990 гг.

³ Речь идет о внучках И. Н. и Б. В. Томашевских — Марии Николаевне (1952—2019) от сына Николая и Анастасии Григорьевне (род. 1953) от дочери Зои.

7

Д. С. и З. А. Лихачевы — И. Н. Томашевской

Середина сентября 1958 г., Ленинград

Дорогая Ирина Николаевна!

Только что вернулся со съезда.¹ Всё прошло относительно благополучно. Мне пришлось присутствовать на всех заседаниях подсекции древнеславянских литератур, и я знаю о других заседаниях только понаслышке. В разговорах со мной часто вспоминался Бор<ис> Викт<орович>. Очень часто говорили о нем Роман Осипович,² Майенова³ (из Польши), Сл. Вольман,⁴ Гурский⁵ (из Кракова). Доклад Б<ориса> В<икторовича> пользовался большим успехом.⁶

Сейчас чувствую себя очень усталым (я отвечал за свою подсецию и за эд<иционно>-текстологическую комиссию:⁷ надо было очень много работать помимо заседаний). Немного грустно от впечатлений. Подробно расскажу Вам о съезде в Ленинграде.

Н. К. Гудзий⁸ интересовался II-м томом.⁹ Я ему рассказал. В. М. Жирмунский¹⁰ говорил даже по этому поводу с Базановым.¹¹ По словам В<иктора> М<аксимовича>, Базанов был смущен и сказал, что они второй том выпускают <...> под названием «Статьи о Пушкине». Варв<ара> Павл<овна> решила сделать запрос на ученом совете: как обстоит дело со II т<омом>, утвержденным на ученом совете.

Все мои шлют Вам самые сердечные приветы и самые горячие пожелания душевного спокойствия и душевных сил.

Ваш *Д. Лихачев*

PS. Разговаривал на съезде с В. В. Ивановым:¹² какой милый молодой человек!

Дорогая Ирина Николаевна, вчера наконец вернулся Дмитрий Сергеевич. Он очень долго был в Москве, 16 дней, и мы очень соскучились. Он устал и выглядит хуже, чем был. С дачи мы давно переехали, а так как наша домработница в отпуске, то мне очень много хлопот с хозяйством. Милочка преподает в школе до 5 окт<ября>, а Верочка дома до 1-го окт<ября>. У нее должна быть практика, но руководитель уехала в Англию на съезд, и практика перенесена на ноябрь. Как только она выдержит такую нагрузку, ведь будут занятия в Академии?

Целую Вас

З. Лихачева

Привет Вам большой от девочек.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 1—1 об. Автограф. Датировано по содержанию.

¹ Имеется в виду IV Международный съезд славистов, проходивший в Москве с 1 по 12 сентября 1958 г.

² Р. О. Якобсон.

³ Майенова Мария Рената (1910, по др. сведениям 1908—1988) — польский литературовед, лингвист, структуралист, педагог; доктор филологических наук (1939). Профессор Варшавского университета (1954—1968), заместитель директора по научным вопросам Института литературных исследований Польской АН.

⁴ Вольман Славомир (1925—2012) — чешский славист, филолог; доктор философии, кандидат филологических наук. Работал в Славянском институте Чехословацкой АН. С 1988 г. — председатель Международного комитета славистов, президент Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур.

⁵ Гурский Конрад Жозеф Август (Конрад Янович) (1895—1990) — польский литературовед, историк культуры, педагог; доктор филологических наук (1929, 1953); профессор (с 1945 г.); академик Польской АН

(с 1969 г.). Декан гуманитарного факультета Университета Николая Коперника в Торуне (1945–1947), заведующий кафедрой польской литературы XIX в. (1947–1950, 1956–1990).

⁶ Речь идет о работе В. Б. Томашевского «Стих и язык», написанной в середине 1950-х гг. и предложенной в качестве доклада на IV Международном съезде славистов. По решению Советского комитета славистов работа, подготовленная к печати С. М. Бонди, была издана посмертно и раздавалась участникам съезда, см.: *Томашевский В. Б. Стих и язык / IV Международный съезд славистов: Доклады. М.: Изд-во АН СССР, 1958.*

⁷ На съезде была создана Эдиционно-текстологическая комиссия Международного комитета славистов под председательством академика Польской АН Конрада Гурского; заместители председателя – Д. С. Лихачев и Збигнев Голинский (Польша). Работала до 1978 г., заседания проходили ежегодно в Варшаве, дважды в Москве и др. городах. По отзыву Лихачева, заседания комиссии «в значительной степени способствовали переходу текстологии из практической дисциплины, ставящей себе целью чисто эдиционные задачи, к науке, изучающей текст и историю текста отдельных произведений» (*Лихачев Д. С. Работа Международной эдиционно-текстологической комиссии (1958–1978) // Лебедева Е. Д. Текстология: Труды Международной эдиционно-текстологической комиссии при Международном комитете славистов: Указатель докладов и публикаций, 1958–1978 / АН СССР, Ин-т науч. информации по общественным наукам. М., 1980. С. 12).*

⁸ Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) – литературовед, историк литературы, педагог; академик АН УССР (1945). Профессор кафедры истории русской литературы МГУ (с 1922 г.), декан филологического факультета МГУ (1941–1945) и заведующий кафедрой русского устного народного творчества (1941–1946); заведующий Секцией древнерусской литературы и литературы XVIII в. ИМЛИ (1939–1941, 1945–1947), Отделом русской литературы (1945–1952) и Отделом украинской древней литературы (1952–1961) Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР.

⁹ Речь идет о монографии Б. В. Томашевского «Пушкин», задуманной автором в 4-х томах. При написании книги предполагалось использовать вузовские спецкурсы автора по творчеству Пушкина и материалы исследований, проводившихся им при подготовке к изданию собраний сочинений поэта. При жизни Томашевского вышел 1-й том (см.: *Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1: 1813–1824. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1956).* Для 2-го тома монографии Томашевский успел написать часть главы о Михайловской ссылке, текст которой обрывается на анализе сказки-баллады «Жених» (осталась недописанной фраза: «Один разбойник...»). Во 2-й том, кроме незавершенного фрагмента монографии, также вошли опубликованные статьи Томашевского о Пушкине и список его трудов по пушкиноведению (см.: *Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1961).*

¹⁰ Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) – лингвист, литературовед, основатель школы германистики, поэт, педагог; доктор филологии

«ИСКРЕННЕ ВАС ЛЮБЯЩИЕ ЛИХАЧЕВЫ»

ческих наук (1924), академик АН СССР (1966). Преподаватель Петроградского университета (с 1924 г. — ЛГУ) (1915—1917, 1919—1949, с 1956 г. — профессор кафедры германской филологии); сотрудник ИРЛИ, заведующий Отделом западных литератур (1934—1950); заведующий Сектором индоевропейских языков Ленинградского отделения Института языковедения АН СССР (с 1957 г.).

¹¹ Базанов Василий Григорьевич (1911—1981) — литературовед, фольклорист, педагог; доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР (с 1962 г.). Заместитель директора (1955—1960, 1963—1965), директор (1965—1975) ИРЛИ.

¹² Иванов Вячеслав Всеволодович (1929—2017) — ученый-энциклопедист, лингвист, литературовед, переводчик, семиотик, антрополог, педагог, общественный деятель; доктор филологических наук (1978), академик РАН по Отделению литературы и языка (2000); действительный член РАЕН (1991). В 1963—1989 гг. руководил Сектором структурной типологии славянских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР. В 1989—1993 гг. — директор Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино. Директор Института мировой культуры МГУ (с 1992 г.) и Русской антропологической школы РГГУ (с 2003 г.). Профессор кафедры славянских языков и литератур Стэнфордского (1989—2001) и Калифорнийского (с 1992 г.) университетов. Иностраный член Американского лингвистического общества (1968), Британской академии (1977), Американской академии искусств и наук (1993), Американского философского общества (1994).

8

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

9 апреля 1958 г., Ялта

Дорогая Ирина Николаевна!

Поздравляем Вас с наступающим.¹

Погода здесь хорошая. Правда, вчера и сегодня в первой половине дня был дождик, но вторая половина дня была хорошая. После дождя всё зазеленело. Солнце печет, хотя в воздухе есть туманная дымка.

Апрель в этом году, как и в прошлом, нам очень нравится.

Работается здесь плохо, так как очень тянет на улицу, и перед лицом природы явственно выступает тщета всяких так называемых «работ».

Книжки Ваши нам очень помогают. Вчера были в Херсонесе. Он порастил нас не меньше, чем Чуфут-Кале в прошлом году.

З<инаида> А<лександровна> Вам кланяется.

Привет всем Вашим. Ваш *Д. Лихачев*

9. IV. 58

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 4. Автограф.

¹ Скорее всего, имеется в виду Пасха, приходившаяся в 1958 г. на 13 апреля.

9

Лихачевы — И. Н. Томашевской

19 апреля 1958 г., Ялта

Дорогая Ирина Николаевна!

Большое спасибо за книги. Они очень помогли нам и очень украсили наше пребывание в Ялте.

Но самое Вам большое спасибо за дочек. Они писали нам о том, что были очень Вами тронуты.

Не хворайте.

Знайте, что мы Ваши преданные Вам друзья.

Крым нам очень нравится. Надеемся и в будущем году приехать сюда, но только осенью.

Ваши *Лихачевы*

19. IV. 58

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 6. Автограф.

10

Д. С. и З. А. Лихачевы — И. Н. Томашевской

19 августа 1958 г., Ленинград

Дорогая Ирина
Николаевна!

Сегодня, перед тем как сесть написать Вам письмо, получил из Москвы отпечатанный доклад Бориса Викторовича «Стих и язык». Знают ли Ваш адрес в Москве? Я думаю, что А. Н. Робинсон¹ его как-нибудь найдет.

24-го будем вспоминать Бориса Викторовича вместе с Вами. Зинаида Александровна, я и дочери желаем Вам от всего сердца побольше душевных сил. Помните, что у Вас есть много искренних друзей. Это ведь действительно так: их очень много, и среди них — мы.

Искренне Ваш *Д. Лихачев*

Дорогая Ирина Николаевна, с большим удовольствием вспоминаем Ваш приезд к нам на дачу. Сейчас мы живем всей семьей, — наконец-то собрались все вместе. Наши дочери хорошо поправляются, хотя погода

плохая. Всего Вам самого хорошего. Мы все будем вспоминать о Вас 24-го.

Целую Вас
З. Лихачева

19/VIII 58 г.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 9. Автографы Д. С. и З. А. Лихачевых.

¹ Робинсон Андрей Николаевич (1917–1993) — филолог-медиевист, славист; доктор филологических наук (1965). Работал в Москве в системе АН СССР. С 1948 г. сотрудник ИМЛИ, в 1968–1985 гг. заведующий группой древнерусской литературы (в 1986–1988 гг. — сектором). В декабре 1954-го — декабре 1955 г. сотрудник Сектора древнерусской литературы ИРЛИ.

11

З. А. Лихачева — И. Н. Томашевской

4 ноября 1958 г., Ленинград

Ленинград 4 ноября 1958 г.

Дорогая Ирина Николаевна,
спасибо Вам за доброе отношение к нашей семье. Мы всё еще без Дмитрия Сергеевича. Он всё еще в Болгарии.¹ Очень часто получаем письма. Сейчас он путешествует по Северной Болгарии. По-прежнему доволен, в восторге от своей поездки. Вернется в Ленинград 12–13 ноября. К этому времени и Вы приедете в Ленинград. Мы надеемся, что Вы к нам придете и будем вместе слушать Дм<итрия> Серг<еевича>. Воображаю, сколько интересного он нам расскажет.

В Ленинграде сейчас гастроль латышского театра оперы и балета. Все увлекаются Вагнером. Я была на «Тангейзере» и пойду с Дм<итрием> Серг<еевичем> на «Лоэнгрина». Голоса у них хорошие, особенно женские. Хор замечательный, только оркестр маленький.

Девочки Вам кланяются и желают здоровья.

Всего Вам лучшего.

Целую Вас.

З. Лихачева

Поцелуйте Ваших милых внучек.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 16, л. 1–1 об. Автограф. Конверт (л. 2).

¹ Поездка в Болгарию была первой заграничной поездкой Д. С. Лихачева.

12

Лихачевы — И. Н. и З. Б. Томашевским

27 декабря 1960 г., Ленинград

Дорогих Ирину Николаевну и Зою Борисовну сердечно поздравляют с наступающим Новым Годом и желают им всего самого хорошего, здоровья особенно —

всѣ *Лихачевы*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 18, л. 1. Автограф Д. С. Лихачева. На открытке (В. За-
кшевски. «Подсолнухи»; напечатана в Польше). Датировано по почтовому штемпелю.

13

Лихачевы — И. Н. и З. Б. Томашевским

6 апреля 1961 г., <Ленинград>

Дорогие Ирина Николаевна и Зоя Борисовна! Поздравляем Вас со Светлым праздником. Будьте здоровы и счастливы.

Внучка наша растет.¹ Играет «чижика» на цимбалах и любит, чтобы ей рисовали.

Искренне любящие Вас

Лихачевы

6. IV. 61

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 18, л. 2. Автограф Д. С. Лихачева. На открытке (В. А. Фа-
ворский. «Минин и Пожарский»).

Томашевская Зоя Борисовна (1922–2010) — архитектор, мемуаристка. Дочь Б. В.
и И. Н. Томашевских.

¹ Имеется в виду старшая внучка Д. С. Лихачева — Вера Сергеевна Зилитинкевич (род. 1959) — дочь Л. Д. Лихачевой; в дальнейшем — филолог, русист, профессор Манчестерского университета; в эмиграции с 1982 г., научные труды публикует под именем Вера Тольц.

14

Лихачевы — И. Н. и З. Б. Томашевским

27 декабря 1961 г., Ленинград

Сердечно поздравляем с наступающим Новым Годом дорогих Ирину Николаевну и Зою Борисовну.

Будьте счастливы и здоровы.

Искренне Ваши

Лихачевы

26. XII. 61

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 18, л. 3. Автограф Д. С. Лихачева. На открытке (В. К. Бялыницкий-Бируля. «В конце зимы»).

15

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

Май — июнь 1962 г., Ленинград

Дорогая Ирина Николаевна!

Звонил Вам в четверг в 5 ч<асов> вечера, но никто не подошел. Должен был сразу уехать на дачу, так как у нас полон дом больных (у З<инаида> А<лександровны> грипп, у Верочки маленькой вскрыли лимфоденит, у Верочки большой — больны почки). Сейчас я еду в город и попытаюсь Вам еще раз позвонить.

Рукопись занесу Вам на неделе домой. Если не застану Вас дома, — оставлю в ящике.

Не свободна ли у Вас Кодрянская о Ремизове?¹ Я читал эту книжку мельком. Сейчас хочу ее снова перечесть внимательно.

Перед тем как З<инаида> А<лександровна> заболела гриппом, были на «Драконе».² Очень «прогрессивная» пьеса. Посмотрите, если сможете. Ее, вероятно, снимут.

Мы все очень хотим, чтобы Вам было хорошо. Вам все мои кланяются (дочки мои от Вас в восторге).

Будьте здоровы. Вам желает всего самого лучшего З<инаида> А<лександровна>.

Всегда Ваш *Д. Лихачев*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 17. Автограф. Датировано по содержанию.

¹ Кодрянская Наталья Владимировна (урожд. фон Гернгросс; 1901—1983) — детская писательница, мемуаристка. Эмигрировала из России в 1919 г., жила в Женеве, Париже, Нью-Йорке. Друг и биограф А. М. Ремизова. Автор книги «Сказки» с иллюстрациями Н. С. Гончаровой и предисловием Ремизова (1950), монографии «Алексей Ремизов» (1959) и др.

² Речь идет о спектакле «Дракон» по пьесе Е. Л. Шварца, написанной в 1942—1944 гг. для Ленинградского театра Комедии. Премьера первой постановки пьесы, осуществленной Н. П. Акимовым, состоялась 4 августа

1944 г. в Москве, однако спектакль после премьеры был снят. Пьеса была запрещена к постановке до 1962 г., когда вновь была поставлена Н. П. Акимовым в Ленинградском театре Комедии; спектакль шел только один сезон.

16

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

6 июля 1962 г., Ленинград

Дорогая Ирина Никол<аевна>! Ну, конечно, огорчительно, что книжка пропала, но не придавайте этому слишком большого значения. Эта книга не по моей специальности, и я без нее обойдусь. Мобилизовать для ее новой покупки знакомых не надо. С этой книгой РОЯ¹ выслал мне через В. В. Виноградова стихи Мандельштама.² И тот (ВВВ) вовсе мне их не передал! А мне бы их хотелось иметь больше, чем Кудрянскую. Последнюю — прочел и отложил (добуду ее у Малышева).³ У Зин<аиды> Алекс<андровны> спазм мозговых сосудов. Вера больна. Домработницу прогнали. Живем поэтому плохо. Все Вам кланяются.

Ваш *Д. Лихачев*

6. VII. 62

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 10. Автограф. На почтовой карточке.

¹ Р. О. Якобсон.

² С творчеством О. Э. Мандельштама Лихачев познакомился в 1920-е гг. на Соловках. См.: *Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет.* Т. 1. С. 175–176.

³ Малышев Владимир Иванович (1910–1976) — литературовед, археограф, исследователь древнерусской литературы; доктор филологических наук (1968), заслуженный деятель науки РСФСР (1972). Со 2 июля 1946 г. младший научный сотрудник, ученый секретарь Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, с 29 марта 1959 г. старший научный сотрудник (до 3 декабря 1970 г.). Организатор археографических экспедиций для разыскания рукописей и старопечатных книг; инициатор создания в 1949 г. и ученый хранитель Древнелхранилища ИРЛИ, которому в 1976 г. присвоено его имя.

17

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

21 июля 1962 г., Ленинград

21. VII. 62

Дорогая Ирина Николаевна!

Большое Вам спасибо за сердечное письмо, за приглашение приехать. Зинаиде Александровне лучше. Она почти здорова. Очень Вас

благодарит. Но Вы правы в одном отношении: она не может думать о себе и поехать ей к Вам осенью почти будет невозможно. Вера и Мила со мной ее уговаривают, но пока безуспешно. Если нам удастся уговорить и она поедет, то будет у Вас все-таки думать о доме и волноваться — всё ли там благополучно.

Кодрянская нашлась. Лежит сейчас передо мной в прекрасном состоянии — ни царапинки!

У нас второй день тепло. Верочка заходила в воду и брызгалась. Довольна очень.

Бузанов*¹ одолел нажимами, сложной системой интриг и содействием Мих<аила> П<авлови>ча Ал<ексее>ва, который очернил на обсуждениях кандидатов всех его соперников — Реизова² (он был одно время самым верным кандидатом), Бурсова³ и Мейлаха.⁴ Я вынужден был поехать в Москву на выборное собрание, так как был поставлен мой доклад по текстологии. Пробыл там три дня и вдоволь хлебнул выборной грязи. Всё отвратительно.

Познакомился со Шкловским.⁵ Очень интересный человек. Был у Асеева⁶ (что-то не очень!). Был в гостях у Нат<альи> Алексеевны Деминой⁷ и отдохнул у нее душой. Непременно с ней познакомьтесь. Она, правда, не работает уже в музее Рублева (ушла на пенсию). Позвоните ей по дом<ашнему> телефону (Б-874-63) и условьтесь о встрече. Я ей о Вас говорил. В Музее тоже побывайте. Там теперь выставлена новая рублевская икона — Иоанн Креститель из Серпухова. Красоты необычайной!

В Эрмитаже выставлены две картины Кандинского⁸ и много прибавили новых французов.

В Институте готовится сокращение на 25%. Но, даст Бог, отменится. Скоро выйдет моя книжечка «Культура Руси эпохи А<ндрея> Рублева и Епифания Премудрого».⁹ Будьте здоровы. Поклон от З<инаиды> А<лександровны> и молодежи. Всегда Ваш

Д. Лихачев

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 11. Авторизованная машинопись.

¹ В. Г. Базанов.

² Реизов Борис Георгиевич (1902–1981) — литературовед, переводчик; доктор филологических наук (1939). Сотрудник ИРЛИ (с 1930 г.). Преподаватель ЛГУ (с 1935 г.; декан филологического факультета в 1963–1968 гг.).

³ Бурсов Борис Иванович (1905–1997) — литературовед, литературный критик, педагог; доктор филологических наук (1951); лауреат Государ-

* Так у Д. С. Лихачева.

«ИСКРЕННЕ ВАС ЛЮБЯЩИЕ ЛИХАЧЕВЫ»

ственной премии СССР (1987). Сотрудник ИРЛИ (1938–1941); преподаватель филологического факультета ЛГУ (1948–1966; с 1951 г. профессор) и ЛГПИ (с 1966 г.). Член Союза писателей СССР (с 1938 г.); консультант Ленинградского областного комитета КПСС по вопросам литературы.

⁴ Мейлах Борис Соломонович (1909–1987) — литературовед, пушкинист, педагог; доктор филологических наук; лауреат Сталинской премии второй степени (1948). В 1938–1949 гг. заведовал Сектором новой русской литературы ИРЛИ, в 1941 г. исполнял обязанности директора. В 1942 г. был эвакуирован в Ташкент, где встал во главе Ташкентского отделения ИРЛИ и одновременно руководил кафедрой русской литературы в Среднеазиатском государственном университете. В 1949–1961 гг. заведующий Группой пушкиноведения, в 1961–1974 гг. старший научный сотрудник Сектора пушкиноведения, с 1974 г. научный консультант Сектора новой русской литературы; председатель Комиссии по взаимосвязям литературы, искусства и науки, организованной при Ленинградском отделении СП РСФСР (с 1963 г.).

⁵ Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — писатель, литературовед, критик, киновед, киносценарист; лауреат Государственной премии СССР (1979).

⁶ Асеев Николай Николаевич (1889–1963) — поэт, переводчик, сценарист; лауреат Сталинской премии первой степени (1941).

⁷ Демина Наталья Алексеевна (1904–1990) — искусствовед, научный сотрудник Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева (с 1947 г.; заместитель директора по научной работе в 1950–1961 гг.).

⁸ Кандинский Василий Васильевич (1866–1944) — художник-абстракционист. В коллекции Европейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа хранятся несколько работ Кандинского («Вид Мурнау», 1908; «Зимний пейзаж», 1909; Композиция V, 1911; Композиция VI, 1913). Первая персональная выставка художника в СССР состоялась в ГТГ и ГРМ в 1989 г.

⁹ Речь идет о книге Д. С. Лихачева «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (Конец XIV — начало XV в.» (М.; Л., 1962), вышедшей в научно-популярной серии АН СССР.

18

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

17 сентября 1962 г., Ленинград

Дорогая Ирина Николаевна. Слышал, что на Музыкальную осень в Варшаве¹ представлено 3 произведения от Сов<етского> Союза: 8-й квартет Шостаковича,² очень левая вещь Уствольской³ и... что-то Волконского.⁴ Решили блеснуть либералами. Это очень радует.

Написал Вам письмо с дочкой Коссого⁵ Маней. Она получила 1-ю премию за лучший рисунок на Всесоюзной выставке детской живописи и награждена Артеком. Родители дрожат за нее.

У нас всё благополучно; через несколько дней еду в Польшу на 3 дня.⁶

Будьте здоровы и не скучайте. Мои все Вам кланяются (З<инаида> А<лександровна>, Мила, Вера и Сережа⁷ (Юра⁸ в командировке)) и просят не грустить.

Всегда Ваш Д. Лихачев

17. IX. 62

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 12. Автограф. На почтовой карточке.

¹ «Варшавская осень» — международный фестиваль современной музыки, который с 1956 г. проводится Союзом польских композиторов во второй половине сентября в Варшаве. Фестиваль, планировавшийся как биеннале, с 1958 г. стал ежегодным.

² Произведения Д. Д. Шостаковича исполнялись на I и II фестивалях «Варшавская осень». Сам композитор в сентябре 1959 г. стал почетным гостем III фестиваля, на котором исполнялись 1-й фортепианный концерт, 5-й и 6-й квартеты.

Струнный квартет № 8 До-минор (Соч. 110), упоминаемый Лихачевым, был написан в Дрездене 12–14 июля 1960 г., во время его работы над партитурой к фильму «Пять дней, пять ночей». Квартет посвящен памяти жертв фашизма и войны, впервые он с успехом исполнен в Ленинграде 2 октября 1960 г.

³ Уствольская Галина Ивановна (1919–2002) — композитор, педагог; заслуженный деятель искусств СССР (1993). В 1940-е гг. считалась одной из лучших учениц Шостаковича. Долгое время ее музыкальные произведения почти не исполнялись.

⁴ Волконский Андрей Михайлович (1933–2008) — композитор-авангардист, клависинист, органист. Родился в Женеве в семье русских эмигрантов; начал импровизировать на фортепиано с пяти лет; учился в Женевской консерватории (1944–1945) и в Русской консерватории в Париже (1946). В 1947–1973 гг. жил в СССР, в 1954 г. закончил Московскую консерваторию по классу композиции. Член Союза композиторов СССР (с 1955 г.). С 1962 г. исполнение его музыкальных сочинений в СССР было официально запрещено. В 1965 г. организовал ансамбль старинной музыки «Мадригал», с которым гастролировал по СССР, ГДР, Польше, Румынии. В 1973 г. вернулся в Западную Европу, жил в Швейцарии и Франции.

Д. С. Лихачев бывал на концертах Волконского; так, в письме от 22 декабря 1964 г. он писал: «Вечером 21-го был на концерте Андрея Волконского в Доме Ученых. Билеты легко достал. Зал был неполный, но зато были все энтузиасты, и ему бешено аплодировали. Он выступал с целым небольшим оркестром молодежи. Дирижировал Маркиз. В программе был

«ИСКРЕННЕ ВАС ЛЮБЯЩИЕ ЛИХАЧЕВЫ»

Бах» (Письма Лихачевых И. Н. Медведевой-Томашевской в Крым. С. 26); а в письме от 14 октября 1970 г. он сообщил, что вместе с внучкой Верой побывал на его концерте в Большом зале филармонии (см.: Там же. С. 74).

⁵ Речь идет об Аркадии Анатольевиче Коссом, директоре типографии, заведующем производством издательства АН СССР.

⁶ 26–28 сентября 1962 г. в Варшаве проходило заседание Эдиционно-текстологической комиссии.

⁷ Зилитинкевич Сергей Сергеевич (1936–2021) — физик, метеоролог, педагог; доктор физико-математических наук (1970), профессор Ленинградского гидрометеорологического института, Уппсальского (1998–2003) и Хельсинкского (2004–2007) университетов, МГУ (с 2013 г.), автор работ по физике атмосферы; муж Л. Д. Лихачевой.

⁸ Курбатов Юрий Иванович (1934–2020) — архитектор, педагог; доктор архитектуры (1987), член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Петербургского государственного архитектурно-строительного университета; муж В. Д. Лихачевой.

19

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

21 сентября 1962 г., Ленинград

Дорогая Ирина Николаевна!

Завтра мы уезжаем с дачи. Лето было очень холодное и дождливое. Только три дня в июне были жарких, когда Верочка могла побыть на пляже в одних трусиках. Я чувствовал себя всё время хорошо, но в последние дни заболела язва. Зинаида Александровна чувствует себя хорошо. Спазмы не возобновлялись. Верин Юра ездит по Сибири — смотрит сибирские города и сибирскую природу (аспирантская командировка). Вера думала поехать в Англию на 2 недели, но ничего не вышло. Живет с нами на даче. Сережа и Мила отдыхали на даче. Вот и все наши «внешние» новости, а новости внутренние печальны: в институт идти очень не хочется. Там господствует хамоватость разных оттенков. Собираются печатать против меня статью Азбелева, но... смилоствовали, — с моим ответом.¹ Я ее еще не читал: сказал Бузанову, что мне * нет времени. В конце сентября на три дня поеду в Польшу. В. В. Виноградов в феврале уйдет со своего «поста», и нам тогда будет совсем плохо. Книжка моя по «Текстологии»² в наборе (выйдет в ноябре). Книжечка о культуре Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого имела уже сигнал. Пришлю ее Вам, верно, скоро.

Опять сбился на сообщение Вам чисто внешних новостей.

* Так у Д. С. Лихачева.

Сейчас главный центр наших интересов — внучка. Устраивали для нее кукольный спектакль (давали «Красную Шапочку»), возили ее в лес за грибами, возили ее в «Пенаты» и всё следим за ней — как она реагирует. А реагирует она хорошо, интересно. Видна в ней доброта.

Как жаль, что Вам не удалось побывать в печальный день в Ялте. Если будете там всё же, — вспомните и о нас всех. Нам там очень понравилось, и <старичок> там очень душевный, настоящий.

Зин<аида> Алекс<андровна> Вам кланяется и шлет приветы. Она сейчас усиленно собирается к переезду.

Мила, Вера и Сережа шлют Вам поклон. Будьте здоровы, не хворайте. Всегда Ваш Д. Лихачев

21. [IX*]. 62

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 13—13 об. Автограф.

¹ См.: Азбелев С. Реализм и древнерусская литература // Русская литература. 1963. № 1. С. 45—78. Отклик на статьи Д. С. Лихачева «Об одной особенности реализма» (Вопросы литературы. 1960. № 3. С. 53—68) и В. П. Адриановой-Перетц «О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.)» (ТОДРЛ. М.: Л., 1960. Т. XVI. С. 5—35). В этом же номере журнала «Русская литература» была опубликована ответная статья Д. С. Лихачева «Анэстетизм и древнерусская литература» (1963. № 1. С. 79—87).

² См.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

20

З. А. Лихачева — И. Н. Томашевской

30 сентября 1962 г., Ленинград

Ленинград 30 сентября
1962 г.

Дорогая Ирина Николаевна,
большое спасибо за поздравление. Вашу открытку мы получили и с огорчением узнали о Вашей болезни. Поправляйтесь быстрее, дорогая Ирина Николаевна. Что это такое? Летом и воспаление легких. Главное — это спазм. Наверное, от переутомления? Вероятно, Вы всё лето работали? Кто же за Вами ухаживает?

Дмитрий Сергеевич уехал в Польшу на текстологическое совещание. Должна была ехать вместе с ним Нечаева,¹ но ей отказали за день до

* У Д. С. Лихачева ошибочно: XI.

отъезда. Все возмутились, так как она должна была ехать по приглашению поляков, а послали Ушакова² из Института мировой литературы. В Польшу Дмитрий Сергеевич уехал на 3–4 дня. По приезде в Москве начинается конференция славистического комитета, так что Дм<итрий> Сер<геевич> приедет в Ленинград 7-го октября. Чувствует он себя хорошо, хотя в августе у него было обострение язвы. Вообще после Карловых Вар он два раза болел. Лето было плохое, и на даче мы мерзли и мокли. Почти не ходили в летних платьях, всё шерстяные кофточки.

На даче мы жили очень большой семьей. С нами была мать Дм<итрия> Сер<геевича> и его брат.³ У брата машина, и мы ездили в Выборг, за грибами и через день в кино. Фильмы почти все плохие, за исключением одного итальянского: «Долгая ночь 1943 г.».⁴ Наш Юра был в командировке в Сибири, а Верочка уезжала в Ярославль и Псков. Она устраивала выставку китайского искусства. Это заняло у нее две недели.

Верунька растет, но иногда капризничает, вероятно потому, что одна малютка среди взрослых.

Мы очень по Вас соскучились и будем рады, когда Вы навестите нас на Черной речке.

Целую Вас З. Лихачева

Милочка и Верочка Вам очень кланяются.

З. Л.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 16, л. 3–4 об. Автограф.

¹ Нечаева Вера Степановна (1895–1979) — историк литературы, текстолог, педагог; доктор филологических наук (1948). Член ССП СССР (с 1935 г.). В 1931–1941 гг. работала в ГБЛ (главным библиотекарем Отдела рукописей, заведующей Музеем-квартирой Достоевского); заведующая Сектором текстологии ИМЛИ (с 1952 г.), старший научный сотрудник Сектора литературы XIX в. (с конца 1960-х); член Международной эдиконо-текстологической комиссии.

² Ушаков Александр Миронович (1930–2018) — литературовед, педагог; кандидат филологических наук (1956). Сотрудник ИМЛИ (1956–2018; с 1988 г. руководитель группы по подготовке собрания сочинений В. В. Маяковского, в 1995–2006 гг. заведующий Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, в 2014–2018 гг. руководитель группы по подготовке собрания сочинений М. А. Шолохова), заместитель ученого секретаря (1958–1961), ученый секретарь (1963–1979) ИМЛИ.

³ Скорее всего, речь идет о Юрии Сергеевиче Лихачеве (1915–1980), младшем брате Д. С. Лихачева, инженере-электрике.

⁴ Кинофильм режиссера Ф. Ванчини о событиях Второй мировой войны по рассказу Дж. Бассани (Италия — Франция, 1960). Ванчини получил премию Венецианского кинофестиваля за лучшую первую работу (1960).

21

З. А., Д. С., В. Д. Лихачевы — И. Н. Томашевской

26 декабря 1963 г., Кисловодск

Дорогую Ирину Николаевну поздравляем из Кисловодска с Новым Годом и желаем ей всего самого, самого хорошего. Будьте здоровы и счастливы.

Всегда Ваши

*З. А., Д. С. и Вера
Лихачевы*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 18, л. 4. Автограф Д. С. Лихачева. Датировано по почтовому штемпелю. На открытке (Ленинград, Автово, Комсомольская площадь).

22

Д. С. и З. А. Лихачевы — И. Н. Томашевской

19 февраля 1965 г., <Ленинград>

Дорогая Ирина Николаевна!

Поздравляю Вас с выходом великолепной книги.¹ Я успел только взглянуть еще (а теперь начала читать ее Зинаида Александровна), но уже сейчас вижу, что это большая удача. В ней есть аромат эпохи. Это книга любовно сделанная. Она, как мне кажется, великолепно отвечает основной задаче гуманитарных наук: воскрешению умерших (это я по Федорову²). Семенова должна быть Вам благодарна. Оживить же можно только любовью. Это сразу же ощущается в книге. Откуда такие хорошие иллюстрации?

Пожалуй, хорошо, что Вы не испачкали свою книгу обличением воровки.³ Этому действительно не место в такой книге. Ваше примечание о ней убийственно по своей мягкости силы и правоты.⁴ Врагиня Ваша не заслуживает большего.

Я скоро поеду в Польшу.⁵ На новой квартире сплошь неполадки.⁶ Небрежность строителей поразительная.

В Москве очень хорошо защитил диссертацию Робинсон.⁷ Я ездил оппонировать.

Юлиан Гр<игорьевич>⁸ жаловался, что ему трудно работать. Настроение у него, впрочем, не такое уж плохое. Я был у него в день рождения. Бесперывно приходили гости. Было много телеграмм. Ему исполнилось 70.

Вера окончила диссертацию,⁹ но Гуковский¹⁰ тянет (некогда ему про- честь). Верно весной не успеет защитить.

Поправляйтесь. Не приступайте к работе слишком рано. А присту- пив, — работайте только в пределах удовольствия.

Мы хотим поехать в Ялту в апреле — не знаю: выйдет ли!

Всегда Ваш Д. Л.

Дорогая Ирина Николаевна, большое Вам спасибо за книгу. Я ее на- чала читать. Очень интересно. Как Ваше здоровье? Так хочется, чтобы Вы поправились и всё трудное было бы позади.

В новой квартире оказалось много строительных неполадок. Самое страшное — это большая слышимость, особенно со стороны квартиры, которая примыкает к кабинету. Возможно, будут в ванной ломать стену. Сейчас закрыли воду, так как не могут решить, откуда протекает в ниж- нюю квартиру. У нас небольшое мокрое пятно. В квартире над нами то- же течет. Вообще Академстрой — это плохая строительная организация. Кроме того, стало много холоднее в квартире. Иногда жалею, что пере- ехали. Вот и сейчас пишу Вам при свече. Часто портится электричество, и всё еще сидим без газа.

Желаю Вам всего, всего хорошего.

З. Лихачева

19/II 65 г.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 32, ед. хр. 22, л. 1—1 об. Авторизованная машинопись с припиской З. А. Лихачевой.

¹ См.: *Медведева И.* Екатерина Семенова: Жизнь и творчество трагиче- ской актрисы. М.: Искусство, 1964.

² Федоров Николай Федорович (1829—1903) — религиозный мысли- тель, основоположник русского космизма, библиотекарь, архивист, педагог.

³ Речь идет о Татьяне Михайловне Родиной (1914—1989), театроведе, театральном критике, редакторе, педагоге, докторе искусствоведения (1961).

По свидетельству З. Б. Томашевской, рукопись была сдана в изда- тельство «Искусство» в середине августа 1957 г.; вскоре умер Б. В. Тома- шевский, и Ирина Николаевна не смогла продолжить подготовку книги к изданию, что якобы позволило редактору издательства Т. М. Родиной ис- пользовать неопубликованную работу для написания своей монографии «Русское театральное искусство в начале XIX века» (М.: Изд-во АН СССР, 1961). См.: *Томашевская З.* Как и зачем писалось «Стремя»: Послесловие ко второму изданию // *Медведева И. (Д*)*. Стремя «Тихого Дона»: (Загадки романа). 2-е изд. М.: Горизонт, 1993. С. 121—122. (Как известно, 1-е изд. этой книги вышло в 1974 г. в Париже под криптонимом D*.)

«ИСКРЕННЕ ВАС ЛЮБЯЩИЕ ЛИХАЧЕВЫ»

⁴ В примечаниях И. Н. Томашевская обосновала отсутствие ссылок на литературу, вышедшую после 1957 г.: «Книга была сдана автором в издательство в 1957 году. Однако выпуск ее несколько задержался, а за это время читатель мог ознакомиться с новыми работами по истории русского театра начала XIX века (в частности, с книгой Т. М. Родиной “Русское театральное искусство в начале XIX века”), в которых есть тождественный нашему подход и тождественное решение основных проблем творчества Семеновой. Тот факт, что автор в основном завершил монографию о Семеновой к 1957 году, дает ему право не ссылаться на книги, вышедшие за этот период» (*Медведева И. Екатерина Семенова. С. 278*).

⁵ В марте 1965 г. Д. С. Лихачев ездил в Польшу для чтения лекций и докладов.

⁶ В конце 1964 г. семья Лихачевых переехала в новую квартиру по адресу: 2-й Муринский проспект, д. 34. Сейчас на этом доме установлена мемориальная доска.

⁷ А. Н. Робинсон в 1965 г. защитил в ИМЛИ докторскую диссертацию на тему: «Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты».

⁸ Оксман Юлиан Григорьевич (1894–1970) — литературовед, пушкинист, педагог; доктор филологических наук. Сотрудник ИМЛИ, заведующий Герценовской группой (1958–1964). Председатель Э디션но-текстологической комиссии при ОЛЯ АН СССР (1958–1964), член редколлегий Краткой литературной энциклопедии и серии «Литературные памятники» (с 1959 г.). Член СП СССР (1955–1964). В 1964 г. подвергся политическим преследованиям.

⁹ В. Д. Лихачева в 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Иконографический канон и стиль палеологовской живописи». О защите ее кандидатской диссертации см.: *Лихачев Д. С. Заметки к воспоминаниям о Вере // Наше наследие. 2006. № 79–80. С. 64–65.*

¹⁰ Гуковский Матвей Александрович (1898–1971) — историк, искусствовед; доктор исторических наук (1939); профессор (1934). Специалист по итальянскому Возрождению. С 1944 по 1949 г. и с 1955 г. сотрудник Государственного Эрмитажа. В 1949 г. был репрессирован, находился в заключении до 1954 г. В 1960–1969 гг. директор Научной библиотеки Государственного Эрмитажа. Научный руководитель В. Д. Лихачевой.

23

Лихачевы — И. Н. и З. Б. Томашевским

20 декабря 1965 г., <Ленинград>

Сердечно поздравляем дорогих Ирину Николаевну и Зою Борисовну с наступающим Новым Годом. Будьте счастливы и здоровы.

Не смогли зайти: только сегодня вернулась из больницы Зинаида Александровна. Диабета не оказалось, но есть холецистит.

Искренне Вас любящие

Лихачевы

20. XII. 65

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 18, л. 6. Автограф Д. С. Лихачева. На открытке (Сидящая кошка, Египет, Позднее Царство, Музей Берлина).

24

Лихачевы — И. Н. Томашевской

20 декабря 1965 г., Ленинград

Дорогая Ирина Николаевна, поздравляем Вас с Новым Годом! Желаем Вам здоровья и всего самого хорошего. Зое Борисовне и Настеньке передайте наши поздравления. Любящие Вас *Лихачевы*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 18, л. 5. Автограф З. А. Лихачевой. Датировано по поздравлению рукой Д. С. Лихачева (№ 23), которое, скорее всего, было отправлено вместе с поздравлением рукой З. А. Лихачевой. На открытке (Н. А. Бенуа. Эскиз декорации к опере Дж. Верди «Трубадур», выполненной к гастролям театра «Ла Скала» в Большом театре СССР в 1964 г. Отпечатана в 1965 г.).

25

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

23 июля 1966 г., <Ленинград>

23. VII. Дорогая Ирина Николаевна! Я был дня 4 в Архангельске и в его окрестностях, а затем пять неполных дней на Соловках. До чего они разрушались, запустили, обезлюдели! Если в конце <19>20-х—<19>30-х гг. старина сохраняла (даже после грандиозного пожара) следы ухоженности, сейчас всё перестроено, обрушилось, опустело (буквально: морское командование приказало «очистить помещения», и сожгли не только рукописи, иконы, иконостасы, но и старую мебель). Но пока еще острова не ополнены. Правда, уже появились какие-то девицы с их кавалерами, которые в самом монастыре, раздевшись до нижнего белья, играют в мяч («кикают»), но еще нет, слава Богу, ресторанов и баров, а помещения для туристов сохраняют следы глазков и форточек для подачи пищи в дверях, есть кое-где и скромные решетки на окнах. На Анзере развалины побелены, чтобы скрыть на стенах лагерные надписи. А дороги заросли, некоторые покрыты лесом по фундаментам.

Приезжающая туристическая публика имеет смутное представление о том, что здесь было «до...» и «после». И все-таки я рад, что побывал. Я сделал множество снимков (диапозитивов и обычных фотографий).

После Соловков ездил уже в Москву по славистическим делам.¹ Жарища была ужасающая. И хотя я приехал позавчера, но еще чувствую усталость.

В понедельник выяснится — хорошо ли вышли снимки и фотографии. Очень хочется, чтобы хорошо. Я хотел бы всё показать и рассказать Вам, когда Вы будете в Ленинграде. Теперь на Соловки можно съездить зимой (самолетом). Мы с Верой собираемся туда в феврале — марте. Сделаем зимние снимки. Пока еще есть что снимать.

В Архангельске на конференции я делал о Соловках доклад. Все поняли, что я там был. Надо будет его где-нибудь напечатать.

Существующие проекты реставрации неграмотны. Архангельские реставраторы не понимают основного, а одна реставраторша приказала «почистить» стены — освободить их от необычайно красивых лишайников. Хорошо, что какие-то туристы запротестовали, и «реставраторша» не успела довести свои «работы» до конца.

Шлем Вам всем семейством самые теплые пожелания здоровья и хорошего отдыха. Следующее письмо напишем в Гурзуф. Спасибо Вам за очень интересное письмо.

Ваши *Д. Лихачев* и *Лихачевы* (Сереза приедет во вторник — он в Эстонии.)

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 18—18 об. Автограф. Датировано по содержанию. С приложением фотооткрытки с видом восточной стены монастыря на Соловецких островах (фото Д. Смирнова), изданной в 1966 г. Творческим фотообъединением «Орбита» Союза журналистов СССР (Москва) (л. 22).

¹ Лихачев ездил в Москву на заседание и на выборы в АН СССР, о чем писала З. А. Лихачева И. Н. Томашевской 12 июля 1966 г. См.: Письма Лихачевых И. Н. Медведевой-Томашевской в Крым. С. 410.

26

Д. С. и З. А. Лихачевы — И. Н. Томашевской

Сентябрь 1966 г., <Ленинград>

Дорогая Ирина Николаевна!

Пишу Вам на машинке, так как что-то очень испортился почерк. Через два часа еду в Москву, а оттуда дня на три-четыре в Берлин на очередное текстологическое совещание.¹

В Оксфорд² меня не пустили: меня, Алпатов³ и еще нескольких человек, которых не любят Банк⁴ и Лазарев.⁵

У нас всё относительно благополучно. Но нет домработницы, и очень тяжело Зинаиде Александровне и Вере.⁶ Ведь двое детей,⁷ и всех надо накормить.

Мне, конечно, было очень неприятно то, что я не поехал: готовился, написал и отослал доклад,⁸ прививал оспу и всё такое. Унизительно!

В Ленинграде сентябрь очень холодный. Даже в осеннем пальто холодно. Держитесь Крыма. Как Вы там? Не много ли работаете?

Недавно два дня читал воспоминания Н. П. Анциферова⁹ (он, оказывается, тоже крымчанин — его отец был директором Никитского сада). Воспоминания его поразительны. Я с особым интересом читал еще и потому, что много знакомых. Есть и одна многозначительная заметка о Ник<олае> Васильевиче.¹⁰ Написаны воспоминания блестяще. К рукописи никого не подпускают. Я просил разрешения. Запрашивали Москву. Называются они «Мои университеты»; перепечатаны на машинке три папки (листов 40—50). Очень рад, что они есть. Посвящены они внукам — от Светика¹¹ и от Тани,¹² с которой он говорил недели за две до смерти по телефону. Воспоминания закончены. Доведены до пятидесятых годов.¹³

Надо собираться.

Берегите себя. Ваш *Д. Лихачев*

Дорогая Ирина Николаевна, очень часто думаю о Вас. Как Вы живете, а главное, как себя чувствуете? Как Ваше здоровье? У нас была домработница, которая гуляла с Верочкой и покупала продукты, мыла посуду. Ушла 1-го сентября, так как у ее дочери ожидается рождение ребенка. Дали мы уже два объявления, но было только одно предложение. Пришла девочка — 17 лет, которая учится в техникуме и могла бы временно у нас работать. Сейчас мы одни, а Вере нужно подготовиться к спецкурсу. Хорошо, что девочка¹⁴ у нее спокойная и мало доставляет хлопот, — относительно, конечно. Восьмимесячный ребенок очень хороший, толстенький и почти не кричит; просто удивительная девочка. Верочка пошла в школу. Учится охотно и уже получает пятерки и даже «звездочку» одну на весь класс по письменному русскому. Я часто вспоминаю прошлогоднюю поездку в Крым. Как было хорошо. У нас наступила осень, холодно.

Всего Вам хорошего.

Целую Вас

З. Лихачева

«ИСКРЕННЕ ВАС ЛЮБЯЩИЕ ЛИХАЧЕВЫ»

¹ С 27 по 30 сентября 1966 г. в Берлине проходило очередное заседание Международной эдиционно-текстологической комиссии Международного комитета славистов.

² Лихачев был приглашен на XIII Международный конгресс византийских исследований, проходивший в Оксфорде 5–10 сентября 1966 г.

³ Алпатов Михаил Владимирович (1902–1986) — искусствовед, мемуарист, педагог; доктор искусствоведения (1940); действительный член Академии художеств СССР (1954); заслуженный деятель искусств РСФСР (1958); лауреат Государственной премии СССР (1974). Преподаватель Московского художественного института им. И. В. Сурикова (с 1943 г.).

⁴ Банк Алиса Владимировна (1906–1984) — историк, византинист, востоковед; доктор исторических наук. С 1931 г. — сотрудник Государственного Эрмитажа, с 1940 г. возглавляла отделение Византии и Ближнего Востока, входила в состав Ученого и Редакционно-издательского советов Эрмитажа.

⁵ Лазарев Виктор Никитич (1897–1976) — искусствовед, специалист в области древнерусского и византийского искусства, итальянского искусства эпохи Возрождения, педагог; доктор искусствоведения, член-корреспондент АН СССР.

⁶ В. Д. Лихачева.

⁷ Имеются в виду внучки Д. С. и З. А. Лихачевых: Вера Сергеевна Зилинkevич и Зинаида Юрьевна Курбатова, родившаяся 10 января 1966 г.; в дальнейшем — художник-иллюстратор, тележурналист.

⁸ Тема доклада Д. С. Лихачева: «Тип и характер византийского влияния в древнерусской литературе».

⁹ Анциферов Николай Павлович (1889–1958) — культуролог, историк, краевед, педагог; кандидат филологических наук (1943), член Союза писателей СССР (1943). Участвовал в деятельности религиозно-философских кружков (1918–1925); сотрудник Петроградского научно-исследовательского института (1921–1924), Петроградского отделения Центрального бюро краеведения (1924–1925). В 1925 г. арестован и сослан в Омск, вскоре был освобожден и получил разрешение вернуться в Ленинград. Вновь арестован в 1929 г. как участник «контрреволюционной монархической организации» и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения; летом 1930 г. привлечен к следствию по «Академическому делу» и переведен в Белбалтлаг на строительство Беломорско-Балтийского канала, освобожден из лагеря осенью 1933 г. В сентябре 1937 г. вновь арестован, отправлен в Бамлаг (станция Усури). Освобожден в 1939 г., дело 1929 г. прекращено по пересмотру дела. Автор работ по истории Петербурга, краеведению и экскурсионному делу.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду Н. В. Измайлов. Анциферов вспоминал, что, находясь в заключении, следующим образом представлял так называемое «Дело краеведов», по которому привлекался Н. В. Измайлов и сам Анци-

феров: «...дело было задумано с большим охватом. <...> Во главе заговора стояли академики и близкие им люди. Захват власти должен был произойти через вооруженное восстание, подготовленное группой военных во главе с Н. В. Измайловым. Немецкая группа связывалась с германским генеральным штабом, который субсидировал организацию, и занималась шпионажем в его интересах. Папа Римский, заинтересованный в свержении советской власти <...>, она имела массу ячеек в виде краеведческих организаций, руководимых ЦКБ. Наши экскурсионисты вели монархическую пропаганду, готовили восстановление царизма. Престол должен был получить вел. кн. Андрей Владимирович. Какой бред! Бессмысленный бред!» (Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннотир. указатель А. И. Добкина. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. С. 373–374).

¹¹ Светик – Анциферов Сергей Николаевич (1921–1942) – младший сын Н. П. Анциферова от первого брака. Перед войной – студент Театрального института; умер в блокаду от скоротечной чахотки на почве голода.

¹² Анциферова Татьяна Николаевна (по мужу Камендровская; 1924–2013) – младшая дочь Анциферова от первого брака; педагог, диктор радио. Во время Великой Отечественной войны оказалась на оккупированной территории и была вывезена в трудовые лагеря в Германию, в 1946 г. вместе с мужем эмигрировала в США, работала в Новом русском театре в Нью-Йорке, преподавала русский язык в Университете Фордхем, вела передачи на «Радио Свобода» и на «Голосе Америки». Ее дочь – Наталья Алексеевна Камендровская (по мужу Лорд).

¹³ Воспоминания Анциферова хранятся в ОР РНБ. Фрагменты воспоминаний публиковались А. Б. Рогинским и А. И. Добкиным в историческом сборнике «Память» (Париж, 1981. Вып. 4. С. 55–152); впервые в репрезентативном объеме опубликованы Добкиным под названием «Из дум о былом» в 1992 г.

27

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

7 сентября 1969 г., <Ленинград>

7. IX. 69

Дорогая Ирина Николаевна,
сообщаю Вам адрес Софии Михайловны Берковой: Ленинград, В-178, В<асильевский> О<стров>, 13 линия, <...>. Напишите ей, пожалуйста. Она очень нуждается в сочувствии.¹

Вера с Юрой уехали на две недели в Болгарию. Зиночка у нас, ходит приходящая нянька.

В среду я читаю доклад о будущем литературы. Статья на эту тему принята в «Новом мире».² Сама тема интереснее статьи. Но по теме поднимется разговор.

Навестил Д. Е. Максимов.³ Лежит. Иногда встает, но ему очень больно. Писать он не может (пальцы не сгибаются). Жаль, что не сможет написать книгу о Блоке, к которой готовился всю жизнь.⁴ Это урок всем нам: надо спешить и не надеяться на долголетие.

В результате у меня явно начинают сказываться признаки торопливости в работе. А может быть, это от склероза?

Лев Александрович⁵ мне хорошо помогает, и я ему очень благодарен. Мне теперь нужны помощники, и уж очень я завален разными поручениями.

Жду Вашего письма.

Всегда Ваш Д. Лихачев. Вам кланяются Зинаида Александровна и Мила с Сережей. Не хворайте и берегите себя, не уставайте.

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 14. Авторизованная машинопись. Конверт (л. 15).

¹ С. М. Беркова — жена Павла Наумовича Беркова (1896—1969), литературоведа, библиографа, книговеда, педагога, члена-корреспондента АН СССР (1960), сотрудника ИРЛИ (с 1936 г.; с 1956 г. руководителя группы по изучению русской литературы XVIII в.).

П. Н. Берков скончался скоропостижно. Д. С. Лихачев сообщил о его похоронах в письме от 18 августа 1969 г.: «Очень мне это грустно, так как он был не только порядочный ученый, но и порядочный человек: мог действовать вопреки своим интересам, заступаясь за науку, за справедливость, за людей. Мог вспыхнуть и противостоять коллективу. Всё это не часто сейчас бывает. Независимых людей мало» (Письма Лихачевых И. Н. Медведевой-Томашевской в Крым. С. 63).

² См.: Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения: (Заметки и размышления) // Новый мир. 1969. № 9. С. 167—184. Об этой статье Лихачев также писал в письме от 14 октября 1969 г. (см.: Письма Лихачевых И. Н. Медведевой-Томашевской в Крым. С. 64).

³ Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904—1987) — литературовед, педагог, поэт; доктор филологических наук (1965). Член Союза писателей СССР. Автор работ по русской поэзии XIX—XX вв., в том числе — по истории русского символизма.

⁴ Д. Е. Максимов преподавал на филологическом факультете ЛГУ (1938—1942, 1945—1950, 1957—1975), где со второй половины 1940-х гг., исключая период борьбы с космополитизмом, руководил Блоковским семинаром. Его первая работа о Блоке появилась в 1956 г. В 1975 г. был опубликован сборник «Поэзия и проза Ал. Блока», состоявший из ранее опубликованных статей. Кроме того, статьи о Блоке вошли в последнюю книгу литературоведа «Русские поэты начала века» (Л., 1986). См.: Лавров А. В. Д. Е. Максимов // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 229—233.

⁵ Л. А. Дмитриев.

28

Лихачевы — И. Н. Томашевской

23 декабря 1969 г., Ленинград

В Новый Год скиньте все старые хворости: будьте здоровы и благополучны. Пусть кругом будет тишина, терпимость, мир.

Ваши *Лихачевы*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 18, л. 7. Автограф Д. С. Лихачева. На открытке (Новгород. Кремль). Датировано по почтовому штемпелю и дате напечатания открытки.

29

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

1971 г., <Ленинград>

Дорогая Ирина Николаевна! Характеристика Ваша и анализ «Горя от ума»¹ мне *очень* понравились. Я впервые читал такие глубокие о нем рассуждения. Хочу Вам сообщить и свои некоторые мысли о Чацком. В «Горе от ума» есть одна поразительная вещь: все действующие лица там «типы», *кроме Чацкого* и дочери Софии. Чацкий в какой-то мере «голубой персонаж», и смягчать это обстоятельство не надо, извинять в этом Грибоедова тоже не надо. Дело, как мне кажется, состоит в следующем. «Тип», «характер» и пр. никогда не могут высказать глубоких мыслей и мыслей, которые бы читатель мог признать *своими*. * Даже Зосима. Читатель, читая, должен в какой-то мере усваивать мысль автора и *отождествлять себя с лицом*, высказывающим** эту мысль. Поэтому особенно сильное воздействие на читателя автор осуществляет не через «типы» и «характеры», а через особого рода*** действующих лиц, в которых очень много неясного, в которых мало характерного, которые имеют не совсем четкую жизненную линию, неудачники (*каждый человек в известной мере считает себя неудачником*), не везучие в любви, не свершившие всего, что они могли бы сделать. Такие персонажи, как показывает опыт мировой литературы, легче всего бессознательно признаются читателями за самих себя. Это в первую очередь Гамлет (отдельные персонажи в этой трагедии погружены в быт и характер-

* Слова «никогда ~ глубоких мыслей» и «которые ~ *своими*» подчеркнуты прямой линией синими чернилами, вероятно, И. Н. Томашевской.

** Слова «*отождествлять ~ высказывающим*» подчеркнуты волнистой линией синими чернилами, вероятно, И. Н. Томашевской.

*** Слова «особого рода» подчеркнуты прямой линией синими чернилами, вероятно, И. Н. Томашевской.

ность), Рудин, Левин, Нехлюдов и... доктор Живаго.² Доктор — «голубой персонаж» среди типов романа. Он умен, безволен, недоволен окружающими и собой, неудачник в любви. Но он говорит то, что как раз может быть усвоено читателем как *свое*. Поэтому то, что они говорят, необыкновенно действенно. Гамлет — человек вообще. Поэтому его трагедия — трагедия любого интеллигента во все века (и в наш). Чацкий современен и будет им всегда. Эти Гамлеты, Чацкие, Нехлюдовы, Живаго — говорят и думают то, что говорит и думает любой мыслящий человек в любом обществе-государстве.

Чацкий вырос из Правдина и онегинских персонажей комедии. Но он, в отличие от Правдина, не *идеален*, и в этом его громадное достоинство. Никто не чувствует себя идеалом (кроме, разумеется, параноиков и эпилептоидов), но каждый чувствует себя *человеком*. Каждый о себе знает — он думает. Поэтому в Чацких, Болконских, Левиных важно *прежде всего* то, что они *мыслящие* персонажи. Но люди не замечают в себе признаков эпохи, связи своей с бытом, своей типичности, своего характера даже... Поэтому Чацкие лишены всего этого. Чацкий — это *античность на сцене*. Грибоедов вывел своего умного зрителя (а кто не считает себя умным?) на сцену. Эти *представители читателей* (что-то от античного хора) всегда много говорят и много мыслят и обладают общечеловеческим комплексом неполноценности. Неполноценность своя собственная в том, что не удается сделать то, что хочешь. Себя мы всегда считаем немного одинокими. Поэтому Гамлет, Чацкий, Левин (несмотря на свое супружеское счастье), Живаго всегда немного одиноки. Идеал желаемый всегда расходится у них с действительностью. Отсюда трагедия их любви (то это Софья, то «скучная» Тоня, то Наташа Ростова, — она все-таки «не та» для Андрея Болконского и пр.).

Одним словом, Чацкий — важное явление мировой литературы, полпред читателя в произведении писателя, личность, в которой главное — «самопредставление каждого интеллигентного читателя». Личность в конфликте с обществом и с государством, в конфликте с действительностью, неудовлетворенная, но лишенная *характерности*. *Индивидуальность, но не тип*.

С этой точки зрения не надо противопоставлять Чацкого Молчалину — они в разных сферах. Молчалин страшный, грандиозный, ныне живущий, но всё же тип, «персонаж». Нельзя, думаю, отождествлять или видеть «продолжение» Чацкого в Ставрогине, в Герцене, в Версилье даже и в Печорине даже. Печорин всё же не «античитатель». К нему Лермонтов не безразличен. В нем есть нечто от типа. Разумеется, не Чацкий и Арбенин. Для того, чтобы найти Чацкого, надо проверить персонаж на отношение к нему автора. Автор не может вложить в своего Чацкого ни отрицательных черт, ни сделать его *идеальным*. Чацкий — ни то, ни другое. Это Гамлет, мыслящий человек.

Чацкий — это не живой человек из плоти и крови. Трудно написать его портрет. Это *мыслящая точка*. Его не существует. Существуют его мысли и его отношение к окружающему миру. Это человек вообще. Поэтому его монологи так действенны.

Извините за беспорядочность того, что я Вам здесь набросал, но переписывать и упорядочивать нет возможности. Боюсь, что если я начну «обрабатывать» свое письмо и редактировать его, — оно превратится либо в трактат, либо вообще исчезнет, так как я буду им недоволен. Поэтому и не перечитываю его: это мысли, вызванные Вашей статьей. Интереснейшей корректуры сейчас не могу вернуть (тут нет почты, нет больших конвертов), но в корректуре не все опечатки исправлены.

З<инаида> А<лександровна> Вам кланяется. У нас всё хорошо. Не хорайте. Спасибо за письмо и статью. Ваш *Д. Лихачев*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 20–21 об. Автограф. Датировано по содержанию.

¹ Скорее всего, имеется в виду работа Медведевой-Томашевской о комедии Грибоедова, см.: *Медведева И. Н.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова; *Макогоненко Г. П.* «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. М.: Художественная литература, 1971. Переиздание самостоятельной книгой: *Медведева И.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1974. (Массовая историко-литературная б-ка).

² Юрий Андреевич Живаго — заглавный персонаж романа Пастернака «Доктор Живаго», первая публикация которого была осуществлена на итальянском и русском языках в издательстве Д. Фельтринелли в Милане в 1957 г., на русском языке — в 1958 г. в Голландии и в 1959 г. в Милане. В СССР роман впервые вышел в свет в 1988 г. Тогда же трижды была опубликована статья Д. С. Лихачева «Размышления над романом Б. Л. Пастернака “Доктор Живаго”»: в журнале «Новый мир» (1988. № 1. С. 5–22), сборнике «Взгляд: Критика. Полемика. Публикации» (сост. А. Н. Латынина, С. С. Лесневский. М.: Советский писатель, 1988. С. 363–375), книге Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (Вильнюс, 1988. Кн. 1. С. 3–12).

30

Д. С. Лихачев — И. Н. Томашевской

22 <мая> 1972 г., <Ленинград>

22. <V>. 72

Дорогая Ирина Николаевна!

Очень было мне приятно (не то слово!) повидать Вас. С Вами можно поговорить о всём самом главном. А то мы живем всё какими-то второстепенными заботами и глупой суетой.

————— «ИСКРЕННЕ ВАС ЛЮБЯЩИЕ ЛИХАЧЕВЫ»

Мы только что приехали из Пскова. Было интересно, важно и полезно. Лев Александрович — прекрасный организатор.

Почти каждый вечер проводили у Евгения Александровича Маймина.¹

Последний день был жаркий. А в нежаркие три дня ездили Мелётово (фрески XV в.), в Елезаров м<онасты>рь, в Печоры, в Изборск, на Снятную гору.

Удивительный был город Псков!

Всё ли у Вас хорошо в Гурзуфе?

Все мои Вам кланяются. Зин<аида> Алек<сандровна> тоже ездила. Шлет Вам всяческие приветы.

Всегда Ваш *Д. Лихачев*

ОР РГБ, ф. 645, карт. 37, ед. хр. 14, л. 16. Автограф.

¹ Маймин Евгений Александрович (1921—1997) — литературовед, писатель; доктор филологических наук (1971), преподаватель Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова (с 1957 г.; в 1965—1983 г. заведующий кафедрой литературы), ученик Б. М. Эйхенбаума.

Сведения об авторах

Владимир Сергеевич Березин (р. 1966) — прозаик, критик, эссеист. Окончил физический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Литературный институт имени А. М. Горького; работал книжным обозревателем и редактором в «Независимой газете» и газете «Книжное обозрение». Печатался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир» и др. Долгое время занимался преподавательской деятельностью. Автор книг: «Свидетель» (СПб., 2001), «Поляков» (серия «ЖЗЛ»; М., 2007), «Диалоги. Никого не хотел обидеть» (М., 2008), «Путевые знаки» (М., 2009), «Путь и шествие» (М., 2010), «Птица Карлсон» (М., 2011), «Группа Тревиля» (М., 2011), «Последний мамонт» (М., 2012), «Виктор Шкловский» (серия «ЖЗЛ»; М., 2014), «Он говорит» (М., 2018), «Дорога на Астапово: Путевой роман» (М., 2018), «Необычайное: Критика, публицистика, эссе» (СПб., 2021) и др. Книги Владимира Березина переведены на английский, немецкий, французский, китайский, польский, сербский и норвежский языки. Лауреат нескольких литературных премий. Живет в Москве.

Елена Владимировна Бронникова (р. 1962) — историк, археограф, кандидат исторических наук (1998). Главный специалист Отдела публикации исторических документов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Область научных интересов: источниковедение отечественной литературы и философии XVIII—XX вв. Автор статей и публикаций архивных материалов в журналах «Вестник архивиста», «Вопросы философии», «Наше наследие», «Отечественные архивы», «Философские науки»; альманахах и сборниках «Археографический ежегодник», «Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.», «Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» и др. Подготовила к публикации книги Н. А. Бердяева «Истина и откровение: Прологомены к критике откровения» (1998) и «Духовные основы русской революции: Опыты 1917—1918 гг.» (1999), дневник Л. Ю. Бердяевой (2002). Составитель и редактор (в составе коллектива авторов) путеводителя по фондам РГАЛИ (вып. 7—10, 1998—2018), сборни-

ков «Встречи с прошлым: Сб. материалов РГАЛИ» (вып. 8–12, 1996–2017), «Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья» (М., 2012), «М. Ю. Лермонтов: Творческое наследие и современная театральная культура. 1914–2014», «Лермантовъ: Документально-художественный альбом» (обе – М., 2014), «А. А. Блок, Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг.» (М., 2017), «И. С. Тургенев и его современницы: Документально-художественное издание (из собрания РГАЛИ)» (М., 2018) и др. Живет в Москве.

Михаил Яковлевич Визель (р. 1970) – литературный обозреватель, редактор, переводчик с итальянского и английского, автор и ведущий литературных курсов, шеф-редактор портала ГодЛитературы.РФ. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар итальянской литературы Е. М. Солоновича). Сотрудничает с целым рядом газет и журналов, среди которых в разное время были «Книжное обозрение», «Новый мир», «Литературная газета», «Иностранная литература», «Известия», «Ведомости», «Культура», «Интернет», «Домашний компьютер», «Geo», «Колокол» (Лондон) и др. Перевел на русский язык произведения Умберто Эко, Джанни Родари, Джакомо Леопарди и др., создал гипертекстовый проект «Невидимые города on-line (calvino.lib.ru)». Автор книг: «Пушкин. Болдино. Карантин» (М.: Бослен, 2020), «Воксрекордер инженера Термена» (М.: Ruthenia, 2022), «Создатель. Жизнь и приключения Антона Носика, отца Рунета, трикстера, блогера и первопроходца» (М.: АСТ, 2022), «Пушкин. Наше время. Встречи на корабле современности» (М.: Бослен, 2023, в соавторстве с Гаянэ Степанян), а также путеводителей по Нью-Йорку и Тоскане. Живет в Москве.

Игорь Леонидович Волгин (р. 1942) – поэт, писатель, историк, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова и Литературного института имени А. М. Горького, руководитель (с 1968 г.) легендарной Литературной студии МГУ «Луч», академик РАЕН, президент Фонда Достоевского и вице-президент Международного Общества Достоевского (International Dostoevsky Society), член Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра. Автор многих книг о Достоевском и работ по истории русской литературы. Автор телесериалов «Жизнь и смерть Достоевского», «Из истории русской журналистики» и др. Лауреат премии журнала «Октябрь» (1998, 2010), премии Правительства Москвы в области литературы (2004), российско-итальянской литературной премии «Москва-Пенне» (2011), премии Правительства Российской Федерации (2011). Автор и ведущий интеллектуального ток-шоу «Игра в бисер» и ведущий программы «Контекст». Живет в Москве.

Елена Мироновна Гушанская (р. 1949) — литературовед, кандидат филологических наук. Окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета (1971), работала в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена и Санкт-Петербургском государственном университете технологии и дизайна (кафедра книгоиздания и книжной торговли). Сфера научных интересов: творчество А. П. Чехова, Александра Чехова, А. Вампилова, А. Володина, теория и практика редактирования. Автор и составитель книг: «Александр Вампилов: Очерк творчества» (Л., 1990), «Редактирование художественной литературы: Исторический аспект» (СПб., 2007; в соавторстве с И. С. Кузьмичевым), «Александр и Антон Чеховы: Воспоминания. Переписка / Ред.: И. Н. Сухих; сост. Е. М. Гушанская и И. С. Кузьмичев» (СПб., 2012), «За честь культуры фехтовальщик» (СПб., 2016). Живет в Санкт-Петербурге.

Андрей Петрович Дмитриев (р. 1963) — доктор филологических наук, заведующий Центром традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Составитель библиографического указателя «Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков» (СПб., 2002; в соавторстве с Л. В. Дмитриевой); автор более 300 статей по литературоведению и около 600 заметок, брошюр и книг по краеведению Карельского перешейка. Подготовил научные издания сочинений И. С. и К. С. Аксаковых, Ю. Н. Говорухи-Отрока, Ап. А. Григорьева, Рюрика Ивнева, Н. С. Лескова, П. П. Перцова, К. П. Победоносцева, В. В. Розанова, И. Ф. Романова-Рцы, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева и др. Автор монографий «Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов» (СПб., 2018) и «Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция» (СПб., 2023). Главный редактор Собрания сочинений И. С. Аксакова в 12 т. (т. 1—2, СПб., 2015—2022), Собрания сочинений Ап. А. Григорьева в 10 т. (т. 1—4, СПб., 2020—2023), Полного собрания сочинений и писем А. С. Хомякова в 12 т. (т. 1, 2, 8—10, СПб., 2021—2023), Полного собрания сочинений Н. С. Лескова в 30 т. (начиная с т. 14, М., 2021); член редколлегии «Литературоведческого журнала». Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Владимирович Иванов (р. 1943) — искусствовед и богослов. Окончил Ленинградский государственный университет по специальности *история искусства* и Московскую духовную академию. Кандидат богословия. В 1960-е годы совместно с Михаилом Шемякиным разработал теорию метафизического синтетизма. С 1975 по 1987 год занимал кафедру церковной археологии МДА; в 1983 году — священническая хиротония. В качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах Гер-

мании, Австрии и США. С 1995 по 2009 год – профессор Православного института Мюнхенского университета. Автор более 100 работ по вопросам религиозной философии, эстетики и искусства, вышедших на ряде европейских языков, в числе которых книги: «Russian Icons» (New York, 1988), «Russland und das Christentum» (Frankfurt am Main, 1995), «Петербургский метафизик: Фрагмент биографии Михаила Шемякина» (СПб., 2009), «Триалог: Живая эстетика и современная философия искусства» (М., 2012; в соавторстве с В. В. Бычковым и Н. Б. Маньковской), «Триалог plus» (М., 2013; в соавторстве с В. В. Бычковым и Н. Б. Маньковской) и др. Живет в Берлине.

Шамиль Шаукатович Идиатуллин (р. 1971) – российский журналист и писатель, автор десяти романов, лауреат премии «Большая книга» (2017 и 2020 гг.) и других премий в области как литературного мейнстрима, так и фантастических, подростковых и хоррор-произведений. Окончил журфак Казанского государственного университета, с 1988 года профессионально занимается журналистикой, с 1994 года сотрудничает с Издательским домом «Коммерсантъ», с 2003 года – в московском офисе ИД (глава корреспондентской сети, обозреватель журнала «Коммерсантъ-Власть», заведомом региональной редакции). С 2004 года публикует прозу. Входил в жюри и советы экспертов ведущих литературных премий, выступал приглашенным преподавателем на всероссийских курсах литературного мастерства. Живет в Москве.

Сергей Акимович Кибальник (р. 1957) – филолог и писатель; ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Союза писателей России. Автор около 400 работ, посвященных русской литературе Нового и Новейшего времени, в том числе девяти книг: «Русская антологическая поэзия первой трети XIX века» (Л., 1990), «Художественная философия Пушкина» (СПб., 1998), «Литературная стратегия Виктора Пелевина» (СПб., 2008; в соавторстве с О. В. Богдановой и Л. В. Сафроновой), «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе» (СПб., 2011), «Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века» (СПб., 2012), «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» (СПб., 2013), «Пушкин: лики и “отраженья”» (СПб., 2014), «Чехов и русская классика: проблемы интертекста» (СПб., 2015), «Философский интертекст творчества Достоевского» (СПб., 2021), а также двух литературно-художественных книг, опубликованных под псевдонимом *Сергей Кибальчик*: «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабелла: Мужской роман-травелог» (СПб., 2008) и «МВитьки. Стихи и “прозы”, соображенные ночью на двоих и на

троих on- и off-line» (СПб., 2017; в соавторстве с Виктором Мальцевым). Живет в Санкт-Петербурге.

Анатолий Валентинович Кулагин (р. 1958) — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна). Область научных интересов: история русской поэзии, в частности — авторской песни. Автор книг «Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция» (Воронеж, 2013; изд. 3-е, переработанное), «Лирика Булата Окуджавы: Научно-популярный очерк» (М.; Коломна, 2009), «У истоков авторской песни: Сб. статей» (Коломна, 2010), «Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта» (в соавторстве с А. Е. Крыловым; М., 2010), «Барды и филологи: Авторская песня в зеркале литературоведения» (Коломна, 2011), «Визбор» (серия «ЖЗЛ»; М., 2013) и других. Живет в Коломне.

Павел Маркович Нерлер (р. 1952) — географ, историк, писатель, литературовед и публицист. Друг и ученик А. Штейнберга, С. Липкина, А. Тарковского и В. Микушевича. Издатель произведений О. Мандельштама, Б. Лившица и других поэтов. Инициатор создания и председатель Мандельштамовского общества. Член Русского Пен-Клуба, Союза писателей Москвы и других творческих ассоциаций. Автор более 600 публикаций по широкому кругу культурологических и филологических проблем, в том числе книг стихов «Ботанический сад» (М., 1998) и «Високосные круги» (М., 2013), книг о Мандельштаме — «Мандельштам в Гейдельберге» (М., 1994), «С гурьбой и гуртом...: Хроника последнего года жизни Осипа Мандельштама» (М., 1994), «Слово и “Дело” Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений» (М., 2010), «Осип Мандельштам и Америка» (М.; Ставрополь, 2012 — 2 издания), «Сon amore: Этюды о Мандельштаме» (М., 2014), «Осип Мандельштам и его солагерники» (М., 2015), «“Посмотрим, кто кого переупрямит...”: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах» (М., 2015; автор идеи и составитель); сборника «Путем потерь и компенсаций: Этюды о переводах и переводчиках» (М., 2020) и др. Лауреат премии имени А. Блока (2015), премий журналов «Новый мир», «Вопросы литературы» и сетевого журнала «Семь искусств» (все — 2014), финалист ряда других премий («НОС», «Писатель XXI века» и др.). Живет в Москве.

Мария Сергеевна Петросян (р. 1969) — художник, писатель. Окончила художественное училище по специальности «художник-оформитель» (1988). В разное время работала на студиях «Арменфильм», «Союзмультифильм» и др. Автор романа «Дом, в котором...» (М., 2009) и «Сказки про собаку, которая умела летать» (М., 2014). Финалистка премий «Большая

книга» (2009), «Звездный Мост» (2010), «Портал» (2010), «Странник» (2010), «Студенческий Букер» (2010). Лауреат премии «Русская Премия» (2009). Роман «Дом, в котором...» переведен на итальянский, венгерский, польский, латышский, испанский, французский, македонский, чешский, английский и украинский языки. Член Союза писателей Армении. Живет в Ереване.

Иван Анатольевич Поляков (р. 1994) — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук, археограф Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Окончил бакалавриат и магистратуру Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, аспирантуру Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (2020). В 2021 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание». Сфера научных интересов: книжная культура правящей элиты Московского государства XVI — начала XVIII в., библиотеки русского Средневековья и Раннего Нового времени, памятники автобиографического жанра конца XVI—XVIII вв. Живет в Санкт-Петербурге.

Андрей Михайлович Ранчин (р. 1964) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Автор более 550 работ, посвященных древнерусской словесности и культуре и русской литературе Нового и Новейшего времени, в том числе книг: «На пиру Мнемозины: Интертексты Бродского» (М., 2001), «Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях» (М., 2007), «Путеводитель по поэзии А. А. Фета: Учебное пособие» (М., 2010), «Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме» (Saarbrücken, 2011), «Путеводитель по “Слову о полку Игореве”»: Учебное пособие» (М., 2012), «Борис и Глеб» (серия «ЖЗЛ»; М., 2013), «Переключка Камен: Филологические этюды» (М., 2013), «О Бродском: Размышления и разборы» (М., 2016), «Памятники Борисоглебского цикла» (М., 2017), «Слово о полку Игореве: Путеводитель» (СПб., 2019) «Занимательная Древняя Русь» (СПб., 2021), «Нестор Летописец» (серия «ЖЗЛ»; М., 2022), «Что и почему едят у Гоголя, кто и зачем вяжет у Толстого: Избранные статьи по истории русской литературы» (М., 2022) и др. Живет в Москве.

Ольга Леонидовна Фетисенко (р. 1971) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. Окончила с отличием Санкт-Пе-

тербургский государственный университет (1993), печатается с 1992 года. Область научных интересов: русская литература XIX — первой половины XX века, русская консервативная публицистика, текстология, публикация архивных источников. Автор более 250 научных работ, в том числе монографий: «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики» (СПб., 2012) и «Кохановская: “степной цветок” русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской» (СПб., 2021); составитель «Летописи жизни и творчества К. Н. Леонтьева» (СПб., 2022, в 2 т.). В Пушкинском Доме работает с 1999 года, являлась заместителем главного редактора Полного собрания сочинений и писем К. Н. Леонтьева (2000—2021) и соредактором серийного издания «Христианство и русская литература»; издатель Полного собрания сочинений и писем Кохановской (Н. С. Соханской), член редколлегии журнала «Соловьевские исследования» и редакционного совета журнала «Русско-Византийский вестник». Лауреат премий «Наследие русской мысли» (2015) и «Имперская культура» (2020), награждена медалью ордена св. Макария, митрополита Московского (2021). До 2015 года — регент церковного хора. Живет в Санкт-Петербурге.

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред здоровью и развитию» книга предназначена
«для детей старше 16 лет».

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук,
протокол № 3 от 26 июня 2023 г.*

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

Том 11

Издательский редактор • *Андрей Дмитриев*
Оформление переплета • *Давид Плаксин*
Макет и верстка • *Сергей Степанов*

Редакция альманаха:
199034, Санкт-Петербург, В. О., наб. Макарова, 4
e-mail: tatianarudi@mail.ru

Подписано в печать 21.07.2023. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура Октава. Печать офсетная. Печ. л. 22,5.
Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

Отпечатано в ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4.